

love_sf

Анна
Гринь
<https://coollib.net/a/101347>

Элла покинула здание!

В этом мире есть люди. Как добрые, так и злые. И они пытаются сосуществовать с магами. В этом мире есть маги. И для того, чтобы их сдерживать, пришлось придумать магконтроль.

Рабочие будни в Центральном управлении магконтроля столицы идут своим чередом, и секретарь Элла Бонс готова помочь старшему следователю Марьяну Белянскому раскрыть очередное загадочное происшествие, а если потребуется — уберечь шефа от смертельной опасности. Но главная опасность, поджидающая старшего следователя, не преступники и гости из иных миров, а сама Элла, поставившая цель завоевать расположение и доверие Марьяна. И, возможно, его сердце...

И кто бы мог предугадать, что любовь может оказаться более увлекательным приключением, чем даже самое загадочное преступление.

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
09 August 2019
C4BEFDB9-E437-4BA3-89A8-9DEA10C38F6B
1.01

1.0 — создание файла (Кауа)

Анна Гринь «Элла покинула здание!»
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2901-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5 Г85 Художник И. Воронин Элла покинула здание!: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 314 с.: ил. — (Романтическая фантастика). Заведующий редакцией В. Н. Маршавин Ответственный редактор Т. А. Стельмах Художественный редактор Л. В. Меркулова Технический редактор А. А. Ершова Корректор Н. А. Карелина Компьютерная верстка Л. С. Федерякиной Подписано в печать 18.06.19. Формат 84x108/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 16,80. Тираж 3000 экз. Изд. № 8551. Заказ № 6139

Анна Гринь
ЭЛЛА ПОКИНУЛА ЗДАНИЕ!

ГЛАВА 1

— Не трясись, Элла! — приказала я себе и глубоко вздохнула. — У тебя в жизни было много нелепых, опасных и трудных ситуаций и первый день на работе — не худшее, что с тобой случалось, Элла. Соберись!

Наверное, подбадривание имело бы силу, если бы прозвучало из уст какой-нибудь подруги или родственника, но мне не особо повезло с первыми, а вторые вечно исчезали из моей жизни. Родители, которым следовало бы сидеть рядом со мной в маленьком кафе и пить кофе из больших основательных кружек, умотали в свою очередную экспедицию и даже не озаботились сделать мне подарок в честь выпуска. Но... Конечно, я немного винила их за это. Просто за многие годы научилась принимать их такими, какие они есть.

Родители начали оставлять меня с родней с трех лет, без раздумий бросаясь во все новые и новые авантюры. Из-за этого я почти все свое раннее детство провела то с бабушками, то с кем-то из тетюшек, а потом меня и вовсе запихнули в не очень престижный, но вполне приличный пансион для девочек. Не то чтобы у родителей не хватало денег на оплату моего обучения в элитном учебном заведении, просто мои особенности накладывали некий своеобразный отпечаток на условия, в которых я могла жить в то время, а все престижные учебные заведения располагались или в столице, или вблизи крупных городов. Лишь поэтому я провела почти десять лет в небольшом пансионе в одном уютном местечке, где мне по особой просьбе родителей разрешалось покидать стены учебного заведения в любое время, кроме, собственно, учебного.

Вы спросите — почему? Что ж, об этом я расскажу, но как-нибудь потом.

А пока я сидела за маленьким столиком, маленькими глотками пила кофе и пыталась подготовиться к тому, что мне предстоит выйти из кафе, пересечь улицу, войти в массивное здание, отделанное белым мрамором, и влиться в ряды работников магического правопорядка.

— Уф... — Сунув в рот крошечную печенку, которую официант принес вместе с кофе, я раздраженно ею захрустела, надеясь, что так смогу избавиться от нервного напряжения. А ведь еще вчера, когда прибыла на поезде на Восточный вокзал столицы и с улыбкой волокла свой багаж до крошечной квартирки в Лиловом переулке, я находилась в удивительно приподнятом настроении. Предстоящий труд на благо родного королевства радовал, квартирка казалась вполне уютной, а ужин в кафе через дорогу — вкусным.

Квартирку — крошечное двухкомнатное помещение на втором этаже довольно старого здания — мне предоставило управление. Насколько я знала, всем иногородним молодым специалистам доставалась казенная квартира в этом же переулке, располагавшемся в десяти минутах ходьбы от места работы, так что мне предстояло довольно часто сталкиваться с коллегами, уходя и возвращаясь домой. Управление мне оплачивало и питание в ближайшем кафе.

— Давай соберемся и не будем психовать, — медленно прошептала я себе под нос, вращая на запястье браслет — знак моей принадлежности к магконтролю. — Ты сможешь. Ты сможешь это сделать, тебя примут. И никто ни о чем не узнает. Да?

Я глубоко вздохнула и сделала последний глоток кофе. Вставать не хотелось, но я поднялась и внимательно осмотрела себя, убеждаясь, что за время короткой прогулки и получасового сидения в кафе мой наряд никак не пострадал. Разгладив невидимую складку на идеально скроенной юбке и одернув жакет, я притопнула, улыбнулась сама себе и решительно выпорхнула наружу.

Когда я пересекала улицу и входила в здание, на моих губах играла заранее отрепетированная улыбка, высокие каблочки задорно мелко цокали, а ярко-розовые волосы, чуть завивавшиеся на концах, подпрыгивали в такт шагам. Оглядев огромный холл управления и убедившись, что внутри здание мало чем уступает внешнему облику, я решительно направилась к ошеломленному моим появлением мужчине за высокой конторкой.

— Здравствуйте! — с улыбкой приветствовала его. — Меня зовут рейна Элла Бонс, и мне бы хотелось узнать, где я могу найти рейяна Марьяна Белянского.

Мужчина моргнул, явно ошарашенный моим вопросом, но я и бровью не повела. Все свои сомнения и переживания я оставила за порогом Центрального управления магконтроля.

— А вы по какому вопросу, уважаемая рейна? — осведомился мелкий служащий, главной задачей которого было пресечение беспорядков на первом этаже здания и раздача справочной информации для посетителей. Видимо, в разряд посетителей я не вписывалась.

— Меня прислали в Центральное управление на должность секретаря глубокоуважаемого рейяна Белянского, — четко выговорила я, прижимая к груди маленькую сумочку и толстенькую папку с суконными завязками — полный комплект моих документов, которые мне предстояло вручить непосредственному начальству при личной встрече.

— А-а-а! — сообразил вахтер. — Ясно. Тогда вам, девушка, на третий этаж, кабинет триста первый.

— Благодарю, — снова улыбнулась я.

Мужчина чуть растянул губы в ответной улыбке и, стараясь, чтобы я не заметила, прошелся по мне взглядом. Я ему подыграла. Мне не жалко. Данный субъект меня никак не интересовал. И дело не в том, что мне не нравились мужчины средних лет с явными следами почти неподвижной деятельности. Вовсе нет. Просто сюда я прибыла работать. И только работать. Еще секунду постояв у конторки и делая вид, что меня безмерно интересуют люстры на длинных цепях, я направилась к лестнице.

— Рейна, — окликнул меня мужчина. — Уж простите... Просто хочу вас предупредить.

— Да. О чем? — Я оглянулась и с вежливой улыбкой приподняла бровь.

— Белянский — худший из возможных начальников, — чуть помявшись, сообщил доброжелатель. — Вы не расстраивайтесь, если что.

Я снова вежливо улыбнулась, кивнула в знак благодарности и последовала дальше.

Что ж, предупреждение не порадовало, но я и не рассчитывала, что мне повезет.

На втором и третьем этаже — выше я не пошла — коридор устилал темно-синий ковер, отделанный по краю девятилучевыми звездами, как бы напоминая всем работникам, что мы не просто какие-то служащие, а служители правопорядка королевства и именно на нас возлагают надежды как обычные граждане, так и сама корона.

Чуть полюбовавшись ковром и отметив, что тот изрядно затоптан и вытерт — мы, конечно, надежда и опора, но в глазах короля и совета всего лишь одна из структур государства, нечего нас баловать, — я нашла нужный кабинет, постучала и, не дождавшись ответа, преспокойно вошла.

Как и думала, за дверью находилась приемная, а вовсе не кабинет Белянского. Помещение представляло собой продолговатую комнату, большую часть которой занимал угол для посетителей. И это место в комнате выглядело приличнее всего. По крайней мере, кресла и столик хотя бы опознавались, пусть даже на всех видимых поверхностях теснились чашки с засохшей чайной заваркой и кофейной гущей. А вот рабочее место секретаря терялось под грудой папок, наваленных на стол. Папки занимали даже кресло и широкий стеллаж за рабочим столом.

Хмыкнув, я решила, что раз уж осматриваюсь, то надо пополнить свои впечатления. За дверью рядом с входом обнаружился узкий коридорчик, откуда можно было попасть в кухню, крошечную кладовку и туалет. И кладовка оказалась самым чистым местом из трех только потому, что там царила пустота.

Еще раз хмыкнув, я вернулась в приемную, подхватила свою папочку с горы других папок и решительно постучала в дверь кабинета.

— Да! — раздалось изнутри короткое, но я легко уловила все, что осталось недосказано.

— Занятно, — пробормотала я себе под нос и решительно открыла дверь, желая уже наконец узреть того, кто на ближайшее время станет моим непосредственным начальником.

В первый миг я увидела примерно то же самое, что и в приемной: папки на всех мыслимых и немыслимых поверхностях, толстые справочники, газеты, журналы, разрозненные листочки и все остальные чашки, которым положено было находиться в шкафах кухни, а не балансировать на бумажных горах, прятаться под ними и даже сиротливо прижиматься к ножкам кресел. Хозяйина кабинета я разглядела лишь парой секунд позже и едва не растеряла весь свой боевой настрой.

За столом, заваленным по бокам папками — кто бы сомневался! — сидел хмурый молодой мужик. На вид ему было лет тридцать. Его темно-русые волосы торчали во все стороны, черты лица казались рублеными и острыми, а взгляд мшисто-зеленых глаз — колючим. На подбородке темнела щетина. Для удобства рукава белой рубашки он закатал выше локтя, а за металлическую скобку подтяжки с левой стороны заткнул карандаш. Пиджак рейяна едва не падал с высокой вешалки в виде оленьих рогов, примостившейся в углу кабинета.

«Вот так подстава!» — подумала я с обидой, но тут же взяла себя в руки и широко улыбнулась. — Здравствуйте, рейян Белянский, — произнесла я и подошла к столу, остановившись так, чтобы иметь возможность опустить перед начальством свою папочку, но при этом не нарушить допустимое минимальное расстояние. Шаги я не вымеряла, по струнке не вытягивалась, не спешила проявлять свое рвение громогласным приветствием и вообще не вела себя как суеязная мелкая сошка, каковой мне предстояло стать при Белянском.

— По какому поводу? — хмуро спросил мужчина. Под его глазами залегли глубокие тени, скулы отливали желтизной, но, несмотря на явную измотанность, смотрел рейян внимательно. Он не отрывал от меня взгляда с того самого момента, как я вошла в дверь, и с каждой секундой выражение лица старшего следователя становилось все более и более кислым.

— Меня зовут рейна Элла Бонс, — сообщила я и снова улыбнулась без какого-либо намека на кокетство, а после положила перед Белянским свою папку.

Он уставился на нее, как на змею, поморщился и спросил, уточняя:

— Секретарь?

— Именно, — кивнула я, рассматривая собеседника так, чтобы он уж точно ничего не увидел

— я с интересом читала надписи на наградных листах, которые висели в рамках на стене за спиной Белянского, при этом бросая короткие взгляды на начальство.

Вблизи я с огорчением убедилась в своем первом впечатлении. Начальник мне достался довольно молодой, высокий, с крепким тренированным телом человека, который не привык руководить своим делом, не выходя из кабинета. Хотелось вздохнуть, но я сдержалась и продолжала удерживать на губах вежливую полуулыбку.

А ведь у меня была надежда, что руководить мной будет какой-нибудь седоусый дядечка с пузом, который лет эдак двадцать-тридцать шел к высокой должности и собственному кабинету! Но нет, мне достался явно деятельный мужик. Это не так плохо, но совсем не то, чего я ожидала.

Белянский явно разделял мое недовольство, потому как папку открывать не спешил, а лишь таращился на титульник, где значилось, что я закончила профучилище и на самом деле являюсь той, кем представилась, — секретарем и квалифицированным помощником.

Глянув на папку, я едва заметно переступила с ноги на ногу, но от рейяна это движение не укрылось, и он вперил взгляд в район, где кончалась моя юбка.

— Подождите в приемной, — велел он хмуро.

— Да, — преспокойно ответила я и направилась к выходу, точно зная, что мужчина таращится на мои ноги.

Марьян проводил девицу хмурым взглядом и решительно осмотрел свой стол, выискивая кристалл связи. Голубой хрусталик обнаружился под кипой бумаг, и рейян едва ли не с рычанием его выудил, проклиная бумажки, управление и все начальство скопом.

— Крис, — сдавив кристалл пальцами, позвал мужчина, — ты на месте?

Через пару секунд на том конце магической связи послышался хрип, что-то упало, а потом Марьян услышал далекий и сонный отклик приятеля:

— Чего тебе?

— Зайди ко мне.

— Что на этот раз? — сонно спросил Кристэр, но потом встрепенулся: — Ты выяснил, кто напал на Хваранского?

— Отстань ты со своим Хваранским, — проскрежетал рейян. — У меня будто других дел нет, кроме как распутывать, кто из девочек в борделе наложил на этого оболтуса чары молчания! Это противозаконно, но не смертельно. И не по моему профилю. Сам им занимайся. Жалобы населения по мелким нарушениям — твоя работа.

— Но он ведь важная шишка, — напомнил друг. — Близок к кое-кому из совета. — Марьян мог поклясться, что в этот миг Кристэр многозначительно воздел палец к потолку. — Он желает, чтобы мы разобрались с этим в кратчайший срок, бросили на это лучшие силы.

— А кто у нас лучший?

— Марьян! Мне хватает разбирательства по делу о пропавшей пыли хаоса! — возопил Дубинский. — Чистейшее дело! Никто ничего не видел, а пыль пропала. Будто кто-то телепортировался напрямую в хранилище. Мне в этом деле надо землю рыть, а не с Хваранским разбираться. Может, ты...

— Вот когда он или его кто-нибудь пришибет магией насмерть, я возьмусь за это дело, — отрезал Белянский. — А ты зайди ко мне.

— Марьян, ты... — проворчал Дубинский. — Никакого от тебя сочувствия! А я ведь могу повторить судьбу одного из следователей, что был до меня.

— Какого из них?

— Того, который так и не разобрался в деле о то ли пропавших, то ли не пропавших изобретениях много лет назад, — сказал Крис. — Наследники ученого настаивали, что в дом в день похорон кто-то пробрался и выкрал все последние наработки умершего. Но никто не мог! Если только не телепортировался напрямую в дом.

— Крис, не сравнивай своего Хваранского с этим. И тащи сюда свою персону.

В ожидании приятеля Марьян постучал пальцем по папке с документами Эллы Бонс, не желая ее даже раскрывать. Его коржило от одного почерка на титульнике папки, что уж говорить о самой девице, которую прислали ему в качестве секретарши.

Крис появился в кабинете друга через пару минут, и при этом его глаза горели демоническим огнем, а на щеке приятеля отпечаталась крылатая дева с окованной металлом обложки толстого судебного, которую тот не раз использовал вместо подушки.

— Слушай, что это за дивное создание у тебя в приемной? — громким шепотом спросил Кристэр, падая в кресло у стола Марьяна. — Не девушка — мечта!

Белянский поморщился. Он ничего не имел против женщин, но предпочитал видеть их вне стен управления. Единственной, кого он признавал достойной работы в магконтроле, была рейяна Белчер — секретарша главного, проработавшая на своем посту почти полвека и представлявшая собой вовсе не женщину преклонных лет, а истинного питбуля при хозяине. С ней не могли тягаться даже вышестоящие из совета. При этом рейяна так ловко организовывала дела своего шефа, что давно стала его правой рукой, а заодно и его глазами в управлении. Женщина знала обо всем, что происходило на ее территории. И узнавала об этом настолько быстро, что Марьян не раз задавался вопросом о способностях пожилой дамочки. Но всем было известно, что на должность секретарей во все отделения магконтроля всегда набирали выходцев из магических семей, которые по той или иной причине не получили магического дара.

— Эту мечту мне пытаются подсунуть в качестве секретарши, — хмуро сообщил другу Белянский. — Будто у меня других забот нет, кроме как терпеть рядом очередную безмозглую девицу!

Кристэр понимающе хмыкнул. Все в Центральном управлении знали характер рейяна Белянского. Кто-то считал его трудоголиком, кто-то — просто сволочью, но все сходились во мнении, что ужиться с ним невозможно. При этом мелкие шавки вроде жандармов Белянского уважали, а к главному он входил без предварительной записи, потому что имел прекрасные отношения с питбулем Белчер. Марьян прекрасно знал свою работу и считался лучшим специалистом по распутыванию дел об убийствах с применением магии. Но вот держаться от него старались на расстоянии. От сотрудников Белянскому требовалась выдержка, трудоспособность, наблюдательность и нечеловеческое терпение. И пока ни один кандидат, присланный на роль помощника и секретаря старшего следователя отдела убийств, не выдерживал более нескольких дней, а особо трепетные личности сбегали после пары часов. Девиц Марьян не любил более всего. За пять лет, что он занимал свою должность и кабинет на третьем этаже, в его приемной пытались обосноваться то ли десять, то ли одиннадцать рейн и рейян, но ни одна не задержалась надолго. Чаще всего они вылетали из владений Белянского

после громкого разноса начальства, обливаясь слезами и прижимая к груди свои ридикюльчики. После срыва Марьяна дамочки на рабочее место не возвращались, они или оседали в чем-то чужом кабинете, или переводились в другое отделение.

— Да ладно тебе, — усмехнулся приятель. — Ты разве не привык еще, что тебе вечно пытаются всучить какого-нибудь работника в подчинение, а ты несчастного или несчастную с треском выгоняешь? Это стало почти традицией. Ребята уже ставки делают на то, сколько продержится каждый из твоих секретарей.

— Будто мне хочется их выгонять, — хмуро глянув на дверь в приемную, проворчал Марьян. — Но мне не нужна в подчинении рабочая единица, не готовая соответствовать минимальным требованиям к занимаемой должности.

— Ты слишком многого хочешь, — усмехнулся Крис. — Секретарша должна улаживать взор, подавать кофе и служить буфером между тобой и посетителями.

Марьян недовольно глянул на приятеля и коллегу, но промолчал. Ему не требовалось озвучивать свои запросы, их знали все в управлении, и варка кофе в длинном списке числилась среди последних пунктов.

— Ты сам видел эту девицу, — прошипел он, понизив голос. — Ну какой из нее секретарь?

Кристэр усмехнулся и довольно протянул:

— Тут ты не прав, Марьян. Рейночка очень и очень...

Марьян отчетливо зарычал:

— У тебя на уме одни девицы!

— Нет, неправда, — возмутился друг. — У меня на уме только девицы с длинными ногами, а тебе достался один из лучших образцов. Что за несправедливость? — Крис подмигнул и расхохотался, когда Марьян недовольно скривился. — Побystрее ее доводи, я первым встану в очередь на такого... выдающегося сотрудника.

Белянский вновь рыкнул:

— Если бы я мог от нее сразу же избавиться, то уже бы сделал это.

— Знаю, — кивнул рейян Дубинский. — Но я в тебя верю: тебе хватит пары часов, чтобы довести девушку до слез, после чего она сбежит.

Марьян бросил на Крису хмурый взгляд.

— Но ты можешь постараться ужиться с этой рейной хотя бы пару дней? Я бы тогда ставку сделал, — умоляюще попросил Дубинский. — Ну хоть попытайся. Если ее переведут куда-то в другое место, я же погибну! Такие ноги!

Белянский вытащил карандаш из-за лямки подтяжки и кинул в приятеля.

— Что, правда глаза колет? — ухмыльнулся Крис.

— Иди ты, — проворчал Марьян. — Нет чтобы посоветовать что-нибудь дельное.

— Если по делу, то не выгоняй девицу хотя бы пару дней, — став чуть серьезнее, сказал Кристэр. — Пристрой к работе. Пусть хоть чашки перемоеет. Все польза.

Белянский застонал.

— И прекрати ворчать и стонать. Сам знаешь, что для такого, как ты, помощника найти почти невозможно. Маги на столь ничтожную должность не пойдут, а обычных людей к нам не возьмут, — рассудительно заметил Дубинский. — Если бы ты в кабинете сидел и бумажки перекладывал... Но тебе же в поле надо! Сам посреди ночи срываешься, если приходит сообщение об убийстве. И требуешь непомерно. Тут и хороший работник не сдюжит. Вторую Белчер ты не найдешь, даже мужиков она когда-то обскакала и по характеру, и по способностям. Потому и секретарь главного сейчас.

Марьян поморщился. Когда-то в подпитии он сам рассказал Крису, что хотел бы обзавестись помощником, который хотя бы вполонину был бы так хорош, как рейяна Белчер, и теперь постоянно жалел об этом.

Уходя, Дубинский притормозил у двери и с усмешкой подмигнул приятелю.

— Ты не спеши, — снова посоветовал он. — Таким ногам грех пропасть где-то в захудалом периферийном управлении.

Марьян вновь поморщился, но двинулся вслед за приятелем, ожидая увидеть в приемной перепуганного розового зайца, за миг до этого отпрянувшего от двери. Но по захлавленной комнате вовсе не металась перепуганная секретарша. Рейна Бонс освободила себе краешек рабочего стола и преспокойно на него присела, закинув одну идеальную длинную ногу на другую. Узкая черная юбка чуть ниже колена натянулась, подчеркивая формы секретарши.

Щеки девицы не светились предательским румянцем, она не смотрела испуганно и выжидающе. Нет. Эта особа невозмутимо воззрилась на вышедших мужчин темно-голубыми глазами и продолжала сидеть, хотя старательному секретарю-новичку полагалось бы вскочить и замереть, вытянувшись в струнку, с читающейся во взгляде готовностью исполнить любое поручение быстро и без участия мозгов.

— Прекраснейшее создание, — с обворожительной улыбкой произнес Кристэр, глядя на девицу, — я рад, что теперь в нашем в целом очень мужском коллективе появился столь прекрасный цветок.

Девушка не зарделась, не потупила взор, но позволила себе чуть-чуть улыбнуться в ответ.

— Я... — хотел было продолжить Крис, но Марьян его перебил:

— Тебе пора.

Поцокав языком и еще раз обольстительно улыбнувшись рейне, Дубинский покинул приемную, оставив рейяна один на один с его новой подчиненной.

— Зайдите, — велел Белянский строго, толком не представляя, что собирается ей сказать.

Девица приглушенно процокала каблучками по вытертому ковру и вновь замерла перед его столом. Сев в кресло, следователь еще раз окинул рейну Бонс придирчивым взглядом, а потом открыл-таки ее папку, неспешно просматривая вложенные документы. От столь пристального изучения девица просто обязана была начать нервничать и попытаться разбавить тягостное молчание сбивчивым рассказом о своей жизни, но рейна помалкивала и продолжала рассматривать рамочки с наградными листами у Марьяна за спиной.

— Вы окончили профучилище с отличием, — произнес он и кашлянул. — Но здесь нет выписки из вашего личного дела с отметками о том, какая вы способная, деятельная и как нам повезло, что вы стали сотрудником именно Центрального управления Гаруча.

Ему очень хотелось ее задеть, у Белянского был самый большой опыт среди всех его коллег по проведению собеседований. Рейян точно знал, что спрашивать у всех этих барышень, еще вчера получивших свои дипломчики в профильном училище, где из неодаренных детей магических семейств готовили будущих работников ручки и бумаги. Старший следователь давно выяснил, что особо усердные рейны переживают из-за своих маленьких достижений во время учебы или из-за их отсутствия, будто бы участие во всевозможных благотворительных мероприятиях, рисование стенгазет или дополнительные курсы по варке кофе могли как-то помочь в карьере и сообщить что-то важное о характере конкретного выпускника.

— Да, этого нет, — согласилась Элла Бонс. — Я не участвовала ни в одном мероприятии, выезде и тому подобном.

— Что ж вы так, рейна Бонс? — усмехнулся Белянский.

Девушка чуть пожала плечами и не ответила. При этом выражение лица у нее никак не изменилось.

— Ладно, — просмотрев папку до конца и узнав, что ему досталась одна из лучших выпускниц, перед этим отучившаяся в каком-то уездном пансионе, произнес Марьян. — Раз уж теперь вы будете здесь работать, я обозначу некоторые уточнения по вашим обязанностям.

— Хорошо, — кивнула рейна.

— У нас здесь Центральное управление, серьезное заведение, так что вам лучше изменить цвет волос и гардероб, рейна Бонс, — с толикой ехидства произнес Белянский. — Если вы и правда лучшая, то должны знать устав учреждения, где теперь работаете, и ваши должностные обязанности. И вы должны знать, что ваш внешний облик не слишком подходит для данного места.

Элла Бонс вслед за Марьяном оглядела себя, но старший следователь так и не дождался признаков растерянности или смущения на ее лице.

— В уставе и моих должностных инструкциях нет строгих ограничений насчет одежды, — спокойно и уверенно ответила рейна.

— Зато там есть пункт об изменении внешности, — ехидно заметил мужчина.

— Что касается волос, это мой натуральный цвет, — сообщила девушка, будто и не услышав последнюю фразу Белянского. — Моя родня с материнской стороны восходит к магам-метаморфам, потомки которых, как вам должно быть известно, порой рождаются с волосами самых различных цветов.

Белянский недовольно помолчал. Задеть девицу не вышло. На наследуемую внешность правила не распространялись, так что потребовать от рейны изменить натуральный цвет на какой-то другой он не мог.

— Что ж, — проскрежетал Марьян. — Вы можете приступать к своим обязанностям.

Элла Бонс секунду постояла на месте, будто ожидая указаний, но потом молча удалилась, хотя Белянский рассчитывал, что хоть на этот раз заставит девушку растеряться. Обычно все новые работники желали получить от начальства строгие инструкции на первое время.

Посидев несколько секунд над папкой с документами рейны, следователь мотнул головой и глухо предрек:

— Вряд ли от нее будет прок.

ГЛАВА 2

Выйдя в приемную, я не удержалась от широкой ухмылки. Со стороны мой начальник напоминал паровоз, выпускающий последнее облачко перед тем, как начать движение, или жеребца, роющего копытом землю. Будь я слепой и глухой, все равно бы почувствовала, что ко мне этот субъект относится предвзято и внезапным приобретением подчиненной очень недоволен. Что ж... Сам он от меня избавиться не сможет, а я еще четверть часа назад решила, что не дам Белянскому шанса довести меня. Пусть он совсем не тот начальник, которого я хотела получить, но секретарь старшего следователя — не обычный секретарь, а у меня не так много шансов достигнуть каких-то карьерных высот.

— Я тебе не нравлюсь? — глядя на дверь кабинета, прошептала я. — Придется потерпеть. Я не откажусь от подобного места из-за какого-то капризного мужика, который не видит меня своей помощницей.

Чуть постояв и переведя дух, я прошлась по приемной, обдумывая свои дальнейшие действия. Рейян не выдал мне конкретного задания, что давало мне возможность самой определить свои обязанности, четко перечисленные в должностных инструкциях.

— И с чего же мы начнем? — сама у себя спросила я, подтягивая рукава жакета до локтей.

На самом деле следующие несколько недель занятости мне были обеспечены.

— Сколько же лет тут вообще никто не убирался? — фыркнула я, первым делом распахнув все три высоких окна, благо сейчас в столице уже вовсю чувствовалась весна и я могла не волноваться, что выстужу помещение.

Дальше я открыла и подперла дверь в подсобные помещения, а после попарно снесла в кухню все чашки, блюдца и ложечки, умудрившись обнаружить последние даже под подушками кресел. Посуду предстояло перемыть, но сначала добыть остальную часть из кабинета начальника.

Громко и недовольно хлопнула сначала одна, а затем и вторая дверь, как бы уведомив меня, что начальство куда-то удалилось вместе со своим раздражением и хмурыми взглядами.

— И не надо, не надо так хлопать, — проворчала я себе под нос, осторожно подкравшись к кабинету и заглянув внутрь. Белянский отсутствовал, поэтому я быстренько отволокла остальные чашки в кухню и распахнула окна, прогоняя со своей территории застоявшийся коктейль запахов: бумажной пыли, чернил, едва ощутимую, но навязчивую кислятину кофе и чая.

Пепельниц я нигде не обнаружила и возрадовалась. В самом здании легкий шлейф табака ощущался, и я побаивалась, что придется мириться с присутствием этого запаха и на рабочем месте, где его не разбавят длинные коридоры и большие залы.

Убедившись, что нигде нет припрятанных от меня ложечек, остатков еды и тому подобного, я занялась осмотром углов, убедившись, что все артефакты, отвечающие за поддержание чистоты пола, на своих местах.

Уборщицу как штатную единицу упразднили еще в прошлом веке, когда изготовление артефактов чистоты стало массовым. Эти небольшие пластинки из специального сплава крепились по углам помещения и могли работать много лет подряд без сбоев, что значительно упростило жизнь очень многим людям как в нашем королевстве, так и в соседних государствах.

Лично для меня это была настолько обыденная вещь, что я не представляла, как живут те, кто до сих пор сам машет веником и таскается со шваброй от стены к стене.

Проверять работу артефактов я не стала. С магией мне в принципе всегда стоило держаться осторожно. К этому я привыкла с детства, хотя уже очень давно научилась контролировать свою не самую удобную особенность.

Вернувшись на кухню, я рассортировала посуду, ногой выдвинула из-под столика мусорный артефакт и стала чашка за чашкой выскребать, отдирать и высыпать чайную заварку и кофейную гущу. Внутри металлической емкости раз за разом вспыхивало ярко-зеленое пламя, пожирая мусор без дыма и запаха. Хорошая вещь!

А вот мыть посуду предполагалось ручками, но разве это может напугать?

Проверив шкафчики и ящики стола, я покачала головой и вышла обратно в приемную.

— А Марьяна нет на месте? — с явно надуманной деловитостью спросил давешний мужчина, заглянув в приемную.

— Рейян Белянский вышел, но не уточнил куда именно, — отозвалась я.

— Жаль, — вздохнул мужчина. — Кстати, я забыл представиться: Кристэр Дубинский к вашим услугам, прекрасное создание.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась я. — Элла Бонс.

— О! Вы родились на западе или севере королевства? — осведомился он, явно не собираясь идти разыскивать следователя.

— Не совсем, — уклончиво ответила я, не желая обсуждать с мужчиной происхождение своей фамилии, и улыбнулась вновь, чтобы смягчить свой краткий ответ.

— Я, знаете ли, давно увлечен исследованием своего генеалогического древа, — признался Дубинский, пытаясь заглянуть мне в глаза. — Весьма увлекательное и познавательное занятие.

— Вот как? — вежливо отозвалась я, хотя от меня не укрылось, что весь этот разговор затеян лишь для того, чтобы подольше задержаться в приемной. Мысленно хмыкнув, я состроила чуть растерянную гримасу и, понизив голос, призналась: — Знаете, мне нужно отыскать кабинет хозяйственника, а я не представляю, куда мне идти. Вы не могли бы мне помочь? Если у вас конечно же есть время.

Дубинский тут же сообщил, что совершенно свободен, согласен провести для меня экскурсию по управлению и все показать. Я одарила его очередной улыбкой и подавила желание погладить рейяна по голове.

На каблуках я была вровень с ним или даже на дюйм выше, так что в моменты, когда он наклонялся вперед, желая быть ко мне чуть ближе, я видела явный блеск будущей лысинки среди жидких светло-русых волос на макушке. В остальном же Дубинский походил на любого кабинетного работника: чуть бледный, с привычкой сутулиться, с некоторым намеком на будущее брюшко. На меня он взирал блестящими от восторга серыми глазами и все пытался казаться выше и стройнее, но со стороны это выглядело так, будто утром он вышел из дому, позабыв вынуть вешалку из пиджака.

Развлекая рассказами о себе и своих предках, Дубинский проводил меня на второй этаж, где и обнаружился нужный кабинет. По дороге он успевал упоминать и о тех помещениях, мимо которых мы шли. Теперь я точно знала, где заседает сам Кристэр, где обитают многочисленные спецы Центрального управления и с какими столичными отделами жандармов управление сотрудничает, когда возникают дела, связанные с применением магии.

— Вы были очень любезны, — произнесла я, останавливаясь у двери хозяйственника.

— Так, может... я вам помогу? — попытался было продлить общение Дубинский. — Вам же придется нести все на третий этаж, а столь прекрасной рейне не следует таскать тяжести.

— Спасибо, — улыбнулась я, — уверена, что справлюсь.

Мужчине пришлось отступить, хотя он пытался проникнуть в помещение вслед за мной.

— Рейян Дубинский, — раздалось, как только я открыла дверь к хозяйственнику, — хватит таскаться, нет у меня для вас карандашей! Нету!

— Феклочка! — простонал Кристэр, чуть не заламывая руки. — Как ты могла подумать? Я не за этим. Я провожал нового секретаря Марьяна. И только! И только!

Статная девица с толстенной золотистой косой, перекинутой вперед, на монументальную грудь, прищурилась, внимательно глядя на мужчину. Тот попятился и быстро ретировался.

— Здравствуйте, — улыбнулась я девушке.

Та перевела на меня быстро оттаявший взгляд и улыбнулась в ответ. У нее было почти круглое лицо, густые светлые брови, добрые голубые глаза в обрамлении чуть более темных ресниц, вздернутый носик, россыпь веснушек и полные улыбчивые губы.

— Доброго утречка, — ответила девушка. — Так вы и правда секретарь Белянского?

— Да, — призналась я и горестно усмехнулась.

— Бяда-бяда, — покачала головой девушка, — огорче-эние.

У нее обнаружился забавный говор с привычкой четко произносить гласные и растягивать слова.

— Думаете? — с чисто женской хитринкой во взгляде спросила я.

— Марьянчик хоть и ловит лиходеев, — произнесла девушка, — но и сам, как зл

о

дей, лютовать может.

— Ну, это нужно просто принять как должное, — пожала я плечами.

— Оптимистка вы, — развеселилась девушка и улыбнулась широко, показав ровные белые зубы. На ее щеках появились обаятельные ямочки.

— Меня зовут Элла Бонс, — представилась я.

— Фекла Слепакова, — с удовольствием ответила рейна. — Так вы...

— Можно на «ты», — перебив, дружелюбно предложила я. — И я явилась за всем, что полагается секретарю Белянского, чтобы справляться с тягой начальства плодить грязные чашки, копить пыль и... в общем, за полным набором.

— Это мы сейчас, это мы завсегда... — Фекла покивала и пододвинула к себе толстую амбарную книгу. — Посиди пока.

Я опустилась на стул у широкого стола, за которым восседала хозяйственница. По одному лишь внешнему виду передней части ее владений, не скрытой перегородкой, было видно, где я нахожусь: здесь было чисто, все учетные книги сложены в идеальные стопки, пахнет чем-то ненавязчивым и цветочным.

— Туточки распишись, — велела рейна, разворачивая ко мне книгу.

Я быстро пробежала глазами запись, оценив масштаб бедствия. Похоже, Фекла решила отдать мне все, что не было востребовано секретарями Белянского до этого момента.

— А что, до меня у Белянского секретари ничего не делали? — спросила я осторожно, подсчитывая в уме количество всего, что мне предстояло нести наверх.

— У него за пять лет, что он в старших следователях ходит, сменилось штук пятнадцать помощничков, — ответила хозяйственница, уходя за ширму. — Парни недельки по две при нем сидели, а девицы, бывало, и через час заяву строчить садились.

Я поняливо хмыкнула. И так уже сообразила, что начальник мне достался неуживчивый и требовательный.

— Так что ты не горюй, коли взвыть захочется, — посоветовала Фекла, возвращаясь к своему столу с объемной коробкой. На дне коробки лежали стопками блокноты, мыло в плотной коричневой бумаге, продолговатые стеклянные флаконы с чем-то булькающим внутри и целая россыпь артефактов.

Я чуть поморщилась и осторожно спросила:

— А можно мне на гномское поменять?

Хозяйственница дунула на челку и удивленно спросила:

— Не уважаешь магическое?

Я неопределенно пожала плечами, позволяя рейне самой додумать смысл моего жеста.

Отвечать прямо не хотелось, пришлось бы признаться, что я стремлюсь иметь рядом с собой как можно меньше артефактов, особенно среди предметов, которыми предстоит ежедневно пользоваться. Благо последние две сотни лет маги и гномы всячески конкурировали друг с другом, подходя к решению одних и тех же задач с разных сторон, тем самым обеспечивая любого жителя достаточно широким выбором. И я выбирала пусть более массивные, подчас неудобные и устрашающие изобретения гномов, а не заключенные в артефакты заклинания.

Хозяйственница без дальнейших возражений артефакты убрала и начала складывать в коробку ручки, карандаши, сменные капсулы с чернилами для ручек и многое другое.

— Кофе молотый или в зернах? — спросила она, когда коробка заполнилась на четверть. — Магической плиткой тоже пользоваться не будешь?

— А что предпочитает мой шеф? — спросила я.

— Марьянчик у нас личность весьма оторванная от быта, — усмехнулась Фекла. — Ему лишь бы горячо и бодрило, а что именно налито в чашку, не суть. Хоть рыбьего жира ему подогретого плесни — выпьет и не заметит.

— Тогда в зернах, — решила я. — Мне ведь тоже кофе здесь пить. А чай какой есть?

Хозяйственница указала мне на стеллаж в простенке между окнами, и я долго рассматривала жестяные коробочки, пытаясь отыскать что-то поприличнее. Для нужд работников даже такого важного учреждения, как Центральное управление, и кофе, и чай покупали весьма и весьма посредственного качества. Морщась, я все же выбрала несколько упаковок, уточнила о количестве, которое рассчитано на моего начальника до следующего получения, убеждаясь, что чаю и кофе брать можно столько, сколько нужно. Цапнув там же маленькую стеклянную баночку с кардамоном, я со стоном уложила добычу в коробку.

С нормальными напитками придется что-то делать. Даже в том кафе, к которому я была приписана от работы, в чашки разливали не такую откровенную бурду, которую мне предлагалось подсовывать начальнику.

«Ему, может, и все равно, а я не хочу давиться отвратительной горькой гадостью под видом кофе или отваром сена под видом чая», — хмуро подумала я и попросила у Феклы добавить в коробку сахар.

— Белянский так глотает, — снова просветила меня девушка, но я кивнула и пояснила:

— Зато я без сахара не могу.

— А как же фигура? — с таким явным завистливым удивлением спросила она, глядя на меня, что я едва не засмеялась.

Но я сдержалась, а то мой смех прозвучал бы для полненькой, но такой внешне уютной рейночки обидным карканьем.

Не могу же я ей сказать, что никогда и ни в чем себя не ограничивала. Не поверит. Еще и обидится. А мне совсем не хотелось портить отношения с первой же встреченной в управлении женщиной. Тем более с местной хозяйственницей.

— Я всю жизнь веду себя как курица без головы, — специально выбрав сравнение в свой адрес пообиднее, призналась я, понизив голос и чуть подавшись вперед, будто в моих словах была тайна. — Мечусь из стороны в сторону. И весь мой вид от этих метаний, а не от строгости к себе или каких-то стараний. Даже наоборот, я бы, может, хотела чуть-чуть поплотнеть. Кожа ведь да кости.

Я покривила душой, выдав полуправду, но, решив начать новую жизнь и не знакомить окружающих со своим прошлым, приходилось юлить и изворачиваться.

— А я вот сижу туточки, — вздохнула рейна. — Скоро к стулу прирасту. А потом то чайку с плюшкой, то конфеток кто принесет...

Я искренне посочувствовала девушке, хотя выглядела она замечательно и я не могла представить себе Феклу худышкой. Бывают такие уютные доброжелательные представительницы прекрасного пола, которым удивительным образом идет некоторая полнота. Эта мягкость лучше всякой худобы подчеркивает их характер, обаяние и женственность.

— А плиткой я буду пользоваться магической, она быстрее готовит, — меняя тему, сказала я и улыбнулась хозяйственнице.

Когда с большей частью полагающихся мне расходников было покончено, Фекла принесла из-за ширмы стопку полотенец, тряпочек и тому подобной мелочовки.

— Что-то, а помыть руки Марьянчик любит, — вновь поделилась информацией девушка. —

Правда, полотенца, которые я последний раз выдавала, даже в стирку не сдал. Ты там поищи.

Мне хоть в отчетность надо вбить, списала я их как потерянные или еще есть шанс вернуть.

Я хихикнула и пообещала поискать. Поставив еще несколько подписей в разных учетных книгах, я заглянула в коробку, соображая, все ли взяла.

— Да, тяжеленная коробка вышла, — по-своему поняла мой жест хозяйственница. — Не донесешь ведь сама.

— Все нормально, — вежливо улыбнулась я в качестве благодарности и подняла коробку. — Я сильная. Я ведь знала, куда работать иду. Не кисейная барышня.

— Ну смотри, — скептически глянув на меня с огромной коробкой, еще более протяжно произнесла рейна.

— Спасибо.

Я извернулась, зацепила ручку двери двумя пальцами и вырулила в коридор, едва не столкнувшись там с парой высоких мужчин в одинаковых форменных кителях жандармов. От неожиданности они не успели увернуться, но я, героически прижав к груди коробку, умудрилась вильнуть в сторону и не вывалить на незнакомцев то, что мы с Феклой собирали не меньше полчаса.

— Простите, — в унисон промывали мужчины, уставившись на меня. Один косил глазом на то, что было выше коробки, а другой — ниже.

Оценив фасад, оба разом вспомнили, что стоят молча непозволительно долго, и хотели хоть что-то сказать, но тут из хозяйственного отдела выдвинулась Фекла, и мужчины ступевались, неразборчиво замямлили и скрылись за ближайшей дверью.

— Чисто лоси! — воскликнула рейна так, чтобы долетело до сбежавших, и уже тише, только для меня пояснила: — На тебя глянуть пришли. Уже и простые жандармы знают.

Я лишь согласно кивнула. Чего-то подобного я и ожидала. Как и того, что в ближайшие дни в приемную Белянского то «по ошибке», то по какому-нибудь «важному делу» будут забегать все обитатели управления, изнывая от любопытства.

— Готовься и не удивляйся, эти петухи, олени и остальные лоси ставки делают на то, как скоро от Белянского очередная жертва сбежит, — предупредила хозяйственница.

— И много ставят? Может, и мне поставить? — спросила я с интересом, хотя в деньгах совершенно не нуждалась. В надежном гномьем банке на моем счету лежала приятная сумма, которая позволяла в случае чего уволиться и просиживать все время дома. Но мне не хотелось раньше времени трогать эти деньги. Их мне оставила в наследство прабабка, заявив, что моя мать и так обойдется, а мне с моими особенностями будет трудно найти себе мужа, способного обеспечить мне достойное будущее и стабильность. Лишь ей одной я призналась, что не горю желанием вообще выходить замуж, и прабабка, женщина сильная и волевая, наградила меня за смелость и адекватное восприятие себя.

— Надо будет узнать, — подмигнула мне Фекла. Эмоции она скрывать не умела, так что я мгновенно заметила промелькнувшее в ее взгляде и улыбке облегчение. Похоже, рейна нежно любила Центральное управление и свою работу, и ей совсем не хотелось, чтобы в глазах нового человека они выглядели неприглядно. — Хотя мне они не скажут, конечно. Пусть в управлении и есть женщины, но мы трудимся там, где всю видимую и важную работу делают эти любопытные ко всему новому мужики.

— И много здесь женщин? — пользуясь своим внезапным информатором, не замедлила спросить я.

— Четыре... Ты пятая. Я, тетя Соня, Белчер и Изольда.

— А?..

— Тетя Соня — это... ну, кухарка, что ли? Иначе не скажешь, — охотно стала рассказывать Фекла, провожая меня к лестнице и грозно поглядывая на закрытые двери. — Она на самом верху, при начальстве. Белчер — секретарь главного, она за все годы службы ни разу шефу даже кофейку не сварила. Важная и деловая дама. Строгая. Но она и правда важна для главного, она его негласный заместитель. А кофеек поднести, обед подать или ужин, если начальник до ночи в кабинете засел, — это тетя Соня. Милейшая рейяна. Ее и сманить пытались, и шефа уговаривали тетю Соню отдать, золотые горы обещали, а она ни в какую. Не ушла, хоть и тяжело тут.

— Ясно, — кивнула я.

— А Изольда — стенографистка и машинистка. Она в общем зале сидит. Это туточки, во-о-он за той дверкой. — Девушка указала подбородком на двери по правую руку от себя. — Там большой зал, перегородок почти нет. И Изольда там, за своим столом. Ее работа — на допросах в управлении за гномьей печатной машиной сидеть. У них для этого еще пара людей есть, но женщина только одна. Изочка, кстати, очень нежная и трепетная, аки лань. Но работник отличный. Ее как-то посадили документировать допрос какого-то убийца. Все знали, что

Изольду подобное пугает. Но она от рассказов о жестоких зверствах не сбежала, а отсидела до самого конца и даже в полуобмороке продолжала выбивать буквы.

— Какая ответственная, — восхитилась я. — Ты извини, я побегу, а то коробка тяжелая.

— Ой, прости! — всплеснула руками хозяйственница. — Я и забыла! Беги, беги, конечно.

— Ничего, — ответила я и запыхтела, будто у меня от тяжести заболели руки.

Улыбнувшись рейне на прощанье, я умчалась на свой этаж.

ГЛАВА 3

— Мужик косяком пошел, — едва слышно хмыкнула я себе под нос через полчаса, когда в приемную с деликатным стуком заглянул следующий любопытствующий.

Я только и успела, что отнести свою добычу в кладовку и вынуть из коробки средства гигиены. Чтобы не заниматься этим потом, я обыскала туалет начальника. В него вела неприметная дверь прямо из кабинета, а само помещение располагалось в конце довольно длинного коридора и было снабжено всеми нужными приспособлениями гномьего производства. Там я обнаружила те самые утерянные полотенца и заменила их свежими. В остальном же помещение не требовало моего внимания. Артефакты послушно делали свое дело, в мыльнице лежал совсем свежий брусок мыла, взятого явно не у хозяйственной Феклы. Да и в остальном место выглядело аккуратнее и чище, чем кабинет Белянского.

— Склонность к чистоте и гигиене — это жирный плюс в вашу характеристику, шеф, — усмехнулась я, возвращаясь в свои подсобки с полотенчиками, которые кто-то явно стирал, но опять же не вонючим казенным мылом. — Жена или любовница? Было бы неплохо.

И вот как раз тогда, когда я, засучив рукава, принялась за замачивание чашек, выстраивая их на столешнице рядом с мойкой и вливая в каждую воду со слабо разведенным моющим средством, явился высокий и весьма упитанный человек в вытертом серо-бежевом костюме-тройке. Услышав, что кто-то со слоновьей деликатностью крутится в приемной, я выглянула из кухоньки, приподняв бровь, оглядела посетителя, пока он стоял ко мне спиной и можно было не изображать гостеприимство.

Он был грузен и из-за своего роста казался просто огромным, широким и неповоротливым. Костюм на нем трещал — ни пиджак, ни жилетка не желали сдерживать рвущиеся во все стороны тела. Щеки его виднелись даже со спины, сзади на затылке сквозь коротко стриженные темные волосы проступала кожная складка.

— Здравствуйте, — выдвинувшись немного в приемную, обратилась я к мужчине, — могу вам чем-то помочь? Я секретарь рейяна Белянского, его сейчас нет на месте, а я не в курсе расписания его дел. Вам назначено? У вас какой-то срочный вопрос?

Рейян как мог быстро повернулся и уставился на меня с видом толстого кота, который наконец разглядел мышшь. Щеки мужчины тут же стали оттенка свеклы, а от улыбки глаза превратились в узкие щелки.

— Так это правда! — густым басом, чуть растягивая гласные, почти пропел он. — У нашего Белянского новый секретарь!

«Интересно, сколько раз за сегодняшний день я услышу эту фразу? — с тоской подумала я, ожидая, когда мужчина бесцеремонно осмотрит меня с ног до головы. — Если больше дюжины, то вечером я слопаю ту коробку печенья, что привезла с собой».

К липким изучающим взглядам я давно привыкла и прекрасно отдавала себе отчет, что в узкой юбке, шелковой блузке и на высоченных каблуках мне не избежать повышенного внимания в первый же рабочий день. На самом деле я сознательно выбрала именно такой наряд. За один день, полный всеобщего внимания, обо мне должно было сформироваться определенное мнение. Я просто обязана с этого и до последнего дня своей работы здесь в глазах коллег быть яркой, женственной, доброжелательной, умненькой и... обычной рейной. Здесь и сейчас я хотела начать жизнь заново, раз уж тут меня никто не знает, ведь я, как и многие другие, имела право на жизнь самой простой девушки. Пусть я никогда не стеснялась своих особенностей, но в глазах окружающих они слишком выделяли меня из толпы остальных рейн и рейян.

— Рейян Себастьян Калтуховский! — с важностью оперного концерта произнес мужчина, продолжая беззастенчиво шарить по моей фигуре взглядом. — Судмедэксперт управления.

— Очень приятно, — старательно контролируя выражение лица, ответила я и чуть-чуть улыбнулась. — Так у вас срочное дело к рейяну Белянскому?

— Ах, это все мелочи, — ответил мужчина, махнув рукой. — Мое дело может и потерпеть. Так вы теперь...

Он так растянул фразу, пытаясь найти подходящий вопрос, не выглядя при этом нелепо, что просто не успел ее закончить — в приемной появился мой начальник. Я едва не расплылась в искренней улыбке. А когда Белянский при виде судмедэксперта и меня, застывшей на пороге, откровенно поморщился, мне захотелось расцеловать начальника в обе щеки. Спаситель!

— Калтуховский? — спросил рейян так, будто не узнал его. — Какими судьбами?

«Такими! — едва не ответила за эксперта я. — Известно какими!»

— Марьян, я на секунду, — пробасил великан. — Я лишь хотел кое-что уточнить по тому делу... — Он замялся, как-то разом под хмурым взглядом Белянского из огромного и представительного великана превратившись в подростка. — Ну... по тому делу. По прошлому! — Я закрыл дело два дня назад, — прошипел мой шеф. — И там все ясно и без твоего экспертного мнения, Себ. Мне хватило консультации Харта.

— Да что знает этот мальчишка? — вспылil было рейян, но потом, сообразив, что еще секунда и он начнет брызгать слюной, стучать себя копытом в грудь и доказывать собственную значимость, поперхнулся, закашлялся и гораздо тише и мягче пробормотал: — Да я просто кое-что хотел сказать. Это, в сущности, пустяк...

— Ну давай ты мне расскажешь о своих пустяках, — с крокодильей улыбкой и ледяным взглядом произнес Марьян Белянский, пересекая приемную. — Проходи.

Калтуховский так затравленно глянул на дверь кабинета, которую мой начальник для него открыл, что мне в очередной раз захотелось рассмеяться.

— Проходи-проходи, — позвал мой начальник. Он был чуть пониже огромного быкоподобного мужчины и значительно мельче в сравнении с ним, но в этот миг выглядел грозно и даже устрашающе. — Бонс!

— Да, шеф? — внезапно для себя выпалила я.

— Кофе, — не глядя на меня, велел начальник и, обойдя Калтуховского, чуть подтолкнул того в спину.

Судмедэксперт вздрогнул, судорожно вздохнул, с сожалением оглянулся на меня и с обреченным видом потопал в кабинет. Я секунду постояла на пороге, дождалась, когда мужчины отвернулись, и с облегчением выдохнула.

Мужчин я никогда не боялась. Но порой явное внимание некоторых представителей этой части населения меня нервировало и раздражало. Например, как сейчас. А мне нельзя выдавать себя! Вздохнув, я вернулась на кухню и тщательно вымыла и вытерла полотенцем пару чашечек, нашла к ним блюдца, ложки и зарылась в имевшуюся на кухне посуду, ища турку нужной мне формы — медную, с широким горлышком. Кофе в жестянках оказался именно таким, как я и предполагала, но пришлось безропотно смолоть пригоршню зерен и отдельно несколько семян кардамона. Лично мне нравился черный или зеленый кардамон, но я ничего не имела против белого. Все лучше, чем ничего. А вот сахар, на удивление, оказался розовым, очень хорошим. Сосредоточившись, я насыпала в турку кофе, кардамон и долила воду, а после, тщательно себя контролируя, соединила раздвинутые камни плитки, прежде чем поставить на нее турку. Такие плитки маги внедрили относительно недавно. Как именно они работали, я, естественно, не знала — людям без дара это даже родные-маги не объясняют, — но давно привыкла, что если сдвинуть на специальной металлической подставке две половинки разрезанной каменной плитки, то через несколько секунд та начнет нагреваться. Именно из-за камня, похожего на плоскую черепицу, которой крыли дома в большей части королевства, это магическое изобретение и называли плиткой. Разъединять части камня предлагалось специальной металлической палочкой. Ее втыкали в небольшое отверстие между половинками камня, и пружины растаскивали половинки в разные стороны.

Раньше использовалось изобретение поменьше и попроще, похожее просто на каменную подставку. Но механизм включения и выключения мог отреагировать на что угодно, и это приводило к ожогам, травмам, а иногда и пожарам, что совсем не радовало как владельцев артефактов, так и их соседей.

Наблюдая за процессом в турке, я вымыла еще несколько чашек. Когда на поверхности жидкости стала появляться пена, я чуть приподняла турку, а после проделала этот маневр еще пару раз, давая образоваться устойчивой пене.

Кофе в турке хватило не только на чашки для мужчин, но и на пару глотков для меня.

Внимательно приняв хавшись к жидкости, я сделала крошечный глоток, втянула щеки и вдумчиво погоняла жидкость во рту.

В моем личном деле и правда не были указаны те многочисленные дополнительные предметы и курсы, которые брали другие учащиеся. И совсем не потому, что у родителей не было денег оплачивать их мне или я прижимисто сэкономила на собственном образовании. Вовсе нет. Я со всей ответственностью сходила на вводные занятия по всем предметам, которые преподавали в учебке, и на все спецкурсы, которые проводили учителя вне учебной программы для общего развития. Сходила и поняла, что делать мне там нечего. Нельзя научиться готовить вкусный кофе или чай, сидя за партой, это как учить слепого видеть. Сухие букочки надиктованных инструкций позволят изобразить нечто, что, вероятно, будет пахнуть как чай или кофе, но и только.

Не ощутив в аудитории даже намека на ароматы кофе и чая, не говоря уже о многочисленных добавках к этим напиткам, я собрала свои вещи и ушла. Зачем оставаться там, где меня не научат чему-то дельному?

Так у меня было всегда.

В пансионе я могла выходить за территорию после занятий, чему завидовали все другие девочки. Они считали, что я просто везучая нахалка, но первая же попытка поставить меня на место плохо для них кончилась, так что свое мнение они держали при себе. Учителя то ли верили в особую характеристику из моего дела, гласившую, что мое физическое развитие выше среднего и что я обладаю излишней подвижностью, то ли просто закрывали на все глаза, но никто удерживать меня не пытался.

Надо сказать, что до шестнадцати лет я была тощей и совершенно плоской, с детским личиком. Какое там «развитие выше среднего»! Я до головной боли и бессонницы завидовала другим девочкам, одна за другой превращавшимся в аккуратненьких юных рейночек с выпуклостями в нужных местах.

В итоге я старалась как можно больше времени проводить вне стен пансиона, много гуляла по окрестностям, совершенно не боясь прохожих, знакомилась с кошками и лазила по деревьям и заборам. Так я и познакомилась с рейяной Фанни, которую очень скоро стала звать просто Фанни.

Фанни жила не в городе, а в отдельном доме недалеко от пансиона. В прежние времена она была женой какого-то важного местного чиновника, но он умер гораздо раньше супруги, завещав ей дом, а местная казна выплачивала ей какую-то сумму вдовьих. Я никогда не спрашивала, сколько же у нее денег, я была ребенком, и меня это не интересовало. Я никогда не жила в своем доме, не выбирала себе одежду и не решала, что мне есть. Пусть все это было казенное и безликое, но у меня было все, что нужно. А Фанни жила очень бедно. И я поняла это лишь через несколько лет.

Мы впервые встретились на широкой проселочной дороге, когда я с горячим любопытством разглядывала засевших в высокой пшенице куропадок. Те вытягивали шеи, таращились на меня, но не улетали. А потом внезапно сорвались и унеслись прочь. Я со стоном обернулась, чтобы узнать, кто же помешал моему безобидному занятию, и впервые увидела Фанни.

Она шла по дорожке, постукивая своей тросточкой и жмурясь от яркого солнца, проникавшего сквозь дырочки в ее соломенной шляпке. Лучи высветили ее длинный мясистый нос, скулы и плотный барашек седых буклей. Она уже тогда была очень стара, но держалась удивительно прямо, не горбясь, как истинная аристократка, каковой и являлась.

Как и почему мы подружились — не знаю. Уже и не вспомню. Но я с радостью бежала к этой уверенной в себе, невероятно стойкой женщине. Она через очень многое прошла, но оставалась ироничной и спокойной. Она напоминала мне прабабушку, но ту я видела всего три или четыре раза за всю жизнь, а рядом с Фанни я провела три удивительных года.

Лишь ей одной я позволяла себя ругать, лишь ее одну называла своим другом. Возможно, она считала меня кем-то вроде дочери или внучки. Не знаю. Она звала меня Эллочкой и деточкой, но не более того. Иногда обнимала, крепко прижимая к себе, но в ее взгляде я не замечала ни

тоски, ни сожаления. Мы и в последний раз с Фанни не обнялись, просто попрощались до следующего раза, собираясь вместе отправиться за черникой...

Я приходила к Фанни пить чай. Именно она научила меня не только разбираться в нем, но и заваривать. А самой важной частью приготовления чая Фанни считала сбор трав. Она любила самый обычный черный, нежнейший зеленый, но больше — травяной и ягодный. И мы много гуляли, собирая целые корзины всевозможных трав, цветов и ягод. Свою добычу мы сушили, толкли в ступках и запирали в стеклянных банках, а потом, когда начинало темнеть, усаживались за круглый стол на веранде под большим абажуром и долго пили чай. С ягодами, с травами, со специями, с молоком. Над нами кружились звонкие голодные комары, а мы отдувались и хрустели колотым сахаром.

И потом, несколько лет спустя, перебравшись в Вербич и поступив в профучилище, я не могла предать память о Фанни и перечеркнуть все те знания и умения, которые мне подарила эта невероятная пожилая рейяна. Так что на дополнительные занятия я не ходила, а тратила время на то, что посещала городскую библиотеку, гуляла по городу и терроризировала хозяев кофейен и чайных, выискивая тех, кто мог хоть чему-то меня научить. Естественно, записи об этом в моем деле не имелось.

Покатав во рту глоток кофе и несколько раз глубоко вдохнув носом, я сплонула в раковину. В качестве попавшегося мне кофе я не ошиблась, кардамон его не спас, но я уже придумала план выхода из этого положения и собиралась заняться его реализацией после работы.

— Ваш кофе, — едва слышно пробормотала я, входя в кабинет начальника с подносом. Белянский на меня даже не взглянул, а что-то мычавший до этого судмедэксперт мгновенно умолк. Неслышно поставив чашки на стол, я унесла из помещения ноги, боковым зрением заметив обреченный взгляд Калтуховского.

ГЛАВА 4

— Ты мне лучше по делу маньяка что-нибудь скажи, — стараясь не повышать голос, потребовал Марьян. — Я ведь просил тебя бумаги посмотреть.

— Марьян, да где ж я тебе это дело найду? — нервно вскинулся Калтуховский и даже немного подпрыгнул в кресле, отчего оно страдальчески хрустнуло. — Тому делу уже тридцать лет! Если тебе рейяна Белчер сказала, что уже видела похожее дело когда-то, то она бы хоть детали уточнила. У нас в картотеке много разных сведений, но мне что, весь отдел к делу припрятать?

— А мне где это дело искать, будь оно неладно? — возмутился Марьян. — Мой предшественник все оставил в таком состоянии, что в старых делах хракс ногу сломит! Белянский бросил на стол карандаш, подхватил с блюдечка чашку и, обжигаясь, глотнул кофе.

— А может, и не было такого дела, — с надеждой пробасил Себастьян и тоже отпил из чашки. — Белчер — хороший секретарь, но и она может ошибаться.

Марьян хмуро воззрился на судмедэксперта и ничего не ответил. Мнению рейяны Белянский был склонен доверять гораздо больше, чем Калтуховскому, который на пару с бывшим старшим следователем отдела убийств устроили полнейший бардак в документации.

Домыв чашки, протерев все поверхности и закрыв наконец окна в приемной, я оглядела завал из папок там, где должно было быть рабочее место секретаря.

— Да-а, закопаюсь знатно, — прошипела я себе под нос, подступая к горе.

Походив вокруг стола и присев на корточки перед креслом, где тоже высилась стопка папок, я очень быстро отметила, что хотя все папки и были разной степени истрепанности, но почти у всех картон на корешке выгорел. Значит, это папки не из какого-то хранилища.

Присмотревшись внимательнее, я заметила, что у части папок корешки выгорели лишь на верхнюю треть, словно свет снизу что-то перекрывало...

— Ага! — радостно прошептала я. — Это папки со стеллажа.

Если это папки из приемной, значит, это моя территория и мне не нужно ни под кого подстраиваться, учитывать чье-то мнение.

Воодушевившись этой мыслью, я довольно подтянула рукава жакета и приступила к работе. На папках не было номеров, а если и были, то какие-то несурзные, так что я очень быстро

отказалась от попытки рассортировать по этому принципу. Сортировать по новизне папок тоже не вышло, потому как в паре очень старых папок оказались дела, раскрытые всего лет семь назад, а в новых — очень давние. Тогда я плюнула на все и стала собирать дела по первой дате в бумагах. Это занимало уйму времени, но зато очень скоро на полу стали вырастать ровные стопки, в каждой из которых были дела за один конкретный год.

Произведя первичную сортировку и освободив наконец свое рабочее место, я приступила к нудной, но, похоже, просто необходимой работе. Перетащив на столешницу первую стопку, я старательно выписала в блокнот информацию по каждому делу, а после самовольно пронумеровала папки и вывела сверху на обложке даты открытия и закрытия дел. Только после этого папки из стопки переключались на полку стеллажа, а я взялась за следующую стопку.

Я так увлеклась процессом, что не обратила внимания, как открылась дверь и в приемную из кабинета вышел рейян Калтуховский. Мужчина был хмур и бледен. Я следила за ним краем глаза, опасаясь, что судмедэксперт вот-вот вновь обо мне вспомнит и придется как-то отбиваться от этого медведя. Но рейян секунду постоял у закрытой двери и, глядя в пространство, утопал прочь.

Глянув на закрывшуюся дверь, пожала плечами и продолжала свою работу. Если мой начальник способен довести кого-либо, то это не мои проблемы.

За следующие несколько часов в приемную постоянно ломились обитатели управления и жандармы. На пятом посетителе, который даже не пытался прикинуться, что у него важное дело, я включила самую лучезарную свою улыбку. Ее я приберегала на потом, но пришлось использовать сейчас. Погрязшие в работе и почти чисто мужском обществе работники магконтроля, видя мои сияющие глаза и белые зубки, выпадали из реальности. Если объект проявлял чудеса стойкости, я решительно поднималась из-за стола, расправив плечи. Мужчины тарасились на фривольные шелковые оборки жабо, не столько скрывавшие, сколько еще больше подчеркивавшие грудь, на ноги в чулках с идеальной стрелкой и послушно теряли дар речи, позволяя мне или выставлять их из приемной, или усаживать в кресла для посетителей с чашкой кофе.

В какой-то миг из кабинета на ровный гул голосов вынырнул Белянский, хмуро оглядел рассеявшуюся толпу мужчин и, не повышая голоса, сказал:

— Как я погляжу, у вас уйма свободного времени? Так я мигом вам дело найду.

Мой зрительный зал как ветром сдуло всего через пару секунд. Парочка особо резвых смоталась прямо с чашками в руках, но я не стала орать им вслед. Проследив, как за последним жандармом закрылась дверь, шеф вновь скрылся в кабинете, так и не взглянув на меня.

Я снова закопалась в папках и прозевала момент, когда за окном начало темнеть. За все это время шеф из кабинета ни разу не вышел, но это и неудивительно — удобства все под боком, а еду можно и через портал в кабинет доставить. Кстати о еде...

Прижав ладонь к животу, я поморщилась и поднялась. Нельзя, нельзя забывать о себе. Рабочее рвение — это прекрасно, но мне за него вряд ли хотя бы спасибо скажут.

Убрав чашки и вытерев столик в зоне для посетителей, я собрала с пола папки, стараясь соблюдать последовательность, и перенесла их в угол за свой стол, где они бы никому не помешали в мое отсутствие. Папок было еще очень и очень много, я разобрала едва ли десятую часть всех дел, но ровный рядок на верхней полке стеллажа безмерно радовал. Если продолжать в том же темпе, то за пару-тройку дней я наведу порядок и мне будет не стыдно перед посетителями.

Я все оттягивала и оттягивала момент, но, в конце концов, собралась с духом, тихо постучала и заглянула в кабинет. Мой рабочий день закончился еще два часа назад, но просто молча уйти...

В кабинете царил тот же перманентный кавардак, который я видела утром, разве что папок на столе начальника стало чуть меньше, а освободившееся место заняла большая настольная лампа. Сам рейян Белянский с хмурым выражением лица что-то быстро писал, то и дело сверяясь с какими-то клочками бумаги.

— Рейян Белянский! — позвала я.

Начальник даже не дрогнул.

— Шеф!

Старший следователь невразумительно что-то промычал.

— Мой рабочий день закончен, — сказала я, решив, что это мычание вполне можно засчитать в качестве ответа. — Если я вам больше не нужна, я иду домой.

Белянский и на этот раз не оторвался от бумаг, даже не взглянул на меня, и я, посчитав свой долг исполненным, тихо прикрыла дверь.

Отряхнув жакетик, пригладив появившиеся за день складочки на юбке и протерев пальцем браслетик работника управления, я с улыбкой подхватила свой ридикюль и легкой походкой вышла из приемной. По коридору шла с улыбкой, по лестнице неслась легкой длинноногой газелью и лишь в холле чуть притормозила, чтобы пожелать спокойной смены уже другому работнику охраны. Все с той же довольной улыбкой я покинула здание и, напевая себе под нос, спустилась по ступенькам, краем глаза замечая взгляды столпившихся на углу жандармов. И лишь отойдя на пару кварталов, я перестала улыбаться, а плечи сами собой чуть поникли. — Уф, Элка, — выдохнула я едва слышно, — ты справилась. Дальше будет проще. Ведь так?

Новое утро началось для меня с аромата нежных сырных слоев, купленных по дороге на работу, и запахов трав, на покупку которых я потратила весь предыдущий вечер. С упоительной тяжести солидного брикета чая, завернутого в несколько слоев бумаги и бережно запечатого в жестяной плоской коробке. С бульканья молока в стеклянной бутылке и мыслей о скором завтраке.

В кафе я не забежала, проспала, но по пути на работу успела перехватить все то, что должно было компенсировать мне вчерашнее блуждание по окрестностям. Рядом с моим Лиловым переулки я обнаружила две вполне приличные булочные. Я попала в них перед закрытием, но успела купить себе по паре разных плюшек, чтобы дома оценить качество предлагаемой продукции. Нашлась и бакалея, работавшая до поздней ночи, но там я могла добыть разве что крупы, сухофрукты, орехи и чуть вялую дыньку. А вот мясных лавок обнаружилось целых три! Маги значительно упростили работникам ножа и топора жизнь, а гномы с их особыми холодильными установками упрочили ситуацию, так что даже среди ночи я смогла купить свежую вырезку и отменный кусок копченой свиной ноги, которую для меня тут же напластали тончайшими ломтиками.

Хотелось на все наплевать и нестись домой, но я погуляла еще и была вознаграждена, обнаружив крошечный угловой магазинчик с неприметной вывеской. Облупленная зеленая краска на двери и рамах витрин, мутноватые стекла и два больших круглых горшка с красной геранью у входа — так встретила меня маленькая уютная лавочка, где не было ничего случайного.

Там не теснились на полках многочисленные баночки и коробочки с яркими этикетками, не торчали тут и там завлекательные плакаты с рекламой, на которой белозубые красотки радостно сжимали в руке чашку с эмблемой известной марки. Но там половину пространства занимали плотно набитые двадцатикилограммовые мешки с кофе, а полки ломились от стянутых бечевкой плоских круглых блинов чая. В крупных стеклянных банках, скрытых за занавеской, поблескивало что-то еще, но меня интересовал именно чай.

За высоким столом-прилавком, собранным из отполированных за многие годы поддонов, восседал сухонький старичок в круглых очочках. Он внимательно следил за тем, как легкий парок вьется над широким приплюснутым чайничком, и не обратил на меня внимания.

Подойдя ближе, я почтительно замерла, дожидаясь нужного момента.

— Как кружит, а? — с восторгом произнес старичок и поднял на меня довольный взгляд. — Загляденье, скажите!

— Чай танцующих вод? — предположила я и не сдержала возгласа восторга, когда парок заискрился и стал золотисто-оранжевым.

— Именно! — воодушевленно ответил старик. — Отменная партия!

Ни о чем не спрашивая, он вынул из-под столешницы две широкие плоские чашки без ручек и бережно разлил чай. Опустив сумку и бумажный пакет на пол, я присела на высокий стул и внимательно вгляделась в золотисто-оранжевые глубины, дожидаясь, когда пар, а вслед за ним и чай вновь изменят цвет и станут насыщенного темно-оранжевого оттенка. Прежде мне не доводилось пробовать такой чай, но Фанни мне о нем рассказывала.

Мы со старичком с почтением дождались наилучшего момента и одновременно пригубили прекрасный напиток из плошек. Помолчали, наслаждаясь вкусом.

— Превосходно, — выдохнул старичок, допивая чай. — Скажите?

— Изумительно, — согласилась я, испытывая почти благоговение. Всю мою усталость как рукой сняло, в теле появилась бодрость, а душу наполнил прилив радости.

Этот чай считался редкостью и стоил каких-то умопомрачительных денег. Его выращивали в соседнем королевстве на склонах гор, расположение которых держалось в строжайшем секрете, но все знатоки были в курсе, что свое название чай получил от двух дюжин водопадов, располагавшихся в окрестностях чайных плантаций. Говорили, что чайные листочки срывают лишь в том случае, если после дождя появляется радуга и отражается в водопадах. Будто бы именно из-за воды заваренный чай и обладает необычными свойствами, похожими на колдовство тончайшей работы, но не имевшими к магии никакого отношения.

Фанни утверждала, что сразу после заваривания, пока парок над чайничком еще белый, чай почти не имеет вкуса. Если попробовать чай, когда он похож на утонувшее в воде солнышко, то его вкус покажется легким, как ароматный липовый взвар, но стоит подождать еще немного — и чай вознаградит терпеливого человека пряностью и терпкостью апельсина, сладостью и пьянящим ароматом винограда. Но реальность превзошла мои ожидания, и я со смешком признала, что не могу вразумительно описать истинный вкус этого чая. Была терпкость, была сладость, и запах чая был невероятным, но словами описать этот глубокий многогранный вкус не получалось.

— Чай — как прекрасное живописное полотно, — вновь наполняя плошки, произнес старичок. — За один глоток его можно оценить, но, пробуя вновь и вновь, всякий раз замечаешь что-то новое, понимаешь все лучше и лучше.

Я искренне улыбнулась и согласно кивнула.

— А вы понимаете толк, милейшая рейна, — с удовольствием пригубив чай, неспешно произнес старичок. — Спасибо. Всегда приятно встретить того, кто разбирается.

— Думаете? — с толикой кокетства спросила я и зажмурилась от удовольствия.

— Я же вижу! В этом городе, знаете ли, отвратительный ритм жизни, — посетовал старичок, снимая с носа очки и протирая их маленьким клетчатым платком. — Ни у кого нет времени, чтобы выделить каких-то полчаса и просто насладиться чашечкой чая, отличной погодой и приятной компанией. Как вам в столице?

Я не стала спрашивать, откуда старичок, которого, как потом выяснилось, звали Аристарх Бжехецкий, узнал, что я лишь недавно приехала в столицу. Он рассказал мне сам. Я сначала погрешила на магию, но все оказалось гораздо проще: с владельцем магазинчика каждый день чаевничал владелец кафе, где управление оплатило мне завтраки и ужины, а из-за волос меня вряд ли можно было с кем-то перепутать.

Мы еще долго неспешно наслаждались чаем, и я с искренней улыбкой слушала рассказ о том, как же рейяну Аристарху удалось добыть чай танцующих вод. Из магазинчика я вышла с огромным кулком кофейных зерен, двумя круглыми брикетами чая и массой сверточков с гвоздикой, мускатным орехом, корицей, зеленым и черным кардамоном, мятой и имбирем.

— Так... — протянула я, выставляя все, что принесла с собой, на стол.

Сырные слойки аккуратно разложила на широком блюде. Их было много, но от этого небольшие золотистые конвертики смотрелись еще лучше.

— И сколько в тебя нужно? — спросила я у широкого чайничка, прикидывая объем.

В приемную вернулась уже с подносом. Водрузила его на свой рабочий стол и с нежностью выставила в рядок чайник с настоявшейся темной терпкой заваркой, еще один чайник с подогретым молоком, большую широкую чашку с блюдцем и слойки.

Полнобававшись получившимся натюрмортом, я медленно налила в чашку молоко, а после стала добавлять заварку, двигая чайник немного по кругу. Фанни долго учила меня определять пропорцию на глаз, твердя, что с опытом я смогу с первой попытки добиться янтарно-оранжевого оттенка правильно приготовленного черного чая с молоком.

— Прекрасно, — похвалила себя, чуть поболтав в чашке ложечкой. — А теперь...

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник заспанный шеф с изрядно примятыми с одной стороны волосами. Глянув на меня, рейян моргнул, а потом заметил стоявшую передо мной чашку.

— Ше-э-эф, — слабо прошептала я, не успев ничего сделать.

Белянский в пять больших глотков опустошил чашку, заглянул туда и красноречиво протянул мне. Вздохнув и закатив глаза, я по новой наполнила чашку, а потом сходила за еще одной — для себя. И совершенно не удивилась, обнаружив, что следовательно без зазрения утащил с тарелки слойку.

— Шеф, будете должны, — строго заметила я. — Это мой завтрак, и я из своего кармана все оплачивала.

Белянский что-то нечленораздельно промычал, жуя вторую слойку. Наполняя чашку для себя, я исподволь его разглядывала. На нем была та же одежда, что и вчера, а на щеке отпечтался уголок книги. Рейян был бледнее вчерашнего и щетина проступила отчетливее. Но я не могла не признать, что в целом в качестве начальства мне достался довольно красивый мужчина. Ему бы только поспать... И поесть нормально.

«Но это не значит, что я отдам на растерзание мои слойки!» — мысленно завопила я, обнаружив, что Белянский схарчил уже половину сырных конвертиков.

С приглушенным стоном я подхватила блюдо и подалась назад так, чтобы до моего завтрака не добрался один невыспавшийся следователь. Не обнаружив больше еды, рейян окончательно проснулся и наконец осмотрелся.

— Что... что вы натворили? — возмутился он, проводя рукой над очищенным от папок столом. — Дела... Вы их переложили?

— Тут мое рабочее место, — напомнила я, деликатно жуя слойку. — Не могла же я на полу сидеть.

— Хракс! — ругнулся Белянский. — Теперь придется начинать все с самого начала. Вы же все перепутали!

Я чуть поморщилась и глотнула чаю.

— Не орите, — попросила я, принимаясь за вторую слойку. — Что я могла здесь перепутать?

Тут был полный бардак. Нет, хаос!

— Контролируемый хаос, — поправил меня следователь. — Я точно знал, что из этого уже просмотрел, а теперь из-за вас потеряю уйму времени!

Шипя от негодования, Марьян Белянский допил чай.

— Еще? — миролюбиво предложила я.

— Да! — свирепо рявкнул мужчина.

Я пожала плечами и взялась за чайничек с молоком.

— А что именно вы искали? — спросила я.

Буйство шефа меня впечатлило, но не напугало, хотя теперь я могла понять, из-за чего от него сбегали другие помощники. Но на такой работе трепетным ланям делать нечего, а я никогда не причисляла себя к этой категории.

— Одно старое дело, — хмуро ответил мужчина, дотянувшись и таки схватив еще одну слойку.

— Насколько старое? — чуть поморщившись из-за того, что в этот раз чай получился немного темнее, чем положено, уточнила я и заправила за ухо ярко-розовую прядь.

— Да какая теперь разница? — подтащив ближайшее кресло и усевшись в него, сквозь зубы процедил рейян.

— Но все же?

— Тридцатилетней давности, — наконец ответил следователь. — Точнее не знаю.

— Если погрешность невелика, то... — Чуть помедлив, я взяла блокнот, который пристроила на стопку папок, с которой собиралась начать утром. — Возможно, я уже внесла нужное вам дело в список.

Марьян Белянский удивленно уставился на раскрытый и повернутый к нему блокнот, а потом вчитался в написанные там строки. Я знала, что он там увидит, и была собой невероятно горда.

— Это... — едва не пронеся чашку мимо рта, произнес рейян.

— Я не обнаружила, по какому принципу дела были сортированы прежде, поэтому решила просто сделать полный список, — пояснила я. — Тут только самое начало. Дела за пять лет. Все по порядку. Я выписала даты открытия и закрытия дел. Или, если дела не раскрыты, то, как видите, стоит прочерк. Краткое описание убийств... Дальше имена и фамилии жертв, потом имена и фамилии убийц.

Белянский отмахнулся, и я послушно умолкла, получив возможность съесть еще одну слойку.

— Вот оно! — воскликнул мужчина через минуту, досмотрев до третьей или четвертой страницы в блокноте. — Где это дело?

Глянув, в какую именно строчку ткнул пальцем следователь, я привстала, сверилась с собственноручно написанными датами и подала начальнику нужную папку.

— Значит, было такое дело, — потеряв ко мне интерес, хмуро прошептал рейян и поднялся.

Я проводила начальника взглядом и налила себе еще чаю, хотя и заварка и молоко уже успели остыть.

— Молодец, Эллочка, — похвалила я себя и отсальтовала себе последней слойкой. — Ты важный и ценный сотрудник. Так держать!

На шефа я не обиделась. Вот еще! Очень нужно мне зависеть от его мнения. Я тут не для того, чтобы питаться благодарностями.

— Да, — глянув на дверь, пробормотала я. — За вами должок. Так и запишем.

Я вынула из ящика стола чистый блокнот и сделала в нем первую запись, чтобы позже напомнить начальнику и о слойках, и об остальном. Пусть только окончательно в себя придет и умоется, что ли.

Но не успела я вернуть блокнот в ящик и убрать со стола, как дверь кабинета распахнулась вновь и шеф, уже в пиджаке, хмуро велел:

— Бонс, за мной!

Удивленно вздернув брови, я хотела было засыпать рейяна вопросами, но тот жестом остановил меня и недовольно рыкнул:

— Быстрее, Бонс!

Больше я раздумывать не стала. Схватила чистый блокнот и ручку и вылетела из приемной в коридор вслед за Белянским.

ГЛАВА 5

От Центрального управления мы отъехали в черном массивном автомобиле с гербом магконтроля на дверцах. Водитель-гном в черной форме жандармерии странно на меня покосился, но я не придавала этому значения. Меня больше волновало неудобное горбатое сиденье, изобиловавшее кочками и простирающимися сквозь черную кожу пружинами.

— Не ерзайте, Бонс, — покосившись на меня, велел начальник.

Но как же не ерзать, если, пытаясь хоть как-то устроиться, я то и дело съезжала по буграм в сторону Белянского, рискуя нарушить субординацию. Приходилось держаться за ручку на дверце и надеяться, что путешествие будет коротким.

На мое счастье, всего через десять минут автомобиль затормозил перед домом на Торговой улице. Дома здесь были массивные, в три или четыре этажа, с отделанными дорогим камнем фасадами. От тротуаров дома оберегали чугунные ограды с калитками напротив парадных входов.

Выбравшись из черного нутра казенного автомобиля, я задрала голову, рассматривая здание, перед которым нас высадили. У подъезда дежурили жандармы, еще двое стояли под окнами чуть в стороне, передавая из рук в руки фляжку, к которой каждый по очереди прикладывался.

— Возьмите, — велел Белянский, протягивая продолговатый артефакт из тусклого сплава на черном шнурке.

Я хмуро воззрилась на предмет и покачала головой.

— Не нужно. Все нормально.

Шеф недовольно сжал артефакт в руке и, понизив голос, строго спросил:

— В чем дело?

— Ни в чем. Просто не надо артефактов, — чуть поморщившись, тихо ответила я.

Рейян спрятал вещь в карман и пару секунд помолчал.

— У вас есть платок? — повернувшись ко мне, задал вопрос Белянский, а потом, не дожидаясь ответа, вытащил из нагрудного кармана пиджака сложенный вчетверо кусочек ткани. — Постарайтесь не свалиться в обморок.

Глянув на шефа, я молча взяла платок и проследовала за начальником к двери, которую перед нами тут же распахнули. Воспользоваться платком захотелось в тот же момент, как я переступила порог. По заполненному жандармами холлу расползлся сладковатый душок, перебивавший все другие запахи.

— На второй этаж, старший следователь, — доложил один из жандармов.

— Кто из судмедэкспертов приехал? — спросил Белянский, шагая к лестнице.

— Харт, — откликнулся кто-то из мужчин. — Он как раз у нас был, когда сообщили о происшествии.

Рейян кивнул и пробормотал себе под нос:

— Отлично. С ним хоть работать можно.

Жандармы косились на меня с любопытством, но я, не глядя по сторонам и прижимая к лицу платок, последовала за начальником. От платка ненавязчиво пахло терпким мужским одеколоном, но сладковатое зловоние все равно чувствовалось. Желудок мгновенно взбунтовался. Пришлось на секунду приостановиться и прикрыть глаза, пережидая легкое головокружение.

— Бонс, — позвал начальник с площадки второго этажа, — ну, где вы там? Если вам плохо, идите на улицу.

Ха! Так я и пошла! Тащить меня за собой я не просила, но разве это повод позорно сбегать? Не дождетесь, рейян Белянский!

Я медленно глубоко вдохнула, заставляя себя сосредоточиться только на аромате одеколона, и расправила плечи. Дальше я поднималась уже куда спокойнее и в большую комнату вслед за начальником вошла совершенно собранная, уже заранее зная, что там увижу.

Нынешняя Торговая улица в прежние времена смотрела фасадами на большую торговую площадь, носившую простое и емкое название Рынок. Площадь была огромна, и деревянные строения купцов и лавочников занимали ее так тесно, что по дощатым настилам, прикрывавшим тогда голую землю, едва могли пройти в ряд два человека. Но место было важное, богатое. Все купцы стремились попасть именно на Рынок, ведь там ковались настоящие состояния, на которые можно было безбедно жить многие годы, и там продавались лучшие товары. И торговцы, дабы показать свою силу и зажиточность, стали выкупать дорогую землю вокруг Рынка и строить для себя хоромы.

Дома из белого и серого камня, добыча которого велась в каменоломнях в трех сотнях миль от Гаруча, всего пару десятков лет назад получившего статус столицы нового королевства, вобравшего в себя сразу три ранее существовавшие державы, вырастали быстро. Каждый купец стремился построить хоромы побогаче, отделать самым лучшим мрамором и резьбой; каменотесы брали огромные деньги за свою работу. Но уже тогда власти новой столицы обязали купцов соблюдать некоторые требования, что и определило нынешний вид улицы. Дома выше четырех этажей не допускались, каждому купцу разрешалось строить фасад не более чем на пять окон в ряд. Чтобы выхлопотать себе послабления, купцы доплачивали. И порой очень много.

Через сотню лет Рынок решено было очистить от торговых рядов — Гаруч развивался и ширился, и власти желали отдать дорогую землю под застройку. Площадь исчезла, а дома, прежде стоявшие по ее периметру, получили новый адрес. На месте Рынка возвели важные учреждения.

Спустя еще сколько-то лет в домах на Торговой сменились жильцы, и теперь здесь обитало много просто очень богатых людей, переделывавших внутреннее убранство домов на свой вкус. Дом, в котором мы оказались, когда-то строили сразу несколько купцов. На каждого из них выделялось не так уж много земли вокруг Рынка, и, не желая терять метры на необходимые между домами проулки, торговцы построили одно здание, но с тремя отдельными входами. Их примеру последовали и другие, но этот дом явно был одним из первых.

За подобный подход торговцев можно было бы назвать скрягами, ведь свои состояния купцы Рынка делали на соли, пряностях, только начавших свое распространение гномских механизмах, но это было лишь внешней оберткой. Фасад дома выглядел дорого, но сдержанно, а вот внутри скрывалась настоящая роскошь.

Да, прошли столетия с тех пор, как дом был построен, сменились поколения жильцов и владельцы, но все внутри дышало роскошью. Я не обратила на это внимания, когда входила в дом и поднималась по лестнице, но в большой комнате на втором этаже царил истинно королевское великолепие.

Старинная и потертая, но все еще очень крепкая массивная мебель из дорогого ильма закрывала от зрителя большую часть стен. Комнату заполняли высокие шкафы, полные толстенных книг, зеркала с частично облезшей амальгамой в старинных резных рамах, столы на тяжелых ножках в виде вставших на дыбы коней и множество других предметов, отчего создавалось впечатление, что посетитель оказался не в чьей-то гостиной, а в старой лавке или каком-то хранилище, куда просто снесли лишнюю мебель. Собравшимся в комнате жандармам и работникам магконтроля было здесь явно тесно.

Но даже мебель не могла скрыть изначального великолепия. С высокого потолка на посетителей смотрела не потускневшая за многие годы роспись. Массивные люстры на цепях давали ровно столько света, чтобы оценить и талант художника, изобразившего леса, луга, возвышающийся на горке старый город и выезжающую из его ворот шумную процессию, и состоятельность заказчика, пожелавшего украсить картину золотом и сверкавшими то тут, то там цветными камешками, вряд ли бывшими просто стекляшками. Искусно изображенные псы, лошади и всадники кое-где сбегали даже на стены; казалось, что вот-вот услышишь и лай, и ржание, и даже раскатистый смех людей, отправлявшихся на увеселительную охоту. На стенах золота становилось больше. Оно текло от росписи на потолке побегами, цветочными бутонами и усыпанными камнями ярко-синими цветами, рассыпавшими бледные голубые блики по мебели, рамам, вазам, теснившимся на шкафах, и по наборному мозаичному полу там, где он не был прикрыт блестящими шелковыми коврами, расцветавшими не менее прекрасными и экзотическими синими цветами.

Цвел на одном из этих ковров и темно-бурый цветок...

Стараясь дышать не слишком глубоко и как можно реже, я вслед за начальником приблизилась к широкому креслу у стены, пытаюсь рассмотреть то, что от зрителя спрятали под белой казенной материей. Очертания не оставляли сомнений, что ткань скрывает человеческую фигуру.

— Доброе утро, Марьян, — приветствовали Белянского, и я скосила глаза на рейяна, сидевшего на маленьком складном стульчике.

«Метаморф, — мгновенно поняла я, разглядывая молодого мужчину. — Или потомок метаморфов, как я».

Сухоощавый и длинноногий, этот рейян выделялся на фоне одетых в черную форму жандармов своей ярко-синей шевелюрой. На носу молодого мужчины сидели круглые очки с желтыми стеклышками, на клетчатом шерстяном костюме виднелись потертости и чернильные пятна.

— Кому доброе, а кому не очень, Вирсен, — с невеселой усмешкой ответил мой начальник, натягивая на руки тонкие перчатки, поданные метаморфом. — Вот у него, — он кивнул на тело под простынею, — утро явно не задалось.

Синеволосый согласно кивнул и бегло посмотрел на меня.

— Кто это с тобой? — спросил он.

Я вовремя заслонила лицо платочком, скрыв свое удивление. В каких облаках витал судмедэксперт, если не слышал, что у Белянского новый секретарь?

Мужчина мгновение смотрел на меня, а потом вновь устался на свои бумажки, чуть кривя губы, и я прекрасно понимала его почти нескрываемое недовольство.

Многие метаморфы откровенно недолюбливали себе подобных. Об этом мне рассказывала тетушка, в отличие от меня унаследовавшая дар к изменению внешности. По ее словам, нелюбовь эта таилась на инстинктивном уровне, неосознанно требуя постоянно разбавлять кровь изменяющихся, а не смешивать ее с себе подобными. А небольшое общее число магов-матаморфов позволяло им почти не пересекаться друг с другом.

— Элла Бонс, мой секретарь и помощник. А это Вирсен Харт, единственный вменяемый эксперт Центрального управления, — сказал Белянский и медленно откинул материю, чтобы разглядеть тело. Значит... уже третий? Уверен?

Метаморф оторвался от бумаг, секунду посверлил меня хмурым взглядом темно-серых глаз (его волосы стали чуть темнее), а потом вернулся к лежавшей у него на коленях папке и продолжал писать, попутно рассказывая Белянскому:

— Уверен. Я пришел пораньше, заглянул в жандармерию по делам и выехал с ребятами, когда им позвонили и сообщили об убийстве.

— Кто сообщил? — спросил Белянский.

На самом деле мой шеф мог и не выезжать на место преступления. Его работа заключалась вовсе не в том, чтобы лично расследовать убийства, но, похоже, старший следователь управления свою работу понимал совсем не так, как гласили инструкции.

И чего тогда он мне о них напоминал?

Заниматься расследованием должен был кто-нибудь из подчиненных рейяна, а по штату ему полагалось не менее трех следователей, работавших посменно, что обеспечивало постоянное присутствие работника подразделения в управлении. Магические убийства происходили

гораздо реже обычных и в десятки раз реже нападений и краж, поэтому такого количества сотрудников вполне хватало для поддержания правопорядка.

Если бы все происходило по инструкции, то к полудню на мой стол легли бы все необходимые отчеты, показания и заключения, которые я бы подшила в папку и подала начальнику вместе с чашкой кофе. Он бы прочел и в дальнейшем читал бы отчеты подчиненных о ходе расследования, внося свои предложения и замечания. И то, что сейчас шефу говорил Харт, Белянский прочел бы на бумаге, а не стоя над телом.

«Кто же знал! — подумала я, слушая Вирсена и стараясь дышать пореже. — Кто же знал, что мне так не повезет!»

Я рассчитывала именно на кабинетную работу, не предполагавшую прямого участия старшего следователя в расследованиях. Если, конечно, это не расследования, освещаемые прессой, вроде убийства кого-то из придворных или столичных богатеев.

Обычно столь высокий пост не занимали молодые и энергичные рейяны. На подобную должность, если верить словам моих преподавателей, выдвигались люди с большим опытом и десятками успешно раскрытых дел. Обычно, переселяясь в отдельный офис, такой заслуженный работник имел за плечами не менее двадцати-тридцати лет службы на благо королевства.

«Нужно будет расспросить Феклу о достижениях шефа», — решила я.

— Сообщила прислуга покойного, — между тем говорил Харт, умудряясь параллельно заполнять бумаги. — У достопочтенного... — Судмедэксперт перелистнул пару страниц назад и прочел собственноручно написанное: — У достопочтенного профессора Марсиса Блежецкого служили трое: горничная, кухарка и старый дворецкий. Неделю назад он дал всем им длинные выходные, а сам собирался на несколько дней уехать по делам в Старгорье, в магуниверситет. Слуги собирались подготовить дом к возвращению хозяина, поэтому и пришли сегодня рано утром.

— И оказалось, что куда их хозяин не уехал, — невесело хмыкнул Белянский.

Я чуть сдвинулась, наконец разглядев то, что скрывалось под простыней. Казалось, я свалюсь в обморок сразу же, как увижу тело, но мне хватило выдержки даже не пикнуть.

Сосредоточившись на своем дыхании и разговоре мужчин, я разглядывала бедного профессора. Он был не слишком стар — в его густой темной шевелюре едва-едва показалась седина, да и морщины пока не избородили его лицо. Не было дряблой кожи, пигментных пятен. Наверное, если бы встретила его при жизни, то посчитала бы рейяна крепким мужчиной лет пятидесяти-пятидесяти пяти. Щеки умершего были гладко выбриты, одежда, хоть и находившаяся сейчас в беспорядке, выглядела новой. Мужчина производил впечатление человека, который знал себе цену и никогда не забывал об аккуратности и чистоте. Казалось, он вот-вот возмущенно выпрямится, отряхнет одежду, приведет себя в порядок и потребует от набившихся в комнату жандармов объяснить, что они делают в его доме. Несмотря на сильный запах, стоявший в комнате, мужчина не походил на давно умершего, скорее на сильно напуганного тем, что он, почтенный профессор, предстал перед посторонними с двумя воткнутыми в глазницы короткими кинжалами.

Я сглотнула и отступила на шаг.

— Слуги решили, что его просто убили, поэтому позвонили жандармам, а не напрямую нам.

Услышав подробности, я решил съездить и сам посмотреть. И не ошибся. Точнее скажу потом, но пока все выглядит ровно так же, как в двух предыдущих делах, Марьян, — с горечью произнес Харт. — Похоже, ты оказался прав и в Гаруче появился маньяк. Следы, вероятнее всего, рассеялись, но при тщательном осмотре я смогу выяснить, как именно обездвигили тело. Мужчина сопротивлялся, но очень недолго. Пытался сбросить чары, но не смог. Его толкнули в кресло или он осел в него сам, а потом убийца один за другим вонзил кинжалы. Жертва конвульсивно подавалась вперед... видишь следы на ковре... а потом затихла. Вряд ли у убийцы все заняло более пяти-семи минут.

Белянский в раздражении стиснул челюсти и вернул материю на место.

— Лучше бы я был не прав, Вирсен, — прошептал мой шеф. — Лучше бы я был не прав.

Харт покосился на меня и, продолжая составлять первичный отчет, заметил:

— Вы на удивление хорошо держитесь, рейна.

В других обстоятельствах я бы широко улыбнулась в ответ, но сейчас больше всего хотелось как можно меньше двигаться и еще меньше думать. Я промолчала и глянула на начальника. Тот

задумчиво обходил комнату, разглядывая вещи и мебель. Время от времени маг останавливался то у стен, то у шкафов, трогая элементы отделки.

Когда начальник вышел из комнаты, я последовала за ним. Первый ужас от столкновения с делом об убийстве и неуверенность прошли, и я вновь была собрана и замечала то, что происходило вокруг, но провожающие любопытными взглядами жандармы меня мало интересовали. Размеренно дыша, я шагала за шефом, держа наготове блокнот и ручку. Все отчеты будут составлены и лягут на стол Белянскому, пройдя через мои руки, самой мне бегать и записывать за работавшими на месте спецами не требовалось. Другое дело — личные записи рейяна Белянского. Не зря же он меня за собой потащил. Обязательно будет что-то диктовать, чтобы не потерять наблюдения с места преступления. Система и формулировки в данный момент не важны, для подшивки в дело шеф или лично перепишет свои мысли в соответствии с правилами, или поручит это мне.

Я угадала и вскоре уже всю строчила на белых листочках, стараясь писать разборчиво — начальник вполне мог потребовать записи по возвращении в управление.

— Мебель не сдвинута, ничего нигде не сломано, явных следов крови нет. Значит, убили профессора именно в той комнате. Если бы его убили в другом месте, то на ковре были бы кровавые следы от самой двери, а у ног жертвы не натекла бы целая лужа. — Шеф внимательно осмотрел открытый саквояж в спальне и стопки одежды рядом с ним, гардероб профессора. — Только в той комнате установлены многочисленные охранные артефакты. Артефакты старые и надежные, раз их не меняли с постройки дома.

Я молча записывала. Шефу лучше знать. Я присутствие каких-либо магических предметов не ощущала, ведь видеть излучаемое ими сияние мог лишь магически одаренный человек.

— Что это значит? — сам у себя спросил Белянский, а я замерла, выжидая.

Шеф уставился на меня, подошел и, пальцем наклонив блокнот, уставился на выведенные мною строчки.

— Не строчите бездумно? — хмыкнул он. — Хорошо.

Я спокойно посмотрела на начальника, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

— Хорошо держитесь, — сухо похвалил рейян. — Так что это значит, Бонс?

Я моргнула, запоздало понимая, что так туго натянула вожжи самоконтроля, боясь внезапной собственной реакции, что превратилась в заторможенную курицу и сейчас тулоплюсь на начальника, едва соображая, чего он от меня хочет.

«Элла! — рывкнула я на себя. — Соберись!»

Быстро проглядев то, что еще минуту назад записала, я осторожно произнесла:

— Ну, его там убили... и, видимо, профессор опасался за свою жизнь, раз не избавился от охранных артефактов прежних владельцев.

Шеф кивнул и уточнил:

— Это все?

Я секунду подумала, а потом тихо честно призналась:

— Шеф, я впервые видела мертвого... убитого. Я в принципе с трудом соображаю, а вы от меня каких-то выводов хотите.

Марьян не ожидал, что розововолосая девица будет держаться так отважно. Еще до того, как они вошли в дом, Элла Бонс побелела и перестала держать лицо, но платок ей Белянский предложил не из вежливости или жалости. Рейяну не было дела до переживаний помощницы. Но рейяна проявила чудеса выдержки: в обморок не грохнулась, не ринулась прочь, попутно ища уборную, и не закатила истерику. И, что Марьян оценил более всего, не стала бравировать своей выдержкой.

«Хм... Возможно, все не так безнадежно», — с некоторым удивлением признал он, глядя в темно-голубые глаза.

— Потерпите, Бонс, — немного смягчившись, сказал рейян. — Мы не задержимся тут дольше, чем требуется.

Девушка не ответила, но Марьян отметил, как на краткий миг на ее лице промелькнуло удивление. Но он тут же об этом забыл. Старшему следователю не было дела до мыслей помощницы, его волновало дело, в котором появилась третья жертва.

— Дверь не взломана механически, — сказал Белянский, и Элла глянула записи, где об этом уже упоминалось. — Явных следов взлома нет, но подождем отчет жандармов. Всегда есть

вероятность, что замок вскрыл профи. Но обычно профи лезут в дом, чтобы ограбить, а не для того, чтобы убить.

— Может... может, он не ожидал встретить в доме владельца? — предположила Элла.

— Маловероятно, — покачал головой Марьян. — Истинный профи, который собирается ограбить такой дом, будет долго ходить вокруг, выясняя распорядок дня обитателей, и выберет для проникновения наилучшее время. Например, ночью.

— Ночью? — переспросила Элла.

— Профессор Блежецкий полностью одет, — чуть раздраженно заметил следователь. — Его постель убрана и заправлена. Возможно, он сделал это сам, но я почти уверен, что Харт установит, что жертва погибла в тот самый день, когда отпустила прислугу.

— Было светлое время суток, он собирал вещи в дорогу, — пробормотала девушка. — Ну да... Вор, ковыряющийся отмычками в замке, тут не вяжется.

— И вор, даже если бы он убил человека, не ушел бы из дома без трофеев, — кивнул Белянский. — А карманные часы профессора остались при нем, в гардеробе множество дорогих запонок, зажимов для галстука, и по дому много подобной дребедени, которую можно незаметно вынести из дома. И, что самое главное, кинжалы. Они не из этого дома. Их принесли с собой.

— Почему? — спросила секретарша. — Вы говорите, это уже третье такое дело. Значит, предыдущие жертвы были убиты такими же кинжалами?

— Не точно такими же, но на этих кинжалах, как и на других, отчетливые следы черной магии. Элла Бонс тихо охнула и закусила губу. Секунду Белянский смотрел на нее, а потом продолжил рассуждать вслух:

— Магический взлом также исключен, хотя можно допустить, что за неделю со дня смерти все следы развеялись. Э-э... Берсений! — Марьян направился к одному из работников управления. — Соседей уже опросили?

— Как раз этим занимаемся, — ответил рейян.

— Обязательно узнайте, слышал ли кто-либо странный шум и наблюдал ли кто-либо странное магическое возмущение, — велел Белянский и хмуро глянул на сотрудника, заметив, что тот, вместо того чтобы слушать, пялится на Эллу Бонс. — Слышишь?

— А?.. Да, — отмер мужчина. — Марьян, мы же свое дело знаем.

Белянский промолчал. Он уже десять лет служил в магконтроле и прекрасно знал, как большая часть сотрудников знает свое дело. И эту самую часть ему хотелось выгнать взащей.

— Вероятнее всего, никакого возмущения не было, — сказал он Бонс, и та послушно сделала пометку в блокноте. — Близко центр города, на Торговой живут состоятельные люди, у многих из которых дома хранятся ценности. Будь хоть один намек на то, что в чей-то дом проникли, любой из местных поднял бы шум, опасаясь, что непойманный вор или убийца в следующий раз нацелится на еще кого-нибудь из горожан. Это не гражданская ответственность, это страх за свою жизнь или свои деньги. Но тем не менее к жандармам обращения не было. Ведь не было? — Нет, Марьян, — согласился Берсений, услышав вопрос. — Но всегда есть шанс, что кто-то что-то заметил, просто не придал этому значения.

Старший следователь кивнул и двинулся обратно на второй этаж.

— Взлома не было, — сказал он, остановившись на площадке и с прищуром глядя на дверной проем комнаты, где было обнаружено тело. — Профессор сам впустил убийцу в дом. Причем тот появился у него в тот же день, когда профессор намеревался уехать в Старгорье. И профессор знал этого человека. Знал настолько хорошо, что впустил в дом, и при этом так хорошо, что решил вести с ним беседу не в удобной библиотеке, где проводил большую часть времени, где был его кабинет и где явно принимал посетителей, а именно в той комнате, напичканной охранными боевыми артефактами. Вот только активировать их не успел...

ГЛАВА 6

На один короткий миг шеф из хмурого следователя-самодура превратился в просто молодого измотанного мужика. Он не улыбнулся, не стал ко мне добрее, но промелькнувшая в его взгляде человечность привела меня в чувство. Чуть удивившись этому внезапному проблеску, я смогла наконец полностью сосредоточиться на работе. Сладковатое зловоние все еще навязчиво било в нос, перед глазами стояла картинка увиденного, но теперь это не мешало мне думать. «С другой стороны, может, и стоило бы изобразить из себя нежную фиалку?» — задумалась я на миг, но тут же отбросила эту мысль. Я хочу, чтобы меня считали милой и женственной, а не плаксивой истеричкой.

Слушая шефа, я то просматривала записи, то вносила в блокнот замечания Белянского, наконец сумев охватить всю картину происшедшего в доме.

— Значит, кто-то убивает людей, предварительно их обездвигив? — спросила я, пользуясь тем, что начальник увлечен и не против обсуждать дело с собственной секретаршей. — Но зачем такие сложности? Зачем закалывать их кинжалами? Да еще в глаза!

— Сразу видно, что вы, Бонс, не маг, — ответил шеф, входя обратно в комнату с телом. — Кинжалы — это одновременно и орудие убийства, и способ зачистить следы. Если это дело является звеном целой цепи преступлений, как я предполагаю, то Харт при обследовании оружия подтвердит присутствие остаточных следов заклинания, способного уничтожить душу человека.

Я не удержалась от восклицания. Даже не имея магического образования, о подобном я слышала.

— Значит, ни один маг не сможет прочесть последние воспоминания жертвы?

— Именно, Бонс, — согласился шеф. — И это самая отвратная ситуация из всех, потому что пока не слишком понятно, как связаны между собой три убитых мага.

— А то дело из архива? — спросила я, вспомнив, что в описании убийства тридцатилетней давности также присутствовали кинжалы. — Как оно связано с этими убийствами?

— Это еще предстоит выяснить, — поморщился Белянский, стягивая перчатки. — Надеюсь, оно прольет свет на эти убийства.

— То дело осталось нераскрытым, — припомнила я.

— Я уже сейчас могу с почти полной уверенностью сказать, что тут не похожее, а идентичное убийство, Марьян, — предупредил Харт, поднимаясь и складывая стульчик. — Воложецкий, можете приступать!

Парочка жандармов подступила ближе и принялась раскладывать принесенные с собой носилки. Я посторонилась, чтобы им не мешать, с шипением ударила локтем об один из шкафов.

— Как же тут много мебели, — потирая локоть, просопела я и наклонилась, чтобы подобрать уроненный блокнот.

— Бонс, замрите! — внезапно скомандовал Белянский, но я уже успела выпрямиться.

Шеф с перекошенным лицом кинулся ко мне, жестами требуя отойти в сторону. Я нахмурилась и обернулась, пытаюсь понять, что же случилось. Совсем рядом раздался глухой хлопок, а потом звон. Я отскочила в сторону и, не успев испугаться, уставилась на разлетевшиеся по полу и ковру осколки большой вазы, а потом что-то сильно толкнуло меня в ногу спереди.

— Хракс вас побери, Бонс! — рывкнул шеф, оказываясь рядом. — Да вы...

Белянский схватил меня за плечи, довольно ощутимо сдавив, громко и витиевато выругался и с опаской посмотрел в глаза, будто ожидая, что я вот-вот упаду в обморок.

— Шеф, вы чего? — тихо спросила я, переждав проникновенную речь о моей осторожности, и передернула плечами. — Ну да, неприятность. Ваза разбилась. Извините, пожалуйста.

Я глянула на присутствовавших в комнате, и их вытянутые лица навели меня на запоздалую догадку, что от меня что-то ускользнуло. В повисшей тишине я осторожно улыбнулась и еще раз дернула плечами, надеясь, что начальник меня наконец отпустит.

— Шеф, отпустите, пожалуйста, — шепотом попросила я. — Все нормально.

Рейян прищурился, чуть отодвинулся, продолжая меня удерживать, и внимательно вгляделся в лицо.

— Бонс, у вас, похоже, шок, — как можно мягче сказал он. — Вы просто не сознаете этого. В вас только что попал заряд одного из охранных артефактов.

Я моргнула и зажмурилась, осознавая случившееся. Захотелось громко и цветисто выругаться. Таки высвободившись из захвата Белянского, я склонилась, оценивая нанесенный мне ущерб.

— Хракс, это ведь была почти новая юбка! — обреченно простонала я, запуская палец в прожженное отверстие размером со старый серебряный грош. Сквозь дыру отчетливо просвечивала дыра и в чулке. — Мрак!

Я переступила с ноги на ногу и едва не взвыла, когда ткань с треском разошлась до самого края подола, превратив мою облегающую аккуратную юбку чуть ниже колена в юбку с весьма фривольным разрезом с одной стороны, заканчивавшимся ровнехонько на пару сантиметров выше резинки чулка.

— Мрак... — простонала я, глядя на это безобразие.

Когда я выпрямилась, то совершенно не удивилась, что взгляды всех находившихся в комнате мужчин сосредоточились на мне. Точнее, на выглядывающей из разреза ноге. Лишь Вирсен Харт продолжал строчить свой отчет.

— Бонс, вам надо в маггоспиталь, — держа руки так, чтобы поймать меня, если все же надумаю свалиться на пол, сказал шеф.

— Не надо, — просопела я. — Я... цела. Только юбку порвала.

— Но в вас попало, — напомнил рейан.

— Вам показалось, — решительно улыбнулась я, решив играть в несознанку. — Я зацепилась за что-то, а магический заряд просвистел мимо меня.

— Бонс, — прищурился Белянский так, что я без слов поняла, что шеф моему объяснению не верит. Я бы и сама не поверила, обгорелая ткань тому доказательство!

— Шеф, я правда цела, — сказала я. — Честно!

Белянский прищурился еще сильнее, отчего его глаза превратились в щелочки. Под взглядом шефа мне стало неудобно, но я заставила себя моргнуть и посмотреть на рейана невинными глазами.

— Бонс?

— Правда-правда, шеф! — выпалила я и пару раз кивнула, надеясь, что Белянский не станет докапываться до истины.

— У меня должны быть запасные простыни, — невозмутимо сказал Вирсен Харт, привлекая наше внимание.

Он на миг оторвался от своих бумажек, задумчиво глянул на мои ноги, а потом перевел взгляд на моего шефа и указал рукой на свою сумку. Я тоже глянула на вещи судмедэксперта и чуть поморщилась. Это не укрылось от метаморфа, его волосы разом стали ярко-желтыми, и он с раздражением произнес:

— Простыни чистые, само собой. Они проходят три цикла обычной и два цикла магической очистки, так что вам нечего бояться, рейна Бонс.

Я вежливо улыбнулась, но с места не сдвинулась, лишь прикрыла верхнюю часть незапланированного разреза блокнотом. Белянский хмуро оглядел меня с ног до головы.

Причем так, что я ни на секунду не усомнилась, что допрос с пристрастием мне еще устроят.

Помолчав, шеф повернулся к жандармам и, гипнотизируя их взглядом, как вышедший на охоту крокодил, тихо спросил:

— Кто потревожил охранный контур? Кому надо оторвать руки по самые ноги?

Жандармы переглянулись. Те, кто занимались телом, живо вернулись к делу, собираясь поскорее смотаться из-под грозного взгляда высокого начальства. В комнате присутствовали как жандармы магконтроля, так и обычные, которых слуги вызвали первыми, и теперь и те и другие посматривали друг на друга.

Оно и понятно! Существовали правила, следуя которым, работники магконтроля обязаны были проверить каждый имевшийся в здании артефакт, но проверить так, чтобы тот не сыпал убийственными молниями направо и налево. А теперь оказалось, что кто-то плохо сработал, пуская легкий импульс в сторону вделанного в ручку шкафа магпредмета, и тот сработал на поражение от первого же толчка.

— Что за балаган?! — рявкнул Марьян Белянский так, что тренькнули и закачались люстры. — Вы все на работе. Не болтайте, отвлекая друг друга, а занимайтесь делом!

Шеф подошел к Харту, продолжавшему невозмутимо строчить на листе бумаги, вытащил у него из сумки сложенную простыню и кинул мне.

— Продолжим, — сказал рейян, оглядев всех так свирепо, что жандармы замерли, как кролики, и тут же разбежались в разные стороны, демонстрируя чудеса рвения.

— Ваш адрес! — потребовал шеф, когда мы снова погрузились в казенный транспорт. — Я довезу вас, на работу вернетесь, когда переоденетесь.

— Лиловый переулок, дом три, — ответила я, стараясь не выглядеть в повязанной на талии простыне как посетительница купален. Та почти сливалась с блузкой, делая из меня немного потрепанную нимфу в тоге.

— Итак, Бонс, объяснитесь? — потребовал шеф через пару минут, когда я расслабилась и уже надеялась, что рейян не станет меня допрашивать.

Я повернула голову, собираясь невозмутимо улыбнуться и заверить, что ничего не было и начальнику показалось, но Белянский прожег меня таким взглядом, что я тут же выпалила:

— На меня не действует магия.

Белянский моргнул и осведомился:

— Нейтрал? Врожденное?

Я кивнула, прекрасно сознавая, чем мне грозит такое признание.

— Родители считают, что причиной возникновения стала кровь метоморфов в нашей семье, — пояснила я. — Они изучали вопрос, когда я родилась, и обнаружили, что среди потомков метаморфов довольно часто встречаются те, кто получил неудачное смешение генов. Так, у меня нестандартная внешность, но изменить ее я не могу. Краска просто смывается с волос, а магия... Магия на меня в принципе не действует.

— Совсем? — с исследовательским интересом уточнил рейян.

— Это как врожденная антиспособность, — поморщилась я. — С годами научилась контролировать себя. Мне удастся использовать артефакты, если очень нужно. Но если я не контролирую себя, то могу... испортить любой магпредмет.

— Поглощение энергии? — предположил следователь.

Я покачала головой:

— Нет. Я скорее как бы ломаю их. Начинаются сбои. Или магические предметы просто перестают работать. Ну а заклинания на мне банально не работают. Если бы мой весьма своеобразный дар распространялся еще и на одежду, — нахмурившись, тронула место, где под простыней начинался разрез на юбке. — Мрак...

— Интересно, — чуть помолчав, сказал шеф. — А при контакте с носителями магического дара что-то происходит?

— Нет, — покачала головой. — Моя тетушка-метаморф, даже держа меня за руку, могла без проблем менять внешность. А родители колдовали...

Я покосилась на начальника и вздохнула.

И как теперь жить? Моя особенность или способность была настолько редкой и индивидуальной, что превращала меня почти в уроду по меркам как людей, так и магов. К тому же у всех, у кого появлялось что-то похожее, были отличия, так что нейтралов нельзя причислять к своеобразному подвиду, как метаморфов или перевертышей.

Эх... А я ведь хотела скрыть это ото всех! Жить, как другие. Вот чем я хуже?

Глубоко вздохнув, я отвернулась и, стараясь не съезжать на середину бугристого сиденья, стала смотреть в окно.

Я ждала новых вопросов от шефа или выволочки за то, что в личном деле о моей особенности нет ни слова, но Белянский помалкивал. Неужели сочувствует или проявляет чудеса понимания? Я глянула на шефа, но тот хмуро и сосредоточенно просматривал мои записи в блокноте, а потом и вовсе начал шарить по сиденью.

— Шеф, вот ручка, — глядя на пальцы начальника, ощупывавшие мое бедро, спокойно произнесла я и протянула рейяну искомое.

Тот даже взгляд от блокнота не оторвал, взял ручку, которую я ему прямо под нос сунула, что-то промышчал и стал делать пометки, черкая поверх моих аккуратных строчек.

Хракс! Я же потом его каракули разберу!

Косясь на страницу и пытаясь прочесть то, что написал Белянский, я изогнулась всем телом и едва не повалилась на шефа, когда самоход подпрыгнул на каком-то камне. На мое счастье, начальник не заметил ни моего вскрика, ни того, как я проехала пятой точкой по сиденью, прижавшись ею к рейяну, ни того, как я ужом возвращалась на прежнюю позицию.

— А вы могли бы аккуратнее ехать? — взвилась я, стараясь не думать о том, что начинаю перенимать манеру шефа на всех рычать.

ГЛАВА 7

— Я даю вам час, Бонс, — сказал Белянский, когда гном затормозил тарантайку у подъезда моего дома. При этом начальник даже не взглянул на меня, продолжая делать пометки в блокноте. — У нас много дел.

Проводив черный самоход взглядом, я медленно и глубоко вздохнула, встряхнулась, как кошка, и строго сказала себе:

— Это могло произойти в любую секунду, так что все к лучшему! Пусть уж лучше шеф знает одну неприятную для меня, но в общем-то безобидную тайну. А вот вторую... вторую я выдать не могу!

Решительно кивнув, я направилась к дому и едва не столкнулась с Себастьяном Калтуховским, с удивительной для его роста и комплекции прытью загородившим мне дорогу. Медленно оглядев этого необъятного рейяна с носков начищенных до блеска штиблет до лоснящегося от радости лица, я постаралась не зарычать от недовольства.

— Рейна Бонс! — произнес он, чеканя каждое слово. Мне почудилось, что мне прямо в мозг забивают гвозди. — Какое совпадение!

— Здравствуйте, рейян Калтуховский, — максимально вежливо ответила я и отступила на пару шагов, доводя расстояние между нами до приемлемого.

— Прогуливаете работу в первую же неделю? — пробасил мужчина и рассмеялся, будто бы сказал что-то очень веселое.

— Нет, — начиная терять терпение, ответила я. — Из-за маленького происшествия старший следователь позволил мне забежать домой. Извините, но я очень спешу, рейян Калтуховский. Пусть Лиловый переулок и был глухим и сонным местом, где стояли маленькие аккуратные домики из желтого кирпича с немного гротескной отделкой из белого камня, напоминая об архитектурной избыточности, присутствовавшей во внешнем облике зданий, возведенных пару веков назад по всему королевству, пусть домики утопали в зелени, мешавшей жильцам первых этажей вести наблюдение за дворами, но мне совсем не хотелось торчать на улице в хракской простыне дольше необходимого.

— Дражайшая рейна, — прочувственно произнес главный судмедэксперт Центрального управления магконтроля, — не переживайте вы так из-за работы! — Мужчина шагнул ближе и сжал в своих лапах мою руку, попутно пытаясь заглянуть в глаза. — Такому прелестному созданию не следует перетруждаться. Марьян подождет.

Я попыталась удержать на лице вежливую полуулыбку, но та медленно и неотвратно превращалась в раздраженный оскал.

— Рейян Калтуховский, — мягко сказала я, — спасибо, что переживаете, но мне на самом деле нужно спешить. С вашего позволения...

Я высвободила руку и попыталась обойти мужчину. Но не тут-то было! Калтуховский развернулся, почти задев меня своей бочкообразной грудью, и решительно перехватил чуть выше локтя.

— Рейян... — прошипела я.

— Дорогая рейна, куда же вы, — пробасил мужчина, — постойте.

Меньше всего мне хотелось стоять и слушать Себастьяна Калтуховского.

— Рейян Калтуховский, — теряя терпение, выпалила я, — что вы себе позволяете?

Я грозно сверкнула глазами и кивнула на пальцы мужчины, которыми он довольно ощутимо впился в мою руку. Судмедэксперт тут же конечность убрал, сложил руки на объемной груди и с улыбкой произнес:

— Ах, простите. Я сделал вам больно? Я вовсе не хотел этого. Но... прекраснейшее создание... драгоценная рейна, разве вы можете вот так уйти? Бросите меня посреди улицы? Это ведь невежливо.

Я на миг прикрыла глаза, чувствуя, что кастрюлька с моим терпением не просто нагрелась — через край хлещет кипяток, выжигая все на своем пути. Глубоко вдохнув и выдохнув, я снова посмотрела на рейяна и максимально спокойно выговорила:

— Рейян Калтуховский, мы с вами не договаривались о встрече, а столкнулись случайно. И в данный момент у меня нет времени вести с вами светскую беседу. Мне нужно вернуться на работу меньше чем через час. Поэтому, пожалуйста, дайте мне пройти.

Мужчина оглядел меня с высоты своего немалого роста и, понизив голос, доверительно, как ему казалось, произнес:

— Зачем все эти игры, дражайшая Эллочка?

Я не удержалась и зло вздернула брови, а мужчина продолжал:

— Спешить на работу? Правда думаете, что хоть кто-то поверит, что вы пришли в управление для того, чтобы работать?

Я прищурилась, начиная понимать, где мой шеф заполучил такой плохой характер.

Пообщаешься вот с такими умниками и без шкуры перевертыша начнешь на людей кидаться.

— Зачем, — с удовольствием продолжал между тем судмедэксперт, — зачем все эти игры? Вы ведь в управлении лишь для того, чтобы найти себе подходящего мужа, да? Или, что более вероятно, возлюбленного? Мужья, как известно, не всегда щедры, а вот любовники понимают, что за приятное общество нужно расплачиваться.

Я вновь зажмурилась и медленно втянула носом воздух. Выдохнуть получилось лишь с третьей попытки.

Что?! Я потратила три года на занятия по четыре раза в неделю только для того, чтобы обзавестись мужем? Я училась и набивала шишки только для этого? Так он думает? Seriously?!

— Рейян Калтуховский! — чувствуя, как красная пелена застилает глаза, выпалила я. — Да как вам такое в голову пришло? Я пришла в управление магконтроля, чтобы работать. Не выдумывайте!

— Сколько уж было таких историй и таких оправданий! — радостно расхохотался мужчина, шагнув ко мне. Я вынужденно отступила, оказавшись под козырьком крыльца своего подъезда. — Я же все понимаю. Девушки вроде вас верят, что именно в магконтроле им светит встретить важного начальника, который бросит к их ногам золотые горы... ну или хотя бы разведется с прежней женой. И вам всем кажется, что должность и образование делают вас куда более выгодным приобретением, чем обычные девушки из хороших семей.

Я шумно выдохнула и отступила еще на шаг. Теперь даже очень любопытные зрители не могли меня увидеть — Калтуховский своей массивной фигурой полностью перекрыл обзор.

— А раз так, зачем все эти сложности? — радостно проговорил мужчина, придвигаясь ко мне и почти вжимая меня в скрипнувшую дверь. — С Белянским вам ничего не светит. Наш дорогой старший следователь вообще не способен ужиться с людьми. Тем более с женщиной.

Дубинский порой бывает мил, но у него мать и целый выводок племянников, сидящих у него на шее. К высокому начальству вас просто не подпустят. А мелкие сошки вам разве нужны?

— И вы решили предложить мне себя, раз уж мы столкнулись? Чего время зря терять, да? — четко выговаривая слова, спросила я. Первая ярость была подавлена, я вновь себя контролировала. Меня захлестывала веселая злость, и я наблюдала за рейяном как бы немного со стороны, видя его самомнение и ликование. — В качестве кого же, если не секрет?

— Вам решать, драгоценная Эллочка, — тоном конферансье произнес Калтуховский и победоносно улыбнулся.

Глядя на его лоснящийся лоб и чуть заалевшие щеки, я кивнула и тоном прилежной школьницы ответила:

— Хорошо. Я решила.

Калтуховский улыбнулся еще шире и шагнул ближе. Я нашарила ручку двери и нажала ее, а потом шагнула назад, оказавшись в подъезде.

— Что же вы решили? — самодовольно спросил рейян.

— Я решила, — прошептала я и поманила мужчину пальчиком, делая все, чтобы он оказался внутри и не оказалось свидетелей дальнейшей сцены. — Я решила...

— Что? — Он двигался ко мне, как послушный телок.

— Что вы будете моим... — с таинственной улыбкой сказала я, отходя к лестнице на второй этаж.

— Да?

Я не ответила, лишь улыбнулась, глядя, как Калтуховский идет ко мне.
«Мешком для битья ты у меня будешь, — мысленно прошипела я. — Все равно ни в голове, ни в теле ничего нет, только опилки».

На открывшуюся входную дверь первым отреагировал Туман. Он выбрался из закутка под лестницей и потрусил в сторону Марьяна, но так и не дошел. Плюхнулся на огромный зад, задрал башку и шумно задышал, всем своим видом выражая радость пополам с обидой.
— Я дома! — крикнул рейян и покосился на пса. — Что вы тут без меня...

Оставив блокнот и ручку на столике рядом с дверью, мужчина присел на корточки и с удовольствием потрепал густую пышную шерсть на морде и шее косматого пыльно-черного чудовища, которое лишь отдаленно напоминало собаку.

Туман вздохнул. Ты дома не появляешься, как бы говорил он. Разве нормальные хозяева так себя ведут?

— У меня много дел, — напомнил ему Марьян.

Пес чуть склонил голову и совершенно по-человечески вздохнул.

Тумана следователь повстречал почти десять лет назад в одной подворотне рядом с мусорными баками. У пса еще не было имени, был он тощ, юн и слаб, но уже тогда многое знал о жизни и людях.

Лежа у стены, не в силах встать, чтобы уйти, спрятаться от немилосердного удара или окрика, пес просто смотрел на Марьяна и вот так же вздыхал. Уйти у рейяна не вышло. Как уйдешь, когда лохматое, местами чуть плешивое и печальное чудище смотрит на тебя усталыми желтыми глазами, ожидая приговора?

Марьян забрал пса, принес в свой дом и долго выхаживал зверя, не привыкшего к людской доброте, но почему-то поверившего рейяну. Сейчас, оглядываясь назад, Белянский не мог вспомнить, что говорил псу, но знал, что много и подолгу беседовал с чудищем, получившем имя Туман.

Дни проходили за днями, Туман ел, постепенно давал себя мыть и вычесывать, а потом в какой-то миг из вялого и изможденного жизнью создания превратился в огромного, мощного и уверенного в себе монстра.

«И друга», — с усмешкой подумал следователь, почесывая Тумана по широкой спине.

— Ты дома, — раздалось сверху, и Марьян задрал голову, чтобы лучше видеть Алесю.

Девушка замерла на верхней площадке лестницы, зевнула и, порывшись в безразмерных карманах слишком большого для нее старого халата, напялила на нос очки.

— Где Агния? — спросил Марьян, продолжая почесывать Тумана.

Пес довольно зажмурился.

— Ушла куда-то, — дернула плечом Алесья и стала спускаться.

— Ты почему босиком? — недовольно спросил старший следователь, наблюдая за сестрой. — Сколько раз я тебе говорил, Леська?

Девушка поморщилась, замерла на предпоследней ступеньке и со вздохом констатировала:

— Ну вот. Опять ты за свое, Хмарь.

Марьян поджал губы и с силой поскреб Тумана за ушами.

— Опять простудишься и что я буду с тобой делать? — спросил он через пару секунд, дав девушке понять, что ему по-прежнему не нравится придуманное сестрой прозвище. — Агния, хоть и живет с нами, но она только кухарка. Она не сможет...

— Хма-а-арь! — перебила Алесья. — Прекрати бухтеть. Вот вечно ты... По несколько дней дома не бываешь, а потом появляешься мрачный и хмурый! И давай меня отчитывать! А я, между прочим, уже не маленькая.

— Леся, тебе четырнадцать, — напомнил Марьян, поднимаясь и подходя к сестре.

Они были очень похожи, оба высокие, хоть Алеська еще и не закончила расти, поджарые, с резковатыми, острыми чертами лица. Свои непокорные темно-русые волосы девушка старалась умирить при помощи всевозможных заколок и невидимок, но те периодически выпадали, отчего то на лбу, то на виске, то на затылке виднелась одинокая пушистая прядь. Сегодня Алесья закрутила волосы в пучок и проткнула его сразу тремя карандашами.

— Я уже достаточно взрослая, Хмарь, — не согласилась сестра и сверкнула на брата такими же, как у него, мшисто-зелеными глазами.

— Ты мелкая пигалица, — отозвался Марьян без улыбки.

Девушка топнула ногой, но тут же спохватилась, что взрослые не доказывают свою правоту подобными детскими выходками.

— Ты зачем опять мой старый халат стащила, Леська? — беззлобно спросил Белянский. — Ты в нем на десятилетнюю похожа.

Алеся на миг замерла, а потом соскочила со ступеньки, поднырнула под локоть Марьяна, прижимаясь к нему боком, и с надеждой спросила:

— А ты мне его насовсем отдашь?

— Да зачем тебе эта тряпка? — без особого энтузиазма спросил Марьян и попытался подняться наверх. Его ждали дела, но очень хотелось принять душ и переодеться. — Давно надо было его выбросить.

— Зачем? — с возмущением спросила девушка. — Он же замечательный!

Чтобы подтвердить это, Алеся сунула в карман руку и, подхватив поехавшие с носа очки, извлекла на свет кучу карандашей, ластик и спрятанный в футляр ножик.

— Удобно, — убежденно сказала она, ссыпая все обратно в карман.

Марьян покачал головой, глянул в полные надежды глаза и отмахнулся.

— Да забирай. Мне какое дело? Только разве тебе не хочется ходить в чем-то красивом?

Хочешь новое платье?

Алеся фыркнула и отрицательно качнула головой.

— Вот вечно ты отказываешься, — со вздохом заметил брат. — Не бойся, ты меня не разоришь.

— И вовсе я не боюсь, Хмарь, — ответила девушка, шагая рядом с Марьяном. — Просто зачем? У меня хватает нарядов. К тому же я не так часто выхожу из дома.

— В том-то вся и проблема, — пробормотал Белянский и оглянулся назад.

Туман за хозяевами не пошел, посидел у подножия лестницы и, шумно клацая когтями по паркету, направился куда-то вглубь дома. Вскоре стало слышно, как он с пыхтением лакает воду из своей миски размером с огромный таз.

— Рейяна Меллиэр собирается сменить работу, Хмарь, — сообщила Алеся, когда они добрались до двери в комнату следователя. — Она заранее предупредила, что нам нужно найти ей замену.

— Сколько у нас времени? — со вздохом спросил Марьян, ему совсем не хотелось отвлекаться на домашние дела.

— Месяц, — ответила девушка. — Она, естественно, предложила пару кандидатур на свое место, но я этих рейян уже видела... и не хочу.

— Я понял, — кивнул брат, открывая дверь к себе. — Я решу этот вопрос в ближайшее время. Предупреди Агнию, что я дам объявление о поиске приходящей прислуги.

— Ладно. Ты есть будешь?

— Лесь, у меня дел много, — стараясь не грубить, сказал Марьян. — Я совсем ненадолго.

— Но поесть же ты должен! — искренне возмутилась сестра. — Агния такой обед приготвила! Вкусно!

Белянский предпочел не отвечать и скрылся за дверью, оставив девушку в нелепом истрепанном халате снаружи. Меньше всего ему хотелось думать о том, что с каждым днем он все больше и больше превращается в того самого плохого брата, каким обещал себе не становиться. Но что делать, если он не умеет воспитывать детей и подростков, если у него, ныне старшего следователя, нет времени, чтобы выслушивать четырнадцатилетнюю девчонку, а той, наоборот, хочется внимания.

Сбросив одежду у кровати, Марьян уперся ладонями в матрас и постоял, согнувшись, несколько секунд. Раскаяние и злость на себя пришли быстро, но еще больше мужчина разозлился на отца.

— Забудь, — приказал он себе. Но какое там!..

Встав под душ, Марьян с ненавистью вспоминал тот день много лет назад, когда отец решил, что мать Марьяна и он сам — не лучшая семья для поднимающегося по карьерной лестнице политика. Тогда следователю было почти столько же, сколько сейчас Алеске, но Марьян и вполнину не был похож на нее.

Белянские жили в большом доме, купленном дедом, отцом матери. Дом стоял почти на окраине и когда-то принадлежал к числу немногочисленных загородных поместий. Воздушное белое строение с множеством колонн и высоких окон окружал прекрасный уединенный парк, а на одной из просторных лужаек имелся даже пруд, в котором журчала вода и обитали юркие золотисто-оранжевые рыбки.

В этом тихом и уютном доме прошло детство Марьяна. Он был окружен любовью матери, искренней заботой деда и добротой учителей. Отец дома появлялся редко и в глазах сына был умным, добрым и мужественным. А потом... потом оказалось, что Марьян жил в сказке, отрезанный от остального мира. Вне этой сказки шумел большой мир, где его отец строил свою карьеру, расталкивая конкурентов локтями. Когда на пути к высоким должностям встала семья, старший Белянский, не моргнув и глазом, подал на развод.

Дед умер через три дня. Он просто упал в обморок, услышав требование зятя, и уже не пришел в себя. Перепуганный и ничего не понимающий Марьян бегал по вмиг ставшему чужим и неуютным дому и пытался то достучаться до отца, то утешить мать. Он выл, как брошенный под дождем щенок, утирал слезы кулачками и все пытался спасти рассыпавшуюся на части сказку.

Деда похоронили, а через неделю почерневшая от горя мать подписала все документы на развод, забрала Марьяна и переехала в дом, где до этого жила одна ее родственница. Белый прекрасный дом пустили с молотка, и отец не пожалел усилий, чтобы отобрать у матери большую часть вырученных за него денег. А ей было все равно. Прежде веселая, добрая и любящая, Алгия Белянская заперлась в комнате и выходила из нее так редко, что временами Марьян забывал ее лицо. Тогда рейяна спасло то, что вместе с ними переехали и слуги, а двое учителей согласились заниматься с Марьяном даже на новом месте.

Сначала младший Белянский еще надеялся спасти семью, еще верил, что родители смогут помириться. Но прошел год, за ним второй... И за это время Марьян незаметно для себя сильно повзрослел. Нежная и добрая мать оказалась совершенно не приспособлена к жизни, а развод окончательно ее подкосил. Алгия большую часть времени проводила или в своих покоях, не подпуская сына, или в библиотеке, пересматривая старые семейные фотографии. Заботы о доме, оплата счетов и выдача жалованья — все как-то само собой легло на юные плечи рейяна, но он не жаловался, приняв жизнь такой, какой она оказалась.

Лишь года через три после развода родителей младший Белянский поинтересовался жизнью отца и с горечью обнаружил, что тот не испытывает ни капли сожаления о разрушенной семье. Почти сразу после развода старший Белянский вновь женился, но теперь уже не на дочери зажиточного горожанина без связей, а на младшей дочери одного из самых влиятельных людей в королевстве. Промышленник получил возможность влиять на политику, а Белянский приобрел связи и поддержку нового тестя.

Марьян думал повидаться с отцом, но быстро бросил эту затею. Старший Белянский о сыне не вспоминал, не искал встреч и не заботился о его воспитании. А через несколько лет Марьян узнал, что отец пытался покрыть свои долги со счета бывшей жены — новая жена оказалась удовольствием недешевым, а новый тесть с каждым годом давал все меньше и меньше на поддержание дел своего зятя.

Марьяну было двадцать, когда умерла мать. Он знал, что это случится. Пытался ее растормошить, но Алгия потеряла всякий интерес к жизни. Лекарства не помогали, виталисты разводили руками. Она ушла тихо и неслышно, как жила последние годы. Сразу после этого Марьян продал дом и переехал в другой, более светлый и просторный. Из прежних слуг с ним осталась лишь кухарка, а приходящую горничную следователь нанял через агентство.

И все шло довольно спокойно, пока однажды, как гром среди ясного неба, к Марьяну не явилась мачеха. От нее-то рейян и узнал, что его отец погиб под колесами наемного самохода, а за день до этого в дом Белянских заявила любовница отца и всеми правдами и неправдами сдала им на руки перепуганную шестилетнюю Алесью.

Марьян не успел опомниться, как девочку сдали на руки уже ему. Вместе с огромным изрисованным мелкими альбомом и парой дешевеньких платьев. Когда за мачехой закрылась дверь, Белянский хотел было подключить жандармов, найти родную мать Алеси и вернуть ей дочь, но потом он увидел заплаканные, испуганные желтовато-зеленые глазенки и против воли вспомнил самого себя из прошлого. Вдруг стало ясно, что он не может, просто не имеет права тоже отвернуться от ребенка, как когда-то отвернулись от него.

Марьян подключил свои связи, стиснул зубы и добился опекуна над Алесей. Тем более что родная мать девочки без денежного содержания от старшего Белянского не горела желанием кормить и одевать прижитого вне брака ребенка. Добился Марьян и того, что Алесь получила отцовскую фамилию. Наследовать после отца было нечего, он все растратил на подарки

любовницам и на красивую жизнь со статусной супругой, но Марьян не расстроился — он слишком давно научился ничего не ждать от отца.

Лишь чуть позже, перестав вертеться как юла, следователь обнаружил, что Алеська сторонится людей и не любит выходить на улицу. Он не стал пугать девочку вереницей врачей, а нанял для нее спокойную и умелую воспитательницу, рядом с которой Алеська оттаяла, перестала плакать по ночам и иногда пересиливала себя, отправляясь гулять в парк. Но даже спустя годы девушка предпочитала уют своей спальни и светлую мансарду прогулкам и компаниям. Она не сторонилась своих одноклассников, с которыми ее познакомили преподаватели, но предпочитала звать знакомых к себе, а не отправляться в гости самой. И много с воодушевлением рисовала. Обнаружив это пристрастие, Марьян позволил сестре устроить себе мастерскую на третьем этаже. Теперь оттуда вечно несло масляными красками, Туман шумно вздыхал и всякий раз взглядом призывал хозяина избавиться от этого беспредела, тер лапой нос, но Белянский не обращал внимания, с улыбкой наблюдая, как загораются воодушевлением глаза Алеси и с какой радостью она показывает ему свои последние работы.

Магии у сестры было немного, да и источник силы оказался стихийным. Нормально колдовать у девушки не получалось. Зато она видела удивительно яркие и часто пророческие сны. Их-то она и запечатлевала на своих картинах.

Когда Марьян спустился на первый этаж, собираясь дать сестре последние указания перед уходом, он обнаружил ее в столовой. Девушка с довольным видом восседала за столом, наблюдая, как над супницей сквозь маленькое отверстие для ручки половника поднимается аппетитный пар.

— Леся, я же просил! — недовольно прикрикнул Белянский, остановившись в центре холла и сверля сестру взглядом. — У меня нет времени.

— Есть, — убежденно сообщила Алеська. — И ты знаешь. Никуда не убегут твои дела, если ты пообедаешь. Ну, Хмарь!

Марьян шумно вздохнул, но все же пересек холл, столовую и опустился на загодя отодвинутый стул.

— Иногда я не могу поверить, что ты моя младшая сестра, — сообщил он ей, поднимая крышку и заглядывая в супницу.

Кухарка постаралась, и при виде густого супа, больше похожего на рагу, следователь едва не подавился слюной. Он на миг прикрыл глаза, втянул ноздрями запах и стал стремительно наполнять глубокую миску.

— Ты же заботишься обо мне, — подперев щеку кулачком, прошептала Леська, — так почему я не могу иногда напомнить тебе о том, что ты должен заботиться и о себе.

— Я забочусь о себе, — не согласился Марьян, стараясь не заскулить при виде крупных кусков говядины, которые то и дело попадались в гущу. Сестра слишком давно жила под одной крышей с Белянским, а потому на стол выставила не парадные чашки и тарелки тонкого фарфора, а посуду массивную и основательную. Марьян сумел переместить себе в тарелку почти половину супницы, но пожалел, что суп нельзя налить с горкой.

— Да уж, заботишься, — тихо проворчала Алеська. — Я вижу, как ты заботишься. Опять дома не ночевал!

— Я пока не могу, малявка, — покаянно ответил брат, — у меня дело.

В столовую, отдуваясь и помахивая хвостом, ввалился Туман, добрал до стула хозяина и шумно плюхнулся на пухлый зад у его ног. И мне, и я, как бы говорил его взгляд. Обо мне тоже нужно позаботиться.

— Не проси, — строго велел Марьян и погрозил псу ложкой. — Посмотри на себя. Разъелся! Еще немного — и вымахает размером с пони!

Туман задумчиво проследил за движением ложки, облизнулся и скосил глаз на супницу.

— Вы его раскормили, — попенял Марьян Алесе.

Девушка не ответила, лишь подмигнула Туману. Покачав головой, Белянский принялся за суп. Сняв очки, Леська наблюдала за ним, вздыхала и то и дело таскала с большого деревянного блюда крохотные сушки, обильно посыпанные сахаром.

— Не спеши, — чуть поморщившись, сказала она ему. — Ну не убегут от тебя твои дела.

Раскроешь.

— Это можно считать точным пророчеством? — усмехнулся брат беззлобно.

Хотя девушка довольно часто видела яркие сны, тем или иным образом сбывавшиеся в реальности, но за все годы Алеся ни разу не видела ничего, что было бы как-то связано с расследованиями брата.

— Я просто знаю тебя, — ответила сестра. — Ты же как пес! — Туман вскинул здоровенную башку и посмотрел на людей. — Если уж вцепишься, то не отпустишь.

— В этот раз все куда сложнее, малявка, — ломая чуть подсохший ломоть хлеба, признался следователь. — У меня, похоже, дело о серийном маньяке. Сегодня третье тело обнаружили. И этого, третьего, судя по всему, убили раньше, чем второго покойничка.

Алеся поморщилась и взмолилась:

— Не рассказывай мне о работе! Лучше помощнице расскажи.

— Видела? — догадался Марьян.

— Красивая, волосы такие необычные, — закивала Алеся, мгновенно переключившись. Ее глаза, не скрытые очками, сияли от восторга. — И сама необычная. Только я ее не рисовала. А то опять спугнешь! Не хочу, чтобы опять сбывалось. — Девушка вздохнула. — Всякий раз, как я твоих секретарей вижу, они увольняются.

— Дело не в тебе, — успокоил сестру Марьян. — Просто для работы не годятся такие помощники.

— Дело в тебе, Хмарь! — убежденно заявила Леська. — Не гони эту, она красивая.

— Секретарь должен быть расторопным, сообразительным и самостоятельным, — жуя, строго сказал следователь. — При чем здесь красота? Красоте в управлении не место.

— Все равно, — с нажимом выговорила Алеся. — Не гони. А то я обижусь.

Марьян замер, с веселым недоумением воззрился на сестру и переспросил:

— Обидишься?

— Мне снилось... Не скажу, что именно снилось, — помялась девушка и водрузила на нос очки, будто пытаясь защититься от пронизательного взгляда брата. — Но я тебе одно скажу: не гони. Сам же потом пожалеешь.

— Да не выгоняю я никого, — с кривой усмешкой сообщил Белянский, а потом с оттенком горечи добавил: — Сами не выдерживают. Так что все только от нее зависит, красивой твоей.

ГЛАВА 8

Замерев перед зданием управления, я нервно прикусила губу и зажмурилась.

— Эх, Элка... И вот надо было тебе, — прошипела я себе под нос.

Сердце судорожно колотилось, хотелось развернуться и сбежать домой. Но нет, нельзя.

— Давай-давай, — пытаясь себя подбодрить, залихватским тоном сказала я. — Делаем вид лихой и слегка придурковатый — и в бой!

Вдохнув и выдохнув, я сжала кулаки и поспешила внутрь, молясь, чтобы начальник тоже где-нибудь задержался, и я ко всем бедам не попала еще и под разнос сразу по возвращении. Но, уже поднимаясь по лестнице, не удержалась и свернула в коридор второго этажа.

— Фекла, — с порога заныла я, — а у тебя нет чего-нибудь от нервов?

— Ась? — удивленно воззрилась на меня рейна Слепакова. — А тебе зачем? Кого-то отпаивать? Так в шпиталь надо. Или виталиста кликнуть.

— Нет, — падая на стул перед столом хозяйственницы, трагическим громким шепотом произнесла я, — мне для личных нужд.

— Марьянчик довел? — строго спросила Фекла, сжав кончик светлой косы. — Вот лиходей!

— Нет, — помотала головой. — Я... День у меня сегодня неудачный.

Хозяйственница помолчала, глядя на меня, а потом встала и ушла за ширму. Долго там чем-то скрипела и гремела, а потом приволокла и выставила передо мной пыльную литровую бутылку с темно-зеленой, густой, как масло, жидкостью внутри.

— Э... — невежливо выдавила я, таращась на емкость, на которой чуть кривовато была приклеена этикетка, утверждавшая, что внутри вовсе не успокоительное, а ликер «Зеленый гном», настоящий на четырнадцати травах. Изображенный на картинке гном косил одним глазом на меня, а вторым — в потолок.

— А капелек от нервических припадков у меня нету, — сообщила Фекла, усаживаясь обратно за стол. — Ты в кофеек ложку ликера плесни — самое то будет!

Я задумчиво осмотрела бутылку еще раз, пытаюсь прикинуть количество ложек, вмещавшихся в ней, и тихо спросила:

— Ты считаешь, что мне предстоит настолько нервничать на этой работе?

— У меня другого размера нету, — объяснила девушка.

Хмыкнув и завернув бутылку в лист бумаги, я отправилась на рабочее место.

— Только начинаешь думать, что все налаживается, — проворчала я себе под нос, наливая кофе в самую большую кружку из имевшихся в крохотной кухне. — Только поверишь, что можно жить, как остальные, нормальные люди... — Я хмуро поболтала в чашке ложечкой. — Только поверишь...

Глянув на стоявшую рядом бутылку и обреченно вздохнув, я вынула пробку и осторожно понюхала.

— Хракс... Это точно гном. Зеленый, — промямлила я и очень осторожно наполнила ликером чайную ложку. Поболтала в чашке, думая о своем провале на второй же день работы, а потом махнула рукой и на глаз долила ликера в чашку, решив, что терять мне уже нечего.

— Все! Все, чего я достигла с таким трудом! Все пропало! Три года храксу под хвост! Три года!.. — с отчаянием прошептала я, возвращаясь на рабочее место. — Теперь что — все заново начинать? Работу менять? И почему я не смогла проигнорировать этого... Калтуховского? Из эпитетов, которыми я хотела охарактеризовать рейяна, умелому каменщику удалось бы целый дом построить, но мне не хотелось сидеть и проговаривать их все себе под нос.

Бесполезно же! Уже сегодня он нажалуется Белянскому и вышестоящему начальству, меня допросят, обо всем узнают и выгонят. Честное слово, выгонят взащей! Если повезет, то в личном деле не оставят отметки о нападении и я смогу устроиться в другое управление.

— Но вещи уже можно начинать собирать, — с тоской пробормотала я, болтая ложечкой в чашке. — Калтуховский — сволочь распоследняя, но он мужчина, судмедэксперт и работает в Центральном управлении куда дольше меня. Одна жалоба — и я, женщина и всего лишь секретарша, вылечу головой вперед. Ох-ох...

Внезапно посреди приемной появилась алая вспышка. Свечение резко усилилось, раздалось вширь, превращаясь в правильный прямоугольник. Секунда — и свечение осталось лишь на контуре портала, давая понять, что связь прочно установлена. Я с завистью присвистнула.

Пусть не могу даже лампочку включить без помощи пальцев, но я в состоянии оценить силу и мастерство других. Я ведь не в глухой деревеньке выросла вдали от магов, они окружали меня с самого детства. Родители, все мои тетушки и дядюшки, кузины и кузены... И многие из них умели создавать порталы, но я ни разу не видела, чтобы хоть один из моих родственников открывал такой большой проход. Если не касаться контура и нырять строго в установившийся портал, даже я смогу воспользоваться подобным проходом.

Маги придумали порталные чары много веков назад. Это изобретение позволило им перемещаться из одного места в другое, но даже спустя многие века маги не могли отказаться от банальной ходьбы пешком, поездки на лошадях или, как последние лет шестьдесят, внутри самохода. Так уж вышло, что открыть портал маг мог лишь в то место, которое хорошо знал. И пока магам-изобретателям не удалось найти решение по перемещению в неизвестные точки в пространстве.

Для использования порталов магам необходимо было получить специальное разрешение. Так власти контролировали правильность использования этих не самых безопасных чар. За нарушение строго не карали, лишь выписывали штраф. И ставили на учет, считая, что те, кто пользуется порталами без специального разрешения, склонны к преступным действиям.

В то же самое время изобретение кристаллов связи несколько десятилетий назад дало возможность магам иметь мобильную связь между владельцами кристаллов. Это изобретение частично вытеснило гномские телефоны, прежде торчавшие на каждом рабочем столе в каждом учреждении королевства. Телефоны оказались слишком громоздки и были предназначены лишь для стационарного использования. От телефонов не отказались, конечно, но в конторах вроде магконтроля их в половине случаев заменили кристаллы.

— Бонс, вы уже на работе, — выходя из портала, сказал начальник. — Отлично! Отчеты уже поступили?

— Нет, — бодро ответила я и чуть улыбнулась, стараясь не выглядеть жалкой и расстроенной.

Шеф хмыкнул и глянул на наручные часы. Я отодвинула чашку и открыла рот, собираясь выразить готовность бежать и лично доставить все нужные бумаги рейяну Белянскому, но следователь на меня даже не взглянул. Он постучал ногтем по циферблату, взмахом руки свернул портал и направился к двери кабинета.

— Марьян! — с порога выкрикнул Калтуховский, ворвавшись в приемную.

Увидев моего шефа, судмедэксперт чуть ступешался, но тут же взял себя в руки и пробасил:

— Марьян Белянский, я требую пресечь беззаконие!

Начальник обернулся, присвистнул и спросил:

— Кто это тебя так?

Я тихо сглотнула и подавила желание втянуть голову в плечи.

— Она! — разрушив все мои надежды, рывкнул мужчина и ткнул в меня толстым пальцем. — Твоя секретарша!

— Бонс? — уточнил следователь, будто у него была еще какая-то помощница.

— Да! — с трагизмом выпалил Калтуховский, потянулся за платком в карман и громко охнул. — Это все она! Твоя Бонс!

Начальник вздернул брови и еще раз всмотрелся в лицо Калтуховского. Я глубоко вздохнула, а потом тоже на него посмотрела.

Да, знатно я его...

За час, прошедший с момента встречи, под глазами мужчины налились фингалы, сломанный нос Калтуховский явно починил, но у обычного врача, а не виталиста, так что на месте этого органа сидела распухшая красная груша.

Выгонят. Как есть выгонят.

— Бонс? — снова спросил Белянский, налюбовавшись синяками. — Вот это с тобой сделала Бонс, Себастьян?

— Да, — повторил судмедэксперт. — Я требую пресечь!

— Вот эта девушка тебя... избила? — спросил мой шеф, указывая на меня пальцем. — Я правильно понимаю?

— Правильно! Избила! — с чувством подтвердил Калтуховский.

— Вот эта? — будто до него никак не могло прийти, повторил Белянский и глянул на меня.

Я секунду подумала, а потом прикинулась ровно тем, кем пыталась предстать в глазах окружающих — розововолосой девушкой с большими темно-голубыми глазами. Девушкой в романтической бледно-голубой блузке с рюшками, в аккуратненьком синем костюме, обтягивавшем меня как чулок, и на высоченных каблуках.

— Она! — ткнул в меня пальцем Калтуховский. — Она монстр!

Я удивленно взглянула на судмедэксперта, потом на шефа, а после изобразила эффектное и гениально сыгранное дрожание губ. Вспомнилось, что именно Калтуховский мне наговорил, и я сама поверила в свою искреннюю обиду.

— О чем вы? — трагическим шепотом спросила я. — Разве я смогла бы? — Я поднялась, позволяя шефу убедиться, что при всем моем немаленьком росте на фоне судмедэксперта выгляжу миниатюрной и тоненькой. — Я не понимаю...

— Ты меня избила! — заявил Калтуховский веско. — Это недопустимо! Марьян!

— Хм, — выдавил шеф, глядя то на меня, то на рейяна.

— Шеф, да как бы я смогла? — отчаянно борясь за себя, без наигранности, но с чисто девичьей эмоциональностью сказала я. — Как я, — для достоверности указала на себя, — как я смогла бы избить уважаемого... многоуважаемого рейяна? — Я указала на мужчину, жестами рук подчеркивая его габариты. — Каким образом?

— Вот-вот, — согласился Белянский, и я воспрянула духом.

Начальник не поверил Калтуховскому, а у того нет ни одного свидетеля. Считывание памяти — процедура ужасно болезненная и вредная, так что никакая борьба за справедливость судмедэксперта на это не толкнет. Все может обойтись!

— Но это точно она, Марьян! — протрубил Калтуховский и застонал от боли, схватившись за бок. — Честно!

— Себ, не смейся, — фыркнул Белянский, присев на край стола и взяв забытую мною чашку с кофе. — Что за сказки ты рассказываешь?

— Шеф, — едва слышно выдавила я, увидев, как начальник подносит чашку ко рту. — Вы... э-э-э...

Белянский хлебнул, нахмурился, заглянул в чашку и задумчиво хмыкнул. Мне хотелось застонать, но я побоялась выйти из образа затравленной и обиженной несправедливым обвинением секретарши.

— Это она! — повторил Калтуховский.

— Видишь ли... — Рейян Белянский чуть подумал и, не глядя на меня, отпил еще немного из чашки. — У рейны Бонс даже костяшки пальцев не разбиты. И я не говорю о том, что для того, чтобы она тебя избила, ты должен был сам ей подставиться.

Судмедэксперт уставился на мои руки, на которых и правда отсутствовали какие-либо следы. И как только шеф заметил? Он кажется таким рассеянным порой, в делах и вещах никакого порядка, но наблюдательности ему не занимать.

— Наверняка какую-нибудь магию применила, — не отступился Калтуховский. — Я уверен! Белянский хмыкнул еще раз и глотнул кофе, а потом с удовольствием произнес:

— Себ, видишь ли, у рейны Бонс полностью отсутствует магический дар.

— Артефакт! Какой-то артефакт!

— А еще она нейтрал, — довершил мой начальник.

— Но она меня избила! — не унимался мужчина. — Ты должен ее уволить. Таким тут не место! Она скрутила меня в подъезде своего дома и избила!

— Где? — внезапно перестав быть насмешливым и расслабленным, переспросил мой шеф.

— Я и правда встретила многоуважаемого рейяна у подъезда дома номер три в Лиловом переулке, — не стала отпираться я.

— Там, значит, — чуть прищурившись, пробормотал Белянский. От его взгляда у меня холодок пробежал по коже, хотя смотрел шеф не на меня, а на Калтуховского. Сам судмедэксперт опасности не почуял. — И что же ты там забыл, Себастьян? Что привело тебя туда в рабочее время?

Калтуховский отступил на шаг, его взгляд стал затравленным.

— Если я ничего не путаю, то у тебя нет дел, которыми ты сейчас занимаешься, — уверенно продолжал Белянский, — поэтому для повторного исследования места преступления ты выехать не мог, а расследования судмедэксперты не ведут. Каких-то иных причин быть там в рабочее время у тебя нет. Но ты там был. И почему?

Судмедэксперт отступил еще на шаг, давая понять, что победа осталась за мной. Остро захотелось расцеловать шефа в обе щеки. Злыдень, конечно, но как же хорошо, что он и на других кидается. Особенно если за дело.

— Опять к рейяне, как ее... Бертон? Беринк? Бероут? Опять по бабам шастаешь, да? — отставив чашку, задумчиво произнес начальник. — Не сочиняй теперь нелепости, если от кого-то досталось. Лучше бы делом занялся! За тебя, между прочим, сегодня Харт поработал. Мне, может, и лучше, что это был Вирсен, но тогда возникает вопрос: а зачем управлению такой работник, как ты, Себастьян, если на труп выезжает твой заместитель?

Калтуховский, полностью деморализованный ответным словесным нападением Белянского, отступил еще немного и уперся спиной в дверь.

— Иди, — велел ему следователь. — И займись уже архивом!

Дверь за спиной мужчины растворилась, явив сосредоточенного метаморфа. Калтуховский с воплем повалился назад, и Харт едва успел отскочить в сторону. Удивленно взглянув на своего начальника, Вирсен Харт перевел взгляд на Белянского.

— Он уже уходит и кофе с нами пить не будет, — хмуро сказал следователь. — Бонс!

— Да, шеф! — тут же отозвалась я.

— Сварите полный кофейник и... что вы добавили? — спросил начальник и указал на чашку.

— Ну... — промямлила я.

— Вот это «ну» нам тоже добавьте, — не уловив моих душевных метаний, велел начальник. — Вирсен, пойдем.

Когда за начальником и метаморфом закрылась дверь, а Калтуховский перестал барахтаться на полу и поскорее удрал прочь, боясь остаться со мной наедине, я опустилась на стул и со вздохом прошептала:

— Если у меня второй день такой, то что же будет завтра?

ГЛАВА 9

Пока шеф с экспертом сидели в кабинете, я продолжала разбирать дела, то и дело внимательно просматривая подшитые в них документы. И чем дальше, тем лучше я понимала причину, почему Белянский с первой попытки не обнаружил нужное ему дело. Похоже, предыдущий старший следователь то ли сам отличался наплевательским отношением, то ли попустительствовал помощнику, но внутри папок творился форменный бедлам. Перебрав около тридцати дел и в половине обнаружив неверную последовательность отчетов, а местами даже отсутствие двух первых листов, куда вносились краткие сведения и наименование всех вложений как самой папки, так и документов в архиве управления, я отложила блокнот с выписанными данными, одернула жакет и решительным шагом направилась в хранилище.

— Рейна Бонс! — радостно окликнул меня Дубинский, выйдя на лестницу из коридора второго этажа. — Здравствуйте!

— Добрый день, рейян Дубинский, — вежливо улыбнулась я.

— Как поживаете? Как вам у нас? — пристраиваясь сбоку, спросил Кристэр. — И не нужно так формально! Можете звать меня просто по имени.

Я вновь улыбнулась и осторожно ответила:

— На мой взгляд, все неплохо. Но я тут лишь второй день...

— Как Марьян? Не обижает вас?

— Что вы! — мгновенно отреагировала я, изображая старательную подчиненную, и тут же добавила: — Рейян Белянский весьма... необычный человек, но мне импонирует его приверженность делу.

— Да, Марьян у нас личность особенная, — хмыкнул мужчина и пристроил мою руку поверх своего локтя. — Он очень любит дело, которым занимается.

— Вы давно с ним знакомы? — спросила я и ради поддержания беседы и из любопытства.

Мнение Дубинского меня мало волновало, но оно так разожгло интерес.

— Да... Около семи лет, — чуть задумавшись, ответил Дубинский и замедлил шаг. — Сразу после обучения Марьян поступил работать в Западное управление, которое занимается делами западных предместий столицы. Когда-то Западное и Восточное управление придумали лишь из-за того, что одного управления для поддержания магического порядка в Гаруче стало не хватать, но, по сути, эти два учреждения занимаются перекладыванием бумажек или сотрудничают с соседними управлениями.

— И что же? — стараясь не выглядеть невежливой, напомнила я о теме беседы. О работе разных управлений магконтроля по всему королевству я прослушала целую серию лекций, где всем будущим работникам бумаги и ручки рассказали все более чем подробно, чтобы в наших головах не возникло иллюзий.

— У Марьяна были высокие баллы в дипломе, но его запихнули в Западное, — спохватился Дубинский. — Я не знал его в то время и не в курсе подробностей, но слышал краем уха... Он умолк с загадочным видом, и я, внутренне вздохнув и приняв правила игры, чуть придвинулась к следователю.

— Говорили, что у него была какая-то очень мрачная история в прошлом, — свистящим шепотом произнес Кристэр мне на ухо.

Я послушно охнула и прижала сжатый кулачок к груди. Дубинский чуть улыбнулся, довольный произведенным на меня впечатлением.

— И это правда? — спросила я, округлив глаза и доверчиво глядя на следователя.

На самом деле я ни на секунду не поверила словам рейяна. Конечно, заявление о том, что в прошлом человека скрывается какая-то страшная тайна, звучит интригующе и пугающе, но любое подобное предположение стоит разделить на две. Если не больше.

«Уважаемый рейян Дубинский, — мысленно сказала я, глядя чуть поверх головы мужчины, — вы ведь эту байку сообщаете не какой-то знакомой рейне, а квалифицированному специалисту. Я знаю правила. Никто не допустит к работе в магконтроле человека, имеющего за душой что-то нелегальное или даже противозаконное».

— Не знаю, — пожал плечами рейян. — Все может быть. Марьян предпочитает не говорить о себе. За эти годы я узнал о нем лишь то, что известно и другим.

— И что же известно?

— Его отец был членом парламента. Но потом погиб от несчастного случая, — сказал Кристэр. — Это произошло лет восемь назад.

— Вот как?

— Да, но родители Белянского развелись, когда он был еще подростком, — уточнил Дубинский. — Его отец почти сразу женился вновь. На дочери промышленника... или банкира. Я точно не помню. А после его смерти выяснилось, что старший Белянский брал взятки, продвигал законопроекты, выгодные его тестю, и много играл, делая высокие ставки. В общем, в истории остался не самым добропорядочным представителем нашего общества. Я кивнула и поощрительно улыбнулась Дубинскому.

— Во-о-от, — протянул он, на миг выпав из реальности. — Марьяну в чем-то повезло, что он не фигурировал в газетных статьях как сын старшего Белянского. Все же развод произошел едва ли не за десять лет до гибели его отца, да и сам старший Белянский делал вид, что у него нет бывшей жены и сына.

— И как же мой шеф из Западного попал в Центральное? — спросила я.

— О! Ничего впечатляющего, — усмехнулся Кристэр. — Лет семь назад наш главный был с визитом в тамошнем управлении. С ним там побывала и рейяна Белчер, его секретарь. А потом Белчер надавила, и Марьяна перевели сюда, чтобы хороший спец не пропал в том нелепом месте. А еще через пару лет наш Белянский выдворил старшего следователя с занимаемой должности и сам стал руководить отделом расследования убийств. Хотя он не руководит. — Дубинский усмехнулся. — Он работает.

Я кивнула и задала следующий вопрос:

— А что вы знаете о его семье?

Дубинский замаялся, и я доверительным шепотом сказала:

— Мне просто интересно, Кристэр.

— Я ничего не знаю. Правда, — выдохнул мужчина, глядя мне в глаза. Вид у него был потешный, я даже различила его участвовавший пульс и заметила выступившую на лбу испарину. — Он не рассказывает. Мы приятельствуем, но это ни разу за все семь лет не выходило за пределы тех рамок, которые Марьян установил. Он не говорит о семье и не отвечает на вопросы.

— Правда? — удивилась я. — И что, даже во время встреч за парой-другой стаканчиков не обсуждает мать, родню, любовниц, жену?

Дубинский расхохотался, и его смех эхом прокатился по холлу.

— Жена? Любовница? Да он на работе своей женат! Днюет тут и ночует. Ни с кем не выпивает... Я вообще не уверен, что у него кто-то есть.

Я промолчала и не стала это комментировать. Если шеф не пускает в свою жизнь коллег, это еще не значит, что у него этой самой личной жизни нет.

— А куда вы, собственно, направляетесь? — спросил Дубинский, видя, что я увлекаю его за собой к лестнице, ведущей в подвальные этажи.

— Я иду в хранилище.

— Зачем?

— Мне нужно взглянуть на хранящуюся там документацию отдела убийств, — без утайки ответила я.

— Ой, это бесполезно, — отмахнулся рейян. — Есть устав, правила и тому подобное, но по факту после раскрытия дела или по прошествии пяти лет с даты возбуждения дела документы просто сваливаются на полки. Там сложно что-либо найти.

— Но я должна хотя бы попробовать! — веско заявила я и продолжила свой путь.

Я вернулась к двери под номером триста один через пару часов, потерпев сокрушительное поражение. Несмотря на то что хранилище принадлежало не какому-то захудалому управлению, а Центральному, находящемуся в столице королевства, в огромном помещении на многочисленных стеллажах сам хракс трижды бы сломал ноги! И если в делах последних лет, лишь поступивших в хранилище, еще присутствовал хотя бы отдаленный порядок, то документы тридцатилетней давности представляли собой груды непригодных для изучения бумаг.

Перебирая листки и папки, я сначала ругалась про себя, а потом перешла на ругань в голос. Но я была упорна и за потраченное время убедилась, что по делу, которое искал Белянский, данных

в хранилище почти нет. Лишь одна папка с разрозненными бумажками, которые так и не были оформлены в виде нормального дела.

Титульник папки выцвел, листы пестрели пятнами и заломами, будто дело долгое время лежало на рабочем столе, его иногда открывали, но не для того, чтобы добавить какие-то данные, а чтобы перечитать за чашкой чаю и попытаться свести концы с концами.

Зажав эту папку под мышкой и с неудовольствием записав в журнале данные об изъятии из архива, хотя этот самый журнал в подвальном помещении был самым пристойно оформленным документом, я отправилась наверх. Шеф меня пока не хватился, так что я села за свой стол и просмотрела содержимое папки, пытаюсь понять суть.

— Бонс, — выглянул в приемную шеф, — что там с отчетами?

Выглядел он на удивление хорошо, хотя из бутылки в кофейник я налила от всей души.

Я оглядела стол, обнаружила папку, появившуюся в мое отсутствие, и поспешила вручить ее начальнику.

— Это что? — Белянский ткнул пальцем в ворох листочков, которые я разложила перед собой, чтобы восстановить хоть какую-то их последовательность.

— Документы из хранилища по делу, которое вы искали, — ответила я и продолжила свои попытки.

— Хм, вы их нашли? — не скрыв искреннего изумления, спросил рейян. — В том беспорядке, который там царит?

Мне захотелось связзвить, сообщив, что филиал этого беспорядка шеф развел в приемной и своем кабинете, но сдержалась. Пока стоит попридержаться язык. Мало ли что. Хорошо еще, что Белянский не стал уточнять по поводу Калтуховского, вполне мог бы спросить, с чего бы вдруг судмедэксперту валить вину на меня.

— Я потратила на это некоторое время, — уклончиво отозвалась я, подавая начальнику документы.

— Я пойду, Марьян. — Обогнув следователя, из его кабинета вышел Вирсен Хант. То ли на метаморфа повлияла беседа с шефом, то ли кофе с ликером, но волосы очкарика отливали яркой зеленью.

— Ладно, — не глядя на судмедэксперта, кивнул Белянский. — Бонс!

— Да, шеф, — отозвалась я, провожая метаморфа взглядом.

Рейян мельком оглядел приемную, а потом со вздохом велел:

— Разберите бумаги в кабинете.

Едва не расплывшись в победной улыбке, я выдержала крохотную паузу и спокойно ответила:

— Хорошо, шеф.

Ничего не было сказано, меня даже не похвалили за проделанную работу, но я без каких-либо подтверждений поняла, что отношение Белянского претерпело некое изменение. Он все еще хмурился и поджимал губы, поглядывая на меня, но явно не считал пустоголовой девицей, способной лишь подавать чай и кофе. Отлично!

— Я лишь немного закончу здесь, — предупредила я, давая понять, что не планирую выслуживаться сверх меры. Наведение порядка в бумагах, конечно, входит в мои обязанности, но я не должна сломя голову нырять в ворох бумажек.

Следователь оглядел полки, хмыкнул и отметил:

— Вы так много успели.

— Не так уж много, — честно признала я.

Предстояло потратить еще несколько дней, если не больше, прежде чем я смогу с удовольствием смотреть на стеллаж за спиной.

К порядку меня приучили в пансионе. Хотя родители и остальные родственники задаривали меня нарядами, игрушками и книжками, большую часть дня все девочки ходили в одинаковых, очень простых платьицах из светлой ткани с нелепым рисунком в цветочек. Свою личную одежду разрешалось носить лишь в свободное время. При этом все личные вещи мы должны были хранить внутри высоких платяных шкафов или тумбочек. Если при проверке кто-то из наставниц обнаруживал посторонние предметы не в надлежащих местах, то вещи изымались до каникул. Таким нехитрым способом нас научили не разбрасывать книги, не украшать свои постели плюшевыми зайцами и не бросать где попало платья. С тем же упорством нам навязывали поддержание порядка и в классах, когда в качестве наказаний девочек заставляли разбирать и расставлять на полках библиотечные книги.

Меня почти никогда не наказывали, но общее настроение, витавшее в пансионе, все равно влияло. Кто-то бы мог сказать, что нет ничего более нелепого, чем требовать от детей порядка, но я рано оценила прививаемые учителями правила. Они помогали мне быстро собираться, не тратя время на поиск того или иного предмета, когда мне предстояло из дома одного родственника перебраться в другой, а происходило подобное по пять раз за несколько недель каникул.

На третий год жизни в пансионе я уехала из него на каникулы лишь с маленьким чемоданчиком, оставив все книги и игрушки на местах, и ни разу не пожалела. Три недели из пяти я провела с родителями, а те жили в палаточном городке рядом с раскопками. Пять моих платьев пропылились, и я была рада, что не взяла с собой больше. И так их пришлось долго чистить, когда я наконец оказалась у одной из своих тетюшек.

Поставив папки на полку и проверив записи в блокноте, я с чистой совестью вошла в кабинет. Шеф уже вернулся за свой стол и углубился в изучение документов. Белянский хмурился, то и дело начинал перелистывать стопки бумаг и со скрипом делал пометки в блокноте, который я взяла с собой на место преступления.

— Рейян Белянский, будут какие-нибудь указания по уборке и сортировке? — спросила я, подойдя поближе к столу.

Шеф нехотя оторвался от документов, глянул на меня, а потом ответил:

— Разберите дела на завершённые и незавершённые. Все разрозненные бумаги сложите в одну стопку, газеты — в другую.

Кивнув, я приступила к работе, для начала решив просто разобрать горы на составные части. Дела я смогу просмотреть потом.

— А вы расскажете мне об этом деле? — спросила я, когда на подоконнике стали вырастать стопки.

По-хорошему мне не следовало отрывать шефа от раздумий, но он давно перестал делать пометки и просто таращился в пространство, время от времени закладывая за резинку подтяжек карандаш.

— Хм? — Белянский вздернул бровь, но я с честью выдержала этот недовольный и чуть удивленный взгляд.

— Мне просто интересно, — пожала я плечами. — И разве не лучше, если я буду хотя бы в общих чертах посвящена в ход расследования?

Шеф задумался, с прищуром наблюдая, как я выуживаю из груды папки и складываю их на подоконник. На миг показалось, что он так и не ответит, но потом рейян неторопливо начал рассказ, который я слушала, не отрываясь от своего занятия.

— Две недели назад в собственном доме был обнаружен преподаватель основ артефактики, — сказал Белянский и перевернул пару страниц, выискивая имя. — Рейян Дарин Угг.

— Гном?

— Гном, — подтвердил старший следователь. — Ему было сто три года, это, если очень приблизительно, человеческих лет сорок. В прошлом занимался исследованиями, но не преуспел. Последние тридцать лет жил один, преподавал. Не имел врагов. Дружил кое с кем из своих. Ничего примечательного в его жизни нет, разве что последняя неделя перед смертью. Я вопросительно взглянула на начальника, и он продолжал:

— Дарин Угг как раз взял нового ученика. Провел два занятия и внезапно исчез, ничего не объяснив. Все его знакомые в один голос заявляют, что этот гном не мог сделать ничего подобного. Но тем не менее он нарушил договоренности и не появлялся несколько дней, а потом кто-то из соседей заметил, что дверь в дом Угга незаперта. — Белянский огляделся, чего-то не нашел, вылил в чашку остатки кофе и сказал: — Принесите воды, Бонс.

Положив кипу газет в соответствующую стопку, я спокойным шагом сходила в приемную и вернулась с графином и стаканами на подносе.

— Спасибо, — кивнул старший следователь, наливая себе воды. — Так вот, жандармы обнаружили тело в нескольких шагах от двери. Гном лежал на спине. На его теле присутствовали следы борьбы, будто он несколько минут кому-то сопротивлялся — отпечатки пальцев на руках и плечах. В какой-то момент он, видимо, упал, ударившись об угол массивного столика в прихожей, временно потерял сознание. Этого убийце хватило, чтобы найти в доме гнома два кинжала — Дарин Угг коллекционировал ритуальные кинжалы своего

народа — и вогнать их в глазницы жертвы. Заклинание над кинжалами было прочитано уже после смерти гнома.

Я вздрогнула, представив эту картину. Не хотелось бы мне оказаться на месте гнома.

— Его убили в тот же день, как он оставил занятия? — спросила я.

— Нет. Хороший вопрос, Бонс. — Рейян криво усмехнулся. — Эксперты уверены, что его убили через два дня после этого, но ни соседи, ни местные лавочники не могут сказать ничего путного. Один уверен, что видел, как рейян Угг куда-то уходил в тот же день, когда он спешно покинул урок, но свидетель не уверен, что видел именно Угга. Дело в том, что преподаватель жил в кварталах, густо населенных гномами, а сам по себе Угг не слишком приметный представитель своего народа. Он не выделялся ростом, носил традиционную гномью бороду, одевался в серые и коричневые цвета. Со спины его сложно было бы отличить от многих других гномов.

— Но почему-то же его убили, — резонно заметила я.

— Второй жертвой считался найденный пять дней назад маг-изобретатель Алистас Ракковский, — сверившись с документами, сказал шеф. — Но теперь ясно, что профессора Марсиса Блежецкого убили как минимум на сутки раньше.

— Странно, прошла неделя между первым и вторым убийством, — выразила я свое недоумение. — Почему?

— Это еще предстоит выяснить, — отозвался шеф, перекладывая бумажки. — Пока недостаточно сведений, чтобы начать строить предположения, хотя кое-что все же есть...

— И что же? — спросила я.

— Намек на ответ есть в деле тридцатилетней давности, которое так и не было раскрыто, — ответил Белянский и постучал карандашом по потрепанной папке.

— И что же там?

Рейян поднялся и принялся мерить кабинет шагами. Чтобы не попадаться ему под ноги, мне пришлось отступить ближе к шкафам.

— Изначально были сомнения, что второе убийство — теперь мы знаем, что третье! — совершил тот же преступник, что и первое, — сказал начальник и глянул на меня. — Хотя в обоих случаях жертв убили одинаково, но присутствовали и отличия. И основное заключается в том, что в случае с Ракковским убийца принес оружие с собой и темное заклинание над кинжалами было прочитано заранее.

— Если двоих закалывают ножами в глаза, как-то сложно поверить, что это сделал не один человек, — хмыкнула я. — Тем более уже троих.

— Поверьте, Бонс, я повидал множество дел, где наблюдались схожие методы убийства, но обвиняемыми по ним проходили разные люди, — усмехнулся Белянский. — Именно поэтому все необходимо тщательно анализировать, иначе...

— Иначе будет потеряно время на раскручивание неверной теории, — проворчала я себе под нос.

— Именно, — не обратив внимания на то, что я его перебила, кивнул шеф. — Без дела тридцатилетней давности эти три убийства кажутся необычными и очень странными. Кому и зачем нужно избавляться от троих, мало чем связанных... — Шеф на миг прервался. — От двух людей и гнома.

— Преподаватель, маг-изобретатель и профессор, — пробормотала я себе под нос. — Они могли быть знакомы тридцать лет назад?

— Верно мыслите, Бонс, — выдернув из-за подтяжки карандаш и нацелив его на меня, согласился Белянский. — Если не знать о старом деле, то кажется, что никакой связи между жертвами нет, но вот, смотрите...

Он прошел к своему столу, распотрошил нанку и прочел с листа:

— Опрошенные по делу... так... Вот! Угг. Это наш гном. Ракковский. И...

— Неужели профессор там тоже есть? — спросила я, выдергивая из горы бумаг отдельные листочки и собирая их в стопку.

— Естественно, — ответил старший следователь. — Но это старое дело. Его расследовали спустя рукава. Жертва — самый обычный маг. У него не было влиятельных знакомых или богатых родственников, поэтому никто не настаивал на обязательном раскрытии преступления. В итоге следователь опросил знакомых жертвы, его родню, установил, что на месте

преступления не обнаружено никаких улик, среди знакомых не нашлось никого подозрительного и... — Шеф недовольно фыркнул. — И вообще это могло быть самоубийство. — Что? — удивилась я. — Как это? Человека убили так же, как этих трех, но следователь допустил такое нелепое предположение.

— Здесь недостаточно информации, — со вздохом покачал головой Белянский. — Даже в тех бумагах, что вы обнаружили, Бонс, нет ничего конкретного. То ли какие-то бумаги потерялись за тридцать лет, то ли следователь банально не сделал полный отчет. Картинка не полностью складывается.

— А хоть что-то понятно? — спросила я, радуясь, что поймала начальника в достаточно благодушном настроении.

— Жертва — рейян Димитрий Раскель, двадцати пяти лет, получил образование в... — тут шеф чуть запнулся, — в магуниверситете в Старгорье.

— Куда собирался по делам профессор Блежецкий? — продемонстрировала я свою хорошую память.

— Да. Жена, годовалый сын, — выудил еще сведения рейян. — Считался перспективным магом-изобретателем, но не работал на какую-то конкретную контору.

— А эти... жертвы... были его друзьями? — подбирая слова, задала вопрос. — Поэтому их допрашивали?

— Нет, тут что-то иное, — шурша листочками, отозвался Белянский и пятерней взъерошил волосы. Я незаметно покосилась на начальника, любуюсь его увлеченностью работой. Что-то подобное я наблюдала у родителей и какое-то время даже думала пойти по их стопам, но потом поняла, что не люблю походные условия жизни. Хватит в нашей семье двух сумасшедших, которые тащат в дом всевозможные камни и черепки.

— Что же?

— Тут фигурируют имена десяти разных людей и гномов, но, судя по нашим жертвам, все они проходили обучение в разное время, но примерно тридцать-сорок лет назад, — ответил начальник. — И еще... тут есть опросные листы профессора Каранского.

— Того самого? — удивленно переспросила я.

— Вы о нем слышали? — удивился рейян.

— Шеф, есть хоть кто-то, кто не знает профессора и известнейшего мага-изобретателя Каранского? — фыркнула я. — Думаю, это имя широко известно как у нас, так и за пределами королевства, ведь его разработка была внедрена повсеместно.

— Удивительно, — хмыкнул начальник, наблюдая мое воодушевление. — Я как-то не думал, что и немагам известно это имя. Да, кристаллы связи облегчили жизнь очень многим, но...

— Шеф, вы забываете, что хоть я почти обычный человек, но у меня в родне одни маги, — в запале перебила я Белянского. — К тому же мои родители являются большими его поклонниками.

Рейян неопределенно хмыкнул и замолчал, а я продолжала разбирать бумаги.

— Когда закончите сортировку, найдите по справочнику контакты профессора и узнайте, когда он сможет со мной встретиться, — велел шеф. — Я хочу расспросить его о смерти Раскеля. Желательно поскорее. И да... сделайте мне чаю.

Я кивнула, хотела было еще спросить о деле, но, обнаружив, что шеф снова вернулся за рабочий стол, прикусила язык.

Ничего, я и так выудила довольно много, а ведь на работе всего второй день!

К моменту, когда я закончила с первичной сортировкой всюду, кроме рабочего стола шефа, время уже приближалось к завершению рабочего дня. Глянув на начальника, я выскользнула в приемную. Пока на плитке грелась вода в большом медном чайнике, я пролистала большой телефонный справочник, хранившийся в ящике стола, и придвинулась к висевшему на стене телефонному аппарату. Хотя кристаллы в качестве средства связи между работниками разных структур полностью вытеснили телефоны, но и у них были некоторые ограничения, не позволившие за тридцать лет со дня внедрения изобретения Каранского отказаться от иных способов связи.

Пришлось довольно долго ждать, выслушивая сухие щелчки в тяжелом латунном корпусе трубки. Я уже приготовилась отложить звонок и заняться чаем для шефа, когда услышала ответ:

— Да? Профессор Каранский у аппарата.

— Здравствуйте, профессор, — ответила я и широко улыбнулась, хотя собеседник не мог меня видеть. — Меня зовут Элла Бонс, я помощник старшего следователя Центрального управления магконтроля по магическим убийствам.

— Чем могу помочь? — Голос у профессора оказался моложе и приятнее, чем я думала. — Элла... Бонс?

— Да, — подтвердила я и, сев поудобнее и закинув ногу на ногу, мягко сказала: — Профессор Каранский, нам неудобно вас отрывать от дел, но вы могли бы уделить моему начальнику немного своего драгоценного времени?

— По какому поводу? — спросил мужчина удивленно. — Неужели я кого-то убил?

Я послушно рассмеялась, ведь именно этого он от меня ждал, и услышала на том конце провода тихие смешки собеседника.

— Что вы! — ответила я. — Но мой шеф хотел бы побеседовать с вами об одном деле, происшедшем много лет назад.

— А-а-а! — сообразил рейян. — Что ж, я всегда рад помочь властям. Сегодня уже не выйдет, но завтра... завтра я могу вас принять.

Я улыбнулась и пододвинула к себе блокнот.

ГЛАВА 10

Рабочий день завершился. Стоило зайти в кафе через дорогу и хоть чего-то съесть, прежде чем отправиться домой, но меньше всего мне хотелось сидеть в заполненном людьми помещении и улыбаться всем рабочей улыбкой. Или плестись в ресторанчик рядом с домом, где у меня также высока вероятность напороться на кого-то из знакомых, а того хуже, незнакомых коллег. Готовить же дома сил совершенно не осталось. Так что я голодная и уставшая поплелась домой, в надежде, что обнаружу где-то поблизости маленькое уютное кафе.

— Это только второй день, — напомнила я себе, — а я уже начисто забыла про обеды!

Сообразив, что ноги несут меня напрямик домой, я свернула в ближайший переулок и отправилась бродить по окрестностям, пока снова не очутилась у лавочки Аристарха Бжехецкого.

— Зайти или нет? — подумала я вслух и подступила к высокой двери со стеклянными окошками. — В чем дело?

Узкий проход лавочки перегораживал какой-то тип, и, хотя он просто стоял на месте, его поза мне совершенно не понравилась. Я сунула ридикюль под мышку и рывком распахнула дверь.

— Рейян Бжехецкий! — позвала я, стараясь, чтобы в моем голосе не сквозило и тени испуга.

Тип обернулся, дав мне возможность увидеть старичка. Тот стоял перед прилавком, опираясь на него локтем. Очки Бжехецкого валялись на полу, одежда выглядела измятой, будто кто-то схватил старика за грудки и как следует встряхнул.

— Кто тут у нас? — осклабился незнакомец, вынуждая обратить на себя внимание.

Я ожидала столкнуться с отвратным мужиком со щербатой усмешкой или с золотым зубом, в крайнем случае ожидала ощутить исходящее от него зловоние и увидеть грязные патлы, но передо мной высился самый обычный человек, каких много встречается на улице. Они просто проходят мимо, и ты никогда и ни о чем не догадаешься. И лишь усмешка и манера говорить выдают человека с головой.

Мужчина был довольно высок, едва ли ниже моего шефа, прилично, пусть и не слишком аккуратно одет. В его дорогих штиблетах отражался мягкий свет ламп, а волосы оказались тщательно напомажены и уложены по самой последней моде.

— О! Какая милашка, — протянул незнакомец и окинул меня сальным взглядом. — Ты к Аристарху? Прости, крошка, дедуля занят. И будет занят еще очень долго.

Я поджала губы и перевела взгляд на рейяна Аристарха. Тот с трудом выпрямился и сипло прошептал:

— Эллочка, детка, уходите. Прошу вас!

— Вот именно, крошка, — усмехнулся незнакомец, — иди. У нас тут свои дела. Или... — Он вновь оглядел меня, нарочито много внимания уделив груди и подчеркнутой застегнутым

жакетом талии. — Или подожди. Я освобожусь и развлеку тебя. Я куда более интересный собеседник, чем какой-то старикашка.

— Вы в порядке, рейян? — сделав вид, что не услышала незнакомца, спросила я Аристарха.

— Уходите, — печально произнес Бжехецкий. — Не стоит вам здесь находиться.

— Зачем вы пугаете пожилого человека? — прищурившись, спросила я типа с неприятной улыбкой. Я так расстроилась, что меня раздражало в нем все: и уложенный волосок к волоску кок на макушке, и белая рубашка, и штиблеты. — Что он вам сделал?

— Он просто должен мне денег, — усмехнулся незнакомец и вытащил из кармана гномскую зажигалку — продолговатый латунный стержень толщиной в медный грош. — И сейчас он их мне отдаст, иначе... — Тип усмехнулся и глянул на Аристарха. — Иначе я подожгу эту лавчонку!

— Я позову жандармов, — предупредила я.

— Не позовешь, — рассмеялся тип и подступил ко мне совсем близко. — Ты же не хочешь, чтобы старикашка пострадал?

— Вас схватят и обвинят в поджоге, — предупредила я. — Статья двести двадцать первая. Умышленное уничтожение или повреждение имущества.

— Старикашка отсюда уже не выйдет, чтобы заявить на меня, — уверенный в собственном превосходстве, ответил вымогатель. — А ты, цыпочка, отправишься со мной и тоже не сможешь что-либо куда-либо заявить.

— По статистике преступники, промышляющие вымогательством, редко прибегают к реальному причинению вреда жертве своих вымогательств или порче имущества, — с прищуром напонила я ему. — Это вам невыгодно, так как ведет к уничтожению источника вашего дохода.

— А ты у нас образованная, птичка! — рассмеялся тип, не смущенный моим заявлением. — Я бы хотел послушать, что еще ты мне споешь.

Я прищурилась еще больше, сдерживаясь из последних сил.

— Так что, Аристарх, ты платишь или прощаешься со своей лавкой? — усмехнулся тип, откидывая крышку зажигалки и уверенно щелкая колесиком. — Это будет очень ароматный костер.

— Но у меня нет таких денег, — простонал Бжехецкий. — Я... Я...

— Найди, — ответил тип. — Давай! Поройся среди своих мешков! А нет — я заберу у тебя то, что компенсирует мне мой визит. Что у тебя тут самое дорогое? Какой чай?

Старичок возмущенно задохнулся и с ненавистью выпалил:

— Никогда! Никогда я вам его не отдам! Он так ценен, а вы этого даже не поймете!

Оценив то, что вымогатель повернулся ко мне спиной, я шагнула к нему и дернула на себя зажигалку.

— Эй! — возмутился тип, пытаясь удержать гномскую штуковину, но та как угорь выскользнула из его пальцев. — Дура!

Мужик развернулся ко мне и шагнул вплотную, глядя прямо в глаза.

— Ты, цыпа, не дури! Я думал, что ты умненькая, не станешь чудить. А ты такие финты выкидываешь. Отдай или я заберу, но перед этим пересчитаю твои ребра, — сообщил он мне со злостью.

— Сначала вниманием обещаешь не обделить, а потом рукоприкладством пугаешь? —

развеселилась я и не отвела взгляд. — А где же промежуточное предложение? Где же попытка убедить глупенькую рейну? Зачем же сразу руками? Фу, как некультурно...

Тип опешил оттого, что я не усталилась его угроз, не зарыдала, не бросила зажигалку и не убежала. Что ж, на каблуках особо не побегаешь. Да и я знала, чем рискую.

— Эллочка... — простонал рейян Бжехецкий.

Я сдержалась и не стала успокаивать старичка. Уверенно улыбнулась, глядя противнику в глаза.

— Рискуешь, крошка, — сообщил мне мужик. — Ой рискуешь.

— Рискуешь здесь ты, — не согласилась я, отодвигаясь на шаг.

— Испугалась? — обрадовался тип.

— Нет, просто не люблю мужчин, которые выливают на себя флаконы одеколона, — ответила я честно. — Разит от тебя, мужик. Любому обоняние отобьешь.

— Отдай зажигалку, дура, — велел тип и протянул руку, пытаясь вырвать свою вещь из моих пальцев. — Тут моя территория. Варка все знают. Дед мне должен за то, что живет спокойно. Я

его от других защищаю. Не будет платить — сам же пожалеет. Пожар ему еще благом покажется.

— Значит, защищаешь? — уточнила я. — За деньги?

— А ты что думала, цыпа, дела как-то иначе делаются? — ухмыльнулся тип.

— Защищать граждан должны жандармы, — изрекла я непреложную истину.

Тип хрипло расхохотался, давая знать, что не боится жандармов.

— И давно он вымогает у вас деньги? — спросила я Аристарха.

— Ну... — замаялся лавочник. — Сейчас в столице сложно...

Ясно. Все ясно.

— Поняла, цыпа? — спросил мужик и подмигнул мне. — Верни зажигалку.

— Поняла, — согласилась я и, сжав пальцы в кулак, протянула вперед руку. — Держи.

Я разжала пальцы у вымогателя перед носом, и тот тихо ойкнул, глядя на то, что осталось от его зажигалки. Я брезгливо перевернула ладонь, позволив смятым деталькам упасть, а жидкости стечь на пол.

— О, как жаль, — с наигранной печалью сказала я. — Она сломалась.

Мужчина, назвавшийся Варком, потрясенно отступил на шаг и недоверчиво глянул на маленькую лужицу на полу. На исцарапанных деревянных досках жидкость блестела и отливала маслянистым золотом.

— Не понимаю, — изменившимся голосом сказал он и воззрился на меня.

— Все просто, — милостиво ответила я. — Сейчас ты выйдешь отсюда и просто уйдешь. И больше никогда не переступишь порог этого магазина. И даже больше: поостережешься попадаться на глаза рейяну.

— Да что ты о себе возомнила, девка! — взревел вымогатель, очнувшись. — Думаешь, что запугала меня? Да кто ты такая, чтобы запугивать Варка? Хочешь, чтобы я научил тебя жить? Или, может, познакомить тебя с моими друзьями?

Я с тенью усмешки выслушала этот выпад, целью которого было меня задеть. Но я уже очень давно задевалась плохо. Очень и очень плохо.

— Я вовсе тебя не запугивала, — сообщила я спокойно. — Я лишь предложила тебе наилучший способ разрешения конфликта. Это ты пытаешься меня запугать. Большая разница, как видишь. Разозленный моим спокойствием, тип шагнул вплотную и попытался схватить меня за запястье. Я без труда вывернулась, как бы невзначай впечатав Варку кулаком по скуле. Тот охнул, свел глаза к переносице, будто готов был вот-вот свалиться в обморок, покачнулся и с размаху свалился на мешки с кофе, лежавшие у двери.

— Рейян Бжехецкий, — мягко улыбнувшись старичку, очень спокойно сказала я, — вы можете запереть дверь? Зачем вашим покупателям пугаться этого... посетителя?

Аристарх часто закивал и ринулся запирать дверь, протискиваясь между ящиками и мешками, стоящими вдоль стены. Проследив за ним взглядом, я размахнулась и съездила Варку по шее, стараясь не слишком шуметь. К моменту, когда владелец магазинчика справился с замком, я успела выпустить весь пар, а у вымогателя успели покраснеть уши, шея и щеки. Я старалась не шуметь и особо не усердствовать. Вовсе мне не хочется, чтобы у типчика был повод разносить обо мне слухи.

— Так что, я повторяю свое предложение? — спросила я вкрадчиво, когда Бжехецкий к нам обернулся. — Ты выйдешь отсюда и больше никогда не придешь, иначе...

Со стороны казалось, что я просто сжала мужчине ухо, но лишь мы с ним знали, какие именно ощущения он испытывает.

— А! — испуганным зайцем забился он в моих пальцах, но я держала крепко, ожидая ответа.

— Так что?

— Иди к храку! — выпалил он и попытался подняться, но я одним пальцем толкнула его в грудь, возвращая на мешки.

— И откуда вы такие невоспитанные беретесь? — с тоской проговорила я. — И глупые... Что ж, я предложила тебе мирное разрешение конфликта. Будем считать, что ты отказался. — Я взглянула на замершего у двери Аристарха. — Рейян, откройте дверь. Я провожу вашего гостя. Он собирается уходить.

Бжехецкий без вопросов повернул ключ в замке, удивленно на нас посматривая, и отступил в сторону. Я за ухо потянула Варка к выходу. Он вытанцовывал за мной едва ли не на носочках, отлично понимая, что может лишиться уха. Выведя его за порог, я с чувством приложила

мужчину коленом пониже спины, посылая в красивый полет на брусчатку в паре метров от входа.

— Если еще раз увижу — поймаю и объясню совсем-совсем по-другому, почему я не люблю, когда со мной разговаривают невежливо, и почему я не люблю, когда кто-то обижает честных людей, — понизив голос, предупредила я, короткими паузами расставляя акценты. — Убирайся. Варк, скуля и держась за ухо, вскочил на ноги и припустил прочь, оглашая улицу воплями.

— Эллочка, — тихо позвал Бжехецкий, — но как вам удалось? Почему этот тип...

— Милейший рейян, — прервала я старичка и осторожно поправила его чуть задрвшуюся жилетку. — Такие особи... мужского пола сильны лишь на словах. А на деле достаточно лишь дать оплеуху, как тут же испуганно бегут. Давайте войдем.

Старичок хотел еще что-то спросить, но промолчал. По числу морщинок на его напряженном лбу я поняла, что рейян не понял, что произошло, увидев ровно то, что я хотела показать. Отлично!

— Он ведь вернется, — вздохнул старик.

— Не волнуйтесь, — ободряюще улыбнулась я ему. — Вам нечего бояться. Я завтра же займусь этими распоясавшимися крышевальщиками на работе. Я ведь тружусь в Центральном управлении магконтроля, мы сотрудничаем с жандармерией.

Я отчаянно лгала, но Бжехецкий поверил и расслабился. Мне же просто не хотелось пускаться в долгие объяснения, как трудно искоренить подобную заразу в большом городе вроде столицы. Будет выглядеть, словно я оправдываюсь. Нет. Этого совсем не нужно. Аристарху Бжехецкому совсем не обязательно знать что-то подобное.

Этот Варк затаится как минимум на сутки, а за это время я успею выведать все как о нем, так и о других типах в округе. А дальше... дальше все зависит от самого вымогателя. И он будет полным дураком, если вернется и попытается мне что-то доказать.

«Ему еще повезет, если не полезет опять к старичку, а сразу возьмется за меня, — решила я. — Я буду добрее, если он больше не станет пугать Бжехецкого».

— Не переживайте, — с мягкой улыбкой произнесла я. — Все будет хорошо.

Аристарх нервно закивал, поглядывая на дверь.

— Знаете, мне пора, — спохватилась я. — Не мешало бы вымыть руки. Да и, если честно, я ужасно голодна!

— Эллочка, деточка, — внезапно выпалил Бжехецкий, — что же вы? А я? Вот старый дурак!

Вы из-за меня рисковали, а я еще вас не поблагодарил. Лишь ною о себе. Пойдемте!

Пойдемте! — Он посеменил к входной двери, чтобы вновь ее закрыть. — Моя дорогая супруга обещала сегодня приготовить свое невероятное мясо под сметанно-грибным соусом! Пойдемте. Вы просто обязаны его отведать!

Я сделала слабую попытку вежливо отвертеться, а потом с благодарностью последовала за Аристархом за перегородку в глубине магазинчика, где пряталась винтовая лестница на второй этаж. Вежливость вежливостью, а я и сама перенервничала, так что готова была съесть не то что мясо под соусом, а целого зубра!

ГЛАВА 11

— Доброе утро, шеф, — стараясь выглядеть невозмутимой и собранной, поздоровалась я, входя в приемную.

Дверь в кабинет стояла нараспашку, открывая вид на горы на столе Белянского, кажется, еще немного увеличившиеся со вчерашнего дня.

Рейян что-то промышал, не отрывая взгляда от бумаг, а потом, будто очнувшись, вскинулся, уставившись на меня.

«Вот, сейчас выверится!» — внутренне сжалась я. И без упреков старшего следователя знаю, что опоздала почти на час.

— Бонс, приготовьте кофе, — сказал начальник и глянул куда-то вбок: — И что там?

Кто-то забубнил в ответ, и я незаметно перевела дух. Значит, или не заметил, или решил не устраивать мне выволочку при посторонних. Что ж... Может, потом и вовсе забудет?

Бросив сумочку на рабочий стол, я поспешила в подсобку. Кофе так кофе. Так и быть, сварю что-то попроще той бурды, которую управление закупает для поддержания работоспособности своих служащих. Тем более что Бжехецкий просто-таки всучил мне пару увесистых банок самых лучших кофейных зерен.

Из-за старичка, собственно, я и опоздала, хотя не думала, что потрачу так много времени в жандармерии.

Браслет управления подействовал как универсальный пропуск в кабинет жандармского начальства, а уже там мне пришлось подключить все свое обаяние, чтобы вытрясти из пожилого мужчины, размякшего от моих улыбок, все необходимые сведения.

О ситуации с крышевателями торговцев в жандармерии знали, но, как меня заверили, не могли ничего с этим поделать. По словам шефа жандармов, этим делом занималась большая банда, но главаря этой банды никто из жандармов никогда не видел. Этот человек оказался достаточно умен, чтобы всегда держаться в тени и не попадаться. И, как итог, жандармы могли отлавливать подручных главаря десятками, что они и делали, отправив на отсидку множество таких Барков, как тот, с кем мне пришлось познакомиться, но это ни на шаг не приближало к стоявшему за всем человеку. О главаре его люди помалкивали, а на их место постоянно приходили новые мелкие жулики.

Сделав над собой усилие, я разыграла целый спектакль с заламыванием рук и глазами, полными слез, после чего шеф жандармов с жаром пообещал специально для меня, как секретаря большого начальника из управления, выделить дополнительный патруль на квадрат с лавкой рейяна Бжехецкого, на слово поверив моей байке о любимом дедушке, которого я периодически навещаю.

Именно из-за этого слезливого выступления я и задержалась, но оно того стоило. Теперь же мне предстояло решить, как поступить в будущем. Посещение жандармерии подтвердило мои предположения в отношении вымогателя. Теперь же оставалось лишь готовиться к возможным вариантам развития событий.

К Бжехецкому за компенсацией морального ущерба Варк не сунется. Что ему какой-то старичок? Да и лишний патруль, как я надеялась, отпугнет этого типа.

Оставалось две возможности: Варк соберет приятелей или наябедничает главарю. В обоих случаях агрессия будет направлена на меня, но во втором случае с реальной опасностью я столкнусь быстрее — если главаря не могут поймать, значит, у него есть связи в жандармерии и его не только покрывают, но и снабжают информацией. Вполне возможно, прямо сейчас уже другой жандарм записывает для неизвестного мой адрес.

— Что ж, — разливая по чашкам кофе, вздохнула я, — сама виновата.

— И что дальше? — раздраженно спросил Марьян, глянув на Баума, шефа команды, подчиненные которого проводили осмотр последнего места преступления. — Быстрее, Карсей, быстрее. Почему мне приходится тащить из тебя каждое слово?

Старший следователь перевел взгляд на свой стол, на свободном пятачке которого внезапно возникла высокая чашка с кофе. Чуть нахмурившись, Марьян поднял глаза и наконец заметил секретаршу. Та с невозмутимым видом улыбнулась, будто не заметив, что Белянский вот-вот вскипит, как чайник, и елеиным голосом спросила:

— Что-нибудь еще, шеф?

Ему отчаянно захотелось вывернуться на девицу, но Марьян лишь прожег ее недовольным взглядом. Выражение лица Бонс не изменилось, на ее красивом личике ни один мускул не дрогнул. Она лишь чуть склонила голову и с едва прикрытой иронией приподняла бровь. Белянский тихо зашипел сквозь зубы и рявкнул на истинного виновника своего недовольства:

— Баум, сотню храпов тебе за шиворот, да говори уже!

Элла Бонс, которой полагалось вздрогнуть от этого окрика не меньше, чем двухметровому детине в темной форме жандармов, мявшемуся перед Марьяном вот уже четверть часа, танцующей походкой обошла стол и учтиво предложила Карсею вторую чашку:

— Кофе?

Шеф команды замотал головой.

— Так вот... Пропал он... — замямлил Баум. — Мы уж везде обыскали. Обыскались...

Белянский не выдержал и едва слышно зарычал, ощущая, как на ярость откликается сила.

Хотелось взять и сровнять с полом всех обитателей второго этажа управления. А лучше

поймать и сровнять с полом зарвавшегося молокососа, которого вышестоящее начальство по просьбе еще более высокопоставленных лиц спроварило в управление для стажировки.

— Баум, я тебе доверил папку с делом? — вдохнув и выдохнув, чтобы успокоиться, с ледяным спокойствием спросил Марьян. — Или, может, вещественное доказательство размером со спичечный коробок?

— Нет, Марьян... — прошептал здоровяк, чуть присев.

— Я... — Белянский сбился, глянул на стоявшую рядом с шефом команды секретаршу и, не меняя тона, велел: — Бонс, дайте сюда эту храковую чашку! И займитесь делами. — Он указал на стопку на своем столе. — Когда у меня встреча с профессором?

Девушка скосила взгляд на наручные часы и невозмутимо произнесла:

— Через час, шеф. Профессор Каранский проживает на Золотых Прудах.

— Будьте готовы через пятьдесят минут уйти из управления порталом, — не терпящим возражений тоном велел старший следователь.

— Да, шеф, — ответила девица, без усилий одной рукой поднимая со стола объемистую стопку папок, и направилась к выходу.

— Я доверил тебе не иголку. Я доверил тебе мальчишку с шилом в заднице и велел не спускать с него глаз, — не дожидаясь, пока Бонс закроет за собой дверь, продолжил шипеть на Баума Марьян.

— Но не мог же я привязать его к стулу? — промямлил Карсей. — Он же внук губернатора!

— Лучше бы привязал... — проворчал себе под нос Белянский и махнул рукой, отпуская Баума восвояси.

Обдумывая разговор шефа с рейяном Баумом, я сгрузила папки на свой стол, отнесла поднос в подсобку и с опаской взялась за сортировку документов. Первым делом я просмотрела блокнот, где к моим записям прибавилось еще около десяти страниц общей информации по трем делам. На мое счастье, почерк Белянского оказался мелким, но четким и легко читаемым. Даже лучше, чем у меня. Но и в моих записях шеф разобрался без труда, карандашом расставил пункты возле абзацев и на свой лад перетасовал предложения.

В первый миг я растерялась, но потом облегченно вздохнула — пометок оказалось ровно столько, чтобы я не запуталась, делая печатную копию содержания блокнота. Заодно я отметила личный стиль Белянского, немного не соответствовавший общим правилам ведения документации. Для обычного следователя подобное было непозволительно, но старший — сам себе начальник. Я сделала мысленную пометку, чтобы в следующий раз учитывать это и облегчить шефу восприятие моих записей.

Дальше я просмотрела дела по двум первым убийствам, знакомясь с подробностями, и только после этого взялась за сбор всех документов в единое дело.

Я как раз перепечатывала на гномской печатной машинке заметки старшего следователя, когда в приемную без стука вальяжно вошел высокий тощий юноша года на два меня моложе. Я мельком отметила, что одет он в форму жандармов, но вместо знаков отличия на воротничке паренька красовалась парная вышитая девятиконечная звезда — знак военной академии.

Моему присутствию юноша не удивился и сразу направился к моему столу. Он перетащил стул поближе ко мне, но, на мое счастье, колонны из папок на полу не позволяли подобраться вплотную. Развалившись на сиденье, паренек самодовольно ухмыльнулся:

— Привет!

Я допечатала фразу до точки, переложила папки на другую сторону от печатной машинки и вежливо улыбнулась:

— Здравствуйте. Я могу вам чем-то помочь?

Паренек расплылся в еще более самодовольной улыбке, а у меня появился шанс как следует его рассмотреть, не выглядя при этом слишком уж любопытной.

— Меня зовут Эрдиан Барсавский, — с нескрываемой самоуверенностью сообщил юноша, позволяя себе довольно откровенный взгляд. — Я внук рейяна Барсавского, губернатора столицы.

Что ж, малыш, смотри. Глазки только не сломай.

Я невозмутимо отвела глаза и кончиками пальцев поправила стопку на столе, а когда вновь повернула голову к собеседнику, то специально еще больше расправила и без того прямые плечи. Юноша тут же уставился на мою грудь, не заметив, что я не удержалась от усмешки.

Высокий, довольно тощий, с невероятно белыми, почти серебристыми волосами. Костюм на вид дорогой и сшитый так, чтобы скрыть юношескую худобу. Но носит его внук губернатора нарочито небрежно, будто пытаясь копировать кого-то, кому такая манера идет. Вот только расстегнутый на две пуговицы ворот рубашки и чуть измятый китель плохо смотрятся в сочетании с зеленоватым лицом и мутными после длительных возлияний голубыми глазами. Резкий запах одеколона, которым, судя по всему, парень даже рот прополоскал, не менял впечатления, даже усугублял его.

Остро захотелось взять юношу под локоток, проводить в подсобку и макнуть головой в полную воды раковину. Но я не переставала вежливо улыбаться, ожидая продолжения представления и не собираясь подыгрывать Эрдиану.

Внук губернатора наконец оторвался от попыток увидеть хоть что-нибудь сквозь блузку и жакет и еще вольготнее раскинулся на стуле.

— Так чем я могу вам помочь, рейян Барсавский? — с непрошибаемым профессионализмом вновь осведомилась я.

Мальчишка от неожиданности подавился воздухом, порозовел от потуг скрыть сей факт и удивленно на меня воззрился. Будь на его месте какой-нибудь менее родовитый тип, я бы не таясь усмехнулась, открыто продемонстрировав свое отношение. Но внук губернатора — это внук губернатора. Если верить газетам, дед этого птенчика весьма жесткий человек, души не чающий в своих родственниках — статьи пестрели или обсуждениями споров губернатора с членами парламента, или восхвалениями в адрес очередного госпиталя, школы или общества, которые открывала или организовывала невестка Барсавского вместе с остальными родственниками. Так что я просто отвернулась к печатной машинке и продолжала печатать.

— Марьян на месте? — через пару секунд чуть дрогнувшим голосом спросил юноша.

— Рейян Белянский на месте и у него в данный момент нет посетителей, — допечатав еще одну фразу до запятой и специально подчеркнув интонацией имя шефа, ответила я. — Мне сообщить ему о вас?

Эрдиан дернулся, на миг скорчил обиженную гримасу и хмуро произнес:

— Не нужно. Кофе мне сделай.

— Меня зовут Элла Бонс, — глядя в голубые глаза юноши, сообщила строго. — Я секретарь старшего следователя. Если не ошибаюсь, вы, уважаемый рейян Барсавский, являетесь стажером управления.

— И что? — возмутился Эрдиан.

— По уставу ваш социальный статус в управлении магконтроля не имеет значения, — напомнила я ему прописную истину. — Вы должны следовать внутренней субординации управления. Поэтому потрудитесь обращаться ко мне соответствующим образом.

Не дожидаясь ответа, я поднялась и ушла в подсобку. Через десяток секунд мальчишка зашел следом, успев восстановить свое душевное равновесие.

— Хочешь поиграть со мной? — не вняв предупреждению, с ухмылкой спросил он. — Играешь в недотрогу?

Прежде чем повернуться к Эрдиану и ответить, я закончила возиться с плиткой и засыпала кофе в турку.

— Простите, уважаемый рейян, я не понимаю, что вы имеете в виду? — сухо спросила я, не выражая голосом ни злости, ни превосходства.

— Я не скажу Марьяну, — хмыкнул парень, прислонившись к проему двери в кухню. — Ну не будь буклой. Улыбнись, красавица.

Марьян осмотрел горы бумаг на своем столе, с сожалением окинул взглядом ровные стопки на подоконнике и вздохнул. Лично разбирать бумаги не хотелось, отвлекать секретаршу от оформления дела — тоже. Поморщившись и сунув карандаш за лямку подтяжек, следователь потянулся к чашке, но тут же обнаружил, что как в одной, так и в другой осталась лишь гуща. Вздохнув, он встал и поплелся в приемную. До встречи с профессором оставалось еще немного времени. Как раз на чашку чая.

В приемной Эллы Бонс не оказалось, но из подсобки раздавались голоса. В первый момент Марьян решил, что это не его дело, но потом передумал, сделал несколько больших шагов и возник за плечом ничего не подозревающего стажера. Он ожидал увидеть смущенную и

порозовевшую девицу, заигрывающую с мальчишкой, но увидел сосредоточенно готовящую кофе секретаршу. И только.

— Сварить вам кофе, шеф? — заметив начальство, без смущения спросила рейна и одарила Марьяна уже знакомой вежливой улыбкой.

— Чаю, — решил Белянский и хмуро прищурился, разглядывая повернувшегося к нему блондинчика.

Эрдиан даже чуть присел, обнаружив не призрак старшего следователя, а его живое воплощение. Марьян не отказал себе в удовольствии продемонстрировать юноше кровожадную крокодилию усмешку, не обещавшую ничего хорошего.

— Что ты здесь забыл? — спросил он так тихо и мирно, что младший Барсавский беззвучно икнул и трусливо захлопал глазками. Но через миг внук губернатора опомнился, выпрямился и с вызовом проблеял:

— А что такого?

— Стажеру положено находиться в зоне видимости опытного сотрудника, к которому его прикрепили, и выполнять поручения начальства, — все так же спокойно напомнил Белянский. — Я отправил тебя к Бауму. Баум обитает в кабинете двести девять, который находится этажом ниже. Но ты здесь и отрываешь моего секретаря от работы. Мальчишка поджал губы и вздернул подбородок, всем видом демонстрируя свое отношение к словам Марьяна.

— Мы оба знаем, что дед сослал меня сюда не для того, чтобы я работал, — растягивая слова, сообщил Эрдиан. — Он просто наказывает меня за оплошности в учебе. Мне лишь нужно просидеть здесь пару недель, пока дед не отменит свой приказ.

Старшему следователю на миг остро захотелось взять щенка за тонкую шейку и отделить голову от плеч. В желудке резко заныла дыра, за много лет проеденная дрянным кофе. Стиснув зубы и сглотнув горькую слюну, Белянский подавил гнев.

Очень хотелось высказать, что губернатор наказал не своего отпрыска, а управление.

Мальчишка лишь приносил беспокойство и отрывал занятых людей от дела. Высокое начальство велело Марьяну по мере сил развлекать младшего Барсавского, прямо заявив, что бить юношу нельзя, но за несколько дней следователь понял, что готов уволиться, но перед этим съездить мелкому разок по шее.

— Эрдиан Барсавский, мне глубоко плевать, что ты по этому поводу думаешь, — стараясь не повышать голоса, сказал Белянский после короткой паузы. — Мне плевать, чем мотивировался твой дед. Мне плевать! Но сейчас ты спустишься на этаж ниже и закончишь те дела, которые тебе поручили. И если, когда вечером зайду в общий зал второго этажа, увижу там стопки отчетов, которые ты не разобрал, как было велено, то заставлю тебя их все съесть!

Эрдиан нервно отступил назад, недоверчиво глядя на Марьяна.

— Не посмеешь, — вякнул он. — Тебя уволят!

— Мне запретили тебя бить, как малое дите, но вот о твоём рационе никто не сказал ни слова! — рявкнул старший следователь и перевел взгляд на секретаршу, чтобы избавиться от желания встряхнуть мальчишку за шкирку, как котенка.

Бонс после выступления Белянского не дрожала и к стенке не жалась. Марьян даже позавидовал ее невозмутимости. Сняв турку с огня, девушка улыбнулась начальству и осведомилась:

— Значит, подать рейяну Барсавскому кофе не сейчас, а вечером, чтобы было чем запить отчеты?

Стоило сдержаться, но я не утерпела. Фраза вырвалась раньше, чем я обдумала последствия.

Внутри все клокотало от злорадства.

Поняв, что несколько вышла из образа идеального сотрудника — похоже, Белянский плохо на меня влияет, — я наскоро оценила возможные последствия. Шеф — ладно, а вот мальчишка...

Сделать что-либо он мне не сможет. Даже если отправится прямо к своему деду и потребует увольнения нас с рейяном. Губернатор не вчера родился, знает обстановку и прекрасно сознает, как в его окружении воспримут попытку отомстить за обиженного внука. И Эрдиан не настолько глуп, чтобы этого не понимать. Значит...

Стажер, громко топая, убрался из подсобки. Шеф проводил его хмурым взглядом и напомнил:

— Чай, Бонс. И готовьтесь к визиту.

— Значит, мелкий может попытаться отомстить за это маленькое унижение, — додумала я вслух, когда старший следователь оставил меня наедине с чашками и плиткой. — Шефу — за очередной выговор. В виде протеста. А мне за то, что была свидетельницей унижения и выбрала сторону начальника.

Прикусив губу, я постояла несколько секунд неподвижно, прокручивая в голове все возможные каверзы, которые Барсавский способен взять на вооружение. А знала я много! Когда долгое время живешь в пансионе, то волей-неволей вникаешь во внутренние конфликты и знаешь, как действуют участники этих конфликтов. Сама я ни с кем не ругалась, а со мной предпочитали не иметь разногласий, помня о том, что без труда причешу против шерсти каждого и каждую. Делать кому-то внушение посредством силы — последнее дело. В детстве мне хватало того, что все знали о моих возможностях.

— Ладно. Буду иметь в виду этого курсантика, — решила я и взялась за чай.

ГЛАВА 12

Еще пару сотен лет назад Золотыми Прудами назывались десятки акров парков, скверов и мелких озер, окружавших резиденцию короля. После один из дворцов резиденции выгорел. Ходили слухи, что в ту ночь на королевскую семью напали, но сама монаршая фамилия предпочитала скрывать подробности. По официальной версии два младших брата тогдашнего правителя и полдюжины менее существенных родственников задохнулись и не смогли выбраться.

Через десяток лет после этого королевская семья продала Золотые Пруды, и те спустя годы превратились в отдельный городок, жители которого строили свои дома среди живописных пейзажей. Но Гаруч рос, сменил свой статус, и ныне Золотые Пруды стали одним из пригородов столицы. Часть парков выкорчевали, построили новые здания жандармерии, госпиталя и проложили новые дороги, хотя дух Прудов сохранился прежний.

— Живописно здесь, — шагая чуть позади шефа, сообщила я, прижимая к груди сумку и жесткую папку, внутри которой ждали своего звездного часа блокнот и парочка отточенных карандашей. — И дышится иначе.

Белянский не ответил.

Дома здесь стояли на значительном расстоянии друг от друга. Нумерацию они получили лишь после того, как на Прудах проложили дороги, поэтому нужный нам дом предстояло искать, петляя по мощеным дорожкам между раскидистыми ивами, массивными дубами и непролазным малинником, победившим в войне с человечеством. В малиннике с жаром о чем-то спорил отряд мальчишек. Проходя мимо, я не удержалась и улыбнулась им. Они на миг застыли, таращась на нас, а потом дружно показали мне языки. Хихикнув, я не осталась в долгу. И лишь хмурый взгляд обернувшегося шефа остановил меня от продолжения маленькой баталии.

— Кажется, вот тот дом, — вглядываясь в номер на здании, сообщила я шефу, когда впереди показалось двухэтажное здание из белого камня под темно-красной черепицей.

— Какой он, этот профессор? — то ли у меня, то ли у пространства спросил шеф.

— По его особой просьбе репортеры не размещают в статьях о нем фотографий, — ответила я. — Нет их и в монографиях профессора. Но те, кто знаком с ним лично, рассказывают, что он выглядит моложе своих лет, всегда аккуратно одевается и совершенно не похож на какого-нибудь чокнутого изобретателя, годами не покидающего своего дома.

Белянский обернулся так внезапно, что я едва на него не налетела, и, прищурившись, спросил:

— Откуда вам все это известно, Бонс?

— Мой отец большой поклонник профессора Каранского, — пояснила я, решив не вдаваться в подробности.

Зачем старшему следователю выслушивать исповедь своего помощника? Ему совсем не обязательно знать, что во время своих коротких возвращений домой родители редко забирали меня от родственников или из пансиона. В наши непродолжительные встречи родители не особо вникали в житье-бытье единственной дочери, предпочитая повышать уровень моего образования историями с раскопок. Даже на ночь мне читались не сказки, а толстые труды именитых исследователей, подробные биографии изобретателей или еще что-то столь же

малоинтересное ребенку. Как теперь выяснилось, даже засыпая под монотонное чтение, я запоминала информацию.

Профессор открыл нам лишь через пару минут после того, как шеф постучал дверным молотком. Я ожидала, что нас встретит прислуга или кто-то из родственников, но рейян Каранский встретил нас лично. В первый миг я не поверила, что перед нами тот самый знаменитый профессор.

Это был мужчина выше среднего роста, в идеальном, чуть поношенном костюме в коричневую клетку. Совершенно седой, морщинистый, но на это я обратила внимание лишь спустя некоторое время, а до того меня поразила осанка этого очень пожилого человека и живой блеск внимательных серых глаз.

— Здравствуйте, профессор, — обратился к рейяну мой шеф, — меня зовут Марьян Белянский. Я старший следователь Центрального управления магконтроля. Вы назначили моему секретарю встречу.

Каранский мельком глянул на предъявленный Белянским значок и дружелюбно улыбнулся со словами:

— Конечно! Здравствуйте. Проходите в дом, не нужно стоять на пороге.

Я поразилась, что и в жизни голос профессора звучит куда моложе, чем выглядит его обладатель.

— А вы Элла Бонс? — спросил меня профессор, когда я вслед за старшим следователем прошла мимо него в холл.

— Вы запомнили мое имя?

— У вас приятный голос, — улыбнулся мне мужчина, продемонстрировав белоснежные зубы (у меня не поворачивался язык даже мысленно назвать этого ухоженного восьмидесятилетнего человека дедушкой), а потом с небывалой галантностью поднял и поцеловал мне руку. — Но что голос! Неужели в магконтроле служат такие красавицы?

Я не удержалась и широко улыбнулась профессору, чувствуя, как внутри все затрепетало от восторга — ни в тоне, ни во взгляде не чувствовалось притворства.

— Вы мне льстите, — ответила я, не переставая улыбаться. — Это неудобно.

— Знаете, я прожил на свете так много лет, что пришел к очень простому выводу: нет ничего неудобного, — доверительно понизив голос, сказал мне профессор. — А еще нет неподходящего времени, чтобы не сказать женщине комплимент. Иного случая может просто не представиться.

Я вновь улыбнулась, высвободила свою руку из ладони профессора и глянула на шефа. Тот наблюдал за нами с непроницаемым выражением лица, но прищур выдавал недовольство Белянского.

— Профессор, мы к вам по делу, — напомнила я.

— Ах да, — опомнился рейян. — Проходите, проходите.

Он указал рукой в сторону открытых дверей, а сам задержался в холле. Пройдя в гостиную, старший следователь без раздумий устроился за большим круглым столом в центре комнаты, а не на широком диване напротив пары кресел у высоких окон с видом на запущенный сад.

— Чаю? — спросил Каранский, вкатив в комнату столик.

— Позвольте мне это сделать? — предложила я, бросив на стул сумку и блокнот.

— Но ведь вы моя гостья, — с легким укором заметил Каранский, но позволил мне заняться нагревом воды, а сам с явным облегчением опустился за стол. Двигался профессор свободно, но мимика выдавала его истинные чувства. Похоже, профессор был из тех, кто не любит, когда его считают старым и немощным, но это не избавляет подобных людей от некой скованности в движениях из-за боли в суставах.

— Профессор, мне бы хотелось уточнить у вас некоторые детали одного дела, которое управление расследовало в прошлом, — отвлекая Каранского от любования мной, сказал шеф. Я сделала вид, что не заметила ни недовольного взгляда Белянского, ни легкой поспешности, с которой была произнесена фраза. — Так вышло, что в данный момент утеряны кое-какие документы тридцатилетней давности. И нам сложно восстановить общую картину. Поэтому было решено опросить тех, кто был связан с тем делом.

— Тридцать лет назад? — задумался Каранский. — Вы говорите о том кошмарном убийстве? Убийстве Раскеля?

— Вы помните?

— Конечно! — покивал мужчина. — Такое сложно забыть даже спустя три десятилетия.

— Правда? — искренне изумилась я. — Прошло очень много лет.

— Да, — согласился профессор. — Но видите ли, милая рейна Бонс, это был очень трагический и... честно говоря, самый ужасный случай в моей жизни.

Старший следователь хмуро на меня глянул, сделав знак глазами, чтобы я поторапливалась.

Пришлось сосредоточиться на чае и не вступать в разговор.

— Значит, вы можете помочь нам прояснить некоторые моменты по этому старому делу, верно?

— Конечно, можете спрашивать, — кивнул Каранский. — Я постараюсь припомнить все детали, если это необходимо. Но как так вышло, что магконтроль потерял документы? Разве вы не используете всевозможные чары в хранилищах, архивах и картотеках?

Белянский поморщился, будто у него резко заболел зуб. Оно и понятно. Пусть я пока еще не была полноценным работником магконтроля и пока мой стаж составлял жалкие несколько дней, но еще во время обучения я поняла, как сильно данный вопрос всех нервирует.

— Магконтроль отказался от использования подобных чар много десятилетий назад, — ответила я после затянувшейся паузы, расставляя на столе чашки.

Шеф, судя по всему, отвечать не собирался, а мне не хотелось, чтобы начальник в глазах Каранского выглядел неразговорчивым, хмурым управленцем.

— Вот как? — переключившись на меня, с улыбкой сказал профессор. — Я не знал.

— Об этом не принято распространяться за пределами ведомства, — пояснила я. — Это не тайна, а лишь нежелание привлекать излишнее внимание к внутренним делам магконтроля.

— Но что-то послужило причиной? — с интересом спросил профессор, забрасывая в чашку три кубика сахара.

— Вскоре после того, как все отделения перешли на использование специальной бумаги с заранее нанесенными чарами, произошла масштабная утечка информации, — ответила я, глянув на Белянского и отметив, что тот продолжает буравить меня недовольным взглядом, но вступать не собирается. — За несколько недель из дюжины управлений по всему королевству пропало не менее сотни дел, как уже отправленных в архив, так и свежих, еще только заведенных. Многие из них не восстановлены до сих пор. Как выяснилось, чары — вещь удобная. Но на данный их тип не распространяются какие-либо ограничители, а значит, совершенно любой может «выманить» дело, зная даже минимум данных с титульного листа. А раз для работы использовались мощные чары, то с подобным радиусом действия достаточно встать под открытым окном управления и произнести соответствующую форму призыва.

— Вот как? — понятиливо протянул Каранский. — Теперь ясно. Да, неприятный момент. А я, знаете ли, привык к чарам. Даже в своей библиотеке их настроил. Очень удобно. Наверное, Королевское бюро регистрации научных публикаций — единственное место, где тоже не используют чары. Но там это связано с тем, что бюро расположено в одном из стариннейших особняков и целостность здания поддерживается магией. Любое постороннее влияние может привести к трещинам в фундаменте, а эти закоснелые старички против переезда.

Я улыбнулась, отметив, что сам себя Каранский к старичкам не относит.

— Так вы хотите еще раз расспросить меня о смерти Димитрия? — вернулся к нужной нам теме профессор. — А почему?

Шеф на меня зыркнул, но я и не собиралась отвечать на этот вопрос. Я же не пустоголовая болтушка! Одно дело выдать то, что при желании любой житель королевства узнает, и другое

— детали расследования.

— Просто расскажите нам все, что помните, — уклонился от объяснений Белянский.

— Что ж, — улыбнулся Каранский, давая понять, что спросил из вежливости и любопытства пожилого человека, а не по какой-либо личной заинтересованности. — Просто рассказать, что я помню? Вопросы вы задавать не будете?

— Позже. Если понадобится, — ответил старший следователь, даже не пытаясь быть вежливее и добрее к профессору. — Надеюсь, вы никуда не торопитесь?

— Ах! Куда я могу торопиться в мои-то годы? — замахал на него руками Каранский. —

Учеников я уже много лет не беру, от всяких сборищ старикашек бессовестно отлыниваю — а ведь зовут! — и детей-внуков у меня нет, чтобы мешать им жить своей жизнью. Только и делаю, что ворчу, когда читаю утреннюю газетку, сижу в саду и иногда пытаюсь выдумать что-нибудь эдакое. Домработница ходит... Ни о чем заботиться не надо. Разве что кто из соседей — таких же стариков — на чай зазовет.

— Золотые Пруды — удивительное место, — встряла я и подвинула шефу плетенку с печеньем. Он на меня зыркнул, но взял кусочек и деликатно им захрустел.

— Этот дом достался мне от отца, — сообщил Каранский. — Была еще квартира почти в самом центре, на Авсеевской. Я там провел большую часть жизни, а сюда перебрался всего десять лет как, продав старую квартиру. А ведь прежде считал, что жить в такой... почти глуши — сущее наказание. В юности костерил отца, что оформил этот дом так, что его не продать. А вот теперь оценил. Тут тихо, уютно, чужих нет.

Я улыбнулась, глотнула чаю и сделала в блокноте несколько пометок, но так, чтобы ни шеф, ни профессор не могли их прочесть.

— С Дмитрием я познакомился где-то года за три до его убийства. Со мной связался профессор Абарроуз из магуниверситета и попросил об одолжении, — вспомнив о деле, начал рассказывать Каранский. — Невероятный человек был! Он еще меня учил. Маг старой школы. Это сейчас в каждом учебном заведении и обычные люди науки постигают, и магически одаренные. Все, кто родился после образовательной реформы короля Маркуса, даже не подозревают, как прежде было тяжело магам. Тогда никто не готовил людей для магконтроля, потому что и магкафедры ни в военной, ни в жандармской академии не существовало! А уж как тяжело приходилось тем, кто выбирал своим делом куда более узкие специальности! Мне такого пережить не довелось, но от одной лишь мысли в дрожь бросает по сию пору. Родись я на десяток лет раньше... Никто не задумывается, но многочисленные открытия последних семидесяти лет — заслуга этой самой реформы. Как только среди магов стало больше образованных людей, всем стало легче жить.

— С вами связался профессор Абарроуз, — напомнил Белянский.

— Да, — кивнул Каранский и хлебнул чаю. — В то время он уже заканчивал свою преподавательскую деятельность. Собирался уйти на покой. Сам-то он был именно теоретиком, но был тем, кто активно вдохновлял молодежь на свершения. Даже меня его энтузиазм покорило, что вылилось в несколько лет, которые я преподавал в магуниверситете. Но читать лекции студентам — не мое. — Профессор отставил чашку и сложил сухонькие руки одна поверх другой на скатерти. — Мне было жаль тратить драгоценное время на людей, когда меня ждали открытия. Сейчас никто не вспомнит, но до кристаллов я изобрел тринадцать артефактов. Половина из них выпускается и используется до сих пор, а другую половину сменили более новые и современные версии.

— Мой отец часто повторяет, что вас незаслуженно называют просто создателем кристаллов связи, — вежливо поддакнула я.

— А кто ваш отец?

— Вы не можете его знать, — отмахнулась я без тени смущения. — Мой родитель специализируется в совершенно иной области.

— Подождите-ка! — радостно воскликнул Каранский. — Чета Бонс? Знаменитые археологи, специалисты по поиску утраченных изобретений исчезнувшей цивилизации в Восточном Хантазаре?

— Вы знаете, — расплылась я в улыбке. — Да, это они.

— Я читал статьи, — покивал профессор. — Не думал, что у них столь взрослая дочь. Да еще и работающая в магконтроле. Почему же вы не пошли по стопам родителей?

Я удержала улыбку на лице и мысленно себя похвалила. Еще недавно я болезненно морщилась, когда слышала подобные вопросы.

— Так получилось, — ответила я, ничем не выдав истинные чувства.

— Удивительно, — пробормотал профессор. — Как тесен мир! А ведь я думал познакомиться с Бонсами, вы знаете, милейшая рейна? Но всякий раз знакомые мне говорили, что ваши родители в очередной экспедиции.

— Они проводят в экспедициях от восьми до одиннадцати месяцев в году.

— И плодотворно! Плодотворно проводят!

— Да, — кивнула я, вновь сохранив невозмутимость.

— А я сам редко куда-то выезжаю, — признался профессор. — Прежде было не до того, а сейчас уже поздно.

— Мне не кажется, что здоровье не позволяет вам путешествовать, — искренне польстила я.

— Да не в здоровье дело, — отмахнулся рейян. — Мне просто лень. Я так привык сидеть на одном месте, что даже в центр столицы выбираюсь очень и очень редко. А если и выбираюсь, то предпочитаю открывать порталы — тряска на всех этих наемных самоходах ужасно угнетает. — У вас хватает сил открывать порталы? — спросил Белянский.

— Да, — кивнул Каранский. — Годы берут свое, но магические силы у меня такие же, как в молодости.

— Вы говорили про профессора из магуниверситета, — напомнил старший следователь.

— Ах да! — спохватился рейян. — В то время я занимался собственными исследованиями, жил уединенно в городской квартире и не собирался возвращаться к преподаванию. Но профессор Абарроуз связался со мной и попросил об услуге. — Каранский с сожалением поболтал остаток чая на дне чашки, и я поняливо встала, чтобы разогреть воду. — Он хотел полностью отойти от дел и искал того, к кому сможет отправлять своих бывших студентов, чтобы те могли получить консультацию. Мне это показалось не слишком обременительным. К моменту, когда у меня на пороге возник Димитрий, я приветал уже с полдюжины бывших студентов своего учителя.

— Вы всех помните? — удивился шеф.

— Думаю, что смогу вспомнить каждое имя, если захочу, — покивал Каранский.

Я потрясенно округлила глаза в знак восторга.

— Мой преподаватель отправлял ко мне самых разных своих студентов. Были среди них настоящие таланты, вроде Ракковского. Он и тогда фонтанировал идеями, а за тридцать лет, если я хорошо помню, более сорока патентов оформил. Были те, кто увлекался и верил в успех, но не достиг каких-то явных высот. Но я, помня о просьбе профессора, каждому уделял время и всячески подбадривал.

— А Раскель? — спросил шеф.

— Димитрий был очень интересным юношей, — ответил Каранский. — Определенно талантливый, но непоседливый, очень импульсивный и впечатлительный.

— Вот как? — удивилась я.

— Да, — кивнул профессор. — Ему было чуть за двадцать, когда он пришел ко мне домой. Они все приходили, но обычно звонили перед этим. А Димитрий явился без предупреждения. Да еще в дождь. Я отпаивал его горячим чаем и даже выдал юноше свои сухие носки, опасаясь за его здоровье. Раскель вообще мало что замечал кругом, кроме своей тетрадки, куда записывал идеи.

— Он пересекался с другими вашими посетителями? — выудив еще один кусочек печенья, спросил старший следователь.

— Не со всеми, — подумав немного, ответил Каранский. — Когда меня допрашивали много лет назад, я называл следователю всех, кто приходил ко мне в гости параллельно с Димитрием, но теперь я вспоминаю, что он пересекался только с пятью из почти дюжины моих... назовем их учениками.

— И вы можете всех назвать?

— Дайте-ка подумать... — пробормотал профессор и потянулся к чашке. — Блежецкий. Он после стал профессором и даже работал в магуниверситете, если я не путаю. Угг. У этого почти не было задатков. У гномов маги бывают лишь в смешанных семьях, а уж талантливых магов среди гномов разве что один на сотню. Ракковский. Этот ко мне почти каждый день заходил, поэтому и знал всех. Еще Болотонский. Тоже профессором стал, но специальность в итоге сменил. И Баржек... Да, думаю, этот тоже знал Димитрия. Остальные вряд ли с ним пересекались.

— Ваши ученики вели дружбу между собой? — спросил шеф.

— Знаю, что Ракковский, Блежецкий и Болотонский часто встречались и вне моего дома, — немного помолчав, ответил профессор. — Угг всячески старался влиться в их компанию, даже считал их своими друзьями, но они никогда не скрывали, что не горят желанием водить дружбу с гномом. Разница менталитета и все такое. Но и с Димитрием Марсис, Алистас и Варжек тоже не особо дружили. Он был самым молодым из всех. Да и не вызывал у них симпатии.

— Только из-за своего переменчивого характера? — спросил Белянский.

— Не только, — вздохнул профессор. — Мы все считали Раскеля странным. Еще и женился, хотя за душой ни гроша не было. Все твердил, что вот-вот запатентует что-то, что сделает его богатым... Норовил броситься с кулаками на любого, кто к его тетрадке прикоснется.

— Он на самом деле что-то изобрел? — задал следующий вопрос старший следователь.

— Он был определенно талантлив, но не доводил до конца даже собственные записи, — покачал головой Каранский.

— Он их вам показывал, раз вы так уверенно говорите?

— Да, это было одним из условий нашего сотрудничества со всеми учениками, — ответил рейян. — Им всем хотелось, чтобы кто-то глянул на их работы со стороны, оценил и дал совет. Я не мог их просто так подбадривать. Раскель очень переживал, но дал взглянуть на свои записи. Там у него было все очень и очень сумбурно. Он ведь не расставался с тетрадкой, всюду носил ее с собой.

— В имеющихся у нас описных листах нет никаких тетрадей или блокнотов, — раздумчиво сказал Белянский. — Значит, тетрадь пропала.

— Да, я тоже этому удивился, — согласился Каранский. — Она не могла где-то потеряться. Хотя... Я до сих пор думаю, что тетрадь забрала жена Раскеля. Но почему-то никому в этом не призналась.

— Что вы помните о самом убийстве?

— Если мне не изменяет память, в ту пору шли сильные дожди, — прихлебывая чай, ответил профессор. — Но Дмитрия это не останавливало. Он ежедневно ко мне приходил. Почти в горячке. Я пытался отправить его в маггоспиталь, но юноша упирался. Однажды вечером мне даже пришлось оставить его у себя, потому что за окном бушевала настоящая гроза. Через день или два ко мне заглядывали другие ученики. И Угг... Да, Угг жаловался, что Раскель даже к нему приходил среди ночи. Мокрый, грязный. И обвинял гнома в том, что тот вырвал листы из тетради Дмитрия. Мол, сам Дарин ничего придумать не может, вот и попытался украсть чужое.

— Это правда?

— Не знаю, — пожал плечами Каранский. — Угг все отрицал, а Дмитрия живым я больше не видел. Но он и прежде обвинял окружающих в воровстве.

— Вот как? — спросил рейян Белянский. — Кого именно?

— Я был знаком с этим молодым магом более трех лет, и все три года Дмитрий видел во всех окружающих воров, готовых пойти на все, лишь бы заполучить выкладки его изобретения, — со вздохом произнес профессор. — И раньше и позже я встречал людей подобного типа. Не уверен, что Дмитрий, будь он жив, смог бы довести хоть одну свою задумку до работающего опытного образца.

— В деле указано, что Дмитрий Раскель был найден у себя дома и нашли его потому, что именно вы пытались связаться с погибшим.

— Все верно, — покивал Каранский. — Дело в том, что, как я говорил, в то время постоянно шли дожди... Это не останавливало Дмитрия, он часто приходил ко мне. А потом внезапно исчез. Не появлялся несколько дней. Я пытался с ним связаться. Искал его у других наших общих знакомых, а после отправился к нему на квартиру, желая убедиться, что все эти прогулки под дождем не закончились для молодого человека тяжелой болезнью. Я быстро стенографировала рассказ профессора, подозревая, что эти записи могут понадобиться старшему следователю.

— Он жил в крошечной квартирке, — припомнил Каранский. — Я бывал у него прежде. Собственно, это был мой третий или даже четвертый визит за три года нашего знакомства. И всякий раз я заглядывал к чете Раскель, радея о здоровье Дмитрия.

— Вы заботились о своем ученике, — отметила я.

— Я бы не сказал, что мною двигала забота, — признался профессор. — Просто я в какой-то мере взял на себя ответственность за этого... непутевого юношу.

— Непутевого? — переспросил Белянский.

— Да, я видел его именно таким, — кивнул Каранский и прищурился, глядя куда-то в пространство. — Из всех, кто приходил ко мне, он был самым молодым и самым не приспособленным к жизни. У него даже не было постоянного источника доходов, но Дмитрий женился и завел ребенка. Довольно беспечный поступок. Тем более что сам он рано потерял родителей и не мог рассчитывать на их поддержку, а родители его жены отказались помогать молодым людям, когда те вступили в брак без их согласия.

— Ясно. Что было дальше?

— Я долгое время простоял у двери в квартиру Раскелей, пока не встретил их соседа, заявившего, что как минимум жены Дмитрия с ребенком нет в городе, — ответил профессор. — Тогда я решил, что Раскель тоже уехал с ними, просто по своей обычной забывчивости не стал меня предупреждать. Но через несколько дней мне позвонила сама Марианна... У нее откуда-то был мой номер. Тут-то и выяснилось, что она уехала одна. Дмитрий отправил ее отдыхать, заявил, что оплатил две недели в санатории в Черноводье, но на деле выяснилось, что номер в гостинице был оплачен лишь на неделю. Совершенно неприятная ситуация. — Профессор поморщился, как любой интеллигентный и воспитанный человек, которому не свойственно обременять окружающих своими проблемами. — Мне пришлось вновь отправиться домой к Раскелю в надежде его разыскать.

— И что же было дальше? — с увлеченным видом спросила я.

— Мне вновь никто не ответил, — вздохнул профессор. — А соседи подтвердили, что не видели Дмитрия со дня моего последнего визита. Тогда-то я и вызвал жандармов. Честно признаться, я думал, что молодой человек просто серьезно заболел и не в силах открыть дверь. Кто же знал, что его найдут мертвым.

— Вы видели тело, в документах записано, что вы опознали Раскеля, — напомнил Белянский.

— Да, жандармы позвали меня и, кажется, кого-то из соседей, — повздыхал Каранский. — Все выглядело так ужасно. У них была... — Он помялся. — У них была не самая уютная квартира, но я все равно заметил, что там был не обычный беспорядок, но будто кто-то что-то искал.

— Да, это как раз было отмечено в описных листах, которые у нас есть, — кивнул старший следователь.

— Но больше, увы, сказать мне нечего, — развел руками профессор. — Следовательно, что вел это дело, несколько раз со мной связывался, но никогда не рассказывал подробностей расследования. Мой старый друг и учитель умер буквально через месяц после всех этих событий. Мы ничего ему не рассказывали. Договорились не беспокоить пожилого человека. Эта смерть как-то развела всех. Мои ученики еще несколько раз заходили, но прежней доверительности не осталось. Расследование привело к тому, что у каждого в голове появились мысли, высказывать которые без доказательств казалось не слишком правильным. Не прошло и трех месяцев, как моими единственными собеседниками по вечерам остались книги и новые идеи.

— А жена Раскеля? Вы с ней виделись? — спросил Белянский.

— А как же! — спохватился Каранский. — Когда стало известно, что Дмитрия убили, я взял на себя все расходы бедняжки Марианны. Я оплатил ее долги в санатории и помог с похоронами. Даже выделил денег на жизнь, потому как она не могла сама себя обеспечивать с маленьким ребенком на руках.

— Вы помните, как звали сына Раскеля?

— Василь, — тут же отозвался профессор. — Кажется, его звали Василем.

— Вы поддерживали с ними связь?

— К сожалению, нет, — покачал головой Каранский. — Я посоветовал Марианне продать квартиру и переехать. Пусть это было очень неказистое жилье, но это было жилье в столице. На эти деньги она могла купить более просторную квартиру в каком-нибудь маленьком городке. Марианна воспользовалась моим советом, и с тех пор я потерял с ней связь.

ГЛАВА 13

— Бонс! — строго произнес Марьян, выходя из портала посреди своей приемной.

— Да, шеф, — уже привычным, очень деловым тоном откликнулась помощница.

Этот тон так удивил Белянского, что тот запнулся и недоверчиво оглянулся. Еще несколько минут назад девица выглядела замороженной улыбчивой фарфоровой куклой, разливавшей чай и смотревшей в рот импозантному Тадеушу Каранскому. Марьян сдерживался до возвращения, собираясь отчитать Эллу Бонс уже в офисе, но сейчас перед ним вновь стояла та самая особа, что явилась к нему в кабинет каких-то несколько дней назад и выглядела непрошибаемо профессиональной.

— Э... — замялся Марьян, заготовленная фраза застряла у него в горле. — Так... — Он нахмурился, отвернулся на миг и прокашлялся. — Дайте мне просмотреть ваши записи. Девушка послушно протянула ему блокнот.

— Чай чаем, но неплохо было бы перекусить. Так что... — Белянский вытащил портмоне и отсчитал несколько купюр. — Принесите мне обед из какого-нибудь местного ресторанчика. Они нас знают, поэтому все упакует и после примут посуду.

— Хорошо, шеф, — кивнула Элла, принимая и пересчитывая деньги. — Это на все ближайшие расходы?

— Да, чтобы не обсуждать вопрос ежедневно, — отмахнулся Марьян и прошел в кабинет. — Скажете, когда деньги закончатся.

— Да, шеф.

— Дальше... — Марьян сел за свой стол и осмотрел груды папок, а после по очереди выдвинул ящики. — Вы знаете внутренние номера управления?

— Конечно, — с легкой снисходительной улыбкой подтвердила девица. — Они перечислены на латунной табличке рядом с аппаратом.

— Тогда, когда выполните поручение и сами пообедаете, свяжитесь со справочным отделом и уточните, где сейчас проживают все остальные люди, которых касается это старое дело. Трое из них мертвы. Я хочу знать, где те двое, которых назвал Каранский. Вы запомнили имена?

— Да, шеф, — не моргнув глазом ответила Бонс.

— Еще узнайте хоть что-нибудь о жене Раскеля и его сыне. Ну и про остальных, кого опрашивали по делу... Я хочу знать о всех учениках и соседях Раскеля. Если кто-то не живет сейчас в столице, можете съездить в Королевское адресное бюро, где уж точно будут все сведения о любом жителе королевства. Это ваше задание на весь остаток дня.

— Хорошо, шеф, — ответила Бонс, улыбаясь уже знакомой улыбкой.

— Фекла, можно к тебе? — спросила я, заглядывая в вотчину хозяйственницы.

Сейчас мне полагалось не по чужим кабинетам расхаживать, а нестись к Белянскому, зажав в трясущейся руке добытые сведения, но аромат сдобы сбивал с ног еще на лестнице, а под дверью так аппетитно пахло вишней, что я в каком-то сомнамбулическом состоянии постучала в дверь.

— Ой, проходи, конечно! — всплеснула руками хозяйственница. — Прходи. Присоединяйся.

— А не помешаю? — спросила я, обнаружив в кабинете не только его хозяйку, но и крохотную сухонькую женщину неопределенного возраста в огромных очках, делавших ее похожей на муху. Бледно-зеленое платье и вязаный кардиган с белыми тряпичными розочками по вороту лишь усиливали сходство.

— Что ты, что ты! Прходи. Мы тут плюшками балуемся. День-то рабочий на исходе, — вновь замахала на меня руками Фекла Слепакова. — Знакомься, это Изольда.

Я вежливо улыбнулась и со вздохом опустилась на свободный стул подле стола хозяйственницы. Прикрыла глаза, наслаждаясь передышкой. Фекла за перегородкой деловито звенела чашками, мурлыкая под нос простенький мотивчик.

— Лепота! — с умилением сказала хозяйственница, выставляя на стол широкую плетенку, где теснились плюшки, крендели, булочки с вареньем и хрустящие слоеные пирожные, густо обсыпанные сахаром. — Сейчас чаек принесу.

Я смотрела на булочки и старалась не слишком явно сглатывать слюну. К заданию шефа я приступила после плотного обеда в кафе через дорогу от управления, но за несколько часов так набегалась и перенервничала, что готова была слопать дюжину плюшек.

— Как вам у Марьяна? — обратив на меня свои зеленые глаза, казавшиеся огромными сквозь толстые линзы очков, тонким голосом спросила Изольда.

— Неплохо, — честно ответила я и улыбнулась. — Белянский — профессионал, хотя у него и не самый приятный характер.

Изольда пару раз моргнула, чуть приоткрыв рот, а потом переспросила:

— Неплохо?

— Ну да, — удивленно подтвердила я.

— А я говорила тебе, Изочка, — появляясь из-за перегородки с подносом, с усмешкой сказала Фекла.

— О чем? — насторожилась я.

— Что мужики, ставившие против тебя, Элла, скоро распрощаются со своими денежками, — с удовольствием объяснила хозяйственница, выставляя на стол большие чашки с душистым крепким чаем.

— Прошло не так много времени, — вспомнив наш разговор о предыдущих помощниках Белянского, пробормотала я.

— Ты уже продержалась поболее, чем многие твои предшественники, — отмахнулась Фекла и с довольным видом перекинула на грудь толстую косу.

— Удивительно, — согласилась с ней Изольда и вновь вперила в меня взгляд. — Мало кто способен вытерпеть Марьяна.

— Марьянич у нас человек сложный, — покивала хозяйственница и положила к себе на блюдо булочку, — к нему особый подход нужен. Пробуйте, тетя Соня сегодня расстаралась. Мы дружно сняли пробу и с булочек, и с кренделей, и с сочных ватрушек с творогом, густо присыпанных розовым сахаром, запивая все крепким горячим чаем.

— Еще денек-другой — и летом повеет, — растягивая слова, с улыбкой сказала Фекла и глянула в окошко.

— Вероятно, — кивнула Изольда, придерживая огромную чашку тонкими пальчиками.

— Эх... — протянула Фекла, подперла круглую щеку кулачком и поболтала на дне чашки остатки чая. — Еще, что ли, сготовить? Все одно работы нету.

— А мне надо наверх, к шефу, — призналась я с тоской.

Ноги от беготни на каблуках побаливали, но чего не сделаешь, чтобы сохранить образ нежной и трепетной лани.

— Беги, — кивнула хозяйственница, — а потом приходи. Еще чаю выпьем.

На третьем этаже царила тишина. Я крадучись прошмыгнула в приемную и прислушалась. Из кабинета не доносилось ни звука. Выждав еще секунду, я подошла к своему столу, собираясь просмотреть полученные в адресном бюро сведения, и ахнула, заметив бумажный сверток, из которого выглядывали мелкие свежие розы. Не меньше двух дюжин.

— Розовые, — пробормотала я, подхватив букет.

Не просто розовые, а того яркого оттенка, который почти сливался с цветом моих волос. Я даже сорт знала, не раз видела их в цветочных лавках, хотя название было незапоминающимся.

Я поднесла цветы к лицу и с улыбкой вдохнула их густой, обволакивающий аромат. За этим занятием и застал меня шеф, выглянув из кабинета.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросил рейян, с прищуром глядя на цветы.

— Ничем особенным, — мечтательно ответила я и улыбнулась, глядя на розы.

Белянский недовольно скривился и заметил:

— У вас рабочее время, между прочим. Вам не за любование цветочками платят.

— Это не просто цветы, — передразнив его язвительный тон, ответила я, — а розы. Пусть у роз есть шипы, это не мешает им пленять сердца людей из века в век.

Уткнувшись носом в плотно свернутые бутоны и продолжая улыбаться, я подхватила со стола свои записи и протянула старшему следователю.

— Я все выяснила, хотя пришлось постараться. В данный момент в столице из всех интересующих вас лиц проживает лишь Любиус Баржек. Пятый из тех, кого перечислил профессор Каранский. Он оставил изучение артефактики, живет на деньги, доставшиеся ему в наследство. Дом, в котором проживал Димитрий Раскель, снесли пятнадцать лет назад, бывшие соседи погибшего расселились по другим адресам. В доме было шесть квартир, тридцать лет назад там официально проживало четырнадцать человек, включая горничную одной дамы с первого этажа и самих Раскелей, — по памяти стала перечислять я, хотя все было записано в блокноте. — Пятеро умерли, трое маленьких детей не в счет. Остальные шестеро это две семьи, одна из которых обосновалась в Откопанах, близ рудных шахт, а другая — в Белых Ключах. Я отправила телеграммы обеим семьям с просьбой откликнуться и предоставить сведения по делу Раскеля.

Белянский довольно хмыкнул, и я продолжала:

— Также я съездила на эту Садовую улицу, где проживал Раскель, потому как в двух домах близ снесенного до сих пор проживают те же люди, что и много лет назад. Выяснилось, что через дорогу находится небольшой магазинчик, которым более полувека владеет рейян Акропчик. Он смог точно описать внешний вид дома, а планы из Королевского градостроительного управления дают представление... — Я отложила розы и, порывшись в

сумке, извлекла карандашный набросок, сделанный мной с чертежей управления. — Дают представление, что рейян Акропчик может оказаться носителем важных сведений. Витрины его магазина, а также окна его квартиры над магазином смотрели на парадный вход дома на Садовой и на три из пяти окон квартиры Раскелей.

— Вот как? — удивился старший следователь, просматривая записи и разглядывая рисунок.

Опустив голову и быстренько сцедив в кулачок довольную улыбку, я продолжала:

— Также я нашла и выписала адреса всех остальных учеников профессора, упомянутых в опросных листах. Все они проживают не в столице, но с ними я связываться не стала до ваших указаний. Марианна Раскель множество раз меняла адрес проживания, но мне удалось ее отследить. В данный момент ее последним адресом значится крошечная деревушка близ Старгорья.

— Ее сын? — кратко спросил шеф.

— Я мало что смогла найти на Василя Раскеля, — с толикой недовольства призналась я. —

Прежде он переезжал вместе с матерью, но после поступил в магунивер... — Я придвинулась, заглядывая в блокнот. — В общем, в городке близ этого универа до сих пор проживает Мартин Жеветовский, один из учеников Каранского. Раскель поздно поступил в магунивер, не в семнадцать, как большинство, а в девятнадцать, но недоучился. Пару раз его едва не отчислили. А после третьего курса он забрал документы. И вот здесь все сведения о нем обрываются. Я не нашла ни единого следа!

— Даже в банк наведались? — с сомнением спросил Белянский.

— Наведалась, — хмуро кивнула я. Ай, копать так копать! От нас еще никто не уходил! —

Создается впечатление, что последние пять лет Василь Раскель как бы не существовал.

— Вполне возможно, что у него есть счет на настоящее имя, — с прищуром глядя на мои записи, рассудил старший следователь. — Или Раскель все это время находился за границей. Или он... мертв.

— Он точно жив, — хмуро изрекла я и вновь уткнулась в букет роз. — Последняя запись, шеф.

— «Подал прошение в Королевское бюро регистрации магических изобретений, но не явился за справкой в назначенный день», — прочел Белянский. — Вы и туда съездили?

Я пожала плечами и про себя довольно улыбнулась, уловив оттенок восхищения в тоне шефа.

— Верно, — сам себе сказал рейян. — Вы верно мыслите, Бонс. Просто так убивать этих магов нет смысла, но смысл появляется, если дело касается какого-то изобретения. Если в деле замешаны деньги.

— Кстати, хоть Садовая улица в какой-то степени почти окраина, но по прямой, дворами, от нее всего пятнадцать минут ходьбы до Авсеевской, где прежде жил Каранский. Неудивительно, что Раскель часто приходил к профессору пешком.

Белянский помолчал, глядя в записи, а потом скупно обронил:

— Молодец, Бонс. Можете на сегодня быть свободны.

Я позволила себе довольную улыбку, которую тут же спрятала от шефа в цветах.

— А вы думали я тут для украшения? — шепотом спросила я, как только начальник удалился в кабинет и закрыл за собой дверь. — Я вам не святочный горшочек с цветами. — Даже нос вздернула от гордости. — Но от кого же розы?..

Помощница не ушла сразу же. Марьян еще некоторое время слышал приглушенный перестук клавиш в приемной, стук каблучков и скрип дырокола о бумагу. После чего Бонс сварила ему целый кофейник накрепчайшего кофе, по собственной инициативе плеснув туда ликера, принесла его на подносе в хороводе чашек и наконец удалилась.

Перестав прислушиваться к звукам из приемной, старший следователь сосредоточился на деле, постукивая по столу хорошо отточенным карандашом. Он налил себе кофе и еще раз прочел показания профессора. Секретарша учла его пометки в своих предыдущих записях и на этот раз писала с широкими пропусками и карандашом, оставляя достаточно места для пометок и исправлений.

— Хракс, — сам себе под нос прошепел Марьян.

Приходилось признать, что в этот раз ему подсунули почти идеального секретаря: внимательного, трудолюбивого, понятливого. На самом деле Белянский мог подобрать не меньше полусотни эпитетов в адрес Эллы Бонс. И ко всем достоинствам у нее имелся всего один недостаток — принадлежность к женскому полу.

Поморщившись и глотнув кофе, Марьян еще больше скривился. Даже кофе девица варила отменно, хотя рейян уже давно научился не замечать вкуса как еды, так и напитков.

Прижимая к груди букет, я с улыбкой вышла на крыльцо управления и с удовольствием глубоко вздохнула. Отличный вечер, прекрасная погода. Что еще нужно для полного счастья? Вышедший из казенного самохода Калтуховский при виде меня метнулся в сторону, насколько подобный маневр позволяла его массивная фигура. Любуясь пробежкой судмедэксперта, я еще раз с удовольствием втянула в себя воздух и широко улыбнулась.

— Прекрасный вечер!

Прекрасное настроение подействовало на меня благотворно, и я совершенно забыла о боли в ногах и усталости. Домой шла длинной дорогой, решив навестить рейяна Аристарха в его лавочке. Прохожие с удивлением оглядывались, а я прижимала к груди цветы и улыбалась. И в тот самый момент, когда я решила, что день удался, кривую улочку в десяти шагах передо мной перешел... Нет, не черный кот, предвещающий неприятности, а уже знакомый тип в аккуратном костюме и начищенных штиблетах.

— Варк, чтоб тебя... — прошипела я в букет. Улыбка мигом сползла с губ.

Сзади, нарочно громко топая, появилось еще двое мужчин в аккуратных костюмах. Я оглянулась, убеждаясь, что они возникли у меня за спиной не просто случайно. Типы мне улыбнулись, один хищно сверкнул золотым зубом.

— Вечер перестает быть томным, — сама себе сообщила я и опустила букет.

— Ну, здравствуй, цыпа, — с ухмылкой сказал мне Варк. — Вот и свиделись вновь.

— И тебе не хворать, — став боком, чтобы видеть всех троих, отозвалась я.

Крышевальщики явно знали окрестности, раз подкараулили меня на тихой улочке, где никто не мог им помешать провести среди меня разъяснительную беседу. Я прищурилась, оценивая своих внезапных поклонников. Крепко сбитые, широкие, будто скроенные по одному лекалу. И такие же самоуверенные.

Варк то ли успел позабыть нанесенное ему унижение, то ли хорохорился в компании товарищей.

— Что, цыпа, помалкиваешь? — усмехнулся Варк и довольно осклабилсЯ. — Не знаешь что сказать? Боишься? А я говорил, что со мной не следует ссориться.

Я промолчала, лишь подняла розы и вдохнула их аромат. Что с дураками спорить? Хочется ему верить своим словам — пусть верит. Мне не жалко.

— Сейчас мы с тобой вместе кое-куда пройдемся, а после ты исчезнешь и больше никогда не станешь переходить нам дорогу, — доложил о планах тройцы мужик с золотым зубом.

— Вместе с вами? А куда? — округлив глаза, непонимающе пролепетала я. — У меня сегодня еще есть планы вообще-то.

— Ничего, — усмехнулся этот тип. — Ты свои планы отложишь. Ты же не откажешь трем таким кавалерам, как мы?

Все трое вразвалочку двинулись ко мне, переглядываясь и ухмыляясь.

— И это все мне? Мне одной? — себе под нос умилилась я, оглядываясь по сторонам и убеждаясь, что никто не наблюдает за нашей беседой.

— Что ты там себе бормочешь? — спросил Варк.

— Ничего-ничего, — отмахнулась я. — Восхищена вниманием к моей скромной персоне.

— Пойдем, детка, — сказал мужик с золотым зубом и протянул руку, собираясь взять меня под локоток.

— Ой, а можете поддержать? — невинно похлопав ресницами, я всучила мужику свой букет. Тот от неожиданности взял и тупо уставился на мои розы. — Благодарю.

Второму безымянному типу я наступила каблуком на ногу до того, как он успел хоть что-то сказать, и с удовольствием крутнулась на месте. Качественная кожа ботинка защитила его ногу, но вряд ли полностью, потому как мужик резко побелел и присел, вытаращив глаза.

— Прошу прощения, — отскочив в сторону и всплеснув руками, сказала я. — Я такая неловкая! Варк растопырил руки и быком попер на меня, но был пойман за три пальца правой руки. Со стороны любой бы решил, что ничего не произошло, но крышевальщик тоненько взвизгнул, когда я дернула его за руку и развернула, заодно выворачивая руку под не самым естественным углом.

— Благодарю! — с улыбкой сказала я мужику с золотым зубом, так и стоявшему с моим букетом, тупо хлопая глазами.

Вывхватив цветы, я с сожалением вздохнула, обиженная на собственную непредусмотрительность, из-за чего сегодня с утра я выбрала излишне узкую юбку, и раскрытой ладонью с размаху приласкала мужика по щеке. Он всхрюкнул, приоткрыв рот, и начал заваливаться назад. Я придержала крышевальщика за руку, не дав свалиться на брусчатку. Золотой зуб, выпав из раскрытого рта, весело заскакал по камням.

— Полежи-ка, — сказала я мужику, позволяя ему распластаться вдоль стены дома и развернувшись к Варку и второму типчику.

Один сидел на земле, стонал и придерживал на весу ногу. Второй был на одной ноге, глядя на свою руку, хотя ничего ужасного я с ней не сделала. Даже пальцы не сломала. Вся троица отделалась максимум синяками... и потерей золотого зуба.

— Ну что, куда вы хотели, чтобы я с вами сходила? — перестав изображать глупую девицу, с угрозой в голосе спросила я.

Тип с ногой вякнул и, подсакивая на пятой точке, попытался отодвинуться от меня подальше.

— Варк, я тебя предупреждала, — вдохнув аромат роз, сказала я с самой зловещей улыбкой, на какую была способна. — Но ты меня не услышал. Теперь я вновь тебя предупреждаю, но это в последний раз. Еще раз ты или твои приятели попадетесь мне на глаза, и я не ограничусь отдаленными ногами и вывернутыми пальцами.

— С...! — яростно выдохнул Варк, багровея лицом. — Да я тебя!

— Ты меня, — тихо повторила я и придвинулась к нему вплотную, ухватив свободной рукой за пострадавшие пальцы, и вывернула ладонь тыльной стороной к себе, высоко поднимая руку вверх. — Ты мне ничего не сделаешь. А если попытаешься, у тебя что-нибудь сломается. — Я улыбнулась, глядя в его вылезающие из орбит глаза и наслаждаясь шумным, сильным дыханием. — Случайно.

Через минуту я вышла на соседнюю, более широкую улочку и улыбнулась первому же прохожему расслабленной улыбкой совершенно спокойного человека. Вопли троицы крышевальщиков ласкали слух, а мысль, что ни один жандарм им не поверит, — душу. Но перед тем как пожаловаться жандармам, троице придется до этих самых жандармов доковылять.

Прижав к лицу розы и вдохнув их аромат, я улыбнулась еще шире и направилась домой.

— Нет, день все равно был удачным, — прошептала я, любуясь нежными ярко-розовыми лепестками.

— Я дома! — крикнул Марьян, захлопывая за собой массивную дверь из темного дерева. Та печально скрипнула, напомнив о том, что следовательно еще месяц назад думал вызвать плотника. Туман выбрался из своего закутка и с сомнением глянул на хозяина, словно не веря, что тот соизволил более двух вечеров подряд провести дома.

— Не смотри на меня, — наставив на лохматое чудище палец, велел рейян. — Да, я дома. Что в этом такого?

Туман плюхнулся на свой откормленный толстенный зад, задрал морду и гулко, как из бочки, гавкнул.

— Тише ты, — поморщился Марьян. — Леська!

— Привет, Хмарь! — Сестра, как и всегда, возникла на верхней площадке лестницы. — Ты дома?

— Где Агния? — спросил следователь, опускаясь на корточки перед Туманом и с улыбкой запуская пальцы в густой мех на шее пса.

— Она попросила три дня выходных, — известила сестра. — У нее какие-то проблемы с родственниками.

— Какие?

Девушка не ответила, лишь неопределенно пожала плечами. Марьян вздохнул и поднялся.

— Алеся, почему я об этом ничего не знаю? — строго спросил он. — Почему вы меня не предупредили?

— Хма-а-арь, — протянула девушка и поправила на носу очки, — но тебя же все равно дома не бывает. Ты бы и не заметил. А ей нужно.

— Леська!..

— Я уже не маленькая, — топнув ногой, сказала эта пигалица, — могу и одна побыть. Я ведь никуда не выхожу. Что со мной делается в этом доме? Тут безопасно.

— Ты взрослая, — кивнул Марьян, поднимаясь по лестнице, — но пока еще недостаточно. И разве я о многом прошу? Лишь о том, чтобы вы меня извещали о столь важных вещах. Леся, ты слышишь?

— Слышу, — насупившись, отозвалась девушка.

— И ты снова босиком, — заметил рейян с неудовольствием.

Девушка шумно вздохнула и утопала к себе. Марьян глянул вниз, на сидевшего у подножия лестницы Тумана, и спросил:

— И что мне с ней делать?

Пес переставил передние лапы, и следовательно почудилось, что здоровенное чудище, лишь отдаленно похожее на собаку, совершенно по-человечески пожало плечами.

Марьян принял душ, переоделся в чистое и спустился на первый этаж. Еды, само собой, в доме не обнаружилось. Чем мелкая собиралась питаться три дня — или сколько там на самом деле выпросила у нее Агния, — рейян решительно не понимал. Проворчав себе под нос все, что он думает о мелких самоуверенных девицах, старший следователь сварил себе кофе и отправился в гостиную, собираясь еще немного посидеть над бумагами.

Алеся притопала через четверть часа. В толстых пушистых носках с помпончиками и с круглой жестяной коробочкой конфет. Протянув завернутый в фольгу шоколадный шарик, девушка выжидательно уставилась на брата из-под длинных темных ресниц.

— Зря обижаешься, — строго сказал он ей, но шарик взял и на диване подвинулся, позволяя девушке нырнуть себе под бок.

Алеся с наслаждением прижалась к брату. Даже зажмурилась. Вздохнула, как иногда вздыхал Туман. Марьян не выдержал и улыбнулся.

— Рассказывай, — обреченно разрешил он, точно зная, что девушка в любом случае не уйдет, будет терпеливо ждать.

Это было частью их жизни, их своеобразным ритуалом, и деться от этого некуда. Он будет слушать, а она рассказывать о своих видениях, об учителях и о большом толстом коте, что живет в соседском доме и любит гулять по задним дворам.

Кот волновал Тумана. Тот выбирался через узкий лаз в кухонной двери во внутренний двор и басисто гавкал на кота изо дня в день, а кот величаво восседал на подоконнике и взирал на глупого пса с царственной брезгливостью.

Сегодня к рассказам про кота и Тумана прибавились наброски Леськи. Она, нарушая свои же привычки, притащила их вниз в кармане халата. Рисунков, свернутых вчетверо, оказалось довольно много, и, разглаживая страницы, Алеся перепачкалась в цветном меле и воске, а сами листы захватала вымазанными в шоколаде пальцами.

— Смотри, — тыча в нечто розовое и синее, вытянутое и расплывчатое, сказала сестра и нетерпеливым движением заправила за ухо непокорную прядь волос. — Я теперь все время вижу эту девушку. Ту, которая у тебя работает.

— Она работает не у меня, а в управлении, — поправил ее Марьян. — И что?

— Она необычная, — с удовольствием произнесла сестра. — Удивительная. Не такая, как все.

— Ты у меня тоже удивительная, — стащив из коробки конфету, усмехнулся рейян и легонько дернул сестру за перепачканный розовым мелом нос.

— Хма-а-арь! Ну я же серьезно!

ГЛАВА 14

Внезапный вскрик вырвал Марьяна из глубокого сна, заставив подпрыгнуть и выругаться. В первый миг он решил, что уснул, как часто бывало, на рабочем месте или на неудобном диванчике в собственном кабинете, но потом вспомнил, что у казенного дивана не может быть гобеленовой обивки с вытертыми бледно-красными маками и неудобных подушек с жесткими кистями.

Крик повторился, и его поддержал Туман, басисто гавкнув из своего угла под лестницей. Рейян вскочил, недовольно выругался, видя, что бумаги подбитыми птицами разлетелись по коврику и полу, и помчался на звук, толком не успев сообразить, что же именно случилось.

Вой и всхлипы доносились из комнаты Алеси, и Марьян перепугался. Еще никогда сестра не рыдала так громко и с таким надрывом. Старший следователь ворвался в спальню, собираясь убить на месте негодяя, что вломился в дом и напугал его младшую сестру.

— Нет! — заверещала Алеся, завидев брата. — Уйди! Уйди! Уйди-и-и-и-и-и!

От неожиданности Марьян попятился обратно в коридор, но дверь за собой не закрыл, замер, оглушенный криком и видом красного от стыда и ужаса лица сестры.

— Леся? Леся, что случилось? — позвал он, не пытаясь вновь войти в комнату.

Злодеев в спальне не наблюдалось. Разгрома тоже. Да и сторожевые артефакты помалкивали. Лишь рыдала Алеся, сидя в кровати и до подбородка натянув на себя одеяло, да гулко гавкал внизу Туман.

— Леска! — снова позвал рейян, когда сестра не ответила. — Лесенька, что происходит?

Он вновь попытался войти в комнату, но тут дверь с грохотом захлопнулась прямо у следователя перед носом. Дзынькнули стекла в окнах в обоих концах коридора. Сестра зашлась причитаниями и всхлипами.

— Леся! — позвал Марьян, попытался толкнуть дверь, но та не поддавалась даже тогда, когда рейян попробовал открыть ее при помощи магии.

— Уйди! Уйди! Уйди-и-и-и! — заорала девушка.

— Леся! Да что происходит? Ответь мне!

Сестра лишь еще громче заплакала.

— Да что стряслось?! Тебе приснился кошмар? Леся! Я позову Агнию. Где ее вообще носит? Она не слышит, что ли?

Тут только Марьян вспомнил, что кухарка взяла несколько дней выходных.

— Хракс! — только и смог вымолвить Белянский, растерянно соображая, что же ему предпринять. — Леся, тебе плохо? Я вызову кого-нибудь, ладно? Тебе больно? Или ты просто испугалась? Я свяжусь с маггоспиталем.

— Нет! Нет! Нет! — закричала Алеся и зарыдала пуще прежнего. — Не хочу! Не надо! Уйди! Уйди!

Постояв еще немного, бессильно сжимая кулаки, Марьян направился вниз, разыскал в кармане брошенного в гостиной пиджака кристалл и связался с управлением.

— И куда вы меня привезли, уважаемый? — обернулась я и хмуро задала вопрос в пространство — водитель казенного самохода уже завел мотор и начал движение к арке, за которой маячил проспект.

Передо мной высился солидный дом из темно-коричневого камня, построенный пару веков назад. Запущенный палисадник, в котором буйно разрослась сирень, закрывавшая нижнюю часть окон на первом этаже, портил впечатление. Как и мелкая травяная труха, сухие листочки и песок на ступеньках.

Я вздохнула, прижала к себе сумочку и бумажный пакет и решительно поднялась по ступенькам. Что еще делать?

О том, что шеф вызывает меня с самого утра и непонятно куда, мне сообщил смотритель казенного жилого фонда управления, квартировавший тут же, в соседнем подъезде. Совсем недавно он показывал мне квартиру и проводил краткий инструктаж. Знакомство не впечатлило. И когда смотритель возник у меня на пороге за полчаса до звонка будильника, я окончательно и бесповоротно его невзлюбила. И тот факт, что человек просто выполняет свои обязанности, ничего не менял.

Транспортное средство причалило к моему подъезду через пятнадцать минут, за которые я успела одеться, худо-бедно расчесать волосы и соорудить себе огромный бутерброд из целой, купленной вечером белой булки и тончайших ломтиков копченого мяса. Оставалось надеяться, что рано или поздно я доберусь до управления, смогу разрезать свой гигантский бутерброд на части и съесть его весь с парой кружек кофе.

— Только сначала я сварю целый кофейник и вылью Белянскому на голову! — зло пробормотала я и решительно постучала в дверь. — Какого хракса вообще происходит, а? Что это за место?

Вопрос был насущный, потому как смотритель просто предупредил о том, что за мной вызвали самоход из управления, а водитель просто повторил записанный у него адрес.

Дверь открыл старший следователь лично и выглядел он при этом так, что я мигом забыла, что хотела с порога высказать ему все свое недовольство.

— Бонс. Заходите.

Шеф посторонился. Я мимоходом оценила его встрепанный и заспанный вид и прошла в холл большого и не слишком уютного дома. Огромный темно-серый, почти черный косматый пес с любопытством таращился на меня у лестницы, пока я пыталась незаметно осмотреться и оценить ситуацию.

— Что случилось, шеф? — в конце концов спросила я, не обнаружив хладного тела посреди холла или толпы жандармов.

— Бонс, — чуть помедлив, строго сказал рейян, вынудив меня обернуться и посмотреть ему в глаза. — У меня к вам деликатное дело.

— Какое? — с опаской произнесла я.

Шеф запустил пятерню в волосы и остервенело почесался. Огромный пес, воодушевленный примером, повторил это движение за Белянским, отчего эти двое стали похожи, как братья.

— Видите ли, я и сам не знаю какое, — признался следователь чуть растерянно.

— Не пугайте, — неожиданно для себя выдохнула я, впервые с момента знакомства увидев начальника в растерянности.

— Что-то случилось с сестрой, но она меня к себе не подпускает, — наконец сказал Белянский. — И начинает кричать, если я предлагаю вызвать врача. Я решил, что женщина сможет с ней поговорить и понять, что происходит.

Я стиснула зубы, чувствуя, как возвращается утренняя злость.

— И поэтому вы вызвали меня до начала рабочего дня? — холодно спросила я. — Вы не могли обратиться к кому-нибудь из родственников или знакомых? У вас ведь должны быть пассии, любовницы... Я не женщина, я ваш секретарь.

— У нас нет родственников, — ответил Белянский таким тоном, что мне мгновенно стало холодно, а потом с яростью воскликнул, изрядно повысив голос: — И даже если бы у меня было время на все эти глупости, неужели вы думаете, что я познакомлю свою четырнадцатилетнюю сестру со своей любовницей?!

А он ведь волнуется. Он по-настоящему волнуется за свою сестру. Не так, как это делают очень многие мужчины, которые лишь ищут того, кому могли бы перепоручить заботу о девочке-подростке. Занимательно...

— Четырнадцать? — переспросила я и улыбнулась собственному открытию. — И где она?

— Только она, наверное, не откроет, — злясь уже на себя за то, что не подумал об этом, сказал Марьян. — Придется уговаривать. Алеська умеет дверь магией запереть так, что и лучший штатный маг Центрального управления не отомкнет.

Привычкой закрываться сестра обзавелась то ли до знакомства с рейяном, то ли уже после. Вспоминая об этом, Марьян с сожалением ловил себя на мысли, что в тот злополучный день восемь лет назад повел себя хуже некуда. Но что он, двадцатидвухлетний, знал о детях? Он и сестрой-то Алеську тогда не считал. Ее появление, да еще и такое неожиданное, внесло сумятицу в не самый налаженный быт молодого следователя.

В тот день рейян просто завел девочку в первую попавшуюся гостевую спальню, велел кухарке следить за ней, а сам умчался решать вопрос с мачехой. Та, естественно, упиралась изо всех сил. Марьяну по сию пору до мельчайших подробностей помнилась та унижительная сцена, когда вдова отца смотрела на следователя, как на грязь под ногами, посмевавшую испачкать ее дорогие лаковые туфельки.

Вернувшись домой, Марьян обнаружил, что кухарка заполошной курицей мечется по дому, а шестилетняя девочка так надежно забаррикадировалась в спальне, что ни магией, ни силой ее оттуда не достать.

Магическими способностями Алеська не блистала, но, как и все маги, в минуты сильных душевных переживаний выдавала что-то невероятно мощное. Пока никто из магученых не расшифровал подобные всплески, но все сходились на том, что сам дар мобилизовал все крохи сил и использовал какие-то скрытые резервы, чтобы защитить перепуганного и неспособного к обороне человека.

В тот первый раз Марьян ничего не понял. Ломился в комнату. Кричал и требовал от совершенно незнакомой маленькой девочки открыть дверь, если она не хочет оказаться на улице. Дураком был, конечно. Совершеннейшим.

Леська, перепуганная еще больше, дверь открыла, но потом сбежала в самый дальний угол, забилась под кровать и сидела там мышонком, глядя на страшно недовольного всем Марьяна заплаканными глазами.

Это потом, когда раз за разом сестра по любому поводу запиралась в своей комнате, рейян научился тому, что ее стоит оставить в покое и переждать. Сама выйдет. Серьезно они никогда не ссорились. Быстро мирились. Оба знали, что никому они не нужны так, как друг другу. Но в первый миг, когда страсти еще кипели и бушевали, Алеська любила хлопнуть дверью.

— Лучший штатный маг? — переспросила Элла Бонс, ловчее перехватывая свои вещи и прижимая их к себе одной рукой. — Я за него!

Не пытаясь вести разговоры через дверь, секретарша взялась за ручку двери и легонько толкнула. Дверь на миг покрылась сетью белых всполохов, а потом без сопротивления поддалась. Девушка удовлетворенно хмыкнула и вошла внутрь, вновь захлопнув дверь перед носом рейяна.

Спальня Алеси Белянской разительно отличалась от остального дома. Здесь отсутствовал хоть какой-то намек на темные краски: светлая мебель, светлая обивка, радужные шторы, золотисто-оранжевый наборный паркет. Даже книги на полках оказались с яркими цветными обрезами, повернутые так, чтобы скрыть корешки. Видимо, девушка сама их окрасила, не желая жить среди обыденных и неприметных вещей.

Но даже если бы спальня девушки осталась такой, какой, видимо, задумывалась первыми хозяевами дома, с темными деревянными панелями и темными обоями, эти мрачные краски потерялись бы из-за обилия картин, рисунков и просто карандашных набросков, которые покрывали практически каждый свободный клочок в этой довольно большой спальне. На стенах теснились полотна, выполненные в самых разных техниках. На одном я узнала искусно написанный портрет старшего следователя. На другом также был изображен Белянский, но в какой-то сюрреалистической манере, с травянисто-зелеными волосами и сиреневыми губами. Но эти две картины скорее были исключением среди остального множества, наполненного хаотичной пляской ярких пятен и линий. Между картинами прямо к стене, не слишком аккуратно, были приклеены вырванные альбомные листы. На одних девушка изобразила что-то маслом, на других — гуашью, на третьих — акварелью, но большинство рисунков и набросков были наспех сделаны мелом и углем. Из-под этого пиршества красок лишь кое-где проглядывали обои. На мебели рисунков оказалось поменьше, но все равно больше, чем хотелось бы. Мне пришлось деликатно подвинуть целый ворох в кресле, чтобы пристроить свои вещи.

Самой хозяйки удивительной комнаты в спальне не оказалось. Алесья нашлась в ванной комнатке, на холодном плиточном полу. Девушка забилась в уголок под окном, поджав колени к подбородку и закрыв голову руками.

— Привет, — как можно мягче сказала я, стоя на пороге.

Девушка вскинулась, глянула на меня, шумно всхлипнула и зарыдала.

— Эй, эй, ты чего? — опешила я, скидывая туфли и проходя в ванную. — Алесья...

— Я умру! Я умираю! И Хмарь останется оди-и-ин! Я знала! Я знала, что мне отведено не так уж много-о! — с подвываниями, всхлипами, прерываясь и икая, выдавила из себя девушка. — Я умираю-а-аю...

— Я вижу раскрасневшуюся и заплаканную молодую девицу, — фыркнула я, хотя мне, по идее, следовало причитать и утешать. — С чего ты решила, что умираешь?

Я даже лоб ей потрогала, убеждаясь, что здесь и сейчас этот полный жизни цветочек не зачахнет.

— М-мне приснился страшный кошмар, — всхлипнула Алесья и вытерла красный нос рукавом изрядно потрепанного халата, темного и явно мужского. — А потом я проснулась от боли... и увидела кровь! Я ранена... Меня ранили во сне... Больно. И кровь течет.

Чуть отодвинувшись и не обнаружив под девушкой лужи крови, я прищурилась и спросила:

— А рана у тебя где?

Алеся расплакалась еще горше и призналась. А я, взрослая и совершенно никудышная утешительница, не выдержала и расхохоталась.

Через пятнадцать минут я вышла в коридор, где маялся Белянский, и строго спросила:

— Здесь поблизости есть аптека?

— Конечно.

— Сходите и купите там дамский набор. Номер два, пять или шесть, — велела я, решив, что в данном случае могу и покомандовать собственным начальством, раз уж дело касается его родственницы.

— Какие еще наборы? — не понял Белянский. — Что с ней?

— Ничего ужасного, — сказала я. — Просто ваша сестра стала взрослой девушкой.

— В смысле... — начал шеф, но я его пожалела и быстро кивнула, добавив:

— Да, у нее впервые началась менструация. Удивительно, что так поздно. Но такое бывает. Хотелось сказать, что я знала несколько девушек, у кого расцвет пришелся на пятнадцатилетие и шестнадцатилетие, но опять же пожалела шефа. Зачем ему сейчас знать подробности чужой биографии?

— Но почему с ней никто это не обсудил? — все же спросила я. — Если бы ее подготовили, не случилось бы столь бурной реакции. А так девушка решила, что умирает.

Белянский поморщился, на миг стиснул зубы, а потом хмуро ответил:

— А кто бы ей объяснил? Приходящие учителя? Или кухарка, которой вот-вот восемьдесят стукнет? Я пробовал нанимать ей няnek и гувернанток, чтобы постоянно при ней были, но она от них прячется и делает все, чтобы они уволились.

— Ясно. Идите в аптеку, шеф.

Когда Марьян вернулся, в его таком привычном и спокойном доме одуряюще пахло какими-то травами, но в сложном букете рейян распознал только ромашку. Туман, любивший контролировать все происходящее в доме, не сидел возле лестницы и не встречал хозяина.

— Что происходит? — спросил сам себя Марьян, хотя обычно все вопросы доставались псу.

Заглянув в столовую, рейян обнаружил сервированный на три персоны стол, а в кухне над куском говядины, нацелив на оную нож, стояла Элла Бонс. Во взгляде обернувшегося к нему Тумана Марьян прочел вопрос и недовольство. Зверь глухо, как в бочку, гавкнул и замел мохнатым хвостом по полу.

— На меня подобное не действует, — проинформировала его Марьянова секретарша и обернулась: — Вы вернулись!

Через полчаса старший следователь Центрального управления, сам до конца не понимая, что происходит, ел в собственной столовой здоровенный стейк, приготовленный его же помощницей. Напротив сидела бледненькая, но чем-то весьма довольная Алеска, умудрявшаяся и жевать, и прихлебывать приготовленный Эллой отвар, и поддерживать светскую беседу от своего имени и от имени брата.

Вниз сестра спустилась с мокрыми волосами, аккуратно заплетенными в косу. Она даже от любимого халата отказалась, заменив тот более подходящим светлым платьем в мелкий цветочек. И ноги сунула в мягкие домашние туфли без каблука.

Не отличить от приличной юной рейночки!

Даже очочки свои в кои-то веки напялила ровно. И платочком их протерла.

Марьян хотел было обсудить то, что случилось в доме, но, видя мордашку младшей, передумал. Решил не смущать. Если захочет — сама потом придет, забьется к нему под бок и станет рассказывать или жаловаться. А сейчас не нужно.

А потом его отвлекло то, что он перед собой увидел.

Агния готовила много и вкусно, но чаще то, что можно было просто разогреть к возвращению Белянского. Да и ел рейян дома довольно редко. В рабочее же время Марьяна слабо интересовало, что именно он забрасывает в рот, лишь бы было много и сытно.

На большой белой тарелке рядом с горкой из овощей возлежал толстый аппетитный кусок мяса, щедро перченный, присыпанный крупной солью, с налипшими на него веточками розмарина.

Мясо источало настолько густой аромат трав и растаявшего на поджаристой корочке сливочного масла, что в голове Марьяна что-то сместилось и он потерял всякую связь с реальностью. Вспомнилось, что он так и не ужинал вчера, что впервые за многие годы позорно перенервничал и что вообще давно не ел приличной пищи, а не какой-то невразумительной

массы, вроде рагу или полуостывшего цыпленка из кафе через дорогу от управления. Наплевав на какие-либо правила этикета, Белянский просто ел, и в его голове царил блаженный пустота.

ГЛАВА 15

В управление мы явились с опозданием на три часа, и если бы не портал, то все сослуживцы стали бы свидетелями произошедшего. Шеф пребывал в самом спокойном расположении духа, а сестре на прощанье даже улыбнулся.

Удивительно, но он умеет улыбаться!

Не демонстрировать довольную или угрожающую ухмылку, а именно улыбаться.

Я не собиралась пилиться на них, но просто не могла отвести взор от этой парочки. Сразу становилось ясно, что с сестрой у Белянского особые отношения. Доверительные. Настоящие. При взгляде на Алесю взгляд старшего следователя менялся, теплел. И даже цвет глаз казался иным, в них будто загорались золотые точки. И как тут не разглядывать дорогого шефа?

Помахивая папкой, Белянский свернул портал и молча прошел в свой кабинет, не подозревая, что оставляет меня наедине с совершенно недопустимыми для секретаря мыслями. Быстро очнувшись и обругав себя, я решила отвлечься и вернулась к разбору дел, но перед этим сварила полный кофейник крепчайшего кофе для старшего следователя. Но не успела я отнести поднос в кабинет, как в приемной нарисовался Кристэр.

— Добрый день, рейян Дубинский, — чуть запнувшись произнесла я и улыбнулась вошедшему. — Вы сегодня еще краше! — с наигранным возмущением заявил следователь. — И как мне это пережить?

Излишне театральным жестом мужчина протянул руку с зажатой в ней ярко-розовой розой, которую прятал за спиной. Роза была немного измята и клонила голову, как распаренный на жаре прохожий. Листочки печально обвисли, а от шипов остались только пеньки. Похоже, Дубинский давно ошивался поблизости, надеясь всучить этот несчастный знак внимания, а я, такая-сякая, вынудила рейяна ждать, нервничать и беспрерывно теревить одинокий розан.

— Это мне? — Я не стала разочаровывать человека и изобразила недоумение и восторг.

— Вам, — с придыханием произнес Дубинский.

— Ах! Как мило! — восхитилась я. — Так, значит, те розы были от вас?

Дубинский счастливо улыбнулся и кивнул.

— Как мило, — повторила я, чуть увеличив степень собственного восторга. — Розы прелестны! Спасибо!

— Вы прекраснее этих цветов, — произнес следователь, а я, пытаясь не потерять улыбку, наконец-то выдернула несчастную розочку из липких пальцев рейяна.

— Вы мне льстите, — чуть склонив голову и изображая смущение, пролепетала я.

— Ничуть! — воскликнул Дубинский.

В этот момент дверь в приемную без стука отворилась и на пороге возник доктор Харт. Метаморф оглядел живописную картину, его волосы у корней мгновенно налились яркой желтизной, а губы недовольно искривились.

— Кристэр, ты в курсе, что у тебя четыре нераскрытых кражи и Хваранский? — задушевно произнес судмедэксперт.

— Отвянь, — беззлобно попросил Дубинский, не отрывая от меня взгляда.

Я мило улыбнулась следователю и вежливо поздоровалась:

— Добрый день, рейян Харт. Вы к старшему следователю?

— К нему, к нему, — глянув на Дубинского и не добившись взглядом никакого результата, покинул Вирсен Харт и прошел к двери в кабинет.

Я проводила доктора взглядом, порадовалась, что предусмотрительно добавила к набору из кофейника и сахарницы не одну, а несколько чашек и вновь улыбнулась Дубинскому.

— Ходят тут всякие, отвлекают... — чуть ворчливо произнес рейян и поморщился.

— Но он ведь прав, — мягко напомнила я. — Нужно работать. И вам и мне.

Дубинский поморщился так, будто наступила ему на мозоль, но я сделала вид, что не заметила гримасу и произнесла:

— У меня сегодня столько дел, столько дел... Вы просто не представляете, рейян Дубинский.

— Загружает вас Белянский? — тут же ухватился за предложенную тему мужчина и подвинулся ближе, налегая грудью на мой рабочий стул.

Я, изображая деву юную и недогадливую, пару раз печально вздохнула, прижимая ладони к груди. Завладеть моими пальчиками Кристэр не смог, зато с удовольствием уставился на обтянутую блузкой грудь.

А мне-то что? Пусть себе смотрит. Мне не жалко.

— Не то чтобы загружает, но я не ожидала, что придется вот так сразу вливаться в работу, — доверительно сообщила я. — Понимаю, расследования не могут останавливаться или замедляться лишь потому, что в управление приходит новый человек. И понимаю, что старший следователь не обязан делать мне поблажки, но замечательно, когда есть время освоиться, привыкнуть.

— Хотите, дорогая Эллочка, я поговорю с Марьяном? — предложил Дубинский, делая попытку дотянуться до моей ладони. При этом он постарался не разорвать зрительного контакта, так что перекасило его знатно.

— Нет, что вы! — выдохнула я, сдерживаясь от желания прыснуть со смеху. — Не нужно. Вы ведь давно работаете с моим шефом и знаете, что ваше вмешательство лишь ухудшит ситуацию.

Дубинский согласно покивал, даже не попытавшись скрыть облегчения. Ну да! Он-то точно знает, что Белянский его не послушает.

— Пришел? — кивнул Марьян, глянув на судмедэксперта. — Ну что?

— Ничем тебя не порадую, — ответил Харт, усаживаясь напротив. — Я уж какие только методы не применял, а результата ноль. Наш убийца точно знал, что делает. Следы затер по высшему разряду. Даже самые опытные коты из городских шаек, способные избавиться от человека так, что и не узнает никто, не придрались бы.

— Еще скажи, что это заказ, — фыркнул Марьян.

— Нет, не заказ, — согласился Вирсен. — Мы с тобой не первый год работаем, сам знаешь, что банды заказы не берут. А конкурентов и мелкой шушеры, которую они время от времени дают, как клопов, им на весь век хватит и еще преемникам останется.

— А одиночных умельцев с подобным способом убийства мы еще не встречали, — проговорил Марьян задумчиво. — Но, ты говоришь, сделано мастерски?

— Да, — недовольно протянул Харт. — Я уже и Калтуховского привлек. Ничего. В его практике идентичных убийств не было. И каких-то неизвестных мне методов, чтобы хоть какие-то сведения добыть, у него нет.

Марьян поморщился. Он давно и прочно уверился в том, что Себастьяна Калтуховского стоит сместить с должности главного и назначить на его место Харта. Пусть Вирсен пока молод, но трудолюбия, знаний и таланта у метаморфа гораздо больше, чем у просиживающего штаны толстяка.

— Ты, кстати, не знаешь, почему мой главный практически по стеночке ходит в последние дни? — спросил Харт. — И синяками светил как-то, пока к виталисту штатному не забежал.

Марьян пожал плечами. Какое ему дело, что там с Калтуховским. Его этот лентяй волновал гораздо меньше трех тел, хранившихся в морге на нижнем подвальном этаже.

— А Кристэр опять отлынивает, — нажаловался Харт вдогонку. — Он за старое взялся. Сидит у тебя в приемной.

Следователь едва не застонал от раздражения. Сунув карандаш за резинку подтяжки, он поднялся и направился к двери.

— Крис, ты ко мне? — с толикой угрозы спросил Марьян, выглянув в приемную и обзрев открывшуюся картину.

— К тебе, к тебе, — с готовностью откликнулся Дубинский и вскочил со стула, хотя еще секунду назад жадно пожирал глазами сидевшую напротив Бонс.

— Бонс, у вас работы нет? — решив, что разгонять по углам, так всех, строго осведомился старший следователь.

— Полно, шеф, но отвлекают... — с мечтательной улыбкой отозвалась девица и, подхватив со стола помятую розочку, уткнулась в нее носом. На строгий тон Белянского она в очередной раз не обратила внимания.

— Проходи, — позвал Марьян Кристэра, не давая следователю шанса задержаться в приемной хоть на секунду дольше.

— Грубый ты человек, Марьян, — вздохнул Дубинский, когда дверь кабинета отсекала его от Эллы Бонс. — Без понимания.

— Что именно я должен понимать? — поднял брови Марьян, выделив последнее слово.

— Душевности в тебе нет, — продолжал Дубинский, усаживаясь подле Харта. — Уважения к ближнему. Я, может, влюбился. А ты мне всю жизнь разбиваешь.

— Не смеши, — отмахнулся Марьян, возвращаясь на свое место и разливая кофе по чашкам. — Ты в каждую смазливую девицу влюбляешься.

— Не в каждую! — возмутился Кристэр.

— Да, не в каждую, — согласился Вирсен. — Только в тех, что приходят работать в Центральное управление.

— А где мне еще влюбляться? — философски спросил Дубинский, пожимая плечами. — Я с утра до ночи на работе. Где могу, там и влюбляюсь.

Марьян лишь головой покачал и строго сказал:

— Крис, не порти мне работника.

Собеседники разом удивленно воззрились на Марьяна, будто он что-то неслыханное произнес.

— Мне впервые за столько лет в секретари досталась не дрожащая пучеглазая собачонка редкой породы, а нормальный сотрудник. Так что убери руки и не трожь Элли Бонс, — добавил Белянский. — Я на твои игрушки до этого глаза закрывал, но сейчас говорю серьезно. И повторять не буду.

Дубинский открыл рот, явно намереваясь возразить, но тут вмешался Харт:

— Крис, ну куда тебе ухлестывать за такой девицей?

— А что такого?

— У тебя мама постоянно болеет и племянников вагон. Ты с этой оравой в четырех комнатах живешь. Ты ведь жениться не сможешь. От тебя любая сбежит, когда узнает твою подноготную, — остался жестоким до конца Вирсен.

Марьян лишь фыркнул. Харт загнул, и загнул сильно. Вряд ли Кристэр думал о женитьбе, когда приволок Бонс вчерашние розы. Он и прежде никогда об этом не думал.

До сих пор была свежа в памяти история с предпоследней помощницей, продержавшейся какие-то удивительные пять недель. От начальственного гнева ее уберегло отсутствие самого начальника — Марьян три недели пролежал в маггоспитале, где залечивал не смертельное, но неприятное пулевое ранение.

Секретарша приходила к нему раз или два в первые дни после ранения, но у Белянского не хватало сил даже как следует ее разглядеть, а потом просто сидела весь рабочий день в приемной. К моменту, когда Марьян вернулся к работе, легкий романчик Дубинского с секретаршей был в самом разгаре. И когда рейян бросал на девицу хмурые взгляды или отчитывал, девица шла плакаться к Кристэру.

Придирался Марьян не от вредности своего тяжелого характера, а просто потому, что девица всячески саботировала свои обязанности. Кофе варить она совершенно не умела. Той густой черной гадостью, которую она разливала по чашкам, впору было травить тараканов, если бы таковые в управлении обитали. Чай же, напротив, выходил цвета странного, чистого, как утренняя роса, в которой подозрительными инородными вкраплениями плавали чайные листья.

О делопроизводстве девица лишь подозревала, и то весьма приблизительно. Своими обязанностями она почитала украшение приемной и стрельбу глазками. Уж с этими двумя задачами она справлялась на отлично — под впечатлением от секретарши находилось не меньше половины управленцев, занявших очередь сразу за Дубинским.

Когда девица устала рыдать из-за ужасного начальника, не дававшего ей спокойно красить ногти или губы, отвлекая какими-то бумажками, она попыталась перевестись в секретари Дубинского, но параллельно с этим выяснила и про маму, и про выводок племянников и как-то разом сникла. Любовь угасла, и девица за один день перевелась в другое управление, благо специалисты всюду нужны, а помощников Марьяна отдел кадров отпускал легко.

Уходя, девушка не посчитала нужным убрать сваленные со стеллажа папки. А аромат ее духов выветрился лишь через неделю.

— А что мама? Что племянники? — резонно обиделся Крис. — Разве это означает, что у меня не может быть личной жизни?

— Нет, не означает, — согласно кивнул судмедэксперт и долил себе кофе. — Но будем честны. Не в поисках большой и светлой любви идут к нам работать все эти девицы. Не из большой любви к Родине, не в поисках большой любви с кем-то из сотрудников магконтроля.

— Ну, ты преувеличиваешь, — попытался остановить рассуждения метаморфа Дубинский, но тот мотнул головой, отпил из чашки и сказал:

— Часть идет работать сюда, чтобы чего-то достичь, заработать на жизнь или подняться по карьерной лестнице. И наша дражайшая рейяна Белчер тому яркий пример. Сурова, трудолюбива и радуется за дело, с которым умело управляется. Сейчас мало кто из нас поспорит, что мы говорим...

— Мы говорим начальство — подразумеваем Белчер, — ухмыльнулся Дубинский. Марьян улыбнулся и откинулся в кресле, не собираясь вмешиваться в разговор приятелей.

— Именно, — покивал Вирсен. — Именно. И есть второй тип. Девицы, ищущие здесь выгодный брак. Не будем отрицать, что в управлениях жалование выше, чем где-то еще. И в целом есть шанс заарканить какого-нибудь начальника.

— И к чему ты клонишь? — вздохнул Дубинский.

— А к тому, что ни те, ни другие наши красавицы не готовы выходить замуж за кого-то вроде тебя или меня, например, — ответил Харт, и волосы его вмиг стали темно-каштановыми. — Ты если мне не веришь, то сам справки наведи: кто идет на курсы по подготовке секретарей?

— Кто? — с интересом подал голос Марьян.

— Выходцы из магических семей, не обладающие магическим даром, — известную всем истину озвучил Кристэр.

— А что за этим кроется? — спросил Харт и поправил очки.

— Откуда же мне знать? — удивился следователь. — Я не интересуюсь жизнью сотрудников. Хочешь, чтобы я у того парня, что сидит у меня в приемной, уточнил?

— Я сам тебе растолкую, — отмахнулся Харт. — Растолкую потому, что метаморфы во многом похожи на таких вот выходцев из магических семей. Дар у нас классический и слабый. Виталистами нам не стать, как не стать и спецами в какой-то другой области, требующей определенного уровня магического таланта.

— К чему ты клонишь? — нахмурился Дубинский.

— Мы с вами, уважаемые следователи, живем в обществе, где работает всего двадцать процентов женщин, — включив лекторский тон, сказал Вирсен. — Это не выдумка, это статистика. В сравнении с данными столетней давности это громадные изменения. В те времена цифра колебалась на уровне пяти-семи процентов. При этом, друзья мои, процент среди магической прослойки значительно выше и приходится как раз на так называемых конторских служащих. При этом большая часть одаренных девочек из магических семей продолжает получать домашнее образование от приходящих учителей или от гувернантки. Ну или весьма... в особых пансионах.

— К чему ты ведешь? — с толикой раздражения спросил Крис, не любивший привычку Харта забрасывать собеседника фактами и выдержками из прочитанных монографий.

— К тому, что магическое общество более консервативно, — пояснил Вирсен, не заметив вспышки следователя. — Мы придерживаемся старых традиций. Но при этом значительное число представительниц нашего сообщества, пусть они и не обладают даром, решаются на выход из традиционной модели. Вот твои племянницы — да, они у тебя одаренные. Но сколько старшей? Девятнадцать?

— Будет в этом году, — подтвердил Дубинский.

— Общее образование и подготовка к ведению собственного хозяйства у нее есть, — предположил Харт. — И все.

— Так все правильно, — возмутился Кристэр.

— Выйдет замуж и будет хозяйство вести, — кивнул Харт. — И так образованны большинство девиц из достаточно благополучных магических семей. Но есть и не слишком благополучные. Не слишком богатые или неполные. А если в такой семье рождается ребенок без дара, то он вполне может стать изгоем.

— Без тебя тошно, не рассказывай мне о сложностях жизни, — взмолился Дубинский. — Мне едва хватает средств.

— Не буду, — отозвался судмедэксперт. — Но ты должен понимать, что большая часть тех, кто попадает к нам на не самые престижные должности помощников, чтобы днями заниматься

тяжелой бумажной работой, будут зубами держаться за возможность улучшить свою жизнь. Опустим причины, но мало кто из этих девиц предпочтет работу возможности просто выйти замуж.

— Всегда есть исключения, — напомнил метаморфу Белянский.

— Конечно, но это именно исключения, — кивнул Харт. — Женщины работают здесь или потому, что это способ войти в более состоятельную прослойку общества посредством брака, или потому, что хотят своими силами поднять себя на более высокий уровень. И что это значит?

— Что? — обреченно спросил Крис.

— Что наши местные девицы не согласятся на счастье в шалаше, — отчеканил Харт.

— Вечно ты своими никому не нужными нравоучениями и просветительскими лекциями настроение портишь, — взвыл Дубинский и устался на Белянского. — Да не собирался я ни на ком жениться! Но имею я или не имею право на капельку счастья?

— Не в рабочее время, — без тени усмешки отчеканил Марьян.

Харт открыл рот, собираясь что-то сказать, но его прервал стук в дверь.

— Шеф, пришел ответ от бывших соседей Раскеля, — доложила Бонс, зайдя в кабинет. — Они готовы предоставить ответы на наши вопросы.

— Хорошо, я подготовлю вопросы для тамошних отделов управления, — кивнул Марьян.

— Они проживают в регионах, где нет собственных отделений магконтроля, — предупредила секретарша, сверившись с записями в папке.

— Хорошо, тогда я подготовлю вопросы, а вы — запрос в жандармские отделения.

— Хорошо, шеф, — черкнув в папке, ответила девица и развернулась, собираясь удалиться.

— Рейна Бонс, — окликнул девушку Крис. — А можно вопрос личного характера?

— Попробуйте, — произнесла секретарша, обернувшись.

— Почему вы решили получить образование и после пришли работать в управление? Ваши родители не могли обеспечить вам достойное существование в будущем или тут какая-то иная причина?

Марьян ожидал, что Бонс с присущей ей самоуверенностью тут же ответит на вопрос, но она замялась, а после несколько невнятно пояснила:

— Мне не хотелось зависеть от родителей.

Не дав задать еще вопросы, девушка развернулась и чеканным шагом покинула кабинет.

— Вот видишь! — победно воскликнул Харт, а Марьян задумался над поведением собственной секретарши. — Ты можешь ухаживать за ней, конечно. Но как долго продержишься? Она не хочет зависеть от родителей. Вряд ли она будет тратить время на человека, который не способен даже ухаживать как следует. Розы ей подарил... Но это же один раз!

— Все. Отвянь... Кстати, Марьян, а ты знаешь забавную историю про нашего стажера? — поморщившись, поспешил сменить тему Крис.

— Какую?

— Раз уж у нас разговор о секретаршах, — ухмыльнулся Дубинский. — С самого утра по управлению ходит байка.

— А я слышал, — покивал судмедэксперт.

— Мол, наш малыш прослышал о явлении новой помощницы и прибежал посмотреть, — с удовольствием произнес Кристэр.

— Не просто прибежал, а перышки тут распушил, — отозвался Марьян, вытащив карандаш из-под резинки и придвинув к себе стопку бумаг — похождения внука губернатора его интересовали постольку поскольку.

— Так это правда? У нас верно додумали? — рассмеялся следователь.

— Этот мелкий у нас не первый день торчит, — произнес Харт, — и только ленивый не понял, что Барсавский обязательно появляется, если происходит что-то интересное, а вот делом...

— Да, делом этот мелкий заниматься не хочет, — согласился Дубинский, перебив метаморфа. Тот поморщился, а его волосы вмиг стали пурпурными.

— Пусть, — отмахнулся Марьян. — Его к нам губернатор сослал за ненадлежащее поведение. Но мальчишка до сир пор верит, что у него тут какое-то особое положение.

— Да на птичьих правах он, — хмыкнул Дубинский. — На цыплячьих.

— А он и есть цыпленок, — согласился Марьян. — Петушится, кукарекать пытается, но еще не понял, что здесь ему не военная академия и не отчий дом. Тут с ним никто церемониться не станет.

— Вот-вот, — с усмешкой покивал Крис. — В общем, этот птенчик отправился наверх, сжимая в курьих лапках стопку дел. — Рейян с удовольствием ткнул пальцем вверх и даже глазами указал куда-то в потолок. Марьян посмотрел, но потолок был самый обычный, белый, с полудюжиной светильников. — На прием к главному!

— Ну и дурак, — вздохнул Марьян. — К главному? И как он собирался прорваться? Там же Белчер на страже.

— Именно! — возликовал Дубинский. — На наше счастье, как раз в это время незабвенная Фекла решила занести чай тете Соне и стала свидетелем всей этой феерической сцены. Дубинский вскочил, кинулся к выходу, но развернулся, распрямил плечи и задрал нос к самому потолку.

— «Я желаю видеть рейяна Сидзецкого!» — провозгласил он так, что Харт не удержался и прыснул в кулак. — Белчер на него глянула... — Дубинский попытался изобразить, как именно глянула рейяна, но получилось не слишком достоверно. — И так невозмутимо спрашивает: «Юноша, мама и папа не учили вас здороваться?»

Харт снова прыснул, и даже Белянский улыбнулся.

— Птенчик аж задохнулся от подобного обращения. Замер, сжался, — продолжал разыгрывать сценку в лицах Дубинский. — Просто поздороваться он не додумался. Вместо этого начал вопить: «Я внук губернатора! Я дедушке пожалеюсь! Меня у вас тут унижают! Оскорбляют! Я требую встречи с самым главным!» — Дубинский подсакивал и потрясал в воздухе невидимыми папками. — А Белчер вновь на него взглянула и так миролюбиво: «Не нужно сотрясать воздух. Что случилось?»

Харт не выдержал и захохотал, а вслед за ним и Марьян.

— И он ей рассказал, — добавил Крис. — В самых ярких выражениях о том, как ты его послал вниз, на второй, делами заниматься. О том, что никто в управлении не понимает, с кем имеет дело. И что наш птенчик обязательно наябедничает деду и всех погонят отсюда тряпками. Белчер его выслушала, не перебила ни разу. Фекла затаилась и дышать боялась, чтобы ее из зрительного зала не выгнали. А мальчонка с удовольствием вещал, с огоньком, уверенный, что его выслушают, пожалеют и всех нас разом накажут.

— Ага, разбежался! — фыркнул Марьян.

— А потом Белчер нашему цыпленку говорит: «Значит, старший следователь Белянский велел вам, рейян Барсавский, заняться работой? И объем работы для вас был определен?» — И мелкий, само собой, тут же начал трясти папками. А Белчер ему: «Садитесь, садитесь. Я сейчас вам писчие принадлежности дам, бумагу, даже печатную машинку предоставлю». А мелкий: «Зачем? Я на прием к рейяну Сидзецкому!» И Белчер: «Так надо же работу сделать для начала, уважаемый рейян Барсавский. Делайте. При мне. И пока не сделаете, отсюда не уйдете. А начальство... У меня шеф занимается важными делами, а ваше дело — мышиный писк». — Дубинский вновь изобразил суровый взгляд секретарши. — А мелкий: «Но я внук губернатора! Вы не смеете!..» И Белчер его обухом по хребту: «В данный момент вы только стажер управления магконтроля. Работайте, юноша. У вас о-чень много работы». Марьян расхохотался, испытывая гордость за работников родного управления.

— И вздумалось им о таком спрашивать, — проворчала я себе под нос и решительно водрузила на стол новую стопку папок, данные из которых предстояло внести в будущий каталог. — Зачем им это надо?

Недовольно мотнув головой, я принялась за работу. Но не успела и парочку дел разобрать, когда в приемную заглянул кто-то из управленцев со второго этажа. Следом за ним набежало еще несколько мужчин в форме, похожей на жандармскую — в управлении только начальству и следователям разрешалось ходить в штатском. Даже не пытаясь запоминать имена, я сварила на всех кофе и сделала попытку вернуться к работе, но не тут-то было! Пришлось отвлекаться, улыбаться и отвечать на вопросы.

— Что тут опять происходит? — спросил шеф, выглянув в приемную на гул голосов. — Что за демонстрация? Есть желающие помочь в расследованиях?

Налетевшие управленцы мигом выскочили из приемной, а Белянский одарил меня негодующим взглядом.

— Вы хотели что-то сказать, шеф? — мигом встрепенулась я.

— Вы... — начал было следователь, но оборвал себя.

— У вас для меня какое-то поручение? — задала я следующий вопрос, не дав начальнику шанса высказать-таки мне свои претензии.

— Да, — секунду помолчав, ответил рейян. — Свяжитесь с Баржеком и договоритесь о встрече. Будет лучше, если он придет сам, естественно.

— Хорошо, шеф, — отозвалась я.

— Я... — Белянский глянул на оставшихся в кабинете мужчин. — Я сейчас с Хартом отъеду, у нас встреча с прежним старшим следователем.

— Я мигом все сделаю и буду готова, — откликнулась я.

— Нет, — оборвал следователь. — Я еду с Хартом. А вы работайте, Бонс. Работайте. У нас дел много, это надолго, так что до завтра, Бонс.

— Хорошо, шеф, — без прежнего энтузиазма отозвалась я.

Белянский вернулся в кабинет, прикрыл за собой дверь, но через четверть часа вновь появился в приемной, уже в компании Дубинского и судмедэксперта. Кристэр порывался остаться, но метаморф и шеф вывели его прочь, а Белянский еще раз, уже на прощанье, велел мне работать.

— Очень подозрительно, — покачала головой. — Почему он не взял меня с собой? Это ведь по работе!

Продолжая качать головой, я вооружилась тряпкой и проникла в кабинет. Баржек никуда не денется, а у меня может не быть другого шанса прибраться на столе начальника.

ГЛАВА 16

— Добрый день, это дом рейяна Баржека? — для надежности сверившись с блокнотом, спросила я и широко улыбнулась, хоть собеседник не мог меня видеть.

— Кто это? Что вам нужно? — нервно ответил мне мужской голос.

— Любиус Баржек? — уточнила я.

— Кто вы? — чуть повысив голос, потребовал ответа собеседник.

Я чуть помедлила, раздумывая, а потом как можно мягче представилась:

— Здравствуйте, меня зовут Элла Бонс, я секретарь старшего следователя по убийным делам Центрального управления магконтроля. Мой начальник, рейян Белянский, занимается расследованием и хотел бы встретиться с вами из-за одного старого дела, по которому вы проходили свидетелем.

— Какому делу? — помолчав, спросил мужчина.

— По делу Раскеля, — ответила я, уверенная, что разговариваю с Баржеком.

— Зачем вы его расследуете? — вернувшись к нервному тону, потребовал ответа рейян.

— Мы объясним вам при личной встрече, рейян Баржек, — мягко сказала я. — Когда вам будет удобно встретиться для разговора? Вы могли бы подъехать завтра в управление? Или вы хотите, чтобы мы приехали к вам?

— У меня нет времени завтра! — выпалил мужчина. — Если вы хотите что-то узнать, то приезжайте сегодня. Я дома. А завтра рано утром я уезжаю! Так что если вам что-то надо, то приходите сегодня!

Я хотела было успокоить собеседника, убедить его, что не стоит так сильно волноваться, но он отключился, даже не попрощался и не дал попрощаться мне.

— Надо же, — пробормотала я, глядя на чуть нагретую трубку. — Что с ним?

Сложно делать выводы о состоянии человека лишь на основании телефонного разговора. Тем более выводы о состоянии незнакомого человека! Но почему-то мне показалось, что Любиус Баржек вел себя излишне нервно, даже истерично. Вот только что было тому причиной?

— Явно не я и не расследование, — немного подумав, решила я. — Он казался напуганным и рассерженным уже тогда, когда снял трубку. Кто его напугал или расстроил? И что мне делать? Поднявшись со своего места, я пару раз прошлась по приемной, пытаюсь найти подходящий выход.

— И надо было вам так не вовремя уйти, шеф, — проворчала я себе под нос и топнула ногой. — Как теперь быть?

С одной стороны, без шефа поехать на встречу со свидетелем я не могу, но с другой, если свидетель надолго покинет город, ищи его потом по всей стране, чтобы парочку ответов получить!

Еще раз топнув ногой, я отправилась к Дубинскому. На мое счастье, он сидел в своем кабинете и с радостью согласился исполнить мою маленькую просьбу. Но Белянский проигнорировал наши попытки связаться с ним по кристаллу. А по кристаллу Харта нам ответил кто-то из управления — судмедэксперт оставил свой кристалл на рабочем месте.

— А зачем вам Белянский, милая рейна? — спросил Дубинский. — Возможно, я могу помочь? Я помедлила, а потом покачала головой и вежливо ответила:

— Все нормально, рейан Дубинский.

— Кристэр, — напомнил он.

— Да, Кристэр, — с толикой уместного смущения повторила я. — Ничего сверхважного, я просто хотела кое-что уточнить у старшего следователя.

— Вам нужно поменьше работать, Эллочка, — убежденно сказал Дубинский. — Если Марьяна нет на рабочем месте, то и вам не стоит так сильно стараться.

— Спасибо за совет, — ответила я с улыбкой и поскорее распрощалась.

Все эти словесные расшаркивания можно и на потом оставить, а у меня важное решение на носу.

В приемной я выпила чаю и съела половину бутерброда, разглядывая дела на своем столе. Переложив стопку неразобранных дел с одной половины стола на другую, я немного посидела, глядя в окно, а потом решила. В три секунды я побросала в ридикюль необходимые вещи и решительным шагом покинула приемную.

— Уходите, драгоценная рейна? — окликнул меня в коридоре Дубинский. — И правильно, Марьян сегодня вряд ли вернется.

— Я не собираюсь прогуливать работу, — с улыбкой ответила я. — Все в рамках нынешнего расследования рейяна Белянского.

Кристэр покивал и подмигнул мне, сказав:

— Да, да, конечно. Приятного дня, Эллочка. Если бы не работа, я бы составил вам компанию. У вас же нет знакомых в столице?

— Мои родители живут в столице, — на миг сбившись с доброжелательного тона, сообщила я. — Доброго дня, рейан Дубинский.

Развернувшись, я решительно последовала прочь, не собираясь и дальше выслушивать старшего следователя. И нравится ему словесную воду лить! Брр!

Заказывать себе казенный самоход не стала, резонно рассудив, что к моему маршруту могут придаться — на визит к свидетелю санкции от начальства я так и не получила. К тому же стоило заглянуть домой и сменить одежду на более удобную.

— Рейна Бонс! — внезапно окликнули меня. — Какая встреча!

Я повернулась, заранее натянув вежливую улыбку, и с высоты лестницы перед зданием управления осмотрела улицу, выискивая знакомое лицо. И тут же сменила наигранный улыбку на более искреннюю, увидев профессора Каранского.

— Здравствуйте! — звонко воскликнула я, сбегая вниз по ступенькам. — Здравствуйте, профессор. Какая неожиданная встреча! Что вас сюда привело, если не секрет?

— Сюда? — переспросил рейан, мельком глянув на здание за моей спиной. — А здесь... Так это здесь вы работаете, юное создание?

— Да, именно здесь находится Центральное управление магконтроля, — с улыбкой подтвердила я.

— Какое забавное совпадение, — усмехнулся мужчина. — Я знал, конечно, что оно находится где-то здесь, но никогда бы не подумал, что именно в этом здании. — Каранский чуть подался вперед и подмигнул мне. — Всегда почему-то казалось, что в столь величественном здании располагается какой-нибудь университет, библиотека или что-то в этом роде, а выходит, здесь обитают служители магического правопорядка!

Я посмеялась, хотя и отметила про себя, что выдумка профессора выглядит немного нелепой. Вряд ли хоть один человек, а тем более тот, кто прожил в столице так долго, как профессор,

может не знать, где именно располагаются учреждения вроде нашего. Даже мне это было известно, хотя я большую часть жизни провела вне столицы.

— Ох, милочка, я вас отвлек от важных дел? — спохватился Тадеуш Каранский. — Вы куда-то спешили?

Я неопределенно пожала плечами и заметила:

— Нет, что вы! Это скорее я вас отвлекаю от важных дел, профессор.

— Дела? — усмехнулся мужчина. — Какие могут быть важные дела у такого старика, как я?

Я поддержала его усмешку вежливым смешком и, подыгрывая, вполне искренне возмутилась:

— Зачем вы так? Никто и никогда не назовет вас стариком.

— Ах, юное создание, вы мне умело льстите! — всплеснул руками Каранский. — Нет, нет у меня таких уж срочных дел. Я лишь выбрался прогуляться по центру города, заглянуть в пару мест, но меня там не ждут. И раз я вас встретил, то не выпьете ли вы со мной чашечку кофе? Я знаю здесь прелестное заведение. Там подавали самый вкусный кофе еще тогда, когда я был так же молод, как вы.

Я на миг замялась, а потом кивнула и вежливо подхватила профессора за отставленный локоть.

Что ж, Баржек от меня никуда не денется.

Прелестное заведение находилось в двух кварталах от управления и правда напоминало что-то старое и очень традиционное. Владельцы не озаботились созданием сложного интерьера, здорово полагая, что вкус напитка должен сказать о них больше, чем белизна скатертей и цвет стен.

— Прошу, — галантно предложил профессор, отодвигая для меня стул возле маленького столика.

— Не стоит, профессор, — засмушалась я. — Я могу сама.

— Вы считаете, что я слишком стар, чтобы ухаживать за столь юным и прелестным созданием, как вы? — усмехнулся Каранский.

— Что вы! Что вы! — активно запротестовала я. — Я имела в виду вовсе не это. Просто не хотела вас утруждать.

Осмотревшись, я заметила за одним из столиков в глубине зала Изольду и помахала ей рукой, привлекая внимание. Стенографистка мило улыбнулась и кивнула кудрявой головой.

— Здесь моя коллега, — пояснила я профессору. — Вы не против, если мы подсядем к ней?

Каранский на миг потерял свое старческое благодушие, но тут же постарался скрыть недовольство:

— Если ваша коллега не будет против.

— Изольда! — больше не слушая профессора, негромко воскликнула я и направилась к рейяне. — Какая встреча! Вы не на работе?

— Заглянула выпить чашечку кофе, — доверительно сообщила Изольда, глядя на меня сквозь свои огромные очки. Сегодня она вновь была облачена в ярко-зеленый наряд, но уже другого оттенка, а ворот украшали не цветочки, а крупные вязаные виноградные листья.

— Профессор, позвольте вам представить мою коллегу Изольду, — сказала я Тадеушу. — Изольдочка работает в управлении машинисткой. Очень ценный сотрудник.

— Приятно, — галантно прошелестел рейян, но от целования ручек воздержался. — Очень приятно.

— А это профессор Тадеуш Каранский.

— О! — выдохнула Изольда и восхищенно воззрилась на пожилого мужчину огромными зелеными глазами. — Вы! Вы!

Она взволновалась так, что затряслись ее кудри. Пока профессор устраивался за столиком и отбивался от восторженной стенографистки, оказавшейся поклонницей артефактики, я смогла перевести дыхание и обдумать внезапное появление Каранского.

Только розововолосая дурочка могла поверить, что профессор просто прогуливался мимо. Мои волосы были ярко-розовыми, но дурочкой я себя не считала. Но зачем об этом знать Каранскому? Пусть и дальше верит, что я ничего не поняла.

Изображая юное трепетное создание, я кивала на все, что говорил профессор, даже позволила ему выбрать мне кофе, хотя не питала особой любви к обильным шапкам молочной пены над жижей с легким кофейным вкусом. Если в этом кафе и готовили что-то вкусное, то мне не повезло.

Прихлебывая из чашки и стараясь не морщиться, я следила за тем, как Изольда штурмует профессора вопросами, и радовалась тому, что экспромт с привлечением третьего человека

вышел на славу. Рейян держался, улыбался и отвечал на вопросы. А я даже не пыталась вмешиваться. Зато со стороны было отлично видно, что профессор намеревался вот так же осаждать вопросами меня, рассчитывая на пустоголовость помощницы Белянского. Что ж, не в этот раз, профессор! В следующий раз я буду готова. И выясню, зачем вам потребовалось переговорить с Эллой Бонс.

— Ах, я же вам мешаю, — вспомнила Изольда, когда профессор в очередной раз бросил на меня долгий разочарованный взгляд.

— Что вы, — торопливо отозвался Каранский, хотя ему явно хотелось кивнуть и выставить стенографистку не только из-за столика, но и из кафе. Но это мы к ней подсели, а я не делала попыток вмешиваться, изображая постороннюю.

— Вы ведь хотели о чем-то поговорить с Эллой, — вздохнула рейяна.

— О, мы с профессором просто случайно встретились и зашли выпить чашку кофе, — отмахнулась я. — Ведь так, профессор? Вы же не искали встречи со мной, да?

— Нет, нет, конечно нет, — вынужденно подтвердил мои слова Каранский.

Я улыбнулась и вернулась к своей чашке.

— Ох, мне на самом деле пора, — встрепенулся рейян. — Особых дел у меня нет, но я хотел успеть в несколько мест до возвращения домой. Так что, с вашего позволения, я пойду.

— Как жаль, — искренне расстроилась Изольда. — Я еще так о многом хотела вас спросить.

— Как-нибудь в следующий раз, — вежливо ответил профессор. — И с вами, Эллочка, мы же еще встретимся?

— Конечно, профессор.

— Я расплачусь по счету, — добавил Тадеуш Каранский, вынимая из внутреннего кармана портмоне.

— Не стоит! — воскликнула Изольда и покраснела.

— Пустяки, — улыбнулся профессор и отошел к стойке.

— Спасибо, — улыбнулась я Изольде, как только Каранский вышел из кафе. — Вы мне очень помогли.

— Ой, чем же? — удивилась стенографистка и захлопала ресницами.

— Не важно, — снова улыбнулась я. — Все вышло лучше, чем могло бы быть.

— Ну ладно, — кивнула Изольда, ничего не понимая.

Я еще минуту посидела с ней, а после решительно покинула кафе, собираясь отправиться к Баржеку не заходя домой. Что-то подсказывало, что я уже потеряла драгоценное время.

ГЛАВА 17

Дом рейяна Любиуса располагался в довольно престижном, но очень малолюдном районе города, из тех, что лишь в последние годы обрели популярность среди новой волны зажиточных семей, потянувшихся в столицу. На уютных бульварах, вдоль которых высились старинные особняки, им мест не осталось, и люди постепенно обжили кварталы, где прежде селились богатые ремесленники.

В нынешнем веке хотя бы раз в месяц в каждой газете выходила статья о том, как стирается грань между бедными и богатыми в нынешнем обществе, но на деле все обстояло не столь радужно.

Расплатившись с водителем наемного самохода, я вышла на узкий тротуар перед рядом серых непримечательных домов. Не было здесь ни колонн, ни лепнины, лишь массивный и чуть грубоватый камень. Да и сама улочка смотрелась довольно аскетично — вдоль домов тянулся лишь ряд фонарей. Ни тебе маленьких подстриженных деревьев, ни живой изгороди. Сразу видно, что прежние и нынешние жильцы не гонятся за тем, чтобы каждому показать свой достаток.

Вздохнув и зажав ридикюль подмышкой, я решительно направилась к нужному дому.

— Здравствуйте, — пробормотала я перед дверью, подбирая наилучшую манеру поведения для встречи с Любиусом Баржеком. — Здравствуйте!

Нужно начать так, чтобы рейян не подумал, что я действую без разрешения начальства. Не хочется в глазах свидетеля выглядеть самонадеянной пигалицей, всего без году неделя работающей в управлении.

— Фух, прорвемся! — выдохнула я и постучала в дверь. А дверь с тихим скрипом подалась, открываясь внутрь...

Замерев, я устояла в возникшую узкую щель. Нервно сглотнула и отступила.

— Так, спокойно, — едва слышно велела я себе. — Это может быть просто оплошностью хозяина, да?

Интуиция утверждала, что люди в очень редких случаях забывают закрывать двери в свои жилища.

— Значит, действуем согласно инструкции, — пробормотала я, отступая и медленно спускаясь по лестнице.

Решение мгновенно придало мне уверенности, так что на тротуар я спустилась собранной и готовой к действию помощницей старшего следователя, а не перепуганной двадцатилетней девицей, которая на секунду дала страху одержать верх. Увереннее перехватив сумочку, я осмотрелась, нашла взглядом будку с таксофоном и решительно направилась к ней. Открыв дверцу, я шагнула внутрь и, став так, чтобы видеть дверь в дом Баржека, набрала короткий номер управления.

— Помощник следователя Центрального управления магконтроля Бонс, — отчеканила я в трубку, как только мне ответили. — Код... предположительно синий, адрес...

Продиктовав адрес и убедившись, что на том конце провода все поняли верно, я села на лавочку и стала ждать. Наверное, стоило войти и удостовериться в своих догадках, ведь иначе я выставлю себя душой перед коллегами, если окажется, что Баржек просто забыл запереть дверь или на минутку вышел из дому к соседям за солью.

— Ничего, — прошептала я. — Это не так страшно. Хуже, если Баржек мертв, а я могу нарваться на убийцу.

Черные самоходы управления подкатили через десять минут. Люди глянули на меня и направилась к дому. По тому, что они не вышли из здания через несколько секунд, я сделала вывод, что не ошиблась. Вздыхнув, поднялась и направилась к коллегам.

— Труп, — сообщил мне кто-то из младших служаек. — Свеженький. Эк вас, рейночка, угораздило.

Да уж, угораздило...

— Эй, а Белянского вызвали? — спросил кто-то из спецов.

— Он не отвечает, — ответил ему другой. — Дубинскому звонить или Хормунту?

— А где Белянский?

— Да вроде с Хартом к кому-то из бывших следователей укатил. К тому...

— Хракс! — выдал один из водителей. — Знаю я, к кому он поехал. К тому! К тому самому!

Вряд ли сегодня от Белянского будет толк.

— Вызывайте Белянского, — решил все тот же жандарм управления. — От Дубинского здесь толку нет. — Он глянул на часы. — Времени немного прошло, Белянский у нас крепкий.

Я посматривала на мужчин и чувствовала, как мои брови задираются все выше и выше.

— Вы как, рейночка? — спросил вышедший из здания жандарм со знакомым лицом, но я не сразу вспомнила, где его видела. — Бледненькая. Вам бы присесть.

Мужчины тут же вспомнили, что я девушка, и попытались усадить меня на сиденье самохода, но я решительно отказалась.

Шеф прибыл через полчаса. Завидев его в наемном самоходе, я напряглась, заранее готовясь к разносу. Будет чем-то невероятным, если старший следователь не выговорит мне за самостоятельность. Не пытаясь избежать судьбы, я решительно подошла к остановившемуся транспортному средству и приготовилась отчитываться.

Не сразу, но из самохода выбрались двое, в которых я с трудом узнала Белянского и Харта.

Удивленно икнув, я даже отступила на шаг. Мужчины, не замечая моей реакции, расплатились и, поддерживая друг друга, ступили на тротуар.

— Нужно привести себя в порядок, — с трудом произнес судмедэксперт и попытался дыхнуть в сложенные ковшиком ладони. — Работа ждет.

— Ждет, — согласился Белянский, пытаясь выпрямиться.

— Так, — пробормотал Харт, поправляя очки. — Сейчас.

Метаморф сосредоточился, его волосы стали белыми как мел... Он решительно махнул на себя сложенными в щепоть пальцами. С первой попытки не вышло, но, помучившись, Вирсен смог избавиться себя от хмеля.

Надо же! Мало кто обладает способностью лечить магией, а уж себя лечить сложнее всего. А тут метаморф! Невероятно! Даже если это единственный трюк в его арсенале.

— А тебе? — спросил Харт.

— Не нужно, — отмахнулся Белянский. — Способ мгновенный, но наутро захочется оторвать себе голову от боли. У тебя нет с собой капсул?

Искомое средство нашлось в наборе дежурного саквояжа в багажнике управленческого самохода. Пока искали пузырек, Белянский покачивался между Хартотом и столбом, то и дело начиная их путать, тем более что у судмедэксперта волосы то и дело меняли цвет на темно-зеленый.

Бросив в рот зеленую капсулу и выждав несколько секунд, следователь выпрямился и глубоко вздохнул. Я с сомнением оглядела его с ног до головы и вынуждена была признать, что сегодня начальник сильно упал в моих глазах.

«Хотя все зависит от того, почему он был настолько пьян в рабочее время, — сделала я мысленную уступку. — Если ради дела, то так и быть, прощу».

— Только учти, что капсулы действуют только десять минут, — предупредил Вирсен.

— Так... — Шеф огляделся. — Бонс, вы здесь! Засеките время!

— Да, шеф, — не слишком радостно проговорила я, принимая увесистую емкость, в которой болталось не меньше полусотни капсул.

— Что ж, вперед, — скомандовал начальник, и я, сунув банку в сумку и глянув на часы, вооружилась блокнотом.

Следующие полтора часа превратились в вечность. Еще никогда время не текло для меня так медленно. Я постоянно вздрагивала, судорожно посматривала на часы, а потом с шипением отвинчивала крышечку банки, чтобы сунуть Белянскому следующую капсулу. Чем дальше, тем хуже становилось шефу перед новой порцией средства, все тяжелее он приходил в себя, но потом брал себя в руки и работал дальше.

Как я и предчувствовала, Баржек был мертв. И убили его незадолго до моего появления. Харт заверил, что тело толком не успело остыть. Характер ран был схож с другими убийствами, разве что на этот раз перед убийством мужчину оглушили.

Хотя убийца старался скрыть улики и представить ситуацию иначе, старший следователь определил, что погибший сам впустил убийцу в свой дом. Пока оставалось неясным, знал ли Любиус этого человека или видел впервые, но он определенно не ожидал от него нападения. На столе в гостиной напротив единственной чашки Белянский обнаружил свежее, хоть и подсохшее чайное пятно. Убийца убрал свою чашку, но не заметил след на лаковой поверхности. Харт хотел взять пробы, чтобы точно установить идентичность напитков в чашке и на столе, но я позволила себе понюхать и стол и остатки чая, уверившись в правильности выводов начальника — убитый и его гость пили один и тот же чай.

Неизвестный убийца не только убрал вторую чашку, но и создал видимость разгрома.

— Это только выглядит как разгром в поисках чего-то, — соловейющим взглядом обводя гостиную и расположенную по соседству столовую, сказал шеф. — Любой человек, которому довелось видеть десятки мест преступлений, легко определит, где настоящее, а где театральное. Бонс, давайте-давайте, скажите, как понять, что здесь на самом деле произошло?

— Шеф, таблеточку, — тоном заботливой нянюшки сказала я, подступая к Белянскому с капсулой.

Следователь моргнул, посмотрел на меня и сделал то, чего я меньше всего ожидала, — открыл рот.

— Ладно, — сдавленно произнесла я, осматриваясь по сторонам и быстренько отправляя зеленую таблеточку в начальственную пасть, — глотайте.

— Так что, — через секунду сказал шеф, зачем-то разжевывая быстродействующий отрезвитель, — каков ваш ответ?

— Ну... — пробормотала я, наблюдая за тем, как в глазах рейяна появляется осмысленное выражение, и размышляя, вспомнит ли он после этот день во всех деталях. — Нас не учили чему-то подобному.

— Учитесь сейчас, — уже совершенно трезво сказал Белянский. — Что вы видите?

Я неопределенно промышала и осмотрелась, прежде чем ответить:

— Убийца Баржека сбросил на пол книги, разбил посуду, сдернул со стен картины. Выглядит так, словно человек искал сейф или тайник.

— Верно, — согласился старший следователь. — Но представьте на миг, что сброшенные вещи лежат, стоят и висят на своих местах.

Глянув в глаза начальнику, я еще раз осмотрела гостиную и наконец сообразила, что он имел в виду:

— Здесь нет книжных шкафов, только книжные полки, но они расположены ниже уровня глаз, и любому сразу видно, если кто-то что-то спрятал за книгой или что-то толще листа — внутри книги.

— Верно, — кивнул шеф. — Картины висели в простенках между окнами. — Он указал на пустые гвозди. — Но никто не размещает сейфы в подобных местах. Посуды очень немного и, судя по фирменным знакам, или сам убитый, или кто-то до него собирал коллекцию редкого фарфора. Знаете, есть любители расписных тарелочек мастерской Чебеленд? — Шеф тронул носком туфли один из осколков, переворачивая его. — Это не та посуда, которую используют для приема пищи. Это своеобразные произведения искусства. И их не хранят в шкафах стопками, а выставляют за стеклом на специальных керамических подставках.

— И за подобными тарелками нельзя было что-то спрятать, — поняла я. — Выходит, здесь ничего не искали, но сделали вид, что искали. Но зачем?

— Нужно будет взглянуть на описные листы, но уверен, что мы вновь увидим знакомую картину — ничего ценного не пропало, — пробормотал Белянский.

— Баржек лежит в довольно странной позе, — воспользовавшись словоохотливостью начальника, заметила я.

— Естественно, его ведь перетащили с одного места на другое, — ответил шеф. — У этого человека был хороший — для нас — дом. Здесь не слишком часто вытирали пыль.

Я нахмурилась, соображая, а потом быстрым шагом прошла в столовую и осмотрелась.

— Чтоб вас!.. — едва слышно восхитилась я, заметив чистый прямоугольник на одном из маленьких столиков. — И даже в таком состоянии заметил.

Теперь я могла видеть картину, хотя и не целиком.

— И где же его убили? — спросила я. — Не за столом?

Шеф покосился на прикрытое тканью тело в столовой и ответил:

— Его убили в столовой, но оглушили не там. Он на что-то отвлекся, на несколько секунд повернулся к своему гостю спиной... Видимо, зачем-то вышел из столовой посреди беседы. И убийца получил шанс взять один из подсвечников и ударить Баржека по затылку.

Я слотнула и прикрыла рот рукой.

— Телефон... — прошептала я. — Он отвлекся на телефонный звонок...

Я сказала это тихо, но старший следователь услышал и вынудил меня пересказать то, что пропустил. Закончив короткий монолог, я замерла, ожидая выговора, но шеф молчал и смотрел в одну точку.

Неужели прошло десять минут? Я глянула на наручные часики.

— Значит, Баржека убили сразу после вашего с ним разговора, — наконец очнулся Белянский, уставившись на меня своим крокодильим взором. Ой! Лучше бы отругал! Умеет он даже в таком состоянии смотреть так, что собеседник чувствует себя неудобно, а я не в лучшей форме, чтобы держать эмоции под контролем.

— Я не уверена, — призналась честно. — Не могу поручиться, что говорила именно с ним.

— Голос показался знакомым? — предположил начальник.

— Вовсе нет. — Я мотнула головой и на миг прикусила нижнюю губу, обдумывая ответ. — Но я ведь не знаю голоса убитого. Возможно, я говорила не с ним... А с убийцей.

— Маловероятно, Бонс, — не согласился шеф. — Чаще всего на звонки отвечают лишь те преступники, которые совершили спонтанное убийство. Они нервничают и делают ошибку за ошибкой.

— Думаете, мы имеем дело с преступником, который заранее все продумал? — спросила я.

— Я сказал «чаще всего», — подчеркнул шеф. — За те годы, что я работаю в сыске, схожие ошибки делали лишь неопытные, случайные убийцы, но это не наш случай.

— И?..

— В нашем случае убийца точно знает, как замести следы и как обставить само убийство, — медленно произнес шеф, чуть покачнувшись, и я тут же схватилась за баночку. — Но при этом он не мастер в этом деле.

— Марьян, я все сделал, — сообщил Харт, появляясь в дверях. Волосы метаморфа отливали сталью, а сам он выглядел усталым и раздраженным. — Как самочувствие?

— Напомни мне в следующий раз не просить тебя о чем-то подобном, — прошипел старший следователь, с остервенением отбирая у меня банку и вытряхивая на ладонь сразу две капсулы. — Это ничем не лучше действий виталиста. Шатает из одного состояния в другое. Хракс!

— Ты сам так пожелал, — напомнил судмедэксперт. — Не я тебя уговаривал. Больную голову вылечить проще.

Шеф отмахнулся и вновь огляделся кругом.

— Думаю, на этом пока все, — решил он, потирая лоб. — Бонс, вас доставить домой?

Я замешкалась, принимая из начальственных рук банку. Белянский вздохнул, сосредоточился, а потом попытался создать портал. Тот вспыхнул, осветив комнату, но с треском развалился, осыпавшись на пол искрами.

— Хракс, — выдавил рейян и сделал вторую попытку создать портал.

— Шеф, — мягко сказала я, — возможно, вам стоит воспользоваться обычным транспортом? Белянский туманным взором посмотрел на меня, а потом неопределенно махнул рукой и нетвердой походкой направился к выходу.

ГЛАВА 18

— Ночь собирается, — пробормотала я, выходя вслед за Белянским из дома убитого Баржека, и довершила, глядя на то, как вполне определенно качает начальника: — И начинается мой дозор. — Вам помочь, рейночка Бонс? — окликнул кто-то из жандармов, мелькнув в сгустившихся сумерках.

Я покачала головой и со вздохом подхватила начальника под локоть.

— Шеф, еще пилюльку? — предложила я, оценивая состояние старшего следователя.

— Она не действует, — произнес Белянский, пытаясь выровняться. — Хракс! И почему все в один день?

— Рейночка, вам помочь? — снова позвали меня, видя, как шатает следователя.

— Нет, спасибо, — откликнулась я. — Уж как-нибудь!

Да, хотелось бы доверить рейяна кому-нибудь из служащих, но это ведь не чужой, это мой начальник, а я, как его секретарь, отвечаю и за моральный облик старшего следователя, раз уж он не в состоянии себя контролировать.

Со вздохом осмотрев улицу, я заметила пустой казенный самоход и решительно приобняла Белянского за талию.

— Шеф, идемте, — с улыбкой прошептала я, для публики старательно пригибаясь под весом худощавого, но все же по идее тяжелого мужчины. — Вам нужно домой.

— Вы правы, Бонс, — не стал спорить старший следователь и чуть покачнулся.

Пришлось поднырнуть рейяну под руку и подпереть его с одной стороны своим плечом, делая все, чтобы шеф не обратил внимания на то, что я практически на себе тащу его к транспортному средству.

— Раздражаете вы меня, Бонс, — внезапно заявил начальник. Тихо. Устало. Почти на ухо.

Я от неожиданности вздрогнула и едва не отпрыгнула в сторону, но мгновенно подавила порыв и, застыв, переждала поток мурашек, пробежавших от уха по шее и вниз по спине.

— Чем же это я вас раздражаю? — почему-то охрипшим голосом спросила я, продолжая движение к самоходу.

— Не терплю девиц, — произнес старший следователь. — Белые лани в рюшечках.

Я не удержалась и фыркнула.

— А красивых — вдвойне, — не заметив, добавил Белянский.

— Ну, спасибо за комплимент, — пропыхтела я, придерживая начальника на краю тротуара и пытаясь открыть дверцу.

— Я помогу, я помогу, — быстро проговорил кто-то из жандармов, появляясь рядом. — Что же вы? Слабая девушка... Вы скажите, мы сами старшего следователя доставим.

— Ничего-ничего, — с самой милой благодарной улыбкой пропела я и сообщила доверительно:

— Это ведь моя работа. Что же поделать, если... — Я покосилась на почти висящего на мне начальника. — Я как-нибудь справлюсь. Как-нибудь. Не переживайте.

Молодой человек с сомнением окинул меня долгим взором, как бы невзначай задержавшись на подвернувшемся и перекошенном жакетике. Я вновь мило улыбнулась и кашлянула, давая понять, что внимание к моей персоне радует, само собой, но помощничек загораживает открытую дверь. Парень посторонился, засуетился, не зная, за что хвататься, а я, стараясь не быть пойманной, деликатно втолкнула шефа в нагретый за день салон, надеясь, что он не ударится головой.

— Я... — пробормотал жандарм, пока я любовалась, как шеф падает на сиденье.

— Благодарю! — пропела я жандарму, самолично заталкивая шефские ноги в салон.

— Я... — выдавил молодой человек, глядя то на суетящихся спецов в отдалении, то на меня, то на крышу самохода. — Вы... Рейночка, а могу я...

— Сегодня был очень нелегкий день, — перебила я, изобразив усталую, но понимающую улыбку. — Если вы не против, то приходите завтра в приемную.

Жандарм с восторгом на меня уставился и, посветлев лицом, радостно закивал.

— К этому времени старший следователь будет в состоянии вас принять, — дав ему секунду порадоваться, внутренне усмехаясь, все с той же улыбкой добавила я. — Вероятно, вам даже не придется записываться на прием! Он сразу вас выслушает.

Парень часто-часто захлопал ресницами, открыл и закрыл рот, издав несколько булькающих звуков, а я, чуть приподняв брови, изобразила полную готовность слушать:

— Да?

— Вы не поняли... — с запинкой вымучил он. — Я хотел спросить о другом. Вас спросить.

— О! — Я надеялась, что мне удалось изобразить удивление. — Я и не думала... вы...

— Я хотел бы пригласить вас куда-нибудь! — выпалил наконец жандарм.

— Меня? — продолжая смотреть на молодого человека круглыми глазами, спросила я, прижав ладонь к груди. — Как неожиданно!

— Вы...

— Ох, простите, — зачастила я, тронув волосы, одернув жакет и нервно улыбнувшись. — Это так внезапно. Совершенно внезапно. Вы же понимаете, да? И место не слишком подходящее, не находите?

— Да, — растерянно согласился жандарм.

— Вы поймите, сейчас я не могу даже думать о чем-то подобном, — с толикой печали в голосе выдавила я, тяжело вздохнув. — Давайте... Давайте завтра? Вы придете и скажете об этом завтра. Сегодня не тот день и время не то.

Молодой человек нервно смял в руках фуражку.

— Хорошо, — бесцветно ответил он.

— Спасибо, — вернувшись к счастливой, но чуть усталой улыбке, пробормотала я, заглядывая собеседнику в глаза.

Жандарм на миг склонил голову, а потом без слов ушел. Я на секунду позволила себе избавиться от улыбки и, глядя ему вслед, с уверенностью предрекла:

— Не придет он завтра. Отлично.

Шеф задремал в салоне, успев устроиться поудобнее — вытянув ноги и откинув голову на спинку так, что острым клином торчал кадык. Назвав адрес, я уселась и приготовилась терпеть короткую, но утомительную поездку с подскоками на скользкой коже неровного сиденья.

— Хуже всего в вас то, что придаться не к чему, — подняв голову, внезапно сообщил Белянский.

Я подскочила на сиденье и съехала по бугристой поверхности вплотную к рейяну.

— А надо ли придаться? — спросила тихо, ища точку опоры, чтобы отодвинуться от Белянского.

Несмотря на алкогольный дух, от шефа изумительно пахло хорошим мужским одеколоном. Аромат вызывал едва контролируемое, почти инстинктивное желание повернуть голову, придвинуться поближе и вдохнуть полной грудью. До головокружения. До мурашек.

— Не люблю, — произнес начальник, — не люблю признавать ошибки.

О, да меня тут хвалят! Как мило!

Я не удержалась, отвернулась к окну и улыбнулась, глядя на сгущавшиеся за стеклом сумерки. Даже перестала обращать внимание на неудобное сиденье и на то, что сижу непозволительно близко к собственному начальнику. И даже не возмутилась, когда он ко мне привалился боком. Я сильная. Выдержу. Что мне какие-то неудобства! Жаль только, что не вспомнит завтра.

— Вы вообще слишком придирчивы, — заметила я доверительно, — ко всем.

— Для этого есть причины, — медленно вымолвил Белянский.

— Вы вообще в курсе, что вас бояться в управлении? — спросила я, краем глаза заметив, что водитель-гном с интересом за нами наблюдает. Гномы неболтливы, но не удивлюсь, если завтра все сотрудники до последнего будут знать содержание этого разговора.

— Вот бы они работали так... так, как перетирают сплетни о коллегах, — сказал шеф, пытаясь еще больше вытянуть ноги в не самом просторном салоне. — Половину давно надо выгнать... выгнать... взашей.

Я хмыкнула и локотком отодвинула от себя начальника, начавшего еще больше заваливаться в мою сторону.

— А вы бы лучше начали больше отдыхать, — посоветовала я. — А то все работа и работа.

— А кто будет работать?

— Если вы и дальше будете пахать один за всех, то рискуете доработаться до нервного срыва, — строго сказала я. — Почему вы ни на что не отвлекаетесь?

— Времени нет, — буркнул шеф практически мне в шею.

— Вот сестра у вас, — напомнила я. — Провели бы с ней время. Или пессию бы себе... организовали.

— Какое вам дело, как много времени я отдаю работе? — встрепенувшись и недовольно на меня уставившись, спросил шеф.

— Потому что я не просто секретарь, — напомнила я. — В перечень моих обязанностей входит отслеживание вашего душевного и физического состояния, а с такой работой... Вы знаете статистику? Знаете, какой процент трудоголиков сходит с ума или переходит на противоположную сторону, разочаровавшись в профессии?

— Избавьте меня от нотаций, Бонс, — поморщился рейян. — Вас только не хватало. Хотя я еще не слышал, чтобы некто женского пола так настойчиво советовал мне изменить статус личной жизни.

— Между прочим, научный факт! — сообщила я. — Отношения благотворно влияют на психическое и физическое здоровье.

Шеф фыркнул.

— Да-да, — не унималась я. — Весьма благотворно. Вы выглядите излишне напряженным.

— Напряженным? — переспросил Белянский.

— Да, — ответила я. — И срываетеесь на окружающих. Это попытка перенаправить избыток энергии, но в итоге все сводится к переносу неудовлетворенности...

— Бонс, заткнись, — перебил шеф.

Я послушно замолчала, сообразив, что меня на самом деле понесло не в ту степь. Храксов одеколон!

— Ты в чем-то хуже Леськи, — пробормотал рейян и, шумно сопя, вновь откинулся назад. Интересно, он наутро вспомнит, что вдруг перешел на «ты», или забудет?

— Но разве я не права? — тихо спросила через минуту. — Вот сегодня...

— Это было для дела, — выдохнул Белянский. — Исключительно для получения сведений.

— От кого? — тут же любопытствовала я.

Рейян открыл глаз, вяло перекатил голову и уставился на меня тяжелым взглядом. На миг я решила, что не ответит, но потом начальник со вздохом сказал:

— Прежде в управлении одним из старших следователей... не моим предшественником, его коллегой... работал один весьма заслуженный рейян. Бывший следователь, ныне держатель лавки «Шварковский и сыновья». Между прочим, Бонс, лучшие вина в столице. Семьянин, радушный хозяин. И большой любитель вспомнить былые времена. Превосходная память! — Шеф сумрачным взглядом вгляделся куда-то в область моих коленей, прикрытых узкой юбкой. — Отличный источник сведений, но их не вытащить, не согласившись на дегустацию продукции лавки.

— И что вы узнали? — с искренним любопытством спросила я.

Шеф не ответил, и я повторила вопрос:

— Что вы узнали?

Белянский шумно вздохнул и корпусом съехал по сиденью в мою сторону, так что начальственная голова оказалась прямоком на моих коленях.

«Да, завтра это будут обсуждать все!» — мысленно застонала я, заметив взгляд водителя.

То ли гном-водитель долго петлял по столичным улицам, то ли именно сегодня солнце решило спрятаться раньше, но к дому, в котором жили Белянские, самоход подкатил при тусклом свете уличных фонарей.

— Да, да, не беспокойтесь, я справлюсь сама, — ворчала я себе под нос, вытаскивая начальника из казенного средства передвижения.

Гномы — народ такой. Работать на людей, обслуживая гномами же изобретенную технику, они любят, своим охотно помогают, но бесплатно для людей даже палец о палец не ударят. И сочувствия к хрупкой юной девушке у них не больше, чем к дюжему мужику, разгружающему ранним утром мешки с мукой возле пекарни.

Показательно отдуваясь, я выволокла старшего следователя на тротуар и призадумалась. С одной стороны, я не против и до Лилового переулка доехать за счет управления, но с другой, я не могу не выдать себя, пока буду тащить шефа домой.

Переведа дух, я крикнула водителю, прежде чем захлопнуть дверь:

— До свидания. Ваши услуги больше не нужны!

Гном не стал меня уговаривать и что-либо предлагать. Через пару секунд гроыхающая черная банка из-под шпрот на колесиках отчалила в сторону Центрального управления, оставив меня наедине с бессознательно висящим на мне начальством. Гномы такие гномы.

— А завтра...

Не хотелось даже думать о том, как много пищи для сплетен я дала коллегам. Но одной сплетней больше, одной меньше — не важно!

— Пора домой, шеф, — позвала я, проверяя состояние старшего следователя.

Со стороны казалось, что он стоит, чуть облокотившись на меня, а я пыхчу и сгибаюсь под его весом, но на деле Белянский самым невоспитанным образом дрых.

— Чтоб вас... — прошипела я себе под нос и огляделась.

На мое счастье, улица была пустынна, а респектабельные кварталы этой части города давали надежду, что никто не отдернул гардину, чтобы высматривать прохожих. Хотя чаще всего в таких тихих местах и живут нервные старушки, готовые в случайном слове, жесте и неурочной прогулке усмотреть злодеяние.

Еще раз осмотревшись, я чуть встряхнула начальника, отчего его голова дернулась из стороны в сторону, и спросила:

— Так вы без сознания или прикидываетесь?

Рейян не ответил, лишь шумно вздохнул.

— И надо было вам... — проворчала я, роаясь в карманах следователя. — Или это капсулы дали такой побочный эффект?

Начальник неопределенно всхрапнул.

— Только вот этого мне не надо! — строго велела я и погрозила Белянскому пальцем. — Мало того что вы за один день разбили светлый образ безупречного шефа, напившись пусть и по работе, но среди бела дня! Так еще и храпеть? Нет. Нет. И нет. Не смейте!

Старший следователь не отозвался, тихо сопя мне в шею.

— Что ж... — Я еще раз осмотрелась, зажала связку ключей в руке и, пожелав себе удачи, рывком взвалила шефа на плечо. — Обещала себе воздерживаться и не давать повода для сплетен, но как мне вас затащить в дом и при этом не выдать себя?

Прихлопнув начальство пониже спины, я поспешила к парадному, молясь о том, чтобы никто меня не заметил. У двери пришлось повозиться, придерживая следователя одной рукой, а другой пытаюсь и ключом в скважину попасть, и не шуметь слишком сильно.

— Вот будет весело, если я на вашу сестрицу наткнуусь, — прошептала я, проворачивая ключ. — Так, тихо. Медленно...

В холле царил тьма, но на втором этаже танцевали световые блики, то и дело падая на большую люстру под потолком. Кристаллы в люстре вздыхали, наполнялись жизнью и осыпали все кругом радужными молниями света.

— Вр-р-р... — глухо то ли спросил, то ли предостерег огромный косматый пес, выхваченный одним из цветных лучей.

— Вечер добрый, — шепотом поздоровалась я. — Ты же Туман?

Пес прошел к лестнице и сел у ее подножия, задумчиво склонив голову набок и сосредоточенно принюхиваясь. Похоже, хозяина зверь признал, но никак не мог сообразить, что с ним не так.

— Ага, это ваше-ваше, — заверила я пса. — Чье ж еще? Куда бы мне твоего хозяина положить, а?

Заботливый секретарь обдумал бы вариант подъема начальственного тела на второй этаж, прямоком в кровать. И мне, в общем-то, несложно это осуществить. Но нет гарантий, что Алесь не выйдет проверить, что происходит, свет-то у нее горит, и значит, девушка не спит. Не хотелось бы демонстрировать кому-либо свои возможности так явно.

— Гостиная, определенно гостиная, — решительно прошептала я и осмотрелась, пытаюсь сориентироваться в полутьме. — Туман, помоги.

То ли пес оказался очень умным, то ли мне повезло, но он массивно затопал куда-то вбок, а я просто отправилась следом, ощупывая пространство свободной рукой.

— Только бы не ударить вас головой, только бы не ударить, — шептала я, огибая предметы мебели и дверные косяки. — Она у вас завтра определенно будет болеть, но я не желаю думать, что из-за меня она заболит сильнее.

Гардины в большой просторной комнате оказались раздвинуты, так что я с тихой радостью облегченно выдохнула, видя, что Туман привел меня в нужное помещение. Крадучись ступая по паркету и коврам, я добралась до широкого длинного дивана и сгрузила на него Белянского.

— Ну вот, — прошипела я, довершая заботу о начальстве стягиванием ботинок. — Так-то лучше. Я выполнила свой долг. Мой дозор окончен.

ГЛАВА 19

Лето определенно вступало в свои права, но вечера еще тяготили прохладой. Да не той, что бывает в сентябре, когда прогретая за день земля и камень так и исходят теплом, а ветерок приятен, придает силы и остужает голову. А той, что нехотя убегает прочь после затянувшейся зимы и сырой весны. Ранняя летняя прохлада вечеров полна сыростью, ледяным ветром и запахами земли даже в центре большого города, где почти всюду брусчатка. Эта прохлада полна терпкости прелых прошлогодних листьев — хотя откуда им взяться, если дворники работают на совесть? — и свежестью. В лужах, что не уходят, отражается небо. И фонари. Далеко слышны звуки. И свет уличных ламп другой. Чуть холодноватый, в зеленый. И прохожие идут иначе, поспешно, вжимая головы в плечи, пряча леденеющие щеки за поднятыми воротниками. И самоходы едут быстрее, хотя куда уж спешить их владельцам, если внутри, в салоне, жарко трещит печка, а синеватый свет фар разбивает ночь...

Мне тоже хотелось туда, в теплый салон, на мягкое простеганное сиденье. И ехать быстро, чтобы поскорее оказаться в ставших привычными узких переулках. Но пришлось долго идти пешком, нахолодившейся галкой перепрыгивая лужи и пугая кошек. Холодно, но дворами напрямую все равно выходило проще и быстрее, чем плестись на большой проспект и искать там наемный самоход.

Гаруч только казался городом деловым и стремительным, раскинувшимся на холмах и разделенным на неровные части неширокой рекой, зажатой в каменные берега. На самом же деле это был город старый, выросший не сразу, частями. Родившийся не столицей, а ставший ею, после того как в одном котле смешалось несколько прежде существовавших держав.

Город торговый, зажиточный, Гаруч переоделся в новые одежды сравнительно недавно. Что для него каких-то тридцать-сорок лет? Для человека — половина жизни, а для города — ничто.

И, сменив лицо, город пока тяжело принимал новое положение вещей, со стоном, с болью отдавая то там, то здесь место под новую застройку, вырезая со своего тела площади и выдергивая старые кварталы, где правила были иные или их не было вовсе. Сопровивлялся пока город, не давал превратить себя в истинную столицу большого королевства, с широкими стремительными линиями проспектов, аллей и выстроившихся вдоль них домов. Еще было в Гаруче нечто старое, почти уездное, когда каждая улочка на свой лад и зажиточные кварталы не

в центре, а абы как разбросаны и определяются не местом, а людьми, в домах этих живущими. И парки пока не упорядочены, и муниципальные здания стоят там, где место осталось, а то и вовсе занимают бывшие особняки кого-то из знати. И не видно из любого места башенку столичного университета, как было когда-то и в другой столице. И где-то, почти на окраине, еще есть не просто дома, а настоящие усадьбы, с подворьями, спрятанные за высокими каменными заборами.

По такому городу хорошо бродить на рассвете, когда лишь дворники, молочники да булочники встречаются на улицах, и смотреть на непохожий на другие, странный, но чем-то милый город. В такие часы золотисто-розовый и алый небесный свет примиряет между собой дома, делая вычурные, помпезные громадины братьями аккуратным строениям из беловато-желтого и красного кирпича. В такие часы на любой улочке пахнет парным молоком, доставленным еще в сумерках из пригорода, и хлебом, поспевшим в дровяных или магических печах. И запахи эти, и свет, и то просветление, что настигает после бессонной ночи как раз на рассвете, слепают все в один ком, который ни разорвать, ни разбить суровой действительностью дня, пропитанной горьким смрадом выхлопных газов, газетных чернил и ваксы.

Может, я бы и погуляла подольше, но в животе так настойчиво и так обреченно заурчало, что пришлось спешно отвести прочь поэтическое настроение, забыть о закатах и рассветах и вспомнить о любви к себе. Я ведь не за столом сидела весь день, а бегала. Да и подняли меня раньше времени.

— Только мясо, только мясо восстановит мое душевное равновесие, — прошипела я себе под нос, ускорив шаг. — Диетические блюда пусть трескают тонкие во всех смыслах натуры, овощи — кролики, а я хочу... баранины!

Я так живо представила себе каре ягненка, которое я быстренько запеку дома, что едва не захлебнулась слюной и не заметила, как дорогу мне перегородили трое мужчин. Впереди, за их спинами, гостеприимно светились огни лавки, давая знать, что мой план неосуществим. Я не добежала совсем чуть-чуть. Беззвучно застонав, я взглянула на мужчин, пытаюсь оценить обстановку.

— Позвольте пройти? — спросила я, включив остатки вежливости.

— Рейна Бонс, вы поедете с нами, — сообщил мне тот из троицы, что стоял в центре, а его напарники медленно и неотвратимо нацелили на меня дула пистолетов.

На миг я испугалась. Не картинно, а на самом деле. Даже почудился выстрел и толчок, за которым не сразу, но накатывает ужас, — и только потом боль. В меня никогда не стреляли, но воображение охотно достроило последствия, заставляя интуитивно сжаться и замереть.

Это не магия, которой мне нечего бояться, и не рукопашный бой, в котором у меня пусть и сомнительное, но преимущество, а пуля — то, с чем я не справлюсь.

Да и поведение мужчин не вызывало сомнений, что на этот раз я имею дело не с мелкими шавками-крышевальщиками, а с псами покрупнее и посильнее. Бульдогом, верным хозяину.

— Куда? — только и спросила я, прижимая сумочку и прокручивая в голове все возможные варианты развития ситуации.

На курсах нас учили не думать о плохом, чтобы умом не завладела паника, но отец в наши недолгие воссоединения учил, что светлые мысли и молитвы не спасают, нужно продумать несколько вариантов и при возможности осуществить наиболее возможный и безопасный для себя.

— Я научу тебя нескольким приемам, — как-то заявил мой родитель, немало меня этим обрадовав. — Возможно, они тебе пригодятся. Но запомни одно правило.

— Да, папочка, — послушно отозвалась я, готовая внимать и запоминать.

— Если можешь — беги, если не можешь — бей, а если не может убежать или ударить, то выжидай.

— С вами желают повидаться, — сухо ответил левый мужик, делая шаг вперед.

Вот так. Тихо. Спокойно. Без угроз и показательного размахивания оружием и кулаками. С этими ребятами шутить не стоит.

— Что ж, — пробормотала я, последний раз, на прощанье, глянув на лавку, сквозь витрины которой на улицу лился уютный желтый свет. — Хорошо.

Мужчины окружили меня, как три акулы, и стали теснить в обратную сторону, уводя все дальше и дальше от Лилового переулка. На улице пошире, шелестя мотором, нас ждал черный, масляно блестящий самоход с прикрытым черной тканью номером. Здесь мужчины подступили

ближе, и я разглядела оружие. Теорию нам преподавали, и теперь я могла с гордостью заявить, что опознала и марку, и модель, и даже год выпуска вспомнила.

— Садитесь, — велел один, ткнув меня оружием в бок, и я с горечью похвалила себя за то, что если меня сегодня убьют, то буду знать, пулю какого именно калибра в меня всадят. Мелочь, а приятно.

О чем ты только думаешь, Элла?!

В салоне на заднем сиденье меня зажали с двух сторон. Я сосредоточилась и расправила плечи, не давая себя сдавить. В тесноте у мужчин пропала возможность держать меня на прицеле, так что, в теории, небольшое пространство давало шанс на преимущество в случае неожиданного нападения. Но водитель и третий бульдог сводили это преимущество на нет. Судя по лицам этих людей, в случае чего целиться и выжидать они не будут, для надежности положат и своих и чужих.

«Что ж, сидим тихо и изображаем дрожащую глупышку, — приказала я себе. — Их это не обманет, но хотя бы снимет острое как нож напряжение. А визит... Я сама в это влезла, чего уж теперь... Встреча? Пусть будет встреча. Хотя узнаю, кто здесь самый главный теневой король». Самоход тронулся, а бульдог с переднего сиденья развернулся ко мне и велел:

— Не делайте глупостей, рейна.

Тоже мне, удивил! В такой ситуации глупости — дело последнее. В прямом смысле.

Ехали недолго, но похитители даже не стали завязывать мне глаза. В столице я ориентировалась достаточно хорошо, чтобы по приметным фасадам домов узнать улицу, на которой остановилось наше транспортное средство. Улица, конечно, длинная, но вряд ли на ней больше пары почтовых ящиков, так что утром я место легко опознаю.

Злорадствовать я не стала. Мало ли... Тут бы до этого утра дожить!

Из самохода вышла без дополнительных подталкиваний и угроз, не стала делать попыток осмотреться или закричать, так что бульдоги, хоть и окружили меня, но вели себя сдержанно и руки не распускали.

— Сюда, — кивнул мне один из них.

Я послушно последовала за мужчинами, больше посматривая себе под ноги, чем на лица или окружение. Под аркой между домами меня остановили и наконец завязали глаза полосой сложенного несколько раз темного шелка. Я судорожно ждалась, понимая, что в случае чего эта же повязка может стать моей удавкой.

— Идемте.

Дальше мы двигались медленнее, но бульдоги с вежливостью трех лакеев предупреждали о выбоинах, ступеньках и подхватывали под локоть, если требовалось свернуть.

Через полчаса таких блужданий у меня создалось впечатление, что мужчины не провели меня куда-то дворами и тайными лазами, а долго кружили по одному кварталу, пытаясь запутать, а после ввели в один из тех домов, арку между которыми мы и преодолели по дороге.

По лестнице мы поднялись на третий этаж и оказались в холле, где на меня нахлынуло уютное домашнее тепло. Но в нем не было того, что так часто ощущаешь, входя в чужой дом. В воздухе витал смолистый дух сожженных в камине дров, ржавчины, терпкий аромат свежей лозы, но не было ни запахов еды, ни духов. Здесь не пахло въевшимся в обои супом, не тянуло прилипчивым ароматом кофе. Здесь не пахло людьми.

— Можете снять повязку, — сообщили мне.

Я медленно стянула с лица шелк и чуть прищурилась, быстрым взглядом окинув небольшой холл квартиры. Мебель здесь отсутствовала, как и обои, содранные неровно, кусками. Лишь над головой сиротливо красовалась люстра в три рожка из засиженного мухами голубого стекла.

— Сюда, — указывая вперед, сказал один из бульдогов, и я обреченно прошла к высоким двустворчатым дверям, откуда и разливался жар пылавшего камина.

Бульдоги пристроились позади меня и, хоть ничего не изменилось, по усилившемуся напряжению я поняла: иду в святая святых.

В первый миг я увидела лишь стол, два массивных кожаных кресла с высоченными спинками и камин с пылающим в нем огнем. Затем мое внимание привлек мужчина, сидевший в кресле. Он почти не двигался, его темный костюм-тройка практически сливался с обивкой, а лицо казалось маской, вырезанной из дерева.

— Рейна Бонс, — тихо оповестил один из бульдогов.

Мужчина в кресле не шелохнулся, но бульдоги, как по команде, шагнули ко мне, тесня ко второму креслу. Я не стала испытывать судьбу и, пройдя вперед, опустилась на скрипнувшую подо мной темно-бордовую кожу.

Вблизи стало ясно, что король теневого Гаруча стар. На вид ему было не меньше девяноста лет, но дряхлым он не выглядел. Лицо, будто вырезанное из целого куска дерева, наводило на мысль, что этот человек и телом крепок, как сухая твердая древесина.

Бульдоги отступили, повинуясь какой-то невидимой команде, а мужчина медленно поднял на меня взгляд, в котором правили тьма и лед. Любой на моем месте начал бы ерзать, осматриваться и задавать вопросы. Но я сегодня была не в настроении играть в игры, поэтому устроилась в кресле поудобнее и стала ждать.

— Ой, ты тут! — раздалось над головой, и Марьян едва не застонал от боли в висках. — Я и не знала, что ты вернулся, Хмарь!

— Леська, тише, — простонал рейян, закрываясь от сестры и включенного ею яркого света согнутой в локте рукой. — Что ты вопишь?

— Бах-х-х! — сообщил о своем присутствии Туман, и Марьян застонал в голос.

— Ты когда вернулся? Я не слышала, — не унималась Леська.

Рейяну пришлось со стоном повернуться и сесть. Лучше собраться с силами и запереться от сестры в своей спальне, чем терпеть ее возгласы, рискуя сорваться и незаслуженно обругать.

— Да ты пьян! — с обидой обвинительно воскликнула Леська. — Хмарь!

Марьян стиснул зубы и открыл один глаз. Сестра стояла посреди гостиной, упревая руки в боки. Очки сползли на кончик носа. Волосы торчали во все стороны. На подбородке след синего мела.

— А тебе положено спать, — хрипло заявил следователь, надеясь, что он не ошибся с определением времени суток.

— Еще не так и поздно, — фыркнула сестра.

Марьян хмуро глянул на каминные часы, убеждаясь в правоте Леси, а после медленно потер лоб.

Стоп! Что он помнит последнее?

Воспоминания обрывались на том моменте, когда следователь вышел из дома, где было совершено убийство. Дальше клубился плотный туман, в котором то и дело мелькало лицо секретарши.

Стоило о ней подумать, как голова разболелась сильнее, начало клонить в сон, а во рту мгновенно стало противно от горькой, вязкой слюны.

— Хмарь! — позвала сестра и дернула брата за руку.

— Леська, цыц, — глухо велел рейян. — Не нуди. У тебя все хорошо?

— Ну да, — промямлила сестра, поправила очки и залилась краской по самые брови.

— Тогда все может подождать до утра, — решил Марьян и встал, покачиваясь из стороны в сторону, — особенно твои попытки меня отчитать.

Сестра издала обиженное восклицание, но доставать перестала. Шатаясь и пытаясь на ходу вытряхнуть себя из пиджака, Марьян направился к лестнице на второй этаж. Едва не споткнулся об Тумана, взиравшего на хозяина с укоризной, и сдавленно выругался, когда не вошел в дверной проем.

В холле стало ясно, что борьба с пиджаком может обернуться позорным падением, так что по лестнице Марьян поднимался в нем, а уже в спальне с наслаждением содрал всю одежду и упал поперек кровати.

— Зря он так, — вздохнула Леська и глянула на Тумана. — Да?

Чудище, мало похожее на собаку, глухо и раскатисто гавкнуло в знак согласия и удалилось под лестницу на свою лежанку.

Уж не знаю, на что рассчитывал пожилой рейян, но нервничать и пугаться раньше времени я не собиралась, а потому расслабленно наблюдала за тем, как ему подали бокал белого вина с юго-востока, где этот благородный напиток выдерживают квеври, в огромных сосудах, не отделяя гребни, кожицу и косточки, отчего вино приобретает насыщенные желтые, оранжевые и янтарные оттенки. В свете камина разглядывать вино в бокале было особенно приятно и весьма увлекательно. Где-то за моей спиной переминались бульдоги, нарушая тишину в комнате. Я бы,

наверное, даже задремала, пригревшись в тепле, если бы старик не прекратил свои попытки вывести меня из равновесия и не заговорил:

— Этим утром мои парни сообщили мне одну неприятную новость.

Я чуть выпрямилась, готовая вести беседу.

— Они сказали, что кое-кто вмешивается в мои дела, — медленно, никуда не торопясь, произнес мужчина, не глядя на меня, и подвинул к себе стопку писем и перочинный нож с вычурной золотой рукояткой. — Оставим то, что на меня работают идиоты. Это оскорбляет меня, но теперь я это знаю.

Наверное, мне полагалось убояться и упасть на колени, моля о прощении, но разве я развлеку этого важного человека второсортной драмой, которую он много раз видел?

— В любом деле нужны люди с головой, которые не будут заниматься самостоятельностью, — поцокал языком старик, неторопливо вскрывая одно из писем.

Как будто я не знаю! Вот открыл мне истину!

Несмотря на возникшее раздражение, я заставила себя не подавать виду и продолжала невозмутимо наблюдать за действиями рейяна, а он вытащил из конверта послание и наклонил его так, чтобы прочесть его при свете камина. Повисла пауза.

«Есть хочу, — простонала я про себя. — Если он сейчас же не перейдет к делу... Нет, стоп. Ждем. Не надо его радовать».

— А они занялись самостоятельностью, — через минуту сказал мужчина, — решив ввязаться в спор с тобой. Девчонкой.

Фу таким быть! Пожилой человек, а пользуется дешевыми приемами и фамильярничает.

— Этим они оскорбили меня, — пояснил старик, с шелестом вскрывая следующий конверт.

«В вашем возрасте пора уже научиться прощать молодежи их неудачные решения, — со злорадством мысленно сообщила я рейяну. — Возраст, сердечко. Зачем вам такие переживания?»

— Но это мои люди и я несу за них ответственность, — прочитав еще одно письмо, объяснил мне король теневой столицы. — Так что нам теперь делать, девочка из магического управления? Или думаешь, что твоя контора... — Он медленно повертел пальцем в воздухе. — Думаешь, тебя защитят?

Я прищурилась, наблюдая за рейяном.

— Тебя никто не защитит, — без улыбки сказал он мне и взялся за следующее письмо.

Я призадумалась, оценивая угрозу. Как ни посмотри, а избавляться от меня на время или навсегда этому человеку невыгодно. В конце концов, я не какая-то девушка из толпы, а работник даже не какого-то периферийного, а Центрального управления. Меня будут искать. И это всколыхнет волну даже в том случае, если кто-то из подчиненных нашего главного работает на короля преступного мира. Значит, старик желает меня запугать. Он мог бы отправить ко мне пару надежных людей, которые бы доходчиво объяснили мне правила игры без визита в логово, но, похоже, рейяна разозлило поведение подчиненных, занявшихся самостоятельностью и выставивших себя и хозяина дилетантами.

— Я не люблю насилия, — предупредил старик, зловеще орудуя маленьким ножичком. — Я занимаюсь делом и не хочу обижать маленьких девочек.

Какая прелесть!

— Но я найду способ сделать так, что ты пожалеешь о том, что ввязалась во все это.

Я позволила себе беглую улыбку и бросила взгляд на рейяна из-под ресниц.

— Но я могу оставить тебя в покое, если ты не будешь лезть в мои дела, — выдержав паузу, сказал мужчина. — Все будут только в выигрыше.

Да неужели? И все те владельцы магазинчиков и лавочки, которым приходится платить вам назначенную вами же дань? Эти люди явно плачут от умиления, отдавая заработанные деньги лишь затем, чтобы их не пугали и не били.

— Ты нарушаешь правила жизни в этом городе, — просветил теневой король. — Это несправедливо по отношению к тем, кого кормит мое дело.

Я вздохнула, подалась вперед и пристальнее взглянула на старика.

— А если я не согласна? — спросила тихо и спокойно.

— А если не согласна, то я найду способ объяснить тебе, как ты не права, но при этом не вызвать гнев магконтроля, — предупредил старик, вскрывая следующий конверт.

Ах ты!..

Мне захотелось высказать рейяну все, что думаю о таких, как он, но я заставила себя глубоко вдохнуть и очень медленно выдохнуть. Нельзя поддаваться на провокацию. Он меня разозлит, а потом, на волне, доведет или до бешенства, или до паники.

Мужчина вытащил из конверта плотный кусочек синего картона и внезапно рывкнул:

— Гады! Кто посмел?!

Я удивленно на него уставилась, а старик вдруг как-то разом подался вперед грудью, нависая над столом. Его лицо покраснело, губы беззвучно шевелились. Озадаченно наблюдая за происходящим, я подвинулась на край кресла и попыталась разглядеть синюю карточку. Как интересно!

Я оглянулась, обнаружив бульдогов висящими в воздухе в совершенно невероятных позах — их будто кто-то схватил за галстуки, приподнял над полом и потянул в направлении нас.

Я встала и обошла стол, убеждаясь в том, что король преступности не сам пригнулся к карточке, словно та тянула его к себе магнитом, а его пригнули какими-то чарами, рисунок которых пульсировал на плотной синей бумаге.

Магические науки мне никогда не преподавали, так что я могла лишь догадываться, что же случилось, но ясно одно: взяв карточку в руки, мужчина активировал магическую бомбочку и та каким-то образом парализовала всех вокруг. Кроме меня.

Я взяла конверт, в котором лежало опасное послание, но на нем не было надписи кровью и пожелания смерти. Жаль. Так хотелось узнать имя своего случайного благодетеля. Старик дернулся, явно пытаясь вырваться из-под контроля чар, но у него ничего не вышло. Бульдоги тоже шевелили пальцами и вращали глазами, как мухи в паутине.

Вряд ли кто-то просто решил поиздеваться над теньвым королем. Скорее всего, кто-то сознательно пошел на этот шаг, и значит, через какое-то время сюда придут те, кто тоже не согласен с правилами жизни в столице. Операция жандармов? Вряд ли. Происки конкурентов? Тоже нет. Свержение власти изнутри? Тепло. Тепло. Даже горячо!

Я усмехнулась, вернулась в кресло и подвинула к себе бокал. Старик полными злости глазами недоверчиво наблюдал за мной.

— Интересно, через сколько времени сюда явятся те, кто подбросил это письмо? — вслух спросила я, вдыхая аромат вина. Жаль, что я слишком голодна, чтобы пить.

Старик, похоже, тоже думал о времени, потому как задержался ожесточеннее.

— Вы пригласили меня сюда, — негромко, но твердо вымолвила я, глядя на его попытки. — Притащили сюда. Просили о справедливости. — Будет вам справедливость! Очень скоро! — Но вы сделали это без уважения. Вы не предлагали мне дружбу.

Рейян прожег меня взглядом.

О да!

— Друг помог бы вам в подобной ситуации, — с удовольствием прошептала я, наклоняясь вперед, — но вы лишь угрожали мне.

Старик засипел, явно пытаясь добавить еще пару слов в копилку моих к нему претензий.

— Вы, окажись кто-то в вашем положении, бросили бы человека на растерзание врагам, да? — усмехнулась я. — А то и сами организовали что-то подобное, избавляясь от неудобных.

Мужчина дернулся, его лицо стало цвета отварной свеклы.

— Но я — не вы, — сказала и поднялась я. — Я не бросаю людям угрозы в лицо. А если и угрожаю, то исполняю сразу же. А еще я добра к своим друзьям. Чего и вам желаю.

Я подошла к одному из бульдогов и наотмашь ударила его по щеке, обрывая действие чар.

Мужчина со стоном упал на пол, схватившись за выбитую челюсть.

— Я буду к вам добра и прошу вас эту выходку на первый раз, — сообщила я рейяну, на секунду к нему обернувшись, а после с удовольствием дернула за волосы второго бульдога. — Но это будет мое первое и последнее предупреждение. А вы... — Я дернула третьего бульдога за нос, и он, избавившись от оцепенения, упал на пол, прижимая руку к пострадавшей части тела. — Вы в качестве благодарности за свое спасение постараетесь больше никогда не переходить мне дорогу.

Наконец я приблизилась к старику. Он хрипел и дергался. Улыбнувшись ему, я приложила ладонь к синей карточке, и пульсация чар прервалась. Старик откинулся в кресло и захрипел, прожигая меня потрясенным взглядом.

— Помните о моей доброте и особом к вам расположении, — с усмешкой сказала я, поправила сумочку под мышкой и направилась к выходу, напоследок с удовольствием пнув того бульдога, который тыкал в меня пистолетом.

ГЛАВА 20

Новый день начался всего через четыре часа после того, как завершился предыдущий. Впервые за долгое время мне не хотелось не то что вскочить с постели, а даже просто упасть с нее на пол. Выключив будильник, я приоткрыла глаз, убеждаясь, что гномья штука ничего не перепутала, и, накрывшись одеялом, глухо застонала.

Одна часть меня призывала все бросить и остаться дома, а другая — выйти хотя бы в поисках еды. Тело отказывалось слушать хоть кого-нибудь и услужливо все решило за меня, продолжая лежать пластом.

Заболеть?

Идея хорошая, но меня же совесть придушит.

Зарывшись еще чуть-чуть поглубже и выдав еще одну протяжную ноту, я в очередной раз пожалела, что не получила магического дара. Пусть магам приходится больше заниматься, ведь ради магических дисциплин им традиционные общеобразовательные никто не отменял, но зато сейчас бы я повалялась подольше, зная, что портал — дело одной минуты.

— Может шеф сегодня тоже опоздает? — мечтательно спросила я, глядя в потолок. Потолок не ответил. Жестокий.

Пришлось вставать, брать ноги в руки, а руки в ноги и как-то готовиться к труду и обороне начальственных рубежей. Но все сегодня валилось из рук. Видимо, из-за ног, в этих руках зажатых. И волосы не удалось уложить в приличную прическу, так что я со стоном бросила это гиблое дело на четвертой попытке, и выбранный изначально костюм оказался подозрительно измятым, так что я впопыхах упаковала себя в нечто немыслимое и излишне романтическое для приемной Белянского.

— Буду сегодня фиалкой, — хмуро сказала себе под нос, одергивая пушистый легкий свитерок нежнейшего колеру, который продавец загадочно величал оттенком бедра испуганной прелестницы. На деле это было что-то нежно-розовое, как румянец, а из-за повышенной пушистости, высокого воротника и укороченных рукавчиков в сочетании с распущенными волосами я напоминала трепетную институтку, не готовую к тяготам реальной жизни.

— Переодеваться поздно, — прошипела я, одергивая узкую темно-красную юбку. — А так бы...

Ужасно хотелось обойтись без каблучков, но, напомнив себе, что одна поблажка — и я выпадую из образа, влезла в туфли с изящной перепонкой и круглым носком, сунула под мышку сумку со вчерашним блокнотом и со взглядом голодного и очень злого стервятника отправилась на работу.

По дороге я обзавелась сразу тремя огромными пакетами со всевозможными пирогами, которыми торговали в округе, щедро разрешив себе оплатить все это роскошество деньгами начальника. Если он сегодня придет, я его угощу, так и быть, а если нет, то совесть моя мне это как-нибудь простит. В конце концов, я заслужила свой завтрак вчерашним ударным трудом и потраченными нервами.

В холле здания управления на меня как-то странно покосился вахтер, но я предпочла это не заметить. Не до слухов мне и не до переживаний. Тут бы как-то справиться и не начать трескать пирог прямо на лестнице родного учреждения, урча, как тигр.

На рабочее место я заявила с опозданием на десять минут, но Белянского все еще не было.

Понадеявшись, что шеф вообще не появится, я нырнула в свои подсобные владения.

— Бонс! — донеслось через пару секунд из приемной. — Кофе!

— Чтoб тебя... — выдавила я. — Принесло! Не мог дать мне возможность поесть нормально?

Вдохнув и выдохнув, я приступила к приготовлению кофе, резонно предположив, что одной чашкой шеф не обойдется.

Входя в кабинет с полным подносом, я приготовилась поздороваться, но шеф выглядел так, словно с утра на него упал рояль. Раза два. Для надежности. Несмотря на свежую одежду,

Белянский смотрелся бледной и помятой версией себя. На миг мне стало его чуточку жаль, так что я неслышно поставила поднос на свободную от бумаг часть стола и тихо сказала:

— Доброе утро, старший следователь.

Белянский поморщился, взглянул на меня и хмуро уставился на поднос.

— Вам стоит поесть, — заметила я все так же тихо.

Поесть и не дергать меня хотя бы полчаса, чтобы я тоже могла перекусить.

— Бонс, — вымолвил начальник и на миг замолчал. — А вы вчера...

Я непонимающе воззрилась на следователя, не собираясь как-либо ему помогать. Если хочет о чем-то спросить, то пусть спрашивает, я же не в том настроении, чтобы ему подсказывать.

— Вы о чем?

— Хм... — кашлянул старший следователь и не стал развивать тему.

Я без улыбки развернула поднос чашкой к начальству и услужливо плеснула в нее порцию огненного кофе.

— Вы туда ничего не добавили? — спросил Белянский, глядя на кофейник.

— Добавила, — с усмешкой ответила я.

Шеф подхватил изделие из тонкого фарфора, хлебнул, замер на миг, а после с тихим довольным вздохом растекся в рабочем кресле.

— Бонс, вы чудо, — прошептал он с закрытыми глазами.

— Знаю, — ответила я и развернулась, собираясь запереться в кухне и наконец насладиться пирогами. Шеф ничего не ответил, лишь едва слышно хмыкнул.

Сбежав из кабинета, я слопала кусок пирога над раковиной, заталкивая его в себя дрожащей рукой. Лишь после этого, избавившись от предобморочного состояния, я смогла организовать поднос для себя, чтобы чинно и неторопливо позавтракать за столом в приемной.

— Доброго утречка! — воскликнула Фекла, просачиваясь в приемную. — Не помешаю?

Я кивнула, не отвлекаясь на слова. Меньше разговоров — больше пирога у меня в желудке.

— О, кофеек? — с намеком улыбнулась хозяйственница и осмотрела мой поднос в поисках второй чашки.

Я приподнялась, собираясь добыть оную, но Слепакова замахала на меня руками и сама нырнула в дверь подсобных помещений.

— Чистенько у тебя туточки, — похвалила рейна, с удовольствием наливая себе кофе. — Обжилася?

— Можно и так сказать, — с тоской пробормотала я, глядя на кусочки пирога на большой тарелке и выбирая, какой хочу съесть следующим.

Фекла покивала и, взяв чашку обеими руками, торжественно отпила. И тут же удивленно закашлялась, глядя на кофе.

— Для успокоения нервов? — тонким голосом спросила она, приняхиваясь к содержимому чашки.

— Несомненно, — без тени раскаяния согласилась я, с удовольствием запивая пирог коктейлем из кофе и ликера. — У меня очень нервная работа.

Фекла неопределенно хмыкнула, посмотрела на чашку и отставила ее в сторону.

— Слушай, а что за слухи ходят? — осторожно задала вопрос хозяйственница, подавшись вперед и налегая на стол грудью.

— Какие слухи? — сделав вид, что ничего не понимаю, удивилась я.

— Что ты вчера Марьянчика домой повезла лично, — оглянувшись на дверь в кабинет и понизив голос, сказала Фекла. — И что по дороге он...

— Ой, слушай больше, — отмахнулась я. — Мало ли что скажет человек в таком состоянии.

— А...

— А доставить начальство домой меня обязывает инструкция, — перебила я рейну. — Пусть это не ранение, но в тот момент старший следователь был не в состоянии добраться домой самостоятельно. Только и всего.

— А...

Дверь Белянского открылась, являя начальника с кофейником в руках.

— Бонс... — начал было он, но, заметив Феклу, замолчал.

— Утречка, — придушенно вымолвила хозяйственница, заливаясь краской так, словно ее застали за каким-то неприличным занятием.

— Утро доброе, рейна Слепакова, — поморщившись, вымолвил рейан. — Бонс, еще кофе, будьте добры.

— Конечно, — покладисто ответила я, вставая из-за стола.

Отдав мне кофейник, шеф задумчиво глянул сначала на меня, а потом на Феклу, но так ничего и не сказал.

— А мне тетя Соня с самого утра твердит, что между тобой и твоим шефом, — выдохнула хозяйственница, вслед за мной зайдя в кухню. — Ну...

— Поклеп и провокация, — сухо отмахнулась я. — С чего вдруг такие выводы?

— Ну-у... хотя да, — прошептала рейна.

— А водитель — гном-болтун, — гневно прошипела я. — Лучше бы вчера он с таким энтузиазмом помогал Белянского до дома тащить, с каким он сегодня слухи распускает.

— Так, значит, ничего? — чуть расстроено спросила Слепакова, теребя кончик косы.

— Ничего-ничего, — отмахнулась я. — У нас исключительно профессиональные отношения.

— Жаль, — вздохнула хозяйственница.

— Это почему? — опешила я.

— Это было бы так романтиченько, — со вздохом улыбнулась Фекла и покрылась румянцем, аки та самая испуганная прелестница. — Они повстречали друг друга...

— В управлении магконтроля? — перебила я. — Да, очень романтично. — Настроение у меня было ни к храксу, так что скептицизм и сарказм никак не заталкивались за ширму вежливости и улыбки. — Она его за муки полюбила, а он ее — за кофе по утрам.

Где-то глубоко в душе шевельнулась опасная мысль, что шеф мне все же не так уж безразличен, но я тут же затолкала ее поглубже и велела себе о ней забыть. Это только в фантазиях Феклы парочка из меня и Белянского может выглядеть хорошо. На деле же... На деле мне будет сложно хоть с кем-то построить отношения, не выдав свой самый главный секрет. А выдав, не чувствовать себя неуютно, понимая, как выгляжу в глазах любимого человека.

— Родная, но ты ведь не сможешь вечно скрывать свои таланты! — твердила мама при каждой нашей встрече. — Ты должна научиться жить с этим. Как отец.

Вот только отец — мужчина. И его невероятная сила не выглядит каким-то уродством. Я же... Какой мужчина сможет полюбить меня и не разлюбить, узнав, что я унаследовала от отца нечеловеческую силу? Пока опыт показывал, что правда вызывала у окружающих страх, даже панику, а в глазах мужчин из милой девушки с удивительным цветом волос я превращалась в существо, от которого лучше держаться подальше.

— Фекла, это неромантично, — сокрушенно проговорила я, с печалью взглянув на девушку. — Совершенно. Я пришла сюда работать, а не мужа искать.

— А где его искать, если большую часть времени сидишь в этом ящике с дырочками для воздуха? — в тон мне спросила хозяйственница, обведя рукой пространство вокруг себя.

Ответа я не знала и не хотела загонять себя в состояние еще большей тоски и обиды на весь мир, поэтому неопределенно пожала плечами.

Проводив рейну и одарив начальство свежим кофе, я со вздохом вернулась за стол и с сомнением осмотрелась, пытаюсь определить, чем мне меньше всего хочется заняться.

— Здравствуйте, рейна Бонс, — с печалью произнес заглянувший в приемную жандарм. — Примите документы.

Я попыталась растянуть губы в улыбке, но тут заметила, что вижу того самого вчерашнего спеца, которого без всяких сомнений отшила.

— Здравствуйте, — тихо произнесла я, принимая бумаги.

Молодой человек на миг раздул ноздри, отведя от меня взгляд, а после все же глянул, одарив такой обидой, словно я за одну ночь, пока он думал, как утром позвать меня вновь на свидание, успела разбить все его мечты, выйти замуж и родить троих детей.

— До свидания! — выпалил спец, как только бумаги оказались у меня в руках, и вылетел из приемной.

— Мне теперь страшно интересно, какие же слухи обо мне ходят, — фыркнула я, когда стих звук хлопнувшей двери. — Надо было Феклу не перебивать, а выслушать. Узнала бы много интересного.

Переложив бумаги в правильном порядке, я пристроила сверху блокнот и заглянула к Белянскому.

— Документы по вчерашнему убийству Баржека, шеф, — сообщила я, укладывая стопку под нос старшему следователю.

— Да, хорошо, — кивнул начальник, на миг оторвавшись от чтения данных по предыдущим случаям. Выглядел рейян значительно лучше, пусть кожа на скулах и отливала ненормальной желтизной.

В приемной меня уже поджидал Дубинский, постукивая по столу свернутой в трубку газетой.

— Доброго дня вам, рейночка Бонс, — с чуть потухшей улыбкой поздоровался следователь.

— Здравствуйте, Кристэр, — вежливо улыбнулась я, возвращаясь на рабочее место. — Чем могу помочь? Что-то срочное? Вы к шефу?

— Да, к нему, — продолжая постукивать по столу, пробормотал Дубинский. — Он занят?

— Читает бумаги.

— Хм... Отлично, — хмыкнул следователь и направился напрямик в начальственный кабинет.

Я же проводила мужчину задумчивым взглядом, отметив, что он впервые со дня нашего знакомства предпочел мне шефа.

— Мне все интереснее, — с каплей злорадства пробормотала я. — Мой первый гном-сплетник! И такой успех!

— Марьян, ты мне не объяснишь кое-что? — плотно прикрыв за собой дверь, с возмущением в голосе сказал приятель.

Рейян со стоном открыл глаз, посмотрел на Криса и с тоской попросил:

— Не ори.

— Марьян... — все с той же громкостью начал следователь, но Белянский его перебил и, поморщившись, снова попросил:

— Тише. Я отвечу на любые вопросы, не ори только, голова раскалывается.

Старший следователь проснулся этим утром поперек собственной кровати, ощущая себя так, словно кто-то со всего маху огрел его железным ломом по голове. Марьян даже ощупал голову, убеждаясь, что болит не снаружи, а внутри.

— Вот и верь после этого нашим умникам, утверждающим, что лекарство работает эффективнее магии, — с кряхтением вымолвил он, кое-как собирая силы в кучу и направляясь под душ.

Вода на время привела Белянского в приемлемое состояние, но, если бы не дело, в котором пока не наблюдалось подвижек, он бы остался дома.

— Запереться в кабинете и никого не пускать, — шипел он себе под нос все время, что собирался на работу. — Нет, требовать с Бонс кофе и только после этого запереться в кабинете.

В голове шумело, хотелось тишины, темноты и нескольких часов сна. Еще и провалы в памяти нервировали. Марьян довольно отчетливо помнил осмотр места преступления, разговор с Хартом, с секретаршей, но дальше зияла неприятная и даже опасная пустота. Следователь никак не мог сообразить, как добрался до дома, помнилось лишь смутное недовольство Эллы Бонс и шум мотора самохода.

— И что вчера вообще было? — спросил себя Марьян, медленно и осторожно открывая портал в собственную приемную.

Попытки расспросить секретаршу Белянский бросил в тот же миг, когда заметил, что она ведет себя ровно так же, как обычно, разве что не сверкает улыбкой от уха до уха.

«Это может подождать», — решил рейян.

От ядерной смеси кофе и ликера стало как-то легче, следователь даже смог сосредоточиться на работе, хотя все еще тянуло наплевать на дело и вытянуться на диванчике. Появление Дубинского смешало все карты, вынудив оторваться от приятных мечтаний и сосредоточиться на разговоре.

— Марьян, — и не подумав снизить тон, произнес Кристэр.

Следователь зашипел и не глядя махнул рукой, запечатывая рот приятеля лентой из уплотненного воздуха. Обычно рейян такого себе не позволял, но сегодня был особый случай.

— Ты что творишь? — возмутился Дубинский, сдирая с себя магический кляп. — Ты же знаешь, что это нарушение правил?

— Тогда не кричи, — без капли раскаяния посоветовал ему Марьян. — Сядь и говори спокойно. От твоих криков никакого толку.

Дубинский запыхтел, как недовольный еж, плюхнулся в кресло напротив следователя и холодно заявил:

— Если у тебя были планы на Эллу Бонс, мог бы мне сразу об этом сказать.

Марьян на миг замер, ошарашенный словами приятеля, а после сдавленно закашлялся.

— Откуда такие выводы? — спросил он и плеснул в чашку порцию кофе.

— Да в управлении уже все знают! — заявил Дубинский. — Она тебя вчера до самого дома провожала, а ты ей по дороге о своих чувствах рассказывал.

Белянский подавился кофе, закашлялся, забрызгав документы, и недоверчиво уставился на Криса.

— Это еще что за новости? — тихо спросил он, судорожно пытаясь вспомнить то, что вспомнить не получалось.

— Водитель все слышал! — с раздражением произнес Дубинский.

Марьян вытащил платок и попытался стереть с бумаг пятна, параллельно обдумывая услышанное.

— Быть такого не может, — через минуту сказал он.

— Может, — не согласился Дубинский. — Вот как так, Марьян? Ты же терпеть не можешь своих секретарей!

Белянский поморщился и глотнул кофе. Отвечать на вопросы не хотелось. Да, к новой секретарше старший следователь притерпелся и даже нашел ее удачным пополнением трудового штата управления. Но признания? Да быть такого не может!

— Крис, такого не может быть, — произнес он, глядя в глаза приятелю. — Водитель все выдумал или сделал какие-то неверные выводы.

— Марьян...

— Это все вранье, — припечатал Белянский, глядя на Дубинского так, что тому мгновенно стало неудобно. — Меня не интересует Элла Бонс.

— Ты! — обиженно взревел Барсавский, врываясь в приемную. — Ты!

Я с недоумением оглядела стажера с ног до головы, пытаясь понять причину столь бурного проявления эмоций.

— Что с вами, рейян Барсавский? — строго спросила я, наблюдая, как юноша мечется по приемной, размахивая длинными тонкими руками.

Блондинчик всхлипнул, патетически указал на меня пальцем и умчался прочь, стукнув дверь так, что звякнули стекла.

— Дурдом какой-то, — пробормотала я и покачала головой. — Что сегодня происходит?

Следующим меня порадовал Харт, который явился в приемную с огненно-красной шевелюрой и в съехавших набок очках.

— Рейна Бонс, — едва не шипя, произнес он, — вот отчет.

— Благодарю, — осторожно отозвалась я, протягивая руку за документами, но судмедэксперт поджал губы и плюхнул папку прямо на печатную машинку, отчего стопка развалилась и листочки разлетелись во все стороны. — Ой. Что ж вы так?

— Рейна Бонс, вы в курсе, что из-за вас совершенно невозможно работать? — спросил метаморф с таким видом, словно я ему оттоптала ногу.

— Нет, не в курсе, — сдерживаясь, спокойно ответила я, собирая листочки.

— Не серьезное учреждение, а сборище сплетников, — процедил сквозь зубы Вирсен, и его волосы вмиг стали пурпурными. — Разгильдяйство. Вы нарушаете порядок.

Я? Я нарушаю порядок?

Я медленно глубоко вздохнула, пытаясь не закипеть от нахлынувшего гнева. Я просто сделала то, что считала верным. Потом вяпалась в неприятности и едва не пострадала. Не выпалась. А теперь должна терпеть замечания судмедэксперта?

— Не понимаю, о чем вы, — с не самой дружелюбной улыбкой сказала я и добавила, подчеркивая каждое слово: — Я не сделала ничего предосудительного. Если кто-то распускает сплетни, не я виновата, что это мешает работе управления.

Харт поджал губы, хмыкнул и покинул приемную.

— Еще один такой визитер, и я выйду из себя, — со вздохом прошептала я и прикрыла глаза, пытаясь успокоиться.

Хракс! Ну вот как так? Нелепость!

Уняв острое желание спуститься и по душам поговорить с болтливым водителем, я поправила стопку листов и направилась в кабинет. Сегодня все шло наперекосяк, и я забыла постучать, так что в итоге ворвалась к шефу посреди разговора, услышав последнюю фразу.

— Меня не интересует Элла Бонс, — глядя на Дубинского своим коронным крокодильим взглядом, припечатал старший следователь.

Это я удачно зашла!

Белянский уставился на меня, как на привидение, а Дубинский судорожно закашлялся. Повисла пауза, во время которой я судорожно соображала, что должна делать в подобной ситуации. Одно дело заставить за перешептываниями девочек в пансионе, а другое — подслушать слова собственного шефа.

— Ты! — простонал на всю приемную стажер, грохнув дверь.

Шеф отмер, глянул мимо меня и, рывком поднявшись, грозно произнес:

— Эрдиан Барсавский, у вас полно свободного времени? Так я найду, чем вас занять!

— Ой! — пискнул стажер и повторно хлопнул дверь, унося свои тощие конечности подальше от старшего следователя.

— Бонс!.. — переведя на меня взгляд, начал было Белянский, но я его перебила и с похвальным спокойствием произнесла:

— Шеф, отчет Харта! Еще кофе?

Рейян секунду таращился на меня, будто пытаюсь что-то увидеть, а потом молча кивнул и указал на свой стол. Деликатно процокав по полу каблучками, я услужливо сунула папку в стоику с другими папками по делу и с непроницаемым выражением лица вернулась к двери.

— Бонс? — окликнул меня начальник.

— Да, шеф? — тут же отозвалась я и развернулась.

Белянский прищурился, разглядывая мое лицо, а после тихо произнес:

— Ничего. Идите. И кофе не нужно.

— Неудобно получилось, — пробормотал Крис, тронув бумаги у Марьяна на столе.

Белянский цокнул языком и вернул стопки листов в исходное положение, а после еще раз обдумал реакцию секретарши. Ей полагалось поджать губы, удивиться, расплакаться или разозлиться, но Бонс лишь замерла на секунду, глядя на следователя с вежливой полуулыбкой. Сколько Марьян не выжидал, реакции не последовало.

Не услышала?

— Марьян...

— Крис, иди к себе, а? — сквозь зубы предложил Белянский. — А то я и тебе работу найду!

Дубинский недовольно крякнул, но встал. Марьян дошел с ним до двери, собираясь еще раз глянуть на Бонс.

— Но, Марьян... — пробормотал Кристэр.

— Ты с Хваранским проблему решил? — вкрадчиво осведомился старший следователь, открывая перед приятелем дверь и точно зная, как сработает безотказный прием.

Дубинский скривился, как от зубной боли, и хмуро прошипел:

— Зачем давить на больное?

— Работать, Крис. Работать, — почти подталкивая приятеля, напутствовал его Белянский.

Секретарша оторвалась от набора какого-то текста на печатной машинке, невозмутимо оглядела рейянов и вопросительно приподняла бровь.

— Иди, — ткнув приятеля пальцем меж ребер, сказал Марьян.

— Эллочка! — прошептала Изольда, бочком просачиваясь в приемную.

— Это вам проходной двор?! — не выдержал Белянский и поморщился от вернувшейся головной боли. — У всех дел нет? Так я найду!

Толкая Дубинского в спину, Марьян вместе с ним выскочил из приемной и решительно гаркнул на весь коридор:

— Здесь базарные ряды или управление магконтроля, мать вашу?!

Изольда пошатнулась, а потом и вовсе нервно подпрыгнула, когда из коридора донесся гневный начальственный рык.

— Какой кошмар! — воскликнула рейна, подхватывая едва не упавшие с носа очки. — Сегодня будет трудный день. Сочувствую.

— Из-за чего? — положив руки поверх клавиш печатной машинки, спросила я и поморщилась, когда где-то на этаже грохнула дверь.

— Марьян не в настроении, — со вздохом пояснила Изольда, подходя и опускаясь на стул у моего стола.

— Немного, — согласилась я, наблюдая, как на нас сыплется побелка с потолка.

— Ой, вы же здесь недавно, — с сочувствием прошептала Изольда и часто-часто заморгала. — Еще не видели нашего Марьяна в гневе. К нему в таком состоянии не подойти. Несколько ваших предшественников уволились как раз после одного из... — Стенографистка оглядела вязанные розочки на своем рукаве. — Одного из... выступлений.

Откуда-то снизу донесся грохот и шум голосов, резко оборвавшийся звоном и скрежетом.

— Началось, — глухо простонала женщина. — После его выступлений коллектив дружно трудится на благо королевства, не поднимая головы, не могу не признать, но я... я его в таком состоянии боюсь.

Я чуть улыбнулась и со вздохом прошептала:

— Его допекли визитеры.

— Его допекли слухи! — фыркнула Изольда. — Крис небось прибежал, да?

Я согласно кивнула, хотя мысленно решила, что не только в слухах дело. Мне сегодня тоже хотелось кого-нибудь покусать. Но мне же нельзя. А шефу...

Рейян Белянский, и за меня там гнев спустите!

— А главный что? — спросила я.

— А главный только рад. Ему не надо выходить из кабинета или зазывать к себе наших спецов. Марьян всем чохом мозги вправляет. А рейяна Алисанна, секретарь главного, потом щурится и рассказывает мне, что подрастает отличная смена для ее начальника!

Я мысленно отметила этот момент и даже на секунду представила себя в приемной главного. О!

Я буду там отлично смотреться! Шеф, активнее грызите наших болтунов! Активнее!

ГЛАВА 21

Белянский вернулся через полчаса, смерчем пронесся через приемную и у двери в кабинет велел:

— Бонс, зайдите!

Допечатав фразу до конца, я подхватила блокнот и карандаш и ринулась в клетку к крокодилу.

— Да, шеф? — приготовившись в случае чего записывать, спросила я, остановившись посреди помещения.

Начальник не ответил, уселся за стол и уставился на меня исподлюбья. Выглядел он уже не таким разъяренным, но все еще недовольным.

Хм... Интересно, о чем же он думает?

Не дождавшись приказаний, я вежливо улыбнулась и чуть склонила голову.

— Бонс...

— Так какие будут указания, шеф?

— Когда вы вошли, — произнес начальник, хмуро, но внимательно на меня глядя, — то слышали...

— Вы о чем, шеф? — с самым невозмутимым видом осведомилась я, мысленно злорадствуя.

Оброненную Белянским фразу я, само собой, услышала, но не собиралась принимать его слова близко к сердцу. Я бы удивилась и взволновалась больше, услышав нечто противоположное. Но рейяна, похоже, произошедшее волновало. Вот только почему?

— Бонс, вы же понимаете, что вчера я... — недовольно поморщившись, начал было Белянский, но запнулся. — У нас с вами исключительно деловые отношения. Все, что я сказал вчера...

— Что именно, шеф? — с самым невинным видом спросила я.

О! Как же приятно! За этот сердитый и чуть растерянный взгляд начальника я готова забыть о вечерних и ночных приключениях. Это того стоило! Определенно! А-ха-ха!

Белянский уставился на меня, на миг в его волосах блеснули искры, а потом с тихой угрозой он спросил:

— Вы там мысленно злорадствуете, что ли?

От неожиданности я закашлялась, но тут же свела все к невинному недоумению:

— Как вы могли подумать, рейян Белянский?!

— У вас невероятно довольный вид.

— Вам кажется, шеф, — продолжая разыгрывать скромную помощницу, прошептала я, опустив глаза.

Интересно, в своем розово-бордовом одеянии я похожа на честного и профессионального работника, который ни за что бы не подумал насмеяться над провалами в памяти начальства?

— Бонс! — с нажимом окликнул старший следователь.

— Да, шеф?

— Чего я не помню? — прямо спросил Белянский.

— Ничего такого, из-за чего вам стоит переживать, шеф, — смиренно ответила я.

— Ничего? — переспросил он.

— Вы плохо себя знаете, раз сомневаетесь? — вопросом на вопрос ответила я.

Белянский с сомнением побуравил меня взглядом, а после прошипел:

— Вы — зло, Бонс.

— Как быстро меняется ваше мнение, — с наигранной печалью вздохнула я.

— Я вас выгоню и возьму того, кто молчит, когда я говорю, — предупредил начальник.

— Отличное решение, — кивнула я, ни капли не боясь.

Шеф тихо зарычал и добавил:

— Вы распоясались, Бонс.

— Спасибо за комплимент, шеф, — с улыбкой ответила я, необъяснимым образом чувствуя, что шеф на меня не злится.

Неопределенно хмыкнув, шеф чуть улыбнулся, глядя на документы, но тут же посерьезнел и пожаловался:

— У нас тут дело не раскрыто, свежий труп, а все управление обсуждает, гм... совсем не то, что следует!

— Фекла, а у тебя есть пробковая доска?

Хозяйственница воззрилась на меня, как на привидение, внезапно возникшее на пороге ее кабинета.

— В чем дело? — удивилась я.

— Тебе зачем?

— Шеф считает, что одной ему мало, — закатив глаза, пояснила я. — Еще одну потребовал.

Слепакова озадаченно округлила глаза, а потом недоверчиво спросила:

— Так ты в порядке?

— А почему я должна быть не в порядке?

— Ну... — замаялась рейна. — Марьян тайфуном по управлению пролетел. Туточки и привычные люди в панике.

Я дернула плечом и сказала:

— Все нормально. Я не из слабонервных.

Хозяйственница недоверчиво покачала головой, но доску выдала. Выставив ее перед собой, как щит, я вышла в коридор и прислушалась. За дверями царил тишина, будто все спецы в управлении от греха подальше окопались под своими столами.

— И никто-то бедной девушке не поможет, — тихо пожаловалась я. — Как что-то интересное, так толпами ходят, а как надо — никого нет.

Повздыхав и для приличия выждав минуту, я потащила добычу на свой этаж, то и дело ловчее перехватывая легкую, но широкую, а потому неудобную доску.

— Бонс, что так долго? — возмутился начальник, из-за своего стола изучая доску, выставленную посередине кабинета на треноге.

«Сам бы ходил, — мысленно ответила я, — если хотел быстрее!»

— Я ведь слабая девушка, шеф, — вслух пожаловалась я, — а вы всех распугали. Некому проявить сочувствие. Помочь. Донести.

Мой намек Белянский не заметил. Бесчувственный человек! Жестокий! Ух!

— Итак, — произнес старший следователь, когда я поставила доску на вторую треногу и подошла к его столу. — Итак, что мы имеем?

Я взглянула на первую доску, где уже были закреплены фотоснимки известных нам жертв. Белянский выдернул из-под металлической скобки подтяжек карандаш и хмуро постучал им по столу, разглядывая лица прижизненных снимков убитых магов.

— Мы знаем, что Дмитрия Раскеля убили идентичным образом, но убили его тридцать лет назад, поэтому пока мы не можем быть уверены, что в прошлом и сейчас орудовал один и тот же маньяк, — сказал следователь, подняв лежавший на столе снимок Раскеля. — Тем не менее дела наверняка связаны.

Рейян перехватил снимок за край и бросил его в сторону принесенной мною пробковой доски. Фотокарточка сверкнула бледно-голубым светом и шустро прилипла в центре доски.

«Обленились вы, шеф, — мысленно хмыкнула я, — даже встать из-за стола лень».

— Какой вывод на данный момент мы можем сделать, Бонс? — не подозревая о моих мыслях, спросил старший следователь.

— Про убийцу?

— Да.

— Либо убийца один и он почему-то вновь стал убивать, либо кто-то спустя тридцать лет убивает магов, связанных с делом Раскеля, обставяя все схожим образом, — ответила я.

— Да, именно так, — согласился Белянский и стукнул по столу карандашом. — Рассмотрим каждый из вариантов.

Я кивнула и приготовилась слушать.

— Бывший следователь, с которым я пообщался вчера, рассказал немного, но, судя по всему, в деле Раскеля не было хоть каких-то весомых улик, — с прищуром глянув на фотографию Дмитрия, произнес рейян. — В целом рассказ информатора совпадает с рассказом профессора Тадеуша Каранского. — Со стола следователя взмыла и прилипла к доске фотокарточка старичка. — Каранскому были навязаны бывшие выпускники магуниверситета разных годов, которые желали продолжить обучение. Каранский выступал для них кем-то вроде научного руководителя, помогая развивать интерес магов к артефактике. Но в какой-то момент Раскель был убит, а другие ученики перестали общаться с профессором. Я составил вопросы для бывших соседей Раскеля, но вряд ли мы узнаем что-то новое.

Я вынужденно кивнула и заметила:

— В этом старом деле вообще много белых пятен. Никто ничего не видел, а Марианна Раскель вообще отсутствовала в городе.

— Эти белые пятна, судя по всему, существуют только для нас, — покачав головой, возразил начальник. — Зачем кому-то убивать магов? Затем, что они или замешаны в деле, или владеют опасной для убийцы информацией.

— Думаете, кто-то из них знал правду? Знал, кто убил Раскеля? — спросила я.

Шеф задумчиво повертел карандаш в пальцах и быстро написал на листке бумаги несколько фамилий.

— Угг, Ракковский, Блежецкий и Баржек, — прочла я, когда листочек спланировал и прилип к доске рядом с фотографией профессора. — Со слов рейяна Каранского, ближе всех с Раскелем были пятеро. Из них жив пока лишь Болотонский, профессор магуниверситета.

— Да, пятеро. И четверо мертвы, — покивал Белянский. — Все началось с Раскеля. Кто и зачем его убил?

— Кто и зачем? — повторила я вопрос старшего следователя. — Из-за чего его убили?

— Верно, — согласился рейян. — Что могло стать причиной для убийства? У него не было денег, он не перешел кому-то дорогу. Это был чуть нервный и очень увлеченный любимым делом маг-изобретатель.

— Пропала тетрадь Дмитрия, — напомнила я шефу.

Тот кивнул, черкнул слово на бумажке и дал той прилипнуть к доске рядом с изображением Раскеля.

— Пропала тетрадь, — задумчиво произнес Белянский. — Выходит, всему виной изобретения убитого?

Я задумчиво пожала плечами.

— Каранский заверял нас, что Дмитрий Раскель часто приходил к нему, даже в дождь, чтобы рассказать о своих теориях, — постукивая карандашом, сказал старший следователь. — Но он же сказал, что Раскеля нельзя было назвать гением и великим изобретателем. Тем не менее мой предшественник, занимавшийся этим делом, рассматривал его как убийство с целью наживы.

— Помните, я упоминала бюро регистрации изобретений? — спросила я шефа.

— Ну?

— Я ведь воспользовалась возможностью и проверила Раскеля, — пояснила я. — За ним не числится ни одного изобретения. Думаете, ему наконец улыбнулась удача... и его убили?

— Возможно, — неопределенно ответил Белянский. — Если так, то кто становится первым подозреваемым?

Я чуть помедлила, а после сказала:

— Профессор.

— Да, профессор Каранский, — согласился старший следователь. — В этой истории он самый заметный персонаж, а потому и самый подозрительный. Именно он больше других общался с Раскелем, именно профессор проявлял к Димитрию симпатию и отеческое участие, именно Тадеуш Каранский, можно сказать, обнаружил тело. И именно он утверждал, что Раскель был увлеченным, но не слишком талантливым. А ведь записи пропали.

Я с сомнением глянула на фотографию.

— Доказательства чьей бы то ни было причастности нет, — с прищуром глядя на доски, пробормотал Белянский. — Каранский мог попасть в дом Раскеля и убить его. Он опытный маг. Знал, как обезопасить себя от посмертного допроса убитого.

— Мог, — согласилась я.

— Дело осталось нераскрытым, — продолжал рейян. — И вот, спустя тридцать лет, кто-то начинает убивать магов тем же способом. Почему? Если понять, что стало причиной, можно разыскать того или тех, кто это сделал.

Я согласно кивнула и проследила за тем, как шеф прилепнул на доску под фотографией гнома чистый лист.

— Дарин Угг был первым. Жил своей жизнью, преподавал основы артефактики, пока...

— Пока у него не появился новый ученик, — перебила я, припомнив детали дела. — Гном провел два занятия, после чего отказался преподавать дальше.

— И сразу после этого второго занятия куда-то спешно ходил, — с кивком добавил начальник. — Свидетели не обратили внимания на ученика, потому как тот был не первым у рейяна Угга.

— Но ученик явно имеет какое-то отношение к делу, — прошептала я.

Шеф кивнул и, глянув на карандаш, взглядом отправил его в полет. Через пару мгновений на чистом листе было начертано слово «ученик».

— Кто был его учеником? — спросила я Белянского.

— Видимо, тот, кто стал задавать гному неудобные вопросы, — высказал свое предположение старший следователь. — В этом деле есть лишь один человек, который может оказаться этим учеником. Сын Раскеля.

Я призадумалась и, ища опоры, присела на угол стола начальника.

— Он довольно долго ждал, прежде чем решил поговорить с бывшими знакомыми отца, — высказала я свои сомнения. — Думаете, это он приходил к Уггу?

— Василь Раскель мог не знать о том, как умер его отец. Его мать продала жилье в столице, переехала жить в другое место. Вполне вероятно, что она хотела оградить своего сына от неприятной истории.

— Но он узнал, — хмуро сказала я.

— Узнал, — согласился старший следователь. — Вероятно, от Жеветовского, жившего поблизости. Но тот не был в числе учеников, кто тесно общался с отцом Василя. Или же от Болотонского, после поступления в магунивер. И тогда...

— И тогда Раскель решил выяснить все сам, — пробормотала я. — Он должен был расспросить о случившемся Болотонского, разве нет?

— Вполне вероятно, — с кивком ответил шеф, уверенно добавляя упоминание младшего Раскеля на листочек. — Но это нам еще предстоит узнать. В любом случае Василь Раскель направился в столицу и вскоре обратился к Уггу. Он не стал допрашивать гнома сразу, решил присмотреться. Почему?

— Узнав о смерти отца, Раскель решил, что его убил кто-то из тех, с кем Димитрий тесно общался? — предположила я.

— Похоже на правду. — Шеф хмуро потер подбородок и глянул на меня. — На втором занятии рейян осмелел и решился задать вопросы своему преподавателю. И сразу после этого Угг так испугался, что отказался от занятий, выставил Василя и куда-то поспешил.

— Он знал что-то такое, что бросало на него тень? — спросила я.

Шеф откинулся в кресле и ненадолго задумался, после чего ответил:

— Он мог знать, кто на самом деле убил Раскеля.

— Не думаете, что он сам его убил?

— Нет, не думаю, — отозвался Белянский. — Если гном к кому-то ходил, значит, он навещал или соучастника, или того, кто тоже знал правду.

— Это мог быть любой из тройки, — недовольно пробормотала я. — И профессор, и один из двух магов.

Старший следователь кивнул и выдвинул еще одно предположение:

— Или же гном ни о чем не знал до визита Раскеля, но вопросы гостя натолкнули Угга на догадку. И он поспешил к тому, кому доверял.

Я тяжело вздохнула, понимая, что у нас на руках нет столь необходимых сведений. Четыре мертвых мага и целый ворох теорий.

— А Василь? — спросила я.

— О нем нам ничего не известно. Разве что ваша зацепка по Королевскому бюро регистраций.

— Куда он не явился, — мрачно напомнила я. — Также мертв? Или скрывается, убив четверых знакомых своего отца, которых подозревал?

Белянский покивал и задумался, поставив локти на стол и опершись подбородком на переплетенные пальцы.

— Пока мы его не обнаружим — не узнаем.

Шеф с прищуром осмотрел разложенные перед ним дела и обобщил:

— Итак. Тридцать лет назад был убит маг. Его убийца не найден. Но им может оказаться любой из тех, кто мага знал. Больше всего подозрений вызывает профессор Каранский, имевший с погибшим наиболее тесный контакт. На данный момент у нас нет толковых свидетельств о событиях тех лет. Лишь рассказ самого профессора и слова тех, кто наблюдал за делом со стороны. Так?

— Так, — кивнула я.

— Тридцать лет спустя после появления Василя Раскеля кто-то начинает убивать магов тем же способом, каким был убит Димитрий Раскель. Это или первый наш убийца, которому из-за сына Раскеля начали мешать... свидетели, я так полагаю. И тогда подозрения насчет Тадеуша усиливаются.

— Но знаете, шеф, я ведь встретила Каранского вчера перед зданием управления, — сообщила я, ощущая, как к щекам приливает краска. Храке! Как я могла забыть? — А Харт был убежден, что Баржека убили в тот момент, когда я ему звонила. Каранский не смог бы добраться до управления за такой небольшой промежуток времени. Если только он не воспользовался порталом.

— Бонс, вы не маг, поэтому не в курсе, что для возможности пользоваться порталами необходимо получить специальное разрешение, — нравоучительным тоном заметил шеф. — А его выдают лишь после прохождения специальной комиссии, которая определяет границы возможностей мага в этом направлении. Все маги состоят на учете. И Каранского нет среди тех, кто получил разрешение. Я уточнял.

— Подождите! — воскликнула я. — Но он же сам говорил! И вы... Вы же спрашивали его о порталах!

— И это очень интересный момент, правда? — с усмешкой спросил шеф.

— А вы знали про порталы, когда спрашивали его об этом?

— Знал, — подтвердил шеф.

— И ничего не сделали?

— Даже если он пользуется порталами без разрешения, это еще не является доказательством чего-либо, — сказал Белянский. — Но и не обеспечивает профессору алиби.

— Вот почему вы его подозреваете, — прошептала я, глядя на шефа с уважением. — Вы поймали его на обмане.

— Но нам нужны доказательства, — недовольно проговорил начальник. — Без них Каранскому нечего предъявить. Еще есть вероятность, что в нашей истории мы имеем дело с мстителем, если сын Раскеля решил наказать всех магов из прошлого отца.

— А ведь такое вполне возможно, — согласилась я. — Если Василь Раскель уверен, что один из близких знакомых отца повинен в его смерти, рейян может начать охоту на настоящего преступника.

— В любом случае у нас четыре трупа, — покачал головой старший следователь. — И пока мы не можем даже доказать, что убийство тридцатилетней давности было совершено из-за кристаллов связи.

Я лишь со вздохом кивнула.

— Ладно, — сказал шеф. — На этом пока все. Нужно больше данных. Бонс, свяжитесь с кассами вокзала. Завтра утром мы отправляемся в Старгорье на встречу с профессором Болотонским.

ГЛАВА 22

— Поезд номер восемнадцать тринадцать, пожалуйста, седьмой вагон, — с широкой улыбкой сказала я носильщику и с довольным видом посмотрела на высокие кованые ворота, за которыми виднелась первая, и главная, платформа Западного вокзала столицы. Вокзал считался одним из старейших во всем королевстве и мог похвастаться арочной стеклянной крышей — творением знаменитого архитектора Эйфера, украсившего своими воздушными конструкциями многие крупные здания. В торговой галерее Гаранцо в западном Алленцо я пока не бывала, но видела несколько впечатляющих снимков, сделанных родителями много лет назад.

Несмотря на то что встать мне пришлось раньше обычного, я пребывала в превосходном расположении духа. В немалой степени из-за похода в бухгалтерию накануне отъезда, где я оформляла бумаги на командировочные. Там-то и выяснилось, что в управлении я тружусь по повышенной ставке. Бухгалтер быстро развеял мое сомнение, предъявив верно оформленное распоряжение, составителем которого числился мой шеф, а заверителем — наш главный, рейян Сидзецкий. До конца дня я ходила с широкой улыбкой, вызывая подозрения начальника, а после позволила себе двойную порцию ужина в кафе через дорогу от управления. И утром вскочила с радостным предвкушением, решив, что дорога будет простой и увлекательной. В порыве любви ко всему миру я извлекла из шкафа свой самый дорогой деловой костюм, пошив которого оплатила одна из моих тетюшек. В этом наряде я чувствовала себя нежной, романтичной и очень-очень стройной.

На вокзале царила суета и толкотня, но я продолжала улыбаться, пока носильщик споро толкал тележку с моими чемоданами к нужному вагону. Наслаждаясь процессом, я семеняла следом, отмечая заинтересованные взгляды и точно зная, что видят окружающие: высокую девушку в очень элегантном деловом костюме, сидящем на ней как темно-синяя перчатка. Маленькая шляпка и летящий белый шелковый шарф придавали моему образу некий театральный драматизм. А из-за высоких каблуков и очень узкой юбки приходилось часто-часто перебирать ногами, отчего все взгляды неумолимо соскальзывали ниже талии.

Заметив меня, шеф хмуро оценил мой внешний вид, порадовав той же реакцией, что и окружающие, а когда я подошла ближе, сухо заметил:

— Поезд отходит через пять минут. Вы едва не опоздали.

Я покаянно вздохнула и с нотками трагизма призналась:

— Мне пришлось искать носильщика. Я бы не донесла свои чемоданы сама.

Белянский глянул на внушительный дорожный сундук и небольшой чемоданчик и напомнил:

— Бонс, мы всего на два дня едем в Старгорье. Дорога туда занимает...

— Пять часов, я знаю, — перебила я. — Но не могу же я отправиться в командировку совсем без вещей?

Старший следователь еще раз скептически окинул взглядом мой багаж, но ничего не сказал.

— Заносите, — с улыбкой велела я носильщику.

Железными дорогами на всем континенте заправляли гномы, так что и вагоны поездов были оборудованы в соответствии с гномьим пониманием комфорта. Места для пассажиров

разделялись на три класса, разница между которыми заключалась лишь в отделке купе вагонов и плотности рассадки пассажиров. Раз нам предстояла короткая поездка, то я взяла нам с шефом одно купе с включенными в стоимость талонами на посещение вагона-ресторана.

Позволив какому-то случайному попутчику галантно проявить себя, я с благодарной улыбкой оперлась на подставленную руку и поднялась по лесенке. Гномы имели привычку обустраивать все с наилучшим для себя комфортом. Хотя снаружи поезд дышал теплом, а платформу то и дело заволакивало дымом и паром, внутри царила дивная прохлада, свежесть и едва ощутимые запахи полироли, лимона и кофе. Вдохнув полной грудью, я предъявила проводнику наши билеты и с улыбкой сказала старшему следователю:

— Купе тринадцать, шеф.

Рейян странно на меня глянул и недовольно заметил:

— Вы сияете, как натертый золотой грош из Королевского музея денежных знаков, Бонс.

Я улыбнулась еще шире и неторопливо последовала за носильщиком.

Казалось бы, еще недавно я ехала на поезде в Гаруч, не представляя, что меня ждет. И вот уже снова отправляюсь в путь, но уже в статусе секретаря с полуторным окладом!

Предыдущее железнодорожное путешествие я пережила в вагоне третьего класса, большую часть пути костеря учебку за экономию на своих выпускниках. Если бы знала заранее, обязательно доплатила бы в кассах и обменяла билет, но на радостях я приехала на вокзал всего за полчаса до отправления и уже на платформе получила свой билет от куратора.

Сейчас мой выбор пал на второй класс, предполагавший более комфортные условия и некоторый пакет дополнительных услуг. Наше купе оказалось в середине длинного вагона и представляло собой небольшую, но достаточно просторную комнатку с расположенными напротив друг друга диванчиками, обитыми темно-пурпурной кожей, и столиком между ними.

— Пятнадцатое место, — сказала я носильщику и поморщилась, когда тот довольно грубо затолкал мой дорожный сундук под диван, а чемоданчик небрежно закинул в сетчатый короб на стене высоко над головой, закрепив его там ремнями с крючками.

— Благодарю, — пробормотала я и с сожалением заплатила за услугу. Если бы не конспирация, я бы с легкостью сама внесла свои вещи в купе и обращалась бы с ними аккуратнее.

Шеф, ничего не заметив, сунул свой чемоданчик под сиденье и принялся обследовать откидную полку. Там нашлись небьющиеся стаканы в специальных ячейках, вода в стеклянных бутылках, закрепленная на подставке магическая плитка, на которой можно было разогреть воду, чайничек, емкости с кофе и чаем, сахар, ложки, чашки и набор полотенец.

— Туалеты в конце вагона, — монотонно пробубнил гном. — Ваши талоны на посещение вагона-ресторана. — Он протянул Белянскому пару темно-зеленых жетонов из какого-то сплава. — Прайс дополнительных услуг можно посмотреть в купе проводника в начале вагона. Поезд отправляется через две минуты. Расчетное время прибытия в пункт вашего назначения тринадцать часов двадцать одна минута. Приятного путешествия.

Я широко улыбнулась проводнику, но тот этого не заметил и быстро скрылся из виду. Тогда я опустилась на сиденье, пристроив рядом с собой сумочку, и выжидательно уставилась на старшего следователя. Рейян Белянский с задумчивым видом осмотрел купе, а после вытащил из ящика за спинкой дивана подушечку и объявил:

— Разбудите меня через пару часов, Бонс.

Не успела я возразить, как шеф устроился на диванчике, решительно от меня отвернувшись.

Хракс! А я надеялась, что мы разложим на столике бумаги и будем в очередной раз ломать головы над делом! Или составим план на два дня и список вопросов для Болотонского!

«И где романтика путешествия?» — с обидой мысленно спросила я быстро засопевшего мужчину и вздохнула, глядя, как проплывают мимо столбы опор вокзала.

Эрдиан недовольно одернул форму и пальцем протер парные девятиконечные звезды, убеждаясь, что те блестят как положено.

— Что я здесь делаю? — уныло спросил он и с тоской осмотрел массивный старинный дом.

Ему хотелось сбежать, но как в академию, так и в отчий дом дорога ему была закрыта приказом деда.

— Еще и денег лишил, — посетовал юноша, с раздражением глядя на дверь в дом старшего следователя Белянского.

Уйти хотелось все острее, но если сейчас он сбежит, то Белянский узнает. Скажут ли ему об этом в управлении или донесет кто-то другой, но рейян узнает. И тогда из совершенно неказистого жалования стажера вычтут еще часть, оставив Эрдиана совсем без денег. Невольно всхлипнув, юноша одернул себя. Идти на поклон к маменьке не хотелось. Она пожалеет, конечно. Снабдит всем необходимым. Но не сдержится, и дед снова обо всем узнает. И ладно просто наорет, через слово поминая юбку, под которой, как в теплице, растет внук. Это еще ничего. Это можно стерпеть. Но если прикажет совсем денег не давать, то юному Барсавскому только и останется, что умолять. И умолять сначала ненавистного Белянского и пугающую злыдню Алисанну Белчер, а после — деда.

Вздохнув, стажер взбежал по ступенькам и со злостью постучал в дверь. Ему открыли через пару минут. На пороге возвышалась невысокая дородная рейяна в сером платье и чуть пожелтевшем переднике.

— Меня прислал... меня прислал рейян Белянский, — с запинкой сообщил юноша.

— О! — раздалось из-за спины женщины. — Вы долго! Сколько можно ждать?

Поднырнув под локоть рейяны, выглянула тоненькая девчонка в сползших на нос очках.

— Здравствуйте! — с интересом глядя на него, вспомнила о вежливости девушка. — Агния! Ты почему Туману еды не даешь? Уже утро!

— Ваш Туман только и знает, что жрать, — хмуро отозвалась служанка.

Где-то в глубине дома раздалось раскатистое буханье, будто кто-то с отяжкой бил в барабан.

— Это вас Хмарь прислал, да? — спросила девушка, отпихивая служанку локтем. — В смысле, мой брат, Марьян?

Эрдиан хмуро кивнул и с вызовом уставился на девчонку.

— Отлично! Тогда подождите! Я сейчас!

Стажер удивленно вздернул брови и открыл рот, собираясь задать вопрос, но девушка исчезла, а служанка недовольно поджала губы и отступила в сторону.

— Хракс знает что, — пробормотал себе под нос молодой человек. — И что я должен делать?

В приличном доме его бы пустили внутрь, предложили бы чаю или хотя бы воды, но что служанка, что молодая хозяйка проигнорировали все правила гостеприимства, оставив Барсавского переминаться с ноги на ногу у порога перед распахнутой дверью.

— Вот, держите! — радостно объявила девушка, отвлекая Эрдиана от его мыслей, и сунула в руки стажера увесистую деревяшку на кожаных ремнях. — Туман, вперед!

Мимо недоумевающего Эрдиана, едва не свалив его с ног, пронесся огромный пес размером с небольшого теленка. Следом, довольно улыбаясь, прошагала сестра старшего следователя, сжимая в одной руке сложенный кружевной зонтик, а в другой — чемоданчик.

— Идемте! — позвала она застывшего Эрдиана. — Вы будете сопровождать меня в парк!

— Но... — промямлил молодой человек и уже решительнее добавил: — Я стажер Центрального управления, а не сопровождающий!

— А Марьян сказал, что вы должны делать то, что я вам велю, пока его нет, — с вызовом ответила девушка и поправила очки. — И если не будете, я ему нажалуюсь! Так и знайте!

Барсавский сглотнул, на миг представил недовольное лицо старшего следователя и с обреченным видом спустился на тротуар. Девушка усмехнулась и, весело подпрыгивая, поспешила за псом. Глядя, как она помахивает портфелем и как развеивается на ветру ее бледно-желтая юбка, Эрдиан вздохнул и прошипел себе под нос:

— Но я внук губернатора, а не носильщик!

Первые полчаса я с удовольствием следила за тем, как поезд неторопливо выбирается за пределы столицы. Затем стало интереснее — городской ландшафт сменился дальними видами на Золотые Пруды. Кое-где вдали среди деревьев мелькали белые коттеджи, зеркальные озера и увитые плющом беседки. Но, когда поезд унес нас на необозримые просторы и за окнами возник довольно унылый сельский пейзаж с бескрайними лугами, возделанными полями и стадами, я заскучала и оторвалась от созерцания.

Посещение вагона-ресторана принесло легкое ощущение сытости, но не порадовало ни приятными знакомствами, которые просто обязаны происходить именно в поездах, ни просто наблюдением за импозантными попутчиками. А когда мы вернулись в свое купе, то шеф, не замечая моей скуки, углубился в чтение газет, купленных у проводника.

— Вы не против, если я включу радио? — спросила я, и рейян Белянский неопределенно пожал плечами, предоставив мне самой интерпретировать его ответ.

На одной волне звучала разухабистая мелодия, на другой — заунывную лекцию читал врач-виталист, и лишь на третьей волне обнаружилось что-то интересное: диктор анонсировал радиоспектакль с многообещающим названием «Убить до полуночи», детектив про знаменитого рейяна Пейрота.

За последние десять лет про этого сыщика вышло не меньше двух десятков повестей, что сделало литературный персонаж, мастера по раскрытию таинственных краж и убийств, настоящей знаменитостью.

Оставив выбранную радиоволну, я сделала звук чуть громче и вернулась на сиденье, думая за остаток пути насладиться интересной историей. Реальный сыщик недовольно на меня глянул, но не стал мешать мне наслаждаться похождениями вымышленного.

«— Он осмотрел комнату и сразу же отметил синие занавески на окнах. Это был знак, игнорировать который знаменитый сыщик Пейрот не мог. Он огладил свои идеально подстриженные усы и вытащил из нагрудного кармана часы, — хорошо поставленным голосом сообщил мужской голос, которому отвели чтение авторских слов.

— Ага, — тихо и многозначительно прошептал актер, игравший сыщика. — Без пяти минут восемь. Это тоже знак. Я чувствую, что сегодня здесь что-то произойдет!»

— Еще бы! В таких историях всегда что-то происходит там, где появляются всемирно известные сыщики, — пробормотала я себе под нос.

Через несколько минут во время важного семейного ужина, на который в качестве гостей пригласили сыщика и его помощника, не слишком расторопного бывшего жандарма Гастерса, произошла неприятная ссора участников ужина. Кроме сыщика и его помощника на ужине присутствовали шесть человек: рейян Брукс — поверенный по делам бывшего главы семейства, служивший у него всего несколько недель, рейяна Кроули — вдова бывшего главы семейства, рейна и рейян Кроули — двое детей семьи и рейян Стикс с супругой — воспитанник рейяна Кроули. Прислуживали за столом дворецкий и два лакея, что заранее давало понять о финансовых делах семьи и намечало мотив преступления.

Ожидаемое всеми происшествие произошло сразу после ужина, когда собравшимся подали напитки в гостиной.

«— Мама! — ненатурально воскликнула рейна Кроули, заставив меня вздрогнуть. — Мама!

— Сделайте что-нибудь! — потребовал рейян Кроули».

Звучала трагическая и напряженная мелодия, на фоне которой слышались метания и выкрики детей отравленной женщины. Тем временем поезд, неторопливо обогнув озеро, начал набирать скорость, медленно приближаясь к видневшимся вдали горам.

«— Как такое могло случиться? — недоумевал поверенный. — Лишь неделю назад она похоронила мужа, а теперь и сама...

— Это был не сердечный приступ, — прервал его знаменитый сыщик. — Это отравление! Ее убили.

— Необходимо вызвать жандармов, — заявил рейян Стикс. — Срочно!

— О да, — согласился сыщик. — Всенепременно».

Белянский глянул на динамик и хмуро зашуршал газетой. Покосившись на него, я незаметно улыбнулась.

«— Я так и знал, что что-то произойдет, — тихо пробормотал Пейрот. — Гастерс, я был уверен в этом».

— Само собой, это ведь детективная история, — прошипел мой начальник. — Было бы странно, если бы они спокойно отужинали и разошлись.

Я снова усмехнулась, чем вызвала еще один недовольный взгляд Белянского.

«— Но кто отравил маму? — со слезами в голосе спросила рейна Кроули, когда бесчувственный жандармский сыщик провел опрос всех присутствовавших.

— Кто-то из тех, кто был в доме, — ответил ей Пейрот. — Это же очевидно.

— Но зачем? — возмутилась девушка. — Зачем это было необходимо? И кому?

— Если я правильно понимаю, сегодня после полуночи истекает срок и рейян Брукс, поверенный вашего отца, должен был огласить завещание. Не так ли? — спросил знаменитый сыщик. — Именно для этого рейяна Кроули и собрала всю семью.

— Ну конечно! — воскликнул рейян Кроули. — Как мы могли об этом не подумать!»

Актеры играли совсем неплохо, но я ни на миг не поверила, что брат и сестра не знали причину общего сбора за ужином.

«— Я лишь одного не понимаю, — прошептала рейна Кроули, после того как актер, читающий от автора, сообщил, что она отвела сыщика в сторону, — зачем мама позвала сюда еще и Стикса?»

— А в чем дело, рейна Кроули? — тут же полнобопытствовал Пейрот. — Я и не подозревал, что в этом есть какая-то странность.

— Вы ведь плохо знаете нашу семью, — напомнила девушка. — Вы знакомы с мамой, а не со всеми нами. Вряд ли вы слышали эту историю.

— Какую историю?

— О том, как именно Стикс попал в нашу семью, — ответила рейна Кроули.

— Так поведайте мне, — предложил Пейрот.

— Это было много лет назад, — без промедления начала девушка. — Мой отец просто привел его в дом и сообщил, что Стикс будет жить с нами. Мама никогда его не любила, но смирилась, позволив воспитаннику отца жить с нами. Но мы с братом... Вы бы знали, рейян Пейрот! Отец... он будто сорвался с цепи! Дарил все лучшее Стиксу. Оплатил его обучение. А для нас... Он не делал так много для нас.

— Вы ревновали к воспитаннику отца? — спросил сыщик.

— Это было нормально, — ответила рейна Кроули. — Мама лишь делала вид, что ее устраивает подобное положение вещей. Но мы не могли тайть это!»

— Какая драма, — хмыкнула я, всматриваясь в низко нависшие над горами облака.

«— Все станет ясно, как только поверенный вскрыет конверт и прочтет завешание, — уверенно заявил сыщик.

— Но еще только десять! — воскликнула рейна.

— Что ж, у нас есть время распутать это дело, — сказал сыщик».

Знаменитый сыщик пропустил мимо ушей требование жандармов не вмешиваться в ход расследования, но я мимоходом отметила, что в подозреваемые записали всех, кроме самого сыщика и его помощника.

Сюжет развивался лихо; тем временем за окном приблизились горы, и поезд, с шумом выпустив струю пара, начал решительный подъем по склону. Я увлеченно наблюдала за тем, как постепенно взору открывается чудесный вид на оставшуюся позади и чуть слева внизу долину, а также на изъеденные ветрами вершины гор. Небо, серое и дряблое, отсюда казалось ближе. Оно отражалось в мелких озерах и сверкавших среди сочной травы ручьях. Этот вид как никакой другой лучше подходил мрачной истории, но я бы с удовольствием перенесла действие сюжета в поезд, чтобы полностью погрузиться в расследование.

Пейрот тем временем одного за другим расспрашивал присутствующих, не обходя вниманием и слуг. Самым странным мне показался дворецкий. Он отвечал коротко и нехотя, словно делал одолжение сыщику.

— Это вполне может быть он, — заметил Белянский, — оторвавшись от своих газет. — Он явно не любил хозяйку, у него была возможность подсыпать яд, и он выбрал вечер, когда в доме было много посторонних. Вряд ли по завешанию ему отходит что-то существенное, а значит, никто не заподозрит его в корысти.

Я согласно хмыкнула, но ничего не сказала. Размеренный стук колес и серое небо действовали усыпляюще, так что я позволила себе прикрыть глаза. И пропустила момент, когда сыщик из жандармерии объявил, что подозревает рейну Кроули. Причиной стало то, что мать и дочь за последние несколько лет не раз ссорились из-за денег — рейяна Кроули убедила своего мужа ограничить дочь в средствах.

«— Это не она, — спокойно сообщил всем Пейрот, стоило жандармам уволочь рыдающую девушку. — Не она отравила рейяну Кроули. Мой добрый друг Гастерс, сколько времени?

— Несколько минут до полуночи, — ответил помощник.

— Ага! — воскликнул сыщик. — Значит, я могу сказать, кто же на самом деле убил рейяну Кроули.

— Кто же? — с насмешкой спросил сыщик жандармерии.

— Все просто, — ответил Пейрот. — Это сделала рейяна Стикс!»

— Что? — выдохнул Белянский, вынырнув из-за газеты. — Кто?

«— Как это возможно? Почему? — возмутился рейян Кроули. — Зачем ей это?»

— Дело в том, что она не собиралась убивать вашу мать, — ответил ему Пейрот. — Она собиралась отравить своего мужа, рейяна Стикса!»

— Что? — вновь возмутился мой шеф.

«— Через минуту поверенный Брукс зачитает нам завещание, — сообщил знаменитый сыщик. — И выяснится, что рейян Стикс не воспитанник, а внебрачный и старший сын умершего недавно рейяна Кроули. И по завещанию именно ему достаются все деньги, а не жене или детям.

— Не может быть! — воскликнул сам рейян Стикс.

— Ей нужно было избавиться от вас до того, как вы узнаете правду, иначе вы могли в тот же миг потребовать развод. Вы ведь давно подозревали свою жену в неверности.

— Да, так и есть».

— Что за чушь! — возмутился старший следователь.

«— Но ваши опасения были неверны, — заявил Пейрот. — Ваша жена не изменяла вам. Она уезжала из дома не для встреч с любовником, а чтобы избавиться от тех, кто мог ее выдать. Выдать то, что она знала о содержании завещания!

— Вы говорите... — пробормотал рейян Кроули.

— Я уверен, что поверенный вашего отца не сам упал с лестницы, — отчеканил Пейрот. — Это сложно доказать, но уверен, что рейяна Стикса в тот день ездила к поверенному. Представьте себе: рейян Кроули при смерти. Ваша жена обладает прагматичным складом ума. Она не желает остаться без гроша. Пытаясь выведать содержание завещания, она, возможно случайно, толкает поверенного с лестницы. А после хладнокровно вскрывает документ и узнает все детали. После этого она уже не может думать ни о чем другом, кроме огромной суммы и недвижимости, которые отходят ее мужу. Но если тот узнает...»

— Нет. Это абсурд! — возмущенно воскликнул рейян Белянский, вскакивая и выключая радио. — Автор идиот! Нам не сообщили все факты!

Я усмехнулась и вновь посмотрела в окно. Там, медленно выплывая из-за поворота, показалась долина и пологие горы, сплошь усыпанные серыми домиками с темно-коричневыми черепичными крышами. Поезд надал, спеша навстречу городу. Вскоре мы увидели и башенки магуниверситета на склоне горы. Темно-серые каменные стены этого старинного учебного заведения почти сливались с пейзажем и лишь остроконечные крыши и шпили ярко сияли, несмотря на пасмурную погоду.

— Мы почти в Старгорье, шеф, — сказала я, глянув на старшего следователя.

ГЛАВА 23

На деле город оказался вовсе не таким, каким мы увидели его издали. По мере того как поезд приближался к местному вокзалу, перед нами предстал вовсе не уютный, почти карманный городишко с праздничной открытки. Когда поезд замедлялся, неторопливо съезжая с холма вниз, мы увидели всю необъятную долину, ограниченную с трех сторон горами, и десятки тысяч домов, поднимавшихся на высоту четыре, а то и пять этажей.

— Такого не увидишь нигде, — согласился Белянский, услышав мой тихий восторженный возглас. — Производит впечатление. Старгорье — один из самых быстро выросших городов. Все из-за золотодобычи в здешних местах. Кажется, тут более семи тысяч шахт, которые делят между собой две дюжины компаний, дающих работу девяти десятым местных обитателей. И каждый месяц разведка дает результат, объявляя об открытии нового места для разработки. — А магуниверситет?

— Значительная часть его студентов изучает артефактику и смежные виды деятельности, так что подобное соседство им только на руку. Сотни лет назад здешние места называли Старыми Горами из-за того, что их первыми заселили маги, решившие основать здесь... Тогда, кажется, это была всего лишь школа. Маги сами добывали драгоценные камни и обрабатывали их совместно с гномами. В какой-то момент люди смогли выкупить у гномов две дюжины здешних гор. В дальнейшем никто эту договоренность не оспорил, и маги оказались владельцами поистине драгоценной земли. Они основали магуниверситет и стали продавать свои владения по частям, заключая со всеми желающими довольно простой контракт: магам отходила пятая

часть добытых кристаллов и драгоценных металлов. Не так уж и много, но магам доставалось все без труда, что их вполне устраивало. Эта договоренность актуальна и сейчас. Часть своей доли маги забирают деньгами и на эти средства поддерживают деятельность университета, часть используют в обучении, а часть — для изготовления штучных артефактов в одной из здешних мастерских, — пояснил рейян Белянский.

Я улынулась в благодарность за столь подробное введение в курс дела. Похоже, шеф тоже интересовался историей городов.

— Я никогда прежде здесь не была, — призналась я старшему следователю.

— А вы много где были, Бонс? — удивился начальник.

— Так уж вышло, — неопределенно отозвалась я, продолжая рассматривать город, хотя мы уже въехали в его пределы и теперь могли видеть лишь крыши домов.

Мне хотелось рассказать старшему следователю о себе, но вряд ли он найдет занимательной историю о девочке, которую родственники перебрасывали друг другу, как горячую картошку из детской игры. Я никогда не считала свое детство несчастным, но не могла не признавать ненормальность того, что к семи годам я успела хотя бы по неделе побывать в четырнадцати разных городах родного королевства — родня родителей оказалась многочисленной, а желание приоткрыть такую девочку, как я, — быстро проходящим.

Болтливый водитель таксомотора без задержки доставил нас в местную гостиницу, выбрав ту, что была максимально близко к магуниверсу, но при этом укладывалась в заложенный бюджет. В итоге мы остановились в уютном сером строении, мало чем отличающемся от домов, стоящих вокруг. Разве что гостиница была окружена со всех сторон чахлым садом, призванным обеспечить посетителям хоть немного уединения во время завтраков, обедов и ужинов в зале-ресторане со стеклянной крышей, сквозь которую просматривались горные сопки.

— Через час в холле, — объявил шеф, получив свой ключ.

Я сделала вид, что меня заинтересовало меню ресторана, так что Белянский ушел вверх первым. Я же дождалась, пока он скроется из виду, удостоверилась, что администратор за конторкой потерял ко мне интерес, и взялась за ручки своего багажа, порадовавшись, что здесь не столь вышколенный персонал и в холле не дежурят мальчишки, готовые нести вещи постояльцев.

Номер был устроен просто, без излишеств, но меня порадовало большое окно, сквозь которое в комнату проникало много света, и ванная, где была установлена не только большая ванна, но и душевая кабина.

Поставив дорожный сундук вертикально, я открыла его и осмотрела вешалки, убеждаясь, что костюмы, обувь и все остальное добралось до гостиницы без происшествий. Стоило сменить наряд, провонявший дымом, на что-то более теплое и практичное.

— И пусть недоумевает шеф, зато у меня с собой есть все на любой случай! — усмехнулась я, вытаскивая чехол с брючным костюмом из плотного клетчатого твида — отличный выбор для местной сырости и холода. Туфли я также сменила на более практичные ботинки с небольшим каблучком — таксист предупредил, что в магуниверситет на машине не доехать, придется проделать значительную часть подъема пешком.

Шеф тоже сменил одежду, обрядившись в темно-зеленый костюм и тонкий темно-серый свитер с высоким горлом.

— Мы доедем до подъема, а дальше я открою портал, — предупредил шеф. — В такую погоду совершенно не тянет передвигаться пешком, а в университете я несколько раз был и с порталом на тысячу шагов вопросов возникнуть не должно.

— А вы могли открыть портал прямо из Гаруча? — спросила я.

— Бонс, вам можно простить подобный вопрос лишь потому, что вы не маг, — недовольно отозвался старший следователь, выходя на крыльцо. — Вы хоть представляете, какое расстояние пришлось бы преодолеть? Это колоссальные энергетические затраты! Если существует маг, способный на такое, его должны держать под стражей, ведь он должен быть одним из самых сильных среди живших прежде и живущих в одно с нами время. Для него не должно быть проблемой не только расстояние, но и защитные чары. Такой человек был бы опасен.

Я прикусила язык и быстро покивала, предоставив Белянскому сделать знак дежурившему у гостиницы наемному самоходу.

Марьян с толикой недовольства осмотрел спустившуюся в холл помощницу. Она не только не опоздала, но и выглядела так, словно не провела большую часть утра и обеденного времени в дороге. Волосы девушки блестели, глаза сияли, а на щеках играл нежный румянец. Хотя брюки до сих пор частью общества воспринимались как неприемлемый для женщины элемент гардероба, в своем строгом костюме свободного кроя Элла Бонс выглядела элегантно и совершенно невызывающе. И в то же самое время — возмутительно раздражающе. Это старший следователь понял еще до того, как они вышли из гостиницы. Тощий тип за стойкой, сменивший предыдущего администратора, во все глаза таращился на девуцу, парочка прохожих едва не свернула шеи, глядя на секретаршу, а водитель, везший их наверх, сбавил скорость до минимума и все косился в зеркало.

— Скорее, пожалуйста, — потребовал Марьян, стараясь успокоиться и уговаривая себя, что вовсе не Элла Бонс виновата в том, что на нее так реагируют, а дело не движется вперед.

— Вы связывались с профессором? — спросил старший следователь секретаршу, когда они вышли из наемного самохода.

— Нет, — ответила Элла. — Вы ведь сами предупреждали об этом, шеф.

Белянский поморщился. Этой девице всякий раз удавалось произнести простое слово «шеф», вкладывая в него новый смысл. На этот раз в тоне девушки Марьян отчетливо уловил упрек и недоумение. Все верно. Пока помощница не нарушала его указаний, а если и делала что-то самостоятельно, то в пределах разумного.

— А что не так, рейян Белянский? — покосившись на начальника, спросила секретарша.

— Со мной связался Дубинский, — нехотя ответил Марьян. — Я просил его дать знать, если кто-то попытается найти вас или меня в наше отсутствие в столице.

— И кто-то сделал это так скоро? — удивилась девушка. — И дня не прошло.

— Именно, — согласился старший следователь. — Но Крис... Он не только не узнал, кто пытался вас разыскать, но и сообщил звонившему, что мы отправились в Старгорье!

Элла Бонс недовольно ахнула:

— А как он описал голос звонившего?

— Сказал, что не смог бы назвать возраст этого человека. Но это был мужчина.

— Плохо, — покачала головой девушка. — Это мог быть кто угодно. Даже профессор Каранский — по телефону его голос звучит моложе.

Белянский покивал и сердито взмахнул руками, создавая светящуюся алым рамку портала.

— Давно ждете? — с порога спросил Болотонский, осматривая наш стол. — Вам подали чай, я надеюсь?

— Да, о нас позаботились, — с улыбкой ответила я, отставляя чашку и беря в руки блокнот.

— Прекрасно, — улыбнулся в ответ рейян. — Если бы вы предупредили...

— Так получилось, профессор, — с толикой раскаяния перебила я, косясь на начальника.

В магниверситете мы первым делом направились в администрацию. Улыбчивая и добродушная секретарь ректора без вопросов связалась с профессором, и уже через четверть часа нас оставили дожидаться Варжека Болотонского в его личной гостиной с полным чайником огненного чая и корзинкой с шоколадными конфетами.

— Что ж, — отмахнулся профессор, подходя и падая в кресло напротив. — Все сложилось на удивление удачно. У меня как раз закончились занятия.

— Мы бы вас подождали, — убедительно заверила я.

— Да, но я сам ужасно не люблю заставлять кого-то ждать, — признался мужчина и, подавшись вперед, заглянул под крышку чайника. — Тем более вы приехали из столицы!

Вздыхнув, Болотонский быстрым жестом согрел чайник магией и плеснул себе чаю.

Он выглядел немного измотанным и печальным, но старался не подавать виду. Чуть потертый костюм-тройка из плотной серой шерсти сидел на нем кривовато и явно был маловат в плечах, из-за чего мужчина то и дело неосознанно оттягивал лацкан то слева, то справа. Рубашка под костюмом не выглядела слишком свежей, но в целом занятому и явно одинокому человеку, не имевшему времени на уход за собой, подобное было простительно.

— Мы хотели лично расспросить вас об одном деле тридцатилетней давности, — вступил в разговор Белянский. — Речь идет об убийстве Димитрия Раскеля. Помните такого?

— Конечно, — кивнул Баржек и печально вздохнул. — В моей жизни это было первое и пока последнее подобное происшествие. Я на всю жизнь запомнил все, что тогда случилось.

— Также мы хотели бы поговорить с вами о Василе Раскеле, — предупредил мой шеф. — Вы с ним знакомы?

— Да, — согласился Болотонский. — Доводилось встречаться. Хотя этот молодой человек совершенно не похож на своего отца, скажу я вам. Совершенно! Я бы не поверил, если бы он не показал мне свои документы.

— Вот как? — удивился Белянский. — Что ж, если вы не против, давайте обо всем по порядку.

— Я слышал, что в столице что-то происходит, — пробормотал профессор. — Но...

Шеф глянул на меня, предупреждая взглядом, и спросил:

— Вы хорошо знали Дмитрия Раскеля?

— Как и все мы, — с улыбкой ответил Варжек. — Не сказать, что мы с ним сдружились. Он был слишком себе на уме, чтобы с кем-то из нас близко сойтись. Но я и несколько других магов пересекались с ним в доме Тадеуша Каранского.

— Как бы вы его описали? — спросил старший следователь.

— Описал? — задумчиво переспросил профессор. — Ну... он был нервный, очень дерганный человек. Вечно всех подозревал. Мог внезапно наброситься с упреками, мог в один момент успокоиться. Но он, как бы вам сказать, он был увлеченным человеком. Мечтателем. Желал создать что-то по-настоящему великое. Много экспериментировал.

— Он был талантливым?

— Скорее нет, — покачал головой Болотонский, прихлебывая чай и жуя конфету за конфетой. — На самом деле среди тех, кто в одно со мной время навещался к Каранскому, блистал талантом только Ракковский. Вот он был поистине великим! Гораздо талантливее Каранского.

— Правда? — удивилась я, но тут же смолкла под строгим взглядом начальника.

— Да, — кивнул Болотонский. — Был даже один случай, когда они рассорились. Кажется, Ракковский считал, что Каранский пытался увести у него из-под носа изобретение. Точнее, Ракковский тогда всех подозревал, но недолго.

— Значит, вы считаете, что Дмитрий не мог ничего создать?

— Нет, однажды... — Профессор замялся. — Возможно. Вполне возможно. Я видел его выкладки лишь мельком. И не думаю, что там было что-то ценное. Он записывал. Он просто все записывал. Формулы, меню из ближайшей забегаловки, время встречи с кем-то из нас и даже фрагменты наших разговоров. А идеи... Идеями Раскель фонтанировал. Но был слишком непоседлив, чтобы остановиться и хотя бы обдумать несколько своих идей.

— Были ли еще ссоры из-за подозрений? — спросил Белянский.

— Дмитрий довольно часто на всех напускался из-за своей тетради. Я помню, он и Угга и меня минимум два раза подозревал в краже. Даже утверждал, что кто-то выдрал из тетради листы.

— А как было на самом деле?

— Видите ли, он с женой жил в весьма сомнительном доме. Я не был на квартире Раскеля, но его вечный насморк и неопрятная одежда о многом говорили. А тетрадь... Та тетрадь напоминала Раскеля: пухлая, потрепанная, замусоленная, с торчащими во все стороны страницами. Я бы не удивился, если бы листы просто выпали из тетрадки.

— Когда обнаружили тело Дмитрия, тетради при нем не было. Вы не думали, куда она могла подеваться? — задал вопрос старший следователь, следя за тем, как я записываю разговор.

— Он всегда держал ее при себе, — тронув пальцами подбородок, ответил Болотонский. — Не расставался. Не знаю, что могло с ней случиться.

Старший следователь кивнул и уточнил:

— Вы не думали о том, кто и за что убил Раскеля?

— Тогда я об этом не думал, признаюсь вам честно. Я был молодым магом без связей и средств. Я опасался, что могу стать козлом отпущения для сыщиков. Я бы не смог ничего сделать. В то время я жил один и у меня не было вменяемого объяснения, что я делал в тот день, когда Дмитрия убили. Хотя знаете, я будто заранее знал, что это случится.

— Почему?

— Предчувствие! — пожал плечами профессор. — Я даже ходил к Каранскому, хотел за беседой развеять скуку. Сейчас, кажется, он живет в другом месте, а тогда у него была квартира. Милое место. Очень уютное. Неудивительно, что профессор не любил выходить из дома, я бы сам целыми днями сидел у камина в такой квартире. И только мы к нему бегали. В те

дни в прихожей вечно стояли лужи от наших зонтов, плащей и ботинок. Там было настолько сыро, что даже плащ профессора выглядел мокрым, — усмехнулся Болотонский.

— Так вы не думали, кто мог убить Раскеля? — повторил прежний вопрос рейян Белянский.

— Нет, не думаю, что кому-то мог помешать Дмитрий. Он был безвредный. Тихий и довольно слабый человек. Кому он мог мешать? Да и почему? Он ничего не успел изобрести, у него не было денег, чтобы обеспечить жену. Даже квартира, где они жили, стоила сущие гроши.

— Перед смертью Дмитрий отправил жену вместе с сыном в санаторий и обещал, что у них вот-вот появятся средства, — глянув на меня и блокнот в моих руках, сказал шеф. — Что вы об этом помните?

— Ах да, я помню этот момент. Он обещал ей две недели отдыха, собирался сам приехать. Но потом оказалось, что оплатил лишь одну неделю. — Профессор с сожалением приподнял чайник, поболтал остатки чая в нем и поставил снова на стол. — Но откуда у него взялись деньги даже на эту неделю отдыха? Знаете, у них было так мало средств, что мы все искренне переживали из-за младенца.

— Вот как? — удивился Белянский. — Все было настолько плохо? Семья Марианны никак ей не помогала?

— Нет, что вы! Они с ней рассорились окончательно и бесповоротно, когда она сошлась с Дмитрием. Она тогда была излишне романтической и верила в сказку. Верила, что Раскель вот-вот разбогатеет.

— Мог ли кто-то другой оплатить отдых жене Раскеля? — предположил Белянский.

— Вряд ли, — отрицательно помотал головой Болотонский. — Я не ручаюсь за это, но, кажется, он оставил ей записку, когда предлагал уехать отдохнуть. Она бы поняла, если бы это был чужой почерк.

Шеф кивнул и сменил тему:

— А Василь? Как вы с ним познакомились?

— Это произошло совсем недавно, — усмехнулся Болотонский, но тут же нахмурился: — А что, он что-то сделал?

— Отчего вы так решили? — не удержалась я от вопроса.

— Вы говорили с Марианной?

— Нет, — ответил шеф, строго глянув на меня.

— Она много лет скрывала от сына правду, не хотела, чтобы Василь думал об этом, — пояснил Болотонский. — Когда он здесь учился, мы не пересекались. Молодой Раскель выбрал не мой предмет, а внешне он совершенно не похож на отца. Он явно пошел в мать. В университете Раскель проучился недолго. Ему было неинтересно. Устроился на работу на шахту, а когда по его вине произошел небольшой инцидент, согласился работать за серую зарплату и жить в горном городке — местечке в пяти километрах от Старгорья. Мать навещал редко, а в последний визит он застал ее за разбором вещей Дмитрия. И... узнал правду.

— И пришел к вам?

— Да, он хотел разобраться в деле о смерти отца. Кипел от злости на меня, но потом успокоился. Разве вы не встречались с ним в столице? — искренне удивился профессор.

Мы с шефом переглянулись, и Белянский ответил:

— Нет, мы с ним не пересекались.

— Странно, — покачал головой Болотонский. — Я рассказал ему все, что помнил. Конечно, чуть больше про Дмитрия, чем поведал вам, но это понятно — он его сын. Предложил расспросить других знакомых отца.

— Нет, мы не встречались с Василем.

— А почему вообще вас заинтересовало это старое дело? — удивился Болотонский. — Я думал, что у вас был младший Раскель и поэтому магконтроль вернулся к расследованию, но если...

— Дело в том, что за последнее время были убиты четыре мага, — безжалостно прервал профессора старший следователь. — И их убили тем же способом, что и Дмитрия Раскеля. Варжек Болотонский замер, недоверчиво на нас таращась, а после весь как-то обмяк в кресле и шепотом переспросил:

— Четверо? Вы сказали — четверо?

— Да, и вы их всех знали, — сообщил Белянский.

— Какой кошмар. Неужели Василь... Нет, нет, не может быть! — протонал Болотонский.

Он был так ошарашен новостью, что мы не смогли больше ничего от него добиться и ушли, сообщив, что вернемся завтра.

— У вас где-нибудь записан адрес Марианны Раскель? — спросил шеф. — Еще не поздно и можно попытаться встретиться и с ней, раз уж женщина тоже живет в этих местах.

ГЛАВА 24

На деле оказалось, что рейяна Раскель проживает не в самом городе, а в одном из коттеджных поселков, полдюжины которых было разбросано по маленьким долинам среди гор. Путь туда занял целых два часа по живописной дороге, и к концу и я, и шеф пожалели, что затеяли этот визит сразу по приезде.

— Здесь тихо, — прошептала я, когда водитель самохода заглушил мотор. — И тоскливо.

Долина, где жила Марианна Раскель, походила на пасторальный пейзаж, запечатленный живописцем: маленькие белые домики среди густых садов, возделанные клочки земли там, где это было возможно; пасущиеся на пригорках козы. Если бы не ветреная погода и хмурое небо, я бы даже смогла насладиться подобным видом, навсегда запечатлев его в своей памяти.

— Да уж, — согласился старший следователь.

Мать Василя жила в одном из белых домиков на краю долины. Было видно, что она приезжая, не из местных и не из тех, кто живет в данном регионе, — двери и наличники она выкрасила в ярко-голубой цвет, отчего ее домик стал напоминать традиционные дома южного региона королевства, где такое встречалось сплошь и рядом и мило смотрелось в сочетании с бескрайними зелеными полями.

— Здравствуйте? — удивленно приветствовала нас высокая и статная немолодая женщина, сохранившая былую красоту.

Несмотря на довольно потрепанное платье, выглядела она величаво, словно была разорившейся знатной дамой. В густых кудрях женщины пробивалась седина, но она этого явно не стеснялась.

— Рейяна Раскель? — доброжелательно осведомилась я.

— Да, Марианна Раскель, — ответила женщина. — А вы кто?

— Старший следователь Центрального управления магконтроля Гаруча Белянский и мой секретарь Бонс, — представил нас начальник, и я едва не поморщилась. Ни капли такта у человека! Зачем же пугать людей еще до того, как мы вошли в дом? — Мы хотели бы поговорить с вами по поводу...

— Василь? Что с ним? — перебила рейяна и схватила за сердце. — Что случилось?

— Рейяна Раскель, не волнуйтесь! — воскликнула я, кинувшись к начавшей оседать женщине. — Мы просто хотели с вами поговорить. Давайте зайдем в дом. Вам нужно выпить воды. Вы побледнели.

— Но что с моим сыном? — не унималась женщина, позволив мне усадить ее в кресло в небольшой комнатке, где мы оказались, — судя по всему, ее дом состоял лишь из гостиной, кухни, спальни и ванной комнаты. — Где Василь?

Я наполнила три стакана водой и вернулась в гостиную.

— Мы бы сами хотели знать, где ваш сын, — не учитывая чувства собеседницы, сказал Белянский. — Нам сказали, что он должен быть в Гаруче, но мы его так и не встретили.

— Что? — опешила Марианна Раскель. — Как же так?

— Расскажите нам, пожалуйста, как ваш сын узнал об отце и что происходило с тех пор, — попросила я, предложив воду и мягко улыбнувшись. — И не волнуйтесь, умоляю вас.

— Я... — пробормотала женщина и глубоко вздохнула. — Я знала, что что-то может произойти. Так и знала.

— Что вы знали? — уточнил старший следователь, а я извлекла блокнот.

— Я знала, что Василь захочет разобраться, — сказала рейяна. — Он почти ничего не унаследовал от отца. Даже не похож на него внешне. Но он не любит тайны и загадки. Я знала, что Василь не оставит эту историю в прошлом. Но... — Она заплакала. — Я не могла не рассказать ему, когда он понял...

— Начните с начала, пожалуйста, — попросила я.

Женщина поднялась, сходилa в комнату и вернулась с платком. Сжимая его в руках и кусая губы, она начала свой рассказ:

— Когда Димитрия убили... Знаете, это было ужасно! Я не видела его. Не смогла. Но мне рассказали, как все произошло... как он выглядел. Я не смогла оставаться в той квартире. Профессор помог мне переехать в гостиницу, оплатил счета. Я была так благодарна. Он даже помог мне продать квартиру! — Рейяна Марианна вытерла глаза. — Я переезжала несколько раз. Все надеялась, что смогу забыть. И радовалась, что Василь рос другим. Это было благословением небес! Если б я знала заранее! Если бы знала!

— О чем? — спросила я.

— О том, что Димитрий окажется таким, — глядя мне в глаза, ответила рейяна Раскель. — Я была слишком юна тогда. Совсем девочка. Мои родители продали все, что имели, и переехали в столицу. Я была провинциальной глупышкой, которую легко увлекало все необычное. А он... он был необычен! Говорил о магии — столько странных и непонятных слов. Его глаза горели! — Женщина на миг улыбнулась. — И я влюбилась. Так глупо... Тогда мне казалось, что он гений. Я ведь ничего не понимала.

— Так вы не считали вашего мужа даже талантливым? — спросил Бемянский.

— Нет, вполне возможно, что у него была искра таланта, но он... — рейяна помялась, подбирая подходящие слова, — не дал огню разгореться.

— Почему вы не ушли от него?

— Я уже была беременна и еще на что-то надеялась, — призналась Марианна. — Все ведь случилось очень быстро. Мы поженились без разрешения моих родителей всего через пару месяцев, а потом я узнала, что жду ребенка. Я провела рядом с Димитрием меньше двух лет... Она вздохнула и прижала платочек к лицу.

— Продолжайте, — попросил старший следователь.

— После я поняла, что этот брак ничего мне не принесет, — прошептала женщина. — Я даже пыталась поговорить с родными, но они согласились принять меня лишь в том случае, если оставлю ребенка с Димитрием. Но разве я могла? Тем более в тех условиях, в каких мы жили. А потом муж пообещал, что добудет денег...

— Как именно? Он был на пороге открытия? — воспрянула я духом.

— Нет. Не знаю, — произнесла Марианна задумчиво. — Он повторял, что деньги скоро будут. И все уходил и уходил из дома... Ругался с друзьями...

— Значит, вы не знаете, откуда у него могли появиться деньги? — спросил Бемянский.

— Нет, — отрицательно покачала головой рейяна. — Но он где-то добыл немного и зачем-то отослал нас с сыном из города. Я даже стала надеяться на лучшее, — призналась она.

— Но потом вашего мужа убили, — сказал старший следователь, подавшись вперед. — Вы не думали о том, кто это мог сделать и почему?

— Нет. Я до сих пор не понимаю, кому понадобилось убивать Димитрия. Да еще так!

— А его тетрадь? Что вы о ней знаете?

— Я ее ненавидела. Замусоленная старая папка, желтые листы! — с раздражением произнесла женщина. — И он все время вшивал новый блок, чтобы потом писать в тетради огрызком карандаша. Все записывал и обо всех! Все время! Мне всегда хотелось спалить эту храксову тетрадку. Так от нее было бы гораздо больше проку. Тетрадь, тетрадь... Он только о ней и думал! А из нее даже листы выпадали.

— И все это вы рассказали сыну? — уточнил рейян.

— Нет, конечно, — возмутилась женщина. — Я рассказала ему более пристойную версию, даже хотела опустить убийство, но... Видите ли, я перебирала вещи, которые оставила себе. Зря! Нужно было все выкинуть! Там были не только документы, но и несколько газетных вырезок. Несколько листочков из тетрадки мужа. Там не было ничего интересного, поэтому следователь позволил оставить их себе. Василь увидел все это.

— Ясно. И он решил выяснить правду?

— Да, он стал наводить справки о тех, кого я помнила. И оказалось, что Болотонский живет поблизости. К нему сын и наведлся первым делом, — сказала женщина.

— А после уехал в столицу, — пробормотал шеф. — Он звонил или писал вам после этого?

— Писал, — ответила Марианна. — Подождите.

Она встала и скрылась в комнате, вернулась с измятым конвертом. Письмо внутри оказалось кратким, и шеф негромко прочел его вслух:

— «Матушка, здравствуй! Уверен, ты, как всегда, весела и полна сил, хотя небо над нашими горами слишком часто затягивают тучи. Сообщаю, что я прибыл в столицу и остановился в меблированных комнатах „Бартика“ на улице Беркасского, куда можешь слать письма на мое имя. Как и собирался, разыскал некоторых знакомых отца. Больше всего интересует, сама понимаешь, гном Д. Угг. За годы работы я неплохо изучил этот народ, и у меня будет логичное объяснение, почему я к нему обратился и выбрал в качестве преподавателя. Надеюсь, что смогу немного позже расспросить его об отце. Еще узнал, где найти Тадеуша Каранского. С ним также хочу поговорить в первую очередь. Я буду писать тебе раз в неделю и сообщать новости. Не думаю, что дело займет много времени, так что можешь передать старику, чтобы не смел вычеркивать мое имя — я вернусь и продолжу работу».

На миг повисла тяжелая пауза.

— И больше писем не было? — уточнил Белянский.

— Нет, — вновь расплакалась Марианна Раскель. — Ни единой строчки!

Мы с шефом переглянулись, и он спросил женщину:

— Ваш сын решил узнать больше о смерти отца лишь потому, что увидел статьи об этом и не мог оставить дело без ответа?

— Он сразу же решил, что Димитрия убил один из его знакомых, — сказала рейяна. — Но не знаю, почему он пришел к такому выводу. Он ведь даже набросился на Болотонского, но потом переговорил с ним и надумал ехать в столицу.

— Видимо, вы что-то ему сказали, — предположила я.

— Да ничего особенного, — покачала головой женщина.

— Постарайтесь вспомнить, что именно вы рассказали сыну об отце, чего не сказали нам, — велел старший следователь.

— Да ничего такого. Лишь то, что Димитрий был мнительным, опасался, что кто-то украдет его записи, что поругался из-за этого с парой знакомых, но потом сам признался, что листы пропали в те дни, когда он слег с температурой и не выходил из дома, — стала перечислять Марианна Раскель. — О том, что его отец не умолкал, возвращаясь домой. Вечно болтал о других. Бесконечные сплетни! Я так от этого уставала... А в последние недели стал еще и газеты притаскивать. Шли дожди, газеты были мокрыми и ужасно воняли типографской краской! — Рейяна поморщилась, словно до сих пор ощущала этот запах. — А он ими тряс передо мной, рассказывая об украденных деньгах и каких-то умерших магах. Рассказала, что к нам навещался Каранский. Удивительный человек! Я так ему обязана! Не представляете, как стыдно мне было. Такой гость, а я даже чаю не могла подать. Димитрий и профессор запирались и спорили о чем-то... Ученые! Их волновала лишь артефактика!

— Они спорили об этом? — задал вопрос Белянский.

— Я не прислушивалась, но о чем еще они могли разговаривать? — пожала плечами Марианна Раскель.

— Ясно, — пробормотал старший следователь. — И еще кое-что. Профессор Болотонский сказал, что ваш сын совершенно не похож на отца. Это так?

— Да, Василь совсем другой, — печально улыбнулась женщина и прижала платочек к лицу. — Совсем...

Она поднялась и вновь скрылась в комнате, а вернулась с фотокарточками, с которых на нас смотрел высокий и мощный молодой мужчина со светлыми волосами и пронзительными светлыми глазами.

— Мы можем взять один снимок? — спросил Белянский.

— Да, конечно, — кивнула рейяна, утирая слезы.

— У него есть какие-то особые приметы?

Женщина на миг с ужасом взглянула на старшего следователя, но тот быстро объяснил:

— Если мы затеем поиски, то жандармы должны иметь как можно больше сведений. Это всегда полезно.

Я вздохнула и ободряюще улыбнулась рейяне.

— Нет, ничего особенного, — после минутного раздумья ответила она. — Разве что шрамы...

— Поясните, пожалуйста, — попросила я.

— После одного случая на работе у него осталось множество мелких шрамов на шее, спине и груди, но их почти не видно под одеждой.

— Ясно, — прошептала я, но пометку в блокноте все равно сделала.

— Что ж, рейяна Раскель, мы узнали все, что хотели, — сказал Белянский.
— Вы узнаете, что с Василем? — с надеждой спросила женщина.
— Конечно, — уверенно ответил мой шеф. — И сообщим вам новости. Но не мог ваш сын просто забыть вам написать?
— Не думаю, — прошептала рейяна. — Он куда ответственного, чем был его отец.
— Ясно, спасибо за беседу, — сказал Белянский и поднялся.
Мы с шефом молча покинули дом Марианны Раскель и сели в наемный самоход.
— Уже совсем стемнело, — прошептала я. — И, похоже, будет дождь.
Стоило мне произнести эти слова, по крыше самохода забарабанили крупные капли.
— Обычное дело в этих местах, — сообщил нам водитель. — Будем надеяться, обойдется без ливня.

— И долго мы будем здесь сидеть? — хмуро спросил Эрдиан, отряхивая с колен мелкие цветочки кудрявой южной сирени, про себя в сотый раз негодуя, что Алеся Белянская выбрала лавочку в парке как раз возле пышных цветущих кустов.

— А чем вам не нравится? — удивилась девушка, обернувшись к молодому человеку. Барсавский с недоумением воззрился на Алеся. Сама она, придерживая лист плотной белой бумаги на молльберте, с задумчивым видом что-то рисовала, глядя куда-то вдаль.

— Ветер поднялся, — сказал стажер, хотя девушка должна была и сама это заметить. — И небо... Вот-вот начнется дождь!

Огромное лохматое пыльно-черное чудище, мало похожее на собаку, подняло голову и недовольно заворчал, глядя вверх.

— Нет, — уверенно сообщила сестра старшего следователя, продолжая бездумно водить кистью по бумаге. — Дождь пройдет стороной.

Эрдиан недоверчиво фыркнул и подвинулся, чтобы увидеть то, что рисовала девушка.

— Что это за серые пятна? — спросил он.

— Горы, — коротко ответила Алеся.

— А розовая клякса?

— Помощница моего брата, — ответила Алеся.

— А зеленый треугольник? — задал еще один вопрос молодой человек, пытаясь понять, что же именно нарисовано на листе.

— Разве не понятно? — опешила девушка. — Это мой брат.

Эрдиан склонил голову и бросил недоверчивый взгляд на рисунок, пытаясь узнать в зеленом пятне начальство, но пятно было совершенно нелепым и безобидным — ничего общего с крокодилом, заседавшим на третьем этаже Центрального управления магконтроля.

— Совершенно не похоже, — фыркнул молодой человек. — Зачем вы рисуете, если не умеете? Алеся с возмущением обернулась и с прищуром глянула на Эрдиана, став еще больше похожей на Марьяна Белянского.

— Я умею рисовать, — тихо сказала она, сделав шаг к стажеру и ткнув в его сторону кисточкой. — И я могу предсказывать будущее. Да, это стихийно, и я не всегда понимаю то, что показывает мне дар. Но у меня хотя бы есть дар! А ты!.. Ты просто самовлюбленный маленький эгоист, который ничего собой не представляет без имени знаменитого деда!

— Далеко еще? — крикнул шеф, даже не пытаясь разглядеть что-либо за стеклом.

Дождь падал с неба отвесной стеной, с грохотом обрушиваясь на самоход. Ветер швырял в стекла обломанные сосновые ветки, иглы, грязь и траву. Водитель светил фарами вперед, но это едва помогало заметить белые столбики по краям дороги и не скатиться в овраг.

— Далеко, уважаемый рейян, — признался водитель. — Мы на перевале между горами. Город там, впереди где-то. Но я опасаясь двигаться дальше — дорога неровная. Лучше переждать дождь здесь.

— Переждать? — переспросил Белянский. — Как долго может продолжаться такой ливень?

— Всю ночь, — с тоской отозвался водитель.

— Провести ночь здесь? В самоходе? В такую погоду? — возмутился старший следователь.

В механизмы транспортного средства попала вода, так что печка не работала, а фары то и дело мигали. В салоне отчетливо пахло мокрой кожей и грязью, давая знать, что к утру, если ливень не прекратится, мы пропитаемся влагой, как и все кругом.

— Иного пути нет, — отозвался водитель, растирая заledenевшие руки. — У меня есть пара одеял под задним сиденьем, если угодно.

— Нет, не стоит, — чуть подумав, решил старший следователь и полез в карман пиджака за бумажником. — Бонс, вы переживете пару минут снаружи, пока я буду строить портал? Я моргнула, глянула в громыхавшую за стеклом тьму и обреченно кивнула. Не самый приятный выход из ситуации, но уж лучше сейчас промокнуть до нитки и оказаться в гостинице, чем пережидать ночь в холоде и тесноте.

— Отлично, — не слишком радостно кивнул рейян и уточнил у водителя: — А вы?

— Я останусь, — ответил тот. — Не в первый раз. Я уже ночевал в таких условиях. Белянский кивнул, вздохнул и решительно распахнул дверь. Я со стоном сделала то же самое и осторожно выбралась наружу, стараясь не шмякнуться на землю. Ветер решительно наскочил сбоку, стремясь меня сбить, но я ему этого не позволила, быстро захлопнула дверь, чтобы не напустить в салон воды, и глянула туда, где должен был стоять старший следователь.

— Вперед, Бонс, — прокричал он мне. — Обойдите самоход.

Держась рукой за бок таксомотора, я быстрыми шагами направилась к начальнику и, не увидев его из-за потоков дождя, впечаталась Белянскому в грудь.

— Мать вашу, Бонс! — рявкнул старший следователь, когда мы свалились на землю, а я, приземлившись на начальника, ткнула его куда-то коленом. — Что вы творите?!

— Простите, шеф! — крикнула я, барахтаясь. — Я не специально!

— Словно бревном сшибло, — недовольно прошипел рейян. — Вы собираетесь с меня слезть?

— Сейчас, сейчас, — простонала я и кое-как сползла с начальника.

Держась за бок самохода, мы оба поднялись и поглядели друг на друга сквозь дождь.

— Туда, — скомандовал Белянский. — Вперед, перед самоходом.

Сцепившись, как крабы, мы проковыляли в сторону от транспортного средства, стараясь не потеряться в гневной стихии. Когда шеф отошел на пару метров, чтобы сотворить портал, я запаниковала, поняв, что не смогу его разыскать в такую погоду, если у него ничего не выйдет. Но стоило мне об этом подумать, как впереди засветилась красная рамка, и сквозь шум раздался окрик Белянского:

— Бонс, вперед! Я за вами!

Контролируя каждое движение и стараясь не касаться алого свечения, я ступила в портал и с облегчением увидела впереди, метрах в ста, здание отеля и зажженные фонари у входа. Похоже, в этой части долины ливень уже начал стихать, что не могло не радовать.

— Шеф! — окликнула я и повернулась. — Где вы...

Договорить я не успела, лишь увидела падающего на землю Белянского и ощутила резкую боль в затылке.

ГЛАВА 25

Что может быть хуже, чем проснуться с жуткой головной болью? Только проснуться с жуткой головной болью под дождем в грязной канаве!

Я лежала на земле среди каких-то кустов, но не чувствовала ничего. Ни холода, ни капель дождя, барабанивших по лицу, лишь дичайшую боль в затылке. Вздохнув, кое-как перевернулась на бок и потрогала голову. Но пальцы заоченели, и я не смогла ничего понять. Глухо выругавшись, я села и осмотрелась. Рядом с ногой валялась моя сумка и, судя по вывернутой подкладке, ее выпотрошили, пока я была без сознания. Вяло потянув на себя разбухший от воды кожаный мешочек, я заправила подкладку внутрь и заглянула в сумку, но ни блокнот, ни карандаш, ни ключ от номера там не материализовались.

— Хракс, — хрипло прошептала я и поднялась на четвереньки.

Я оказалась на каком-то склоне, вокруг шумел затихающий дождь, шлепаемая каплями по крупным листьям кустарника.

— Шеф! — позвала я и, повесив сумку на шею, наугад поползла вперед. — Шеф! Старший следователь! Вы где?

Белянского я обнаружила чуть ниже по склону. Отдуваясь и отплеываясь от прилипших к лицу волос, я перевернула рейяна на спину, с тревогой пощупала пульс и облегченно вздохнула —

старший следователь был жив. Я легонько похлопала его по щекам, но Белянский никак не отреагировал. Тогда я пару раз ущипнула его за ухо и громко позвала по имени, но результат был тот же. Дрожа от холода, я плюнула на конспирацию и строго приказала:

— Марьян Белянский, очнись! Я не желаю тащить тебя в отель. Брошу здесь! Это совершенно невежливо с твоей стороны. Я женщина, а ты вынуждаешь меня тут мерзнуть!

Это тоже не возымело действия.

Немного повздыхав, я поднялась и осмотрелась. Кто бы ни напал, далеко он нас не оттащил — за кустами была та самая дорога, на которую мы вышли из портала. Преступник не протащил нас и пяти метров, бросив рядом с местом нападения. Судя по моей одежде и волосам, нас не переносили, а просто перекачивали или тащили прямо по земле.

Еще раз вздохнув и наконец решившись, я подхватила старшего следователя на руки и полезла сквозь кусты.

— Бонс, положи, где взяла, — вдруг хрипло велел начальник, и я от неожиданности вытянула руки по швам.

— Бонс! Какого хракса? — взвыл снизу Белянский. — Я не просил меня ронять!

— Извините, шеф, — неуверенно проблеяла я, дрожащей рукой заправляя мокрую и грязную прядь за ухо.

— Хракс знает что! — возопил начальник, садясь и глядя на меня. — Что случилось?

— На нас напали, — ответила я, пытаюсь заглянуть Белянскому в глаза. — Вы как, шеф?

— Очень хочется кого-нибудь порвать на запчасти, — зло ответил старший следователь, со стоном потирая голову. — Напали?..

— У меня украли все, что было в сумке, — сказала я.

— Да? — Шеф кое-как встал, зашипел, вытащил из-под пиджака ветку и с проклятиями зашвырнул ее в кусты. — Что у вас там было? Было что-то ценное?

— Нет, лишь блокнот с записями и ключ от номера. Они и пропали.

— Не могли просто выпасть?

— У меня хороший замок на сумке, — обиделась я. — Сумка не могла просто расстегнуться.

— У меня не вынули даже кошелек, — поделился Белянский, ощупав карманы. — И ключ от номера на месте. Хм... Только кристалл пропал. Это не нападение ради денег.

— Правда? — перепугалась я. — Но кто... И тем более здесь?

— Я ожидал чего-то подобного, — ответил начальник, выбираясь из кустов на дорогу.

— Ожидали, шеф? — опешила я.

— Да, — кивнул старший следователь.

— Но почему?

— Потому что я уже знаю, кто совершил убийства, — огорошил меня рейян Белянский.

— Знаете? И кто же?

— Нет, Бонс, — отмахнулся мужчина. — Еще не время отвечать на этот вопрос. Но знайте, этим нападением убийца себя подставил.

— Но... Но... — промычала я. — Как? Как?

— Вы можете догадаться, если подумаете, Бонс, — ответил шеф. — Ответ лежит на поверхности. Нужно лишь сравнить факты — то, что было сказано одними, и чего не сказали другие. Кто-то мог просто не заметить, но маленькие, совершенно незначительные детали все объясняют. Осталось лишь найти улики. А с ними все гораздо сложнее.

Я вздохнула, смахнула капли воды с лица и поплелась за шефом к гостинице.

— Так вы мне не скажете?

— Это будет неинтересно, Бонс.

Администратор при виде нас едва не поднял шум, но потом всмотрелся в наши лица и нервно проблеял:

— Добрый вечер.

— Добрый ли? — хмуро спросил Белянский. — Мы потеряли ключ от номера рейны Бонс. Вы найдете запасной?

Администратор бросил на нас испуганный взгляд и признался, что запасных ключей у них нет.

— Тогда можно получить другой номер, пока решается вопрос с доступом в номер рейны? — сверля администратора взглядом, спросил старший следователь.

— Прямо сейчас у нас нет свободных номеров, — признался несчастный.

— Когда вы сможете решить вопрос с ключом?

— Утром, — едва не плача ответил администратор. — В такую погоду слесарь не придет. Только после дождя.

Белянский заскрипел зубами и хмуро ответил:

— Ясно. Бонс, идемте.

В номере Белянский тут же начал стаскивать одежду, не заботясь о моих чувствах. Правда, под свитером старший следователь оказался настолько покрыт грязью, что я едва не застонала от разочарования.

— Бонс, не стойте столбом, — командным тоном велел шеф. — Нам обоим нужно смыть грязь и согреться. Так что придется на время забыть о субординации. Вам ванна, мне душ. Я устанавливаю магическую непрозрачную стенку. Возражения?

— Ни одного, — с облегчением сказала я и скинула на пол промокшие туфли.

От остальной одежды я избавилась уже в ванной комнате, когда шеф поднял заслон и предупредил, что закончит первым и закажет ужин и горячий чай.

Несколько минут я прислушивалась к звукам за магической перегородкой, но потом увлеклась, согрелась под струями горячей воды и стала ожесточенно оттирать грязь с кожи и выполаскивать листья и траву из волос. На дне ванны очень быстро скопилась целая горка песка и мусора, но я на этом не успокоилась и потратила еще полчаса на то, чтобы пару раз намылить голову.

Шеф оставил для меня два полотенца и пушистый халат, в который я тщательно закуталась, перед тем как взглянуть на себя в зеркало.

— Нос красный, щеки пылают, — прошептала я, разглядывая лицо. — Срочно нужно чаю. И поменьше думать обо всем, что произошло. Иначе к утру я обзаведусь простудой.

Выходить из ванной комнаты совершенно не хотелось. И смущала меня вовсе не вынужденная необходимость разделить номер с начальником, а то, что произошло в кустах.

— Небеса, пусть старший следователь забудет об этом, а? — попросила я, глянув в потолок и против воли понадеявшись на помощь невидимых сил. Да уж, когда спастись самой не выходит, остается уповать на стороннюю помощь!

— Вы вовремя, — сказал Марьян, когда секретарша появилась из ванной комнаты. — Как раз принесли еду. И чай. Горячий.

Сказав это, рейян взглянул на девицу и против воли хмыкнул, отметив, что без своих строгих жакетов и юбок, без романтичных блузок и высоких каблучков Элла Бонс кажется совсем юной и трогательно незащищенной.

— У вас красный нос, — сказал следователь, когда секретарша прошлепала к столику и со вздохом устроилась на стуле. — Вы не простыли?

— Пока неясно, — отозвалась девушка. — Затылок побаливает.

— Да? Дайте посмотреть.

Марьян встал и обошел стол. Он ожидал, что Элла Бонс сожмется на своем стуле, как трепетная лань, но она без вопросов повернула голову так, чтобы рейяну была лучше видна шишка и довольно внушительная ссадина.

— Шишка, — сообщил Марьян. — И кожа сильно содрана. Но крови нет. Сильно болит?

— Нет, — отмахнулась Элла Бонс. — Терпимо.

— Утром стоит разыскать какого-нибудь виталиста или хотя бы врача, чтобы вас осмотрели, — решил следователь. — А пока... — Он ухватил девушку за подбородок и вынудил помощницу посмотреть себе в глаза. — Зрачки нормальные. Вряд ли у вас сотрясение.

— Хорошо, — кивнула Бонс.

Марьян вернулся за стол и снял крышку с жаркого.

— Мы опоздали на ужин, так что придется обойтись тем, что есть, — пояснил он. — Жаркое, поджаренный хлеб, фасоль, зелень. Чай и печенье. Еще коньяк. Вам налить?

— Было бы неплохо, — согласилась Элла Бонс. — Этот дождь...

— Нужно будет внимательно осмотреть то место утром, — предупредил Марьян.

— Думаете, найдем блокнот? — с надеждой спросила секретарь.

— Возможно, но вряд ли, — покачал головой старший следователь, накладывая себе еды. — Я почти уверен, что напавший не ставил себе целью выкрасть ваши записи, но он обязательно от них избавится.

— Ясно, — вздохнула девица. — Но я смогу восстановить содержимое.

— Будет неплохо, — кивнул Марьян. — Это многое упростит. Запишите потом, что помните.
— Хорошо, шеф.

— А теперь, Бонс, расскажите мне, что это было? — отпив из бокала, велел Белянский.

— Вы о чем? — невинно захлопала глазками Элла.

— Вы поняли, — с прищуром глядя на девушку, ответил старший следователь.

— Вовсе нет, — уперлась помощница. — О чем вы?

Марьян не стал объяснять. Вместо этого он предупреждающе взглянул на свою секретаршу. Обычно после такого взгляда окружающие мигом все понимали и начинали каяться во всех грехах в алфавитном порядке. Но девица с невозмутимым видом отзеркалила его взгляд и преспокойно продолжала есть.

— Бонс, вы — зло! Не тяните, — через минуту нарушил тишину шеф. — Мне же любопытно.

— То зло, то чудо, — проворчала девица. — Вы уж определитесь.

— Непременно, — отозвался Белянский, продолжая сверлить секретаршу взглядом. — Так что? Вы собираетесь объясниться или предпочитаете молчать?

— А у меня есть выбор? — с тоской спросила Бонс.

— Нет.

Девушка вздохнула и с хмурым видом наколола на вилку стручок зеленой фасоли.

— Шеф...

— Бонс, колись уже, — усмехнулся Марьян.

Она недовольно глянула на старшего следователя, пыхтя, как злой ежик, и зверски раскромсала пополам кусочек картофеля.

— Шеф, хочу отметить, что вам стоит определиться, — спокойным и совершенно не вяжущимся с внешним состоянием голосом сказала помощница. — Вы мне то тыкаете, то выкаете.

— Не меняй тему, — строго велел Марьян, за неимением привычного карандаша нацелив на секретаршу столовый нож.

Элла Бонс недовольно разрешила еще одну картофелину и потянулась к бокалу с коньяком.

— У меня весьма необычные родители, — тихо сказала девушка и глотнула янтарной жидкости. — Мама не метаморф, но с ее стороны в семье их довольно много. У меня семь тетюшек... Число своих кузенов и кузин я точно даже не знаю. Тем более что тетюшки у меня любят чудить, и чудят с огоньком. Две как-то много лет назад разругались и до сих пор не разговаривают, хотя волосы, которые они друг другу выдрали, уже давным-давно отросли. А в семье отца редко, через несколько поколений, но передается необъяснимая сверхсила. Но обычно ею владели представители мужского пола Бонсов. Кто же знал, что гены метаморфов и силачей соединятся... таким вот образом.

Договорив, девушка залпом допила коньяк и с вызовом глянула на Белянского, ожидая его реакции. А Марьян поймал себя на том, что его волнует всего один вопрос. Волнует так, что нет сил злиться на Эллу Бонс за скрытность.

— И насколько вы сильная? — не удержался и спросил он с искренним любопытством.

Секретарша странно на него глянула и ничего не ответила.

— Бонс, как вы умудрились наклюкаться? — хмуро спросил Марьян, вскакивая со стула, чтобы не дать девице свалиться на пол. — Хотя путешествие, травма, холод, алкоголь на почти пустой желудок...

Старший следователь придержал Эллу, а потом и вовсе подхватил на руки и перенес на кровать. Ужин уже остыл, но Марьян доел свою порцию и с сожалением глянул на остатки на тарелке секретарши — сморило ее раньше, чем она нормально поела. Покосившись на спящую девушку, рейан задумался над тем, что сегодня услышал. Открывшаяся тайна Эллы Бонс немного отвлекла Белянского от дела, но он заставил себя вернуться к расследованию и оставил мысли о странных особенностях помощницы на потом.

— В конце концов, это необычно, но в этом нет ничего такого, что стоило бы прятать, — подумал он вслух. — Интересно, что заставило ее делать из этого тайну?

Мне снился большой бежевый кролик, которого мне подарила мама на какой-то праздник. Игрушечный зверь был с меня ростом, если не больше. И этот кролик долгое время оставался единственной вещью, которая неизменно переезжала со мной из одного дома в другой. Но

потом кролика пришлось выбросить. Он не только истрепался, но и порвался в нескольких местах, хотя я очень старалась не сжимать его слишком сильно с тех пор, как поняла, что от этого ломаются вещи.

Но сегодня кролик навестил меня во сне. И почему-то все равно оказался огромным, больше меня... Забросив на кролика ногу и обхватив его руками, я крепко обняла игрушку, не желая никому ее отдавать.

— Бонс, пусти, — внезапно проник в мой сон голос старшего следователя. — Ты на самом деле сильная... Бонс! Если меня поломать, чиниться я буду очень долго!

Я нахмурилась, попыталась понять, откуда взялся Белянский, и проснулась. Секунду я лежала неподвижно, с закрытыми глазами, очень надеясь, что мне происходящее снится, но телодвижения рядом явно доказывали обратное.

— Бонс! — хмуро и предупреждающе выдохнул шеф, и я поспешно убрала закинутую на начальника ногу. Потом медленно разжала объятия и вообще постаралась отползти подальше.

— Ай! — взвыла я, свалившись с кровати. — Хракс!

— Вы живы? — перегнувшись через край, спросил Белянский.

Я проследила за его взглядом и, мигом напустив независимый вид, поправила полу nepoзвoлитeльнo зaдpавшeгoся халата. Мне не жалко, но субординация...

— Нужно узнать, что там с вашим номером, — заявил Белянский, поднимаясь с кровати. Я следила внимательно, ожидая увидеть неуверенность и наигранную деловитость, за которой старший следователь мог попытаться скрыть смущение, но, к моему разочарованию, рейян вел себя так, словно ничего не произошло. Будто он каждый день просыпается в одной кровати с собственной секретаршей, которая его едва не раздавила в объятиях.

Стоп! Я этим разочарована?

— Бонс, хватит сидеть на полу, — сказал Белянский, заметив, что я не пытаюсь подняться, и я мигом отмерла, перестав анализировать собственную реакцию на поведение начальника.

— А?

— Я говорю, не сидите на полу, — повторил рейян. — Холодно же. Я спущусь и уточню по поводу ключа от вашего номера.

Я быстро кивнула, глядя, как шеф шнурует ботинки. Спал он в одежде, темно-серая рубашка сильно измялась, а на плече виднелось маленькое мокрое пятнышко.

Мамочки! Я обслуживала родное начальство? Какой кошмар! Упасть ниже просто некуда!

Не слыша мои мысленные вопли, Белянский накинул пиджак и удалился.

Тех нескольких минут, что его не было, мне хватило лишь на то, чтобы сбегать в ванную комнату, поорать от вида своих вздыбленных волос и смочить пылающие щеки ледяной водой.

— В вашу дверь врезали новый замок, — сообщил ни о чем не подозревающий старший следователь. — Бонс!

— Да, шеф, — пригладив волосы, с самым скромным выражением лица отозвалась я, выходя из ванной.

— У вас был только один блокнот с собой?

— Нет, шеф.

— А у вас где-нибудь записан номер Каранского? — спросил рейян.

— Я прекрасно помню номер, — пытаюсь совладать с собой, слабо улыбнулась я.

— Отлично! — Подойдя к телефону, старший следователь набрал код вызова коммутатора. — Звонок в столицу, пожалуйста.

Продиктовав номер, я не ушла к себе, а задержалась, желая узнать, зачем шефу понадобилось звонить профессору. Сжав в руке ключ, я замешкалась у двери.

— Профессор Каранский? — спросил старший следователь, когда его соединили. —

Здравствуйте, это Белянский. Да, да... Вы искали Бонс? А, ясно. Профессор, я хотел бы попросить вас быть осторожным в ближайшее время. В чем дело? Я объясню при личной встрече. Но прошу вас не покидать дом, не впускать сомнительных гостей и быть предельно осторожным. Не хочу вас пугать, но я склонен считать, что вам угрожает опасность.

Я охнула, слушая разговор, и, стоило рейяну повесить трубку, спросила:

— Так вы уверены, что в убийствах виноват Василь Раскель и теперь он будет охотиться на Каранского?

— Нет, я совершенно уверен, что Раскель никого не убивал, — ответил Белянский. — Более того, я считаю, что Василь Раскель мертв.

ГЛАВА 26

— Завезите свои вещи домой, а после отправляйтесь в архив главной библиотеки столицы, — велел Белянский, перед тем как захлопнуть дверцу наемного самохода. — Я хочу знать заголовки статей за год-два до смерти Дмитрия Раскеля и особенно в последние полгода перед его убийством.

— Хорошо, шеф, — ответила я, сделав пометку в блокноте.

— Я съезжу в меблированные комнаты, где квартировал младший Раскель, — предупредил Белянский.

— Ясно.

— Возвращайтесь в управление, когда закончите.

— Да, шеф!

Самоход отъехал, увозя меня в сторону Лилового переулка, и я медленно выдохнула. В багажнике транспортного средства громыхал мой сундук, в ногах стоял чемодан, а в голове царил пустота. Хотелось лечь на сиденье и проспать трое суток.

Ни о каком отдыхе в Старгорье и речи не шло. До вечернего поезда, на который мы едва успели, Белянский пожелал еще раз увидеться с Болотонским и еще раз заглянуть к Марианне Раскель. Между этими делами мы опросили работодателя Василя Раскеля и осмотрели его дом. На еду и отдых времени не осталось совсем, так что в поезде до Гаруча, наплевав на фигуру, я провела целый час перед полночью, опустошая запасы гномов с совершенно неженской прожорливостью, а остаток пути проспала, — теперь я понимала старшего следователя, предварительно вздремнувшего в начале командировки.

Записи опроса мы восстановили, фотографию Василя, которую шеф сунул в кошелёк, удалось высушить без потери качества. Мы даже просмотрели вещи, которые Марианна Раскель оставила в память о муже, но ничего особенного там не было. Заинтересовало лишь то, что пропали газетные вырезки и листы из тетрадки. Видимо, их забрал Василь. А вот Болотонский, пережив известие о смерти знакомых, сообщил много такого, ради чего стоило заглянуть к нему второй раз. Вот только теперь я уже не знала, что важно, а что лишь кажется важным. Слова старшего следователя никак не выходили у меня из головы, хотелось узнать правду, но шеф помалкивал и повторял, что ему нужно переговорить с Дубинским.

Обратно поезд шел по иному маршруту, так что в столицу мы вернулись только ранним утром. Серые тучи, сопровождавшие нас большую часть пути, отстали лишь на подступах к Гаручу, но ясное небо и тепло не развеяли мое плохое настроение. Мало того что теперь Белянский знал обо мне все, так еще и собирался что-то выяснять у Дубинского без меня!

— Но ничего не поделаешь, — прошептала я, наблюдая, как наемный самоход заруливает в маленький дворик перед домом номер три. — Я не могу его связать и указывать, что делать. А очень хочется!

Позабыв о конспирации, я сама вытащила из салона и багажника свои вещи и медленно поплелась к подъезду.

— Взбодришься, — велела себе, входя в здание и останавливаясь перед почтовыми ящиками. — Это еще не конец света. Белянский может проявить благородство и помалкивать о том, что видел и что я рассказала. О себе же он молчит.

В ящике меня ожидало письмо, мигом заставившее насторожиться. В конверте из плотной, чуть желтоватой бумаги лежала черная карточка, несколько строк серебряными чернилами на которой заставили меня вздрогнуть и оглядеться.

— А вы не забыли обо мне, — усмехнулась я, тронув пальцем крошечную печать в виде короны и пистолета в уголке кусочка картона. — И скромности у вас меньше не стало, ваше величество король мира теней. Что ж, спасибо за предложение. Я даже знаю, как им воспользуюсь.

Поднявшись в квартиру, я вырвала из блокнота лист и быстро написала на нем приметы Василя Раскеля. Шеф явно объявит этого рейяна в розыск, но, если мужчина мертв и его тело все еще не найдено, кто укажет правильное место поисков лучше, чем те, кто привык скрываться в тени?

— Твой брат вернулся, так почему меня все равно сюда прислали? — хмуро спросил Эрдиан, неся за Алесей ее вещи.

— Потому что он так захотел, — недовольно ответила девчонка, на ходу рисуя на листе плотной белой бумаги зеленым, розовым и алым мелом. — Я сама не хочу, чтобы ты за мной таскался.

— Я тоже не хочу, — обиженно возмутился молодой Барсавский. — Но твой брат снимет с меня шкуру, если не буду выполнять его задания, а если не он, так питбуль Белчер. Аlesia фыркнула и хмуро глянула на молодого человека, на секунду оторвавшись от рисования. — Что на этот раз? — спросил молодой человек, пытаясь заглянуть через ее плечо. — Опять старший следователь. А это... Элла Бонс? А красное? Кровь? Аlesia вздрогнула, внезапно замерла и выронила мел и листы. Те разлетелись вокруг нее сбитыми птицами.

— Эй, ты чего? — опешил Барсавский, когда девушка вдруг опустилась посреди мостовой и, ни на кого не обращая внимания, обхватила себя руками. — Аlesia!

— Хмарь, — захныкала девушка. — Хмарь! Нет, нет, нет!

— Эй, что случилось? — перепугался Эрдиан, не представляя, что делать.

— Нет, нет, нет! — раскачиваясь, причитала девушка.

— Что... что мне делать? — нервно спросил стажер, сам не зная, что должен предпринять.

Он присел на корточки рядом с девушкой и тронул ее за плечо, но она никак не отреагировала, лишь разрыдалась еще сильнее.

— Аlesia, — позвал молодой человек. — Успокойся.

— Нет! — воскликнула девушка и испуганно взглянула на Эрдиана. — Этого не может произойти. Не может!

Слабо представляя, что делает, молодой человек положил руку Алесе на лоб. Его ладонь на долю секунды заledenела, будто он опустил ее в ведро с колодезной водой, а девушка, всхлипнув последний раз, закрыла глаза и обмякла.

— Хракс, — прошептал Эрдиан. — Нужно было сначала довести ее до какой-нибудь лавочки. Осмотревшись по сторонам, стажер подхватил девушку на руки и, отдуваясь, перенес на ступеньки крыльца ближайшего дома, а после перетащил вещи и разлетевшиеся рисунки.

— Как я это сделал? — спросил он себя, разглядывая свои ладони, но потом спохватился: — Это не важно. Главное, девчонка успокоилась. Немного поспит, а потом, возможно, не будет так переживать из-за какого-то рисунка.

Взяв последнюю зарисовку Алеси, Эрдиан повертел ее в руках, пытаясь хоть что-то угадать в мешанине линий и пятен. В какой-то миг ему показалось, что он уже видел прежде что-то подобное. И видел не где-нибудь, а в Гаруче.

— Эта улица... Я ее знаю! — воскликнул он и обернулся к Алесе, но девушка неподвижно полусидела на ступеньках и не могла разделить с молодым человеком его догадку. — Это отель! Тот большой отель!

— Да ты что! — отмахнулся Кристэр. — Не буду я архив поднимать. Ты хоть представляешь, сколько дел нужно перебрать? И ты еще хочешь, чтобы я сделал запрос по немагическому направлению? Марьян! Да на это годы потребуются! У меня все не так, как у тебя! У нас ежедневно что-то происходит, а тридцать лет назад под началом старшего следователя моего отдела трудилось сразу шесть сыщиков. И у всех было полно работы.

— Я не прошу тебя поднимать все дела в архиве, я хочу знать детали лишь самых крупных, — спокойно сказал Белянский, не обращая внимания на возгласы приятеля. — Их явно было меньше. Мелкие кражи в подворотнях меня не интересуют.

Дубинский закатил глаза и тихо застонал:

— Марьян, да ты издеваешься...

Внезапно их оглушил звон колокола, сотрясший здание от подвальных этажей до самого шпиля.

— Это еще что такое? — прошептал Крис, глянув на приятеля.

— Код красный, код красный, — разнесся по зданию многократно усиленный голос рейяны Белчер. — Прорыв между мирами в здании отеля «Ирдания». Есть погибшие, пострадавшие. Общий сбор всем!

— Хракс! — воскликнул Марьян. — Как же не вовремя!

— Уходим порталом? — спросил Дубинский, вскакивая из-за стола. В коридоре уже слышалась беготня — маги управления собирались на срочную ликвидацию прорыва.
— Не выйдет, — мотнул головой Белянский. — Ты забыл? Прорывы дают сильные помехи. Тебя расщепит, если портал откроется в радиусе пары километров от эпицентра.
— Тогда что? Вниз — и вместе со всеми?
— Да, — кивнул Марьян. — Поспешим. Сейчас важен каждый маг.

— Демон! Демон! Демон! — проорал несущийся мимо мужчина, едва в меня не врезавшись. — Демон!

Я удивленно посмотрела ему вслед, а потом перевела взгляд туда, откуда он прибежал. Люди вокруг, услышав возглас прохожего, инстинктивно устремились за ним, стремясь оказаться подальше от обитателя иного мира, даже если тот лишь привиделся орущему в бреду.

— Демон? — ни к кому не обращаясь, спросила я и поспешила туда, откуда бежали люди. Если там на самом деле тварь из другого мира, то на место обязательно придут спецы из управления. Мне там, по уму, делать нечего. Я не полевой работник, а кабинетный. Но в данный момент я могу оказаться ближе многих коллег к источнику опасности и оказать посильную помощь кому-нибудь из потерпевших.

Отель «Ирдания» высился на перекрестке двух больших улиц и был одним из самых высоких зданий в округе. Сейчас разбитые высокие окна отеля черными провалами смотрели на притихшие улицы, а в холле первого этажа бушевал пожар.

— Пожарные бригады уже здесь, — сообщили прибывшие первыми жандармы. — Подключились к системе, но даже подходить боятся.

— Бригада опытных боевиков приехала? — спросил Марьян, пытаясь рассмотреть, что происходит на верхних этажах здания.

— Да, они внутри, — ответил жандарм. — Работают.

Белянский и Дубинский осмотрели вываливших из автомобилей управленцев и стали дружно раздавать указания:

— Разделяемся на группы по несколько человек и занимаем территорию вокруг отеля. Если из здания что-то полезет, сначала убеждаемся, что это не наши, а потом уничтожаем доступными вам способами. Порталы не использовать, амплитудные чары — тоже. Если через установленные тридцать минут бригада зачистки не выйдет, наступаем и действуем сообразно инструкции. Никакой самодеятельности, истерики и пальбы с закрытыми глазами.

Сами следователи заняли позиции в пятидесяти метрах от отеля со стороны фасада и внимательно следили за тем, как пляшут тени в здании и раздаются вопли и скрежет.

— Справятся? — неуверенно спросил Крис. — Не хочу лезть к демонам... Я не боевик.

— Ты знаешь порядки, — отозвался Марьян. — Мы должны быть здесь и предотвратить самое худшее, если что-то пойдет не так. Это наша обязанность. Но боевикам редко нужна помощь. Мы здесь для спасения жителей и ликвидации последствий.

Дубинский кивнул, но его вытянутые вперед руки затряслись сильнее.

— Что вообще случилось? — спросил Марьян ближайшего жандарма, стоявшего в оцеплении позади магов.

— Говорят, какой-то постоялец взбесился, начертил круг вызова и перерезал себе горло над ним, — ответил служитель правопорядка.

— Напитал жизненной силой, — простонал Крис, и его передернуло от ужаса.

— Если маг был сильным, он мог и стабильный проход открыть, так что там внутри может быть не один демон, а несколько, — отметил Белянский.

— Боевики должны были первым делом перекрыть проход, — напомнил ему Дубинский.

— Но до того как бригада приехала, из круга могло вырваться достаточно тварей, — неутешительно покачал головой Марьян.

От огня треснуло стекло на первом этаже, осыпав мостовую новой порцией осколков. Где-то высоко вверх прогремел взрыв — и из окон третьего этажа, шипя и булькая, по стене потекло что-то густое и черное.

— Там... Там... — проблеял Крис, указывая на месиво.

— Я вижу, — кивнул Марьян, чувствуя, как к горлу подступает желчь. — Один боевик не справился сегодня...

Визги и шум стали громче, то и дело из окон летели какие-то ошметки и обломки мебели. Кто-то из жандармов стал отчетливо шептать мольбы небу.

— Как же в управлении спокойно, тихо, — вдохновившись заунывными молитвами, прошептал Дубинский. — Да я бы лучше дело Хваранского копал, чем здесь торчать!

— Неужели я доживу до того момента, когда ты таки решишь что-то со своим Хваранским? — скептически хмыкнул Марьян.

Внезапно в проеме одного из больших балконных окон пятого этажа показался рояль. На нем, покачиваясь из стороны в сторону, маячило что-то огромное и черное, похожее на осьминога.

— Шеф! — вдруг услышал Белянский голос откуда-то позади. — И вы здесь?

— Бонс? — на миг потеряв бдительность, удивился старший следователь и оглянулся. — Что вы здесь забыли?

— Марьян! В сторону! — гаркнул Крис, отскакивая назад.

Белянский среагировал рефлекторно, на одних инстинктах. Он подался назад и в сторону, но вылетевший из отеля рояль, перевернувшись в воздухе, все равно его настиг, навалившись сверху с протяжным звоном лопающихся струн.

В первую секунду рейян решил, что уже умер и потому ему совершенно не больно. Затем встрепенулись все чувства, сообщив, что для мертвого старший следователь непозволительно хорошо чувствует и камни брусчатки под щекой, и запах гари. Открыв глаза, Марьян увидел в шаге от себя носки ярко-алых туфель и хорошенькие стройные ножки в чулках.

— Для небес слишком хорошо, — констатировал он вслух и поднял голову повыше.

— Шеф, вы как? — с нескрываемой тревогой спросила Элла Бонс, удерживая на весу рояль. — Вы живы?

Марьян перевел взгляд на то, что находилось прямо над ним, и медленно сглотнул, разглядывая дно рояля с переломанными ножками.

Всклипнув, Бонс легко, как папку с документами, откинула рояль в сторону и с гневом воззрилась на упавшего с рояля демона. Тот медленно подтягивал свои щупальца и довольно хихикал, глядя на людей дюжиной глаз.

— Моего! Шефа! Обижать? — отчеканила Бонс, переступив через Марьяна и сделав шаг навстречу жуткой твари. — Моего шефа?!

— Бонс! — предостерегающе воскликнул старший следователь, выбросив вперед руки и пытаясь спеленать девушку магией, но жгуты лопались и распадались на белые хлопья пепла. — Хракс! Тебя же магия не берет! Элла, немедленно отойди! Это опасно!

Не слушая Марьяна, секретарша вплотную подошла к твари и грозно ткнула в нее пальцем:

— Я тебе этого не прощу!

Демон недоверчиво воззрился на девушку, привстал, демонстрируя свои габариты, и довольно потянулся к Элле Бонс щупальцами. Но прежде чем множество конечностей обхватили помощницу Марьяна, та сама сцапала непрошеного гостя из другого мира за одно щупальце и быстро завязала его в узел.

— Р-р-р-а-а! — завопил демон — там, где пальцы девушки его коснулись, остались белесые следы.

— Что ты о себе возомнил? — прошипела Бонс, хватая другие щупальца и сдавливая их в своих руках. — Кто тебе позволил? А ну, иди сюда!

Схватив демона за полдюжины щупалец сразу, секретарша без усилий взмахнула трехметровой тварью и ударила ее о брусчатку.

— Никто не смеет обижать моего шефа! — воскликнула она, еще пару раз приложив извивающегося демона о камни.

Тот как-то сморщился и весь побледнел в ее руках, став раза в четыре меньше.

— Я высший демон! — проблеял он.

Элла последний раз ударила осьминога о брусчатку, завязала оставшиеся щупальца в узел и хмуро пнула демона ногой.

— Мелковат, — сообщила она, полностью успокоившись.

— Бонс! — позвал Марьян через минуту.

Девушка оглянулась и как-то разом перепугалась, сообразив, какое представление устроила.

— Шеф? — шепотом откликнулась она.

Марьян глянул на отель, где уже затихали последние крики и боевики зажигали в комнатах зеленое свечение, давая знать, где территория очищена от тварей из другого мира.

— Ты в порядке? — спросил Белянский.
— Да, шеф, — потупив взор, нервно отозвалась Элла Бонс.
Маги и жандармы, стоило ей шагнуть ближе, подались во все стороны, стремясь убраться с ее пути. Заметив это, девушка прикусила задрожавшую губу и ниже опустила голову.
— Хорошая работа, Бонс, — дрогнувшим голосом сказал Белянский, протянув секретарше платок.
Она недоверчиво на него воззрилась, ожидая увидеть то же самое, что было написано на лицах других — страх.
— Раз здесь уже все собрались, уходим, — сообщил Марьян, чувствуя не страх, а новый прилив любопытства. — У нас полно работы, Бонс!
То ли привычный тон воодушевил девушку, то ли взгляд, в котором она не нашла ничего для себя неприятного, но стоило Белянскому отвернуться и зашагать прочь, как позади раздались знакомые цокающие звуки каблучков.
— Вы не зло и не чудо, Бонс, — сообщил Марьян, не оглядываясь. — Вы розовое нечто на каблучках.

ГЛАВА 27

— Я выяснила то, что вы просили, шеф, — немного придя в себя на обратном пути в управление, сообщила я и вытащила из сумки записную книжку.
— И что же?
Не отвечая, я сунула старшему следователю под нос список из нескольких десятков заголовков с короткими пояснениями более мелким почерком, а сама стала оттирать грязь с дрожащих рук.
Прочитав мои записи, шеф усмехнулся и прошептал:
— Превосходно! Вы не перестаете радовать, Бонс.
— Это моя обязанность, — заметила я и постаралась улыбнуться. — За это управление платит мне полторы ставки.
— Опасайтесь премии, Бонс, — предупредил Белянский.
— Какой премии?
— За спасение, — коротко пояснил старший следователь, — и предотвращение.
— Это чем-то грозит? — уловив тон начальства, спросила я и ойкнула, когда самоход подпрыгнул на ямке, а я в который раз сползла вплотную к рейяну. И что с этими коробками на колесиках делают в управлении, что все сиденья горбят?
— Занесением в личное дело и потным рукопожатием главного, — ответил Белянский, никак не реагируя на то, что мое бедро на несколько секунд соприкоснулось с его бедром.
— Ясно, — натянуто улыбнулась я. — Но что вам дал этот список?
— Недостающее звено, — ответил старший следователь. — Теперь я знаю все.
— А объясните?
— Возможно, — усмехнулся рейян.
Самоход затормозил перед управлением, и мы выбрались из транспортного средства.
— Возможно? — обиженно переспросила я. — И спасай вас после этого! Вы — зло, шеф.
— Твой ответ, цыпа, — внезапно прошептал пробежавший мимо мальчишка и ловко сунул мне в руку измятый клочок бумаги.
— В чем дело? — насторожился старший следователь.
Я взглянула на него и медленно развернула бумажку. На ней были лишь какие-то буквы вперемежку с цифрами. Белянский, заметив мое недоумение, забрал листок и хмыкнул.
— Вы поняли, что это значит?
— Это координаты одного из участков реки, — ответил он. — Почти на окраине. Что там?
— Похоже, искать Раскеля надо именно там, — тихо ответила я.
— Откуда эти сведения? — напрягся шеф, внимательно глядя на меня.
— Ну... есть один источник, — уклончиво проговорила я и постаралась сгладить собственную неуверенность улыбкой.
— Какие у вас интересные источники, — хмыкнул рейян и задумчиво прищурился. — Что ж, хорошо, если именно там мы и найдем несчастного Василя.

Порадовавшись, что шеф не стал меня расспрашивать дальше, я бойко засемила за ним к зданию управления.

— Ну, хоть что-нибудь, милейший, — услышали мы раскатистый бас, входя внутрь. Едва не упав на пол и часто-часто моргая от удивления, я обогнула старшего следователя и узрела собственных родителей, с двух сторон наседавших на несчастного спеца за конторкой. — Папочка? Мамочка? — позвала я, словно они оба были видением, готовым в любой миг растаять, как мираж в пустыне.

— Эллочка! — воскликнула мать, раскинула руки и налетела на меня, как ураган. Отец был осторожнее и сжал нас обеих в своих медвежьих объятиях с невероятной нежностью. — Мы приехали, забросили вещи, — прощепетала мать, отодвинувшись ровно настолько, чтобы видеть мое лицо. — Хотели тут же с тобой связаться. Но ты же ничего не оставила! Почему не зашла домой? Почему не продиктовала Улле свои контакты? Отец потерял ежедневник, и мы не могли вспомнить, где ты квартируешь! Зачем тебе вообще квартира, если у нас дом в столице? Я не понимаю!

Я улынулась, разглядывая родителей и почти все пропуская мимо ушей. Они совсем не изменились с последней встречи. Такие же высокие, загорелые. И, кажется, даже их рабочие костюмы цвета пустынного песка те же самые, что были на них в нашу последнюю встречу.

— И похудела, похудела, — как всегда обреченно простонал отец, уже без предосторожностей сжимая меня в объятиях. — Что с твоей одеждой? Что это за пятна? Вы совсем загоняли нашу девочку!

Тут я сообразила, что совершенно забыла про шефа.

— Рейян Белянский, это мои родители... Папа, мама, это старший следователь Марьян Белянский из отдела убийств и мой начальник, — с приклеенной улыбкой представила я их друг другу.

— Здравствуйте, рейян и рейяна Бонс, — проявил чудеса вежливости шеф и даже улыбнулся, пожимая руку отцу.

На миг я взглянула на них со стороны, подмечая реакцию как родителей, так и начальника. Отец едва заметно, но одобрительно хмыкнул, словно я ему не шефа представила, а жениха. Да и мама лукаво на меня покосилась. И только Белянский ничего не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

«И этот день теперь уже точно навсегда останется в памяти, как один из худших», — мысленно простонала я.

— Старший следователь, вы переживете, если мы на полчаса украдем нашу дочь? — сладко улыбаясь, спросила мама.

Шеф протянул руку за блокнотом, который я тут же ему отдала, и неопределенно пожал плечами.

— Эллочка, где здесь можно посидеть? — решительно спросила мать, подхватывая меня под локоть.

Если прежде Белянский мог только догадываться, в кого я такая, то знакомство с мамой развеивало всякие сомнения.

— Девочки мои, такая встреча! — пробасил папа, увлекая нас к выходу и оставляя Белянского стоять и таращиться нам вслед.

— Нет, мама, у меня нет романа с рейяном Белянским! — усмехнулась я и погрозила родительнице пальцем.

— И зря, — не настаивая, ответила она. — Я бы без вопросов одобрила. Сильный маг, такая должность и в таком возрасте! Сколько ему?

— Тридцать, — обреченно сдалась я.

— Кушай блинчики, — велел папа и добавил еще ложку сливок в мою тарелку.

— Прекрасно! Превосходно. Отличное приобретение для семьи! — воскликнула мама, а папа хохотнул, но воздержался от комментариев.

— Он ведь не женат? — спохватилась мама.

— Он женат на работе, — простонала я, разрезая блинчики на мелкие кусочки.

— Он обречен, — констатировал папа, заметив, как загорелись глаза мамы. — Где я слышал эту фамилию?

— Был такой неудавшийся политик, — отмахнулась мама. — Развод, новый брак. Трагическая гибель. Судя по всему, мальчик — сын от первого брака. Его мать... Ах, я ее видела!

Красавица! Но никакого характера. Сгорела за несколько лет. Трагично. Трагично.

Я прикусила губу, слушая маму. Она никогда бы не осудила кого-то за чужие грехи, но и не горевала бы о чужих несчастьях.

— Мы в городе на неделю, — предупредил папа, — потом уедем обратно. Если вдруг ты за это время надумаешь выходить замуж, то обязательно скажи. Нам лучше запланировать следующий отпуск сейчас. У нас все на год расписано!

— Папочка, я не собираюсь замуж, — улыбнулась я родителю. — Мне и так неплохо.

— Девочка моя, все из-за твоей силы? — со всегдашней проникательностью спросил папа. — Почему ты переживаешь по этому поводу? Сила еще никогда не была проблемой для представителей семьи Бонс!

— Но до меня ее получали мужчины, — напомнила я ему. — А я...

— Глупости, — убежденно перебил меня папа. — Если тебя полюбят, то полюбят такой, какая ты есть.

— А ты у нас замечательная, — подхватила мама.

— Розовое нечто, — грустно покачала я головой.

Проводив родителей и пообещав, что постараюсь уделить им как можно больше времени в ближайшие дни, я вернулась в управление и почти на цыпочках прокралась в приемную. Но не успела я со вздохом облегчения добраться до собственного стола, как дверь кабинета Белянского распахнулась и шеф, осмотрев меня с ног до головы, потребовал:

— Кофе!

— Да, шеф! — тут же откликнулась я и рванула выполнять приказ. Все лучше, чем краснеть и бледнеть на глазах у начальника, представляя, что он подумал, увидев моих родителей.

Никто и никогда не назвал бы чету Бонс обычными магами. Для одних они были чудаками и даже сумасшедшими, для других — талантливыми исследователями, влюбленными в свое дело. Сами родители ко всему относились с юмором и даже на колкие замечания реагировали с улыбкой. Мне никогда не приходило в голову их стыдиться, но не хотелось бы, чтобы Марьяну Белянскому они не понравились.

«Стоп! — мысленно одернула я себя. — Это что за новость? С чего вдруг меня должно волновать мнение Белянского?»

Пред очи начальства я вернулась через десять минут с большой чашкой кофе, порцией блинчиков, предусмотрительно принесенных с собой из кафе, и с кое-как взятыми под контроль нервами.

— Так вы расскажете?.. — спросила, переставляя содержимое подноса на стол шефа.

Тот заинтересованно посмотрел на блины, сунул карандаш за резинку подтяжек и взялся за вилку.

— У вас интересные родители, — не дал сбить себя Белянский.

Я промолчала, лишь вежливо улыбнулась и, отойдя от стола начальника на шаг, выжидательно чуть склонила голову набок.

— Хорошо, — махнул на меня вилкой старший следователь. — Садитесь.

От стены мне навстречу скакнул стул и замер спинкой к столу. Глянув на Белянского, я смиренно опустилась на сиденье и уставилась на пробковые доски, так и стоявшие посередине кабинета.

— На самом деле все довольно просто, — признался шеф. — Проблема в доказательствах.

— Как вы поняли, что не Василь совершил все эти убийства тридцать лет спустя? — задала я самый сложный для себя вопрос. — До отъезда вы рассматривали и его в качестве подозреваемого.

— Да, но только до разговора с Болотонским и Марианной Раскель, — ответил старший следователь. — Почему мы поехали в Старгорье, не предупредив этих людей о визите, Бонс?

— У них не было времени подготовиться и выдумать какую-то версию, если они что-то скрывали? — предположила я и оглянулась.

— Да, верно, — кивнул шеф. — И у них не было шанса договориться между собой. И рейана Раскель, и профессор люди одинокие, хотя старое знакомство могло бы их свести спустя столько лет... Но нет.

Я покивала, припомнив, что неосознанно отметила неухоженный, совершенно холостяцкий вид Болотонского.

— Но, несмотря на это, оба свидетеля тех событий сошлись в своих рассказах, — глотнув из чашки, продолжал рассуждать вслух старший следователь. — Если не замечать кое-какие мелочи, то их рассказы похожи на рассказ Каранского. Но это не так.

— Профессор Каранский соврал?

— Он умело подправил факты в свою пользу, — пояснил шеф. — Он не врал, лишь кое-где недоговаривал, чтобы не выдать себя.

— Но как вы поняли, что не Василь? — спросила я.

— Вы можете догадаться сами, Бонс, если внимательно пролистаете описные листы по последним убийствам, — с усмешкой сказал начальник. — Вы помните, как профессор Болотонский и рейяна Раскель описывали Василя? Где он работал?

— Конечно, у меня нет проблем с памятью, — возмутилась я.

— Тогда ответьте, что есть в описных листах по четырем убийствам, чего там не должно быть?

Я на секунду представила себе человека с фотографии, которую Белянский приколот на доску. Высокого и сильного молодого мужика, несколько лет проработавшего в шахтах.

И что же такое есть в описных листах, чего там не должно быть?

— Я поняла! — воскликнула через миг, прокрутив в голове свои воспоминания. — Кого-то оглушили, кого-то обездвигили, прежде чем нанесли решающие удары. Тот, кто убивал магов, не обладает большой физической силой!

— Верно, — улыбнулся Белянский, когда я на него взглянула. — Это незначительный момент, но он делает Василя Раскеля невиновным. В доме Угга были обнаружены следы борьбы, но вряд ли гном смог бы сопротивляться молодому и сильному человеку. Раковского и Блежецкого обездвигили магией, Баржека оглушили. Но если бы их убил Василь Раскель, то все выглядело бы не так. Он моложе и сильнее. У него было преимущество перед жертвами. Но всех магов явно убил физически более слабый человек.

— Но как же все было на самом деле? — спросила я.

— Для этого надо восстановить весь ход событий, — ответил старший следователь. — Я могу лишь предполагать. Профессор Каранский был осторожен... — Шеф потряс в воздухе стопкой картонных карточек телеграмм. — Нет ни одного свидетеля, который бы четко подтвердил его виновность.

— Расскажите, — попросила я.

— Все началось с навязанных преподавателем магов. До них Каранский жил своей спокойной жизнью и делал то, что хотел, — начал распутывать историю шеф. — Еще предстоит узнать, не связан ли он с одним из громких преступлений, которые обсуждались в прессе сорок или сорок пять лет назад.

— Пропажка денег из банка? — припомнила я одно дело, о котором упоминали на занятиях в профучилище. — Делу почти полвека, а преступника так и не нашли. Ограбление лаборатории? Пропажка какого-то вещества из королевского хранилища?

— Пыль хаоса. Верно, — согласился Белянский. — Тогда решили, что кому-то удалось проникнуть сквозь систему защиты, а на такое способны лишь маги с огромным потенциалом к порталным чарам. И вряд ли сейчас будет возможно что-либо доказать...

Шеф допил кофе, с сожалением собрал вилкой остатки джема и поднялся из-за стола.

— В доме Каранского стали бывать другие маги. Он наблюдал за ними, явно обдумывал возможность присвоить что-то из их наработок. Если посмотреть на изобретения профессора, то они очень разношерстные, словно он взял их у разных магов.

— Он воровал изобретения?

Шеф вернулся к столу и взял листок с выписанными мною заголовками.

— «Умер знаменитый изобретатель Вальс. Родственники обнаружили мага в его лаборатории перед открытым сейфом. Следователи убеждены, что рассказ о множестве незапатентованных изобретений — выдумка, чтобы привлечь внимание к имени изобретателя», — прочитал он. — Это было за два года до смерти Раскеля. Помните сумбурный рассказ вдовы? И именно в этот период Каранский запатентовал свое новое изобретение. Пять лет спустя после последнего. Я нервно сглотнула, представив, насколько запутанное дело мы расследуем.

— Каранский убеждал нас, что Димитрий был талантливым, но неусидчивым, — напомнил старший следователь. — И ни слова не сказал о привычке Раскеля все записывать. Зато об этом

упомянули вдова и Болотонский. Каранский утверждал, что Раскель был на пороге открытия, но наши свидетели это опровергли. Казалось бы, что в этом такого? Лишь мнение разных людей. Ну а если Раскель, записывая разговоры и чужие действия, тоже подметил маленькие несоответствия?

— Каранский говорил, что несколько раз навещал Дмитрия в те дни, беспокоился о его здоровье, но Болотонский сказал, что профессор сидел дома, а его верхняя одежда намокла от плащей гостей, — вспомнила я. — А Марианна Раскель утверждает, что Каранский был у них и вовсе не беспокоился об ученике, а о чем-то с ним спорил!

— Верно, — кивнул Белянский. — Можно лишь догадываться, но, думаю, Дмитрий сообразил, что скрывает профессор, и стал его шантажировать. Молодому магу необходимы были деньги. Он пытался что-то создать, но не мог. И тогда решил получить средства другим путем. Из тетради Раскеля пропала часть листов, и он заподозрил, что профессор воспользовался своими способностями и смог открыть портал напрямую в его дом, пока сам хозяин лежал в горячке. Дмитрий уже наблюдал ссоры между другими учениками и понял, что профессор проделывал такое и прежде. И тогда Раскель усилил нажим, стал появляться в доме Каранского каждый день, запугивая сведениями, добраться до которых профессор не смог.

— И Тадеуш Каранский решился, — прошептала я.

— Он дал Раскелю денег. Не слишком много, но пообещал, что потом даст еще. Ему как-то удалось убедить Дмитрия, что стоит позаботиться о жене, и Марианна уехала отдыхать в санаторий, — шагая по кабинету, рассуждал старший следователь. — Вот так у Каранского появилась возможность убить Дмитрия... Он специально забрал тетрадь Раскеля. Там были записи, которые могли очернить Каранского. Он твердил, что Дмитрий рассказывал ему об изобретении тоже специально. Остальные утверждали, что у Раскеля не было шанса что-либо создать. И в итоге дело застопорилось. Не было причин для убийства. Никто не заметил маленькие несоответствия.

— Но они были. И их увидел Василь? — предположила я.

— Да, — кивнул шеф. — Или нет. Помните, он забрал газеты и листы из тетради?

Я кивнула.

— В любом случае он начал копать и задавать вопросы. Он расспросил свою мать, расспросил Болотонского. Он отправился в столицу и познакомился с Уггом. Наверняка в третьей версии одних и тех же событий он подметил какое-то несоответствие и указал на это Уггу. Показал то, чего не заметили в вырезках и записях управленцы. И гном тоже всполошился.

— Все они жили эти тридцать лет с мыслью, что кто-то все же убил Раскеля, — пробормотала я. — Он был беден, так что его не мог убить квартирный вор. Да еще таким способом. Они все знали, что это был кто-то из знакомых.

— Вполне возможно, — согласился Белянский. — Как мы знаем: ученики разорвали общение с Каранским через какое-то время после убийства.

Я прерывисто вздохнула.

— И Угг, прервав беседу с Василем, поспешил к кому-то из тех, кто жил в городе. Сейчас мы уже не узнаем, кому он рассказал о визите Василя. Но кому-то рассказал. Возможно, Блежецкому. Именно он стал следующей жертвой.

— Не Каранскому? — спросила я.

— Вероятно, все ученики подозревали именно профессора, раз разорвали с ним контакты, — покачал головой старший следователь. — Но Василь об этом не знал. В письме матери он сам сказал, что собирается встретиться с Тадеушем Каранским.

— И профессор узнал, что Василь копает это дело, что Угг отреагировал как-то странно... Про гнома ему рассказал Раскель, — пробормотала я. — И испугался.

— Да, он тридцать лет жил спокойно, уверенный, что смог похоронить то дело. Он указал всем на ложную причину убийства, которая бы никуда не вывела. Он все просчитал, — жестко сказал шеф. — Харт, если найдут Раскеля, скажет, как давно его убили, но я почти уверен, что Василь не вышел из дома профессора. Я был в меблированных комнатах. Раскель пропал в тот же день, когда был убит Угг. У молодого Раскеля не было знакомых в городе, Каранский почти не рисковал. Убил... Убил, а после отправился за Уггом...

— Он действовал спонтанно и не придумал ничего другого, как повторить прием из прошлого и выставить все так, будто Василь начал мстить за отца? — спросила я, хотя и так знала, что это правильный ответ.

— Верно, — согласился шеф. — А йотом Каранский стал внимательно следить за учениками, опасаясь, что кто-то что-то сделает не так.

— Блежецкий собрался в Старгорье, — сообразила я.

— Да. Узнать об этом было несложно. И это снова испугало Каранского. Он сознательно убил Блежецкого так же, как Дмитрия Раскеля и гнома. Спрятав тело Василя Раскеля, профессор превосходно подготовил все для версии мести: две жертвы и затаившийся убийца. Но потом он решил все запутать, чтобы дело получило резонанс и его самого никто не обвинил. Ракковский мог ничего не знать. Его убили для полноты картины. А вот Баржек стал жертвой специально для нас.

— Каранский знал, что мы с ним свяжемся, и сам отправился к бывшему ученику, — подхватила я мысль Белянского. — А потом быстро переместился к управлению, чтобы отвести от себя подозрения.

— Похожим образом он поступил и сейчас, — добавил шеф. — Каранский позвонил в управление, разыскивая вас, когда мы еще ехали в поезде. У него было полно времени, чтобы открыть прямой портал и выследить нас на вокзале Старгорья. А дальше он просто подгадал момент, чтобы напасть.

— Он профессор, уважаемый человек, — следя за рассуждениями старшего следователя, сказала я. — Никому, кроме вас, не пришло бы в голову проверять законопослушность известного изобретателя. И, естественно, все были бы уверены, что Каранский находился в столице, когда на нас совершили нападение.

— Именно, — кивнул Белянский.

— И вы заверили профессора, что его план сработал, когда позвонили?

— Верно, — подтвердил старший следователь. — Нам не нужно, чтобы Каранский сомневался в своем идеальном плане. Пока не нужно.

— Но его план на самом деле хорош, — вздохнула я. — Если кто-то и думал, что Каранский украл изобретение Раскеля, то подтвердить это нельзя. К тому же, как оказалось, он украл его не у Раскеля. И свидетелей нынешних убийств нет...

— Он ходит через порталы так, чтобы его никто не видел, — согласился рейян. — Заранее узнает о местоположении жертвы, а потом перемещается если не в дом, то прямо на порог. Его причастность не доказать...

— И что делать? — обреченно спросила я.

— Сейчас вы встанете, Бонс, вернетесь в приемную и позвоните профессору, — велел Белянский. — Сошлитесь на то, что узнали о его звонке.

— И что я должна сделать, шеф? — догадавшись, что у старшего следователя созрел какой-то план, с улыбкой спросила я.

— Сыграйте то, что вы умеете, — сказал начальник. — Обаятельную и учтивую Эллу Бонс.

— А если он спросит о расследовании? — улыбнулась я.

— Скажите, что сегодня я забираю все документы по делу домой, чтобы изучить их, — остановившись напротив и глядя на меня сверху вниз, велел Марьян Белянский. — Скажите между делом, что не знаете подробностей, но уверены, что я вычислил преступника и собираюсь объявить его имя завтра. Если профессор спросит мой адрес...

— Я без всякой задней мысли назову его, — подхватила я. — А ваша сестра?

— Ей придется переночевать сегодня где-то еще.

— Я смогу устроить ее у своих родителей, — убежденно заверила я.

— Хорошая идея, — одобрил Белянский. — Тогда вы сначала отправите Алесю, а после свяжетесь с профессором.

— И что, вы собираетесь сыграть роль подставной утки? — с толикой обиды в голосе спросила я. — Будете лично ловить профессора?

— Нет, — покачал головой шеф и глянул на фотографию Каранского. — Вокруг дома будет размещено некоторое количество управленцев, готовых зафиксировать проникновение.

— А в доме? Это опасно, — напомнила я. — Вы не должны быть один.

— Я не буду один, — уверил меня Белянский.

— И кто же будет вам помогать?

— Вы, Бонс, — спокойно ответил шеф.

— Что? — опешила я. — И что я буду делать? Я же не маг.

— Вы будете защищать меня от Каранского, — с усмешкой ответил старший следователь.

Я громко фыркнула и заметила:

— Шеф, я не боевой работник, а кабинетный.

— Я за рациональное использование трудовых ресурсов, — с крокодильей усмешкой ответил Марьян Белянский.

ГЛАВА 28

Эрдиан вышел из здания управления и хмуро огляделся, высматривая знакомый самоход.

— Дорогой! — радостно окликнула мать, выглянув из окошка темно-зеленого, ярко сверкнувшего на солнце транспортного средства.

Когда молодой человек приблизился, водитель услужливо открыл дверь, а мать с улыбкой похлопала по сиденью, приглашая его сесть.

— Дорогой, — улыбнулась она, — мой дорогой мальчик!

— Здравствуй, мама, — плюхнувшись на сиденье, ответил юный Барсавский и подставил щеку для прохладного поцелуя. От матери сладко пахло духами.

— Я за тобой, — сообщила рейяна.

— Правда? — удивился блондин и пристально взглянул на мать.

— Да, дедушка перестал сердиться, — добродушно сообщила женщина. — Ты можешь вернуться в военную академию уже завтра.

— Это ты убедила его, — догадался Эрдиан и обиженно поджал губы.

— А как иначе? — опешила женщина. — Ты мой сын! Я должна о тебе заботиться.

Молодой человек вздохнул и внимательно посмотрел на мать.

Они были очень похожи. Оба высокие, светловолосые и изящные, как статуэтки из фарфора.

Оба смотрели на мир светло-голубыми глазами.

Мать улыбнулась и приподняла бровь, не понимая молчания сына.

— А нужна ли мне военная академия? — задал вопрос Эрдиан.

— Ты о чем? — нахмурилась мать.

— Там учился прадед, потом дед и отец, — произнес молодой человек и по привычке протер звезды на кителе, хотя расстегнутые пуговицы с гербом портили общий вид формы курсанта. — И было логично отправить учиться меня. Но это ведь не мой выбор.

— Дорогой, — все еще непонимающе хмурясь, сказала мать и взяла сына за руку. — О чем ты?

— Я тут задумался о том, чего хочу сам, — ответил Эрдиан с вызовом. — Есть же у людей призвание.

Ему вспомнились слезы сидевшей на тротуаре Алеси Белянской. Они капали на рисунок, размазывая след алого мела.

— Я хочу найти свое призвание, а не идти по проторенному пути, — решительно заявил молодой человек.

— Ты не собираешься возвращаться в академию? — недоверчиво проговорила мать.

— Нет. Не собираюсь, — уверенно качнул головой младший Барсавский. — Может... Может, у меня дар предсказывать будущее? Или талант к созданию чего-либо? Или я могу стать виталистом? А я сижу в военной академии и...

— И что же? Что ты хочешь делать? — спросила мать.

— Я хочу поступить в магуниверситет, — заявил Эрдиан.

— Но, дорогой, там... придется учиться! — напомнила мать. — В этом ужасном месте никого не будет волновать, что ты внук губернатора!

— Тем лучше, — тихо прошептал водитель и вобрал голову в плечи, сообразив, что в салоне машины его слова прозвучали очень громко.

— Верно, — согласился Эрдиан, ничуть не обидевшись.

— Дорогой, но это реальный мир, — не унималась мать.

— Так, может, мне пора в него окунуться? — спросил молодой человек.

Сложив кончики пальцев домиком, Марьян замер в кресле секретаря, неотрывно глядя на телефон. Час назад он порталом забрал Леську из дома, дал выходной Агнии и

проконтролировал звонок Каранскому. Сейчас Бонс уже должна была доставить сестру следователя к своим родителям и быть на обратном пути в управление.

— Осталось проделать всего одну вещь, — пробормотал Марьян, — и я буду готов к встрече с профессором.

Телефон всхлипнул и зашелся трелью, вырвав старшего следователя из раздумий.

— Белянский!

— Привет, Марьян, — сухо откликнулся Харт.

— Ну что? — требовательно спросил рейян.

— Мы нашли его, — коротко ответил судмедэксперт. — Пришлось постараться.

— Это точно он?

— Ты во мне сомневаешься? — недовольно спросил Харт. — Судя по всем признакам, твоя версия верна. Его убили примерно в то же самое время, что и Дарина Угга.

— Хорошо, — ответил Марьян. — Везите в управление.

— Без тебя разберемся, — недовольно проворчал Вирсен. — Ты хоть представляешь, сколько мы искали таксофон, чтобы я тебе отзвонился? Где, все храксы иных миров, твой кристалл?

— Все, Вирсен, — перебил его Белянский. — До встречи.

Вернув трубку на рычаг, старший следователь облегченно вздохнул и довольно улыбнулся.

— Дело будет закрыто, осталось совсем чуть-чуть, — сказал он себе.

Через несколько минут в приемную влетела запыхавшаяся Элла Бонс. Глянув на нее, Марьян открыл портал и строго приказал:

— Только не зажигайте свет. Все должно выглядеть так, словно в доме никого нет.

Когда девушка исчезла в алом свечении, Белянский вновь повернулся к телефону и стал ждать.

Минуты тянулись как часы. От нервозности рейян даже стал постукивать по подлокотнику взятым со стола карандашом. Но вот вновь раздался звонок.

— Марьян, мы вошли в дом, — без приветствия сообщил запыхавшийся Дубинский. — Ты был прав! Хотя, вообще-то, это не по правилам.

— Белчер обещала, что главный подпишет ордер тем числом, какое нам будет нужно, — ответил ему Белянский. — Что там?

— Дед ушел, и мы быстренько пробрались внутрь. Нашелся сейф, а в нем... Записи, слитки, редкие артефакты! Есть даже то, что проходило у меня по нераскрытым делам о кражах из музеев!

— Хорошо, работай, — велел Марьян. — Мне пора. Пора встретить гостя.

— Ты уверен в своей затее? — проговорил Крис с тревогой в голосе. — Каранский точно виновен, но... Ты уверен, что он придет к тебе?

— Уверен, — отозвался старший следователь и повесил трубку на рычаг.

Несколько минут посидев неподвижно, Марьян поднялся, взял со стола стопку папок и направился к выходу. Он редко пользовался казенным транспортом, чтобы добраться домой, но сегодня был особый случай. И особый зритель, для которого Белянский собирался разыграть представление.

Стук в дверь раздался, когда за окнами окончательно стемнело. Глухой стук гулко разнесся по дому, насторожив Тумана.

— Элла, уведи его, — велел Марьян, взглянув на девушку, устроившуюся за столом напротив. — И спрячься. Профессор не должен знать, что здесь кто-то есть.

Когда Бонс, кивнув, молча исчезла во мраке дома, таща на буксире ошарашенного такой фамильярностью Тумана, Белянский обошел стол, задвинул стул, на котором сидела девушка, и внимательно осмотрел помещение. Только после этого он направился к двери, попутно включая свет по всему дому.

— Профессор Каранский? — разыграв недоумение, спросил старший следователь, открыв дверь и увидев за ней старика.

— Ох! — с добродушной улыбкой воскликнул профессор. — Простите мою бесцеремонность, следователь Белянский! Я не хотел беспокоить вас и отвлекать...

— Вы ни от чего не отвлекли, — миролюбиво отозвался Марьян и отступил, позволяя рейяну Каранскому войти. — Проходите. Я просто не ожидал вас увидеть. Я вообще не ждал гостей. Как вы узнали, где я живу?

— Страшно признаться, но я случайно выведал это у вашего секретаря, — понизив голос, признался профессор, проходя в дом. — Вы же не будете ее ругать, да? Она такая милая девушка. Очень милая. И хорошенькая. Очень. Если бы я был хоть немного моложе! Видя красивую девушку, я сожалею, что постарел. И завидую... Да, да! Завидую таким молодым людям, как вы.

Марьян улыбнулся этим словам Каранского и предложил:

— Если вы не против, пройдемте в столовую. Хотите кофе или, быть может, чаю?

— О! Чай был бы как раз кстати!

— Проходите.

В столовой Белянский с театральной поспешностью собрал папки и переложил их на подоконник.

— Извините, я занимался документами, — пояснил он Каранскому.

— Ничего-ничего, — отмахнулся профессор, но его цепкий холодный взгляд, обращенный на папки, не укрылся от старшего следователя. — Вот только почему такие молодые люди, как вы, уважаемый рейян Белянский, так много времени уделяют работе? Вы не знаете?

Марьян улыбнулся и пожал плечами, ни на миг не позволяя профессору что-либо заподозрить.

Особенно то, что в толстых папках хранится вовсе не нынешнее дело, а стопки старых газет.

— Послушайте меня, человека пожилого, — сказал Каранский. — Сейчас вам кажется, что нет ничего важнее работы, но потом... потом вы будете жалеть.

Белянский усмехнулся и миролюбиво ответил:

— Все может быть. Но не бросать же работу?

— Вы могли бы не заниматься делами вне управления, — предложил Каранский с отеческой теплотой, — уделять время девушкам. Хотя бы вашей милой помощнице. Она настоящая красавица!

Марьян снова улыбнулся и неопределенно пожал плечами. Ему редко доводилось выслушивать наставления старших, но рейян давно усвоил, что их лучше не перебивать.

Скрывшись в кухне, следователь крикнул оттуда:

— Так что привело вас ко мне, профессор?

— О, я просто проходил мимо, — ответил Тадеуш Каранский, появляясь на пороге кухни. —

Вы же не против? Уж простите старику его вздорный и нудный характер.

Марьян послушно рассмеялся и поставил чайник на плитку. Пока вода грелась, он краем глаза наблюдал за профессором и заметил, как тот что-то вынул из кармана.

— Вернемся в столовую? — гостеприимно предложил Белянский, собирая на поднос чашки, блюдца, ложечки, чайник и сахарницу.

— Конечно-конечно, — засуетился профессор и засеменил впереди старшего следователя. — Как, кстати, движется ваше расследование?

— Ну, знаете, — пробормотал Марьян. — Неплохо. Кажется, я близок к тому, чтобы связать концы с концами.

— Правда? — заинтригованно спросил профессор. — И вы кого-то подозреваете?

Марьян поставил поднос на стол, сел и стал расставлять чашки.

— Да, я уверен, что уже знаю имя убийцы, — медленно ответил он.

— Вот как? — все еще миролюбиво рассмеялся Каранский, но в его взгляде мелькнула тревога. — А как вообще происходит расследование? Наверное, у вас много помощников, которые высказывают версии, да?

— Раз на раз не приходится, — пожал плечами Белянский. — По нынешнему делу я пока никого не посвящал в свои догадки. Мне нужно больше сведений.

— Вот как? И даже вашей помощнице вы не рассказали? — удивился профессор.

— Она всего лишь секретарь, — пожал плечами Белянский, запоздало пожалев, что не предупредил Бонс о своем возможном вранье.

— Да, такая милая девочка, — пробормотал Каранский. — Такая милая... — Он с удивительной прытью для старика выбросил вперед руку с зажатой в ней маленькой коробочкой. — И такая глупенькая...

В первый миг Марьян не понял, что произошло, но потом ощутил легкий холодок на открытых участках тела.

— Пыль, — сдавленно прошептал он. — Пыль хаоса...

— Верно, — рассмеялся Каранский, поднимаясь. — А вы молодец, старший следователь. Не каждый узнает столь редкое вещество. Подобное ведь сейчас почти не используют.

Белянский с трудом откинулся на спинку стула, чувствуя, как холод проникает под кожу и завладевает им. Взглянув на профессора, он криво улыбнулся и с трудом прошептал:

— Я знаю, что это вы убили их всех.

— Знаете, — согласился Каранский, — но уже никому не расскажете. Если догадались, что я использовал, то знаете и то, как действует пыль. Пройдет совсем немного времени... —

Профессор с улыбкой оборвал себя и поднялся, чтобы сказать следующую фразу, наклонившись к самому уху Марьяна: — И вы не сможете двигаться. Пыль будет медленно вытягивать из вас силы. И магию. В конце концов, вы умрете, старший следователь. К утру пыль развеется. А вы... Даже ваших воспоминаний не останется.

— Благодарю за честь, — едва слышно прошептал Белянский.

— Конечно, — усмехнулся профессор. — Я оказываю вам честь. Хотя мне очень жаль растрачивать эту прекрасную пыль на кого-то вроде вас. — Каранский осклабил, на миг его лицо исказила гримаса злобы и обиды. — Но что поделать? Я не могу рисковать. Вы слишком старательно копаете это дело. Другой бы давно решил, что во всем виноват свихнувшийся на мести сынок Димитрия. Но вы засомневались. Мне-то вы сказали другое, но ваша помощница!.. — Профессор расхохотался. — Скажите спасибо милой рейне Бонс. Именно она разболтала мне обо всем. Красивая, но такая глупенькая.

— Элла Бонс — ценный сотрудник, — ответил Марьян, лихорадочно обдумывая ситуацию. Он рассчитывал немного на другое и предупредил секретаршу, чтобы она не вмешивалась до тех пор, пока профессор обо всем не расскажет. Будь Элла магом, она бы поняла, что пыль слишком опасна и медлить нельзя, но... Бонс не была магом. Разрываясь между решениями, Марьян со злостью на себя признал, что другого шанса вытащить из Каранского признание не будет. Если все закончится сейчас, профессора возьмут, но обвинить его можно будет лишь в нападении.

«Он оказался хитрее, — с раздражением про себя сказал рейан. — Попытайся он убить меня так же, как других, нам бы не потребовались дополнительные доказательства».

— Дело все равно раскроют, — прохрипел Марьян и попытался улыбнуться.

— Назначат другого следователя, — рассмеялся Каранский. — Вряд ли он окажется таким уж дотошным. Тем более, если выяснится, что предыдущий следователь уничтожил все бумаги. Усмехаясь, профессор сходил в кухню и вернулся оттуда с мусорным артефактом. Установив ведро прямо на стол, Каранский с довольным видом перенес с подоконника папки.

— Сегодня старший следователь решил, что не достоин своей профессии, — прошептал он, по одной кида папки в ведро и радостно наблюдая, как те сгорают без остатка в ярко-зеленом пламени. — Он уничтожил все документы по последнему делу, а потом сел и написал записку, признаваясь в своей несостоятельности.

— Что за глуп... глупость, — кое-как вымолвил Марьян, чувствуя, что уже почти не может дышать. — Я никогда такое не напишу.

— Я напишу за вас, вашей рукой, — пояснил профессор, бросая в огонь следующую папку. — Жаль вашу сестру, следователь. Но... — Он развел руками, а потом сунул в артефакт последние папки разом. — Что поделать? Я не могу позволить вам жить. Я напишу записку, а после вернусь к себе и сделаю так, что завтра меня найдут пострадавшим от нападения. Те, кто будут заниматься делом, решат, что это младший Раскель продолжает убивать. И следствие затянется. Вот так-то.

— Все из-за ваших способностей к телепортации, — прошептал Марьян.

— Смотри ж ты! — усмехнулся профессор. — Догадался. Когда-то давно догадался этот... Раскель. Увидел, подслушал, сопоставил. Некоторые бесталанные люди удивительно хорошо воображают, когда чувствуют выгоду.

— И вы его убили...

— Это было легко! — рассмеялся профессор, сейчас менее всего напоминая слабого и добродушного пожилого Тадеуша Каранского, каким предстал когда-то перед Марьяном и его секретаршей. — Так же легко, как сбить всех со следа, заверяя, что Димитрий был на пороге открытия. Нужно было только на время избавиться от жены Раскеля, а дальше все произошло очень просто! Я часто наблюдал за домом в те дни. Я все знал и просто выждал момент, когда никто бы не услышал крики Димитрия.

— И запутали следы, — прохрипел Марьян.

— Это было еще проще, — с удовольствием ответил Каранский. — Я заявил следователю, что Раскель был готов вот-вот что-то создать. Я специально это сделал. А другие твердили, что Димитрий ничего не создавал. И когда я запатентовал кристаллы, никто не поверил в мою вину, потому что я сам настаивал на таланте Раскеля. А кристаллы затмили все другие причины для убийства Димитрия. И дело осталось нераскрытым.

— Пока им не... не заинтересовался Василь, — прошептал Марьян.

— Да, — с раздражением проговорил Каранский. — А все из-за...

— Листки, — прохрипел Белянский. — Листки с записями, которые сохранила Марианна Раскель. И вырезки из газет.

— Да, — прошипел профессор. — Я не знал о них. Думал, что все забрал. Но они остались. Следователя тридцать лет назад они не заинтересовали, но Василь... Он не был похож на своего отца внешне, но что-то в характере... Он их прочел. Стал искать. А потом расспрашивать. И этот дурачок Угг!.. Тогда на него не обращали внимания. Гном никого не интересовал, а Дарин слушал, и вопросы Василя натолкнули его на догадку.

— И вы их всех убили, — едва не теряя сознание, прохрипел Марьян.

— Да, — рассмеялся Каранский. — Это было тяжело. И противно. Но никто не должен был знать правду.

— Туман, — едва слышно выдохнул Марьян, теряя сознание.

— Что? — не понял профессор. — Какой туман?

Он обернулся, всматриваясь в коридор.

— Ку-ку!

Повернув голову, Каранский, не успев увернуться, получил здоровенной миской Тумана в лицо.

— Прости, собачища, — сказала я псу, неторопливо ввалившемуся в столовую. — Ты сам виноват, утащив свою миску под лестницу. У меня не было выбора. Теперь это орудие нападения!

Глянув на свалившегося без чувств Каранского и убедившись, что тот пока не способен оказать сопротивление, хотя и жив, я кинулась к старшему следователю.

— Шеф, — позвала я и потрясла рейяна за плечо. — Шеф!

Он неподвижно полулежал на стуле и, кажется, почти не дышал.

— Эй, вы чего надумали? — строго воскликнула я. — Вы не можете взять и умереть, ясно? Ставив Белянского на пол, я быстро его ощупала, пытаюсь понять, что же случилось.

— Не пугайте меня, — нервно прошептала я. — Я не могу потерять начальника, не проработав и месяца! А вы... вы хороший начальник, шеф.

Неожиданно для себя, я разрыдалась, вцепившись в холодную как лед руку Белянского.

— Мы так не договаривались, — шептала я, шмыгая носом. — Что за дела, шеф?

Внезапно Белянский захрипел, зашелся кашлем и рывком сел.

— Шеф! Вы очнулись! — радостно воскликнула я.

Старший следователь посмотрел на мою руку, сжимавшую его ладонь, потом взглянул в лицо и удивленно спросил:

— Вы что, рыдали?

— Да! — не стала отнекиваться. — Я думала, что вы умерли!

— И переживали по этому поводу? — тихо спросил Белянский. — Вам было меня жаль?

— Конечно, — успокаиваясь, прошептала я. — Какое пятно на моей карьере!

Белянский фыркнул и спросил:

— Где профессор?

— А... Там валяется, — ответила я и махнула рукой в сторону.

— Живой хоть? — насторожился старший следователь.

— Живой, — обиженно прошептала я. — Не в полную силу била.

— Кто вас знает, Бонс, — проворчал шеф, кое-как поднимаясь с пола, но не отпуская мою руку.

— Но вы же развесили по комнате артефакты, которые должны были записать звук, — напомнила я Белянскому.

— Я хочу, чтобы он понес наказание, — ответил старший следователь. — А смерть — это слишком легко.

— А вы... Вы в порядке? Что это было?

— Скоро буду, — успокоил старший следователь. — Это была пыль хаоса. Запрещенное ныне магическое вещество, способное выпить из мага жизненную силу, а вместе с ней и магическую. Но это магия. А на вас она не действует.

— Нет, — согласилась я.

— Нужно немного подождать, через полчаса пыль сама осыплется на пол безвредными частицами, а пока держите меня за руку.

— Хорошо, шеф, — улыбнулась я, присаживаясь на соседний стул.

— Чаю? — бросив взгляд на стол, предложил Белянский.

— Было бы неплохо, — с усмешкой отозвалась я.

Самоход остановился перед высоким зданием из темно-красного кирпича, фасад которого смотрел на реку. Я с улыбкой взглянула на знакомый изгиб козырька над входом, на мягкий свет фонариков на столбиках. Все знакомо: и этот свет, и все линии, и даже кусты в кадках при входе.

— Это дом ваших родителей? — спросил старший следователь.

— Да, но они почти тут не живут, — вздохнула я. — Здесь живет только Улла — смотрительница дома.

— И почему вы не остались здесь, когда вернулись в столицу, Бонс? — удивился Белянский.

— Для меня это место — не дом, — просто сказала я. — Мне не довелось здесь жить. Погостить — да. Но я здесь почти не жила. Да и дом этот... Он больше музей.

— Музей?

— Сейчас увидите, — улыбнулась я, выходя из наемного самохода.

По ступенькам я поднималась с трепетом, хотя уже побывала здесь днем, передавая Алесю Белянскую с рук на руки родителям.

— Элла, — приветствовала меня Улла, открыв дверь до того, как я постучала.

— Ты не спишь? — почему-то шепотом спросила я.

Улла, невысокая тоненькая женщина неопределенного возраста, улыбнулась и объяснила:

— Твои родители тоже еще не ложились. Они в зеленой гостиной. Развлекают гостей рассказами.

Я непроизвольно фыркнула, а потом рассмеялась.

— Мама и папа заговорят любого, — пояснила я свою реакцию шефу. — Им и слушатели не особо нужны. Готовы разглагольствовать с утра до ночи.

Улла посторонилась, и мы вошли в дом. Белянский позади меня тихо присвистнул, рассматривая тускло освещенный холл. И я могла его понять, хотя уже много раз видела каждый уголок этого дома.

— Родители не могут жить, не окружив себя предметами из своих экспедиций, — пояснила я, указывая на стены холла. — А для собственного удобства они разделили все помещения и коридоры по датам своих раскопок. Здесь у нас образцы с их первых раскопок, которые проводились на севере. — Я повела рукой, вместе с рейяном еще раз разглядывая расписные кости и зубы древних животных, спрятанные за стеклом. Многочисленные древние артефакты и просто интересные украшения разных эпох. — Они особенно гордятся могильной плитой безымянного вождя племени, проживавшего в районе реки Поллонеры.

Взглянув на указанную плиту, которую папа установил напротив двери, так что взгляд так или иначе падал на здоровенный валун, старший следователь сдавленно пробормотал:

— Весьма впечатляюще.

— Только не заходите в ванную комнату, возле которой висит полотно с Пламенной битвой на зеленом поле, — со смешком предупредила его Улла. — Там самое впечатляющее место.

— Ясно, — пробормотал старший следователь.

— Идемте, — позвала я его.

Зеленая гостиная находилась в самой дальней части дома. Если родители отвели Алесю туда, значит, уже показали ей весь первый этаж, попутно поведав о самых любимых предметах своей коллекции.

Голос отца мы услышали еще до того, как подошли к коридору, ведущему в гостиную. Папа весело рассказывал какую-то байку, а мама поддакивала. Не сговариваясь, мы с Белянским на цыпочках подкрались к распахнутой двери и осторожно заглянули внутрь.

— Моя дорогая жена предложила поменяться участками. Грунт был твердым. Я продвигался медленно. А потом... Потом я быстро на что-то наткнулся! И тогда я бросил лопату, схватил кисточку и стал медленно стряхивать песок с бесценного образчика гончарного искусства, — веселился отец. — Я уже готов был звать остальных, готов был увидеть впечатляющую роспись, какой славились жители тех мест.

— И что было дальше? — спросила Алеся. Она сидела на ковре перед камином, ела конфеты из большой стеклянной банки и завороченно смотрела на моих родителей, расположившихся в креслах по обе стороны от нее.

— Я стряхиваю песок и понимаю, что откопал обломок лопаты! — рассмеялся отец.

— Древней? — с горящим взглядом спросила девушка.

— Весьма, — хихикнула моя мама. — Ей точно было лет десять. Я сломала ее тем утром, но не хотела сознаваться и предложила мужу поменяться местами.

Алеся прыснула и вытащила следующую конфету.

— Ей весело, — улыбнулся старший следователь, — даже не хочется прерывать их беседу.

— Мои родители — чудачки, но, наверное, ей с ними ничего не грозит, — задумчиво заметила я. — Уж голод — точно.

Белянский тихо фыркнул, повернулся ко мне, собираясь что-то сказать, но замер, близко-близко всматриваясь в мое лицо.

— Бонс, меня мучает любопытство, — кашлянув и, к моему разочарованию, чуть отодвинувшись, сказал шеф.

— Вы о чем?

— Мне интересно, насколько же вы сильная? — тихо спросил Белянский.

Я попробовала отвести взгляд от лица начальника, но в голове вдруг образовалась странная пустота, а полумрак коридора так и тянул совершить что-то из ряда вон выходящее. Шагнув к Белянскому вплотную, я медленно, с вызовом во взгляде, обняла его за талию и, приподняв над полом, шагнула прочь от двери в гостиную.

— Вы можете попробовать вырваться, шеф, — предложила я с улыбкой, делая еще один шаг и точно зная, что мы вот-вот окажемся в темной нише, которая не просматривается ни из коридора, ни из гостиной.

— Бонс, уволью, — предупредил шеф строго. Я следила внимательно, но опять не заметила страха на лице Белянского.

— Нет, — усмехнулась я, почему-то чувствуя себя невероятно счастливой. — Не уволите. Я ценный сотрудник.

— Вы распоясались, Бонс.

— А вы мне то тыкаете, то выкаете, — не осталась я в долгу. — Нужно с этим что-то делать.

— Что... делать? — едва не икнул рейян.

— Выбрать что-то одно, — ответила я и затолкала Белянского в темную нишу.

ГЛАВА 29

Я помнила это небо и это жаркое солнце. Часто искала их, поднимая голову вверх, хотя лишь несколько раз бывала с родителями в их экспедициях.

— Эллочка, смотри, — с улыбкой позвала мама.

Она выглядела почему-то моложе, чем в нашу последнюю встречу. Невысокая, закутанная в расписной здешний шелк. Она издавна с веселым недоумением посматривала на других женщин в экспедициях, не вылезавших из своих привозных и совершенно непригодных для жаркого пустынного края брючных костюмов. Я об этом знала, хоть и не видела своими глазами. Годы спустя многие признали правоту рейяны Бонс и предпочитали многослойный легкий шелк и плотную обувь собственной одежде.

— Что ты нашла, мама? — спросила я и зашагала к ней по горячему песку.

Мама с довольной улыбкой замерла на краю обрыва. Внизу были видны выветренные стены древнего селения. Их когда-то построили из глины, навоза, соломы и редких здесь камней. За сотни лет крыши провалились внутрь, ветер идвигающиеся барханы смели часть стен, но часть построек неплохо сохранилась, давая хоть какую-то тень под этим немилосердным солнцем.

Люди селились здесь, найдя источник воды. Строили поселения, водили караваны от города к городу, торгуя с соседями. Люди рождались и умирали, видя лишь этот песок да небольшие клочки зелени там, где воды на это хватало. Колодцы в каждом дворе были их самым большим достоянием. Столетия сменяли одно другое, а люди жили здесь, пока не высыхали колодцы. Жители или умирали без воды, или уходили, оставляя нажитое место. А земля эта никогда не видела дождей. И не увидит.

— Что это? — спросила я, заметив в руках мамы небольшой сосуд с узким горлышком, плотно залитым воском.

— Что-то интересное, — ответила мама. — Видишь, здесь есть знаки.

Она повернула сосуд так, чтобы я могла рассмотреть древние символы. Их вырезали на глине еще до обжига, отчего знаки казались не пугающим предупреждением, а причудливым орнаментом, но я знала, что в древности никто не делал на посуде надписей-пожеланий.

— Что здесь сказано? — спросила я тихо и решительно отобрала у мамы сосуд — если это магия, то лучше столь опасный предмет держать мне.

— Это на одном очень древнем наречии, — с увлеченностью исследователя пояснила мама. — Но сделали и запечатали амфору гораздо позже, через столетия. Просто местная народность сохранила древние секреты создания удерживающих заклинаний. Здесь нет конкретного указания, так что в сосуде может быть что угодно.

— Значит, не стоит его открывать, — решила я, бросая взгляд по сторонам. — А где папа? Я в который раз осмотрелась, чувствуя себя очень неудобно. Что-то было не так, и лишь теперь я поняла, что именно: мы находились среди песков лишь вдвоем. Не маячили в поле видимости палатки из плотной парусины, не суетились люди, не слышалось скрипа лопат, вгрызающихся в песок и недовольного ворчания верблюдов в тени построенного для них навеса. И не было отца, на раскопках не умолкавшего ни на минуту.

— Мам? — Я обернулась к родительнице, но увидела перед собой не ее, а тоненькую, закутанную в темно-зеленый шелк девочку с мшисто-зелеными глазами. — Алеся?

— Я боюсь, — сказала она. — Все время боюсь. Я видела смерть. Она все еще рядом... Девочка закрыла глаза и резко вскинула руки, будто ощупывая воздух — и тот расцвел зеленым, алым, розовым и серым под ее пальцами.

— Я не понимаю, — прошептала, пытаясь разглядеть рисунок. Я, кажется, уже видела его. Но когда? — Подожди.

Я наклонилась, собираясь опустить амфору на песок, но оказалось, что мои руки пусты. Лишь на кончиках пальцев осталось немного воска.

— Я вижу кровь, — сказала Алеся. — Это лишь видение. Будущее никогда не бывает определенным. Но... Я вижу кровь.

Больше ничего не сказав, сестра Марьяна расплакалась. Пытаясь ее успокоить, я подалась вперед, но не смогла коснуться плеча Алеся — мои пальцы прошли насквозь. Вскрикнув, я отшатнулась и упала. Стоило моргнуть — и меня обступил полумрак, расчерченный бледными рассветными лучами, проникавшими в комнату сквозь тонкие шторы.

— Я в Гаруче... — произнесла вслух. — Какая нелепость. Мне все привиделось. Мне просто это приснилось.

— Простите, — обратился к Кристэру Дубинскому замерший посреди холла третьего этажа юноша. — А где здесь общий отдел?

— Вы ошиблись этажом, — отмахнулся следователь, пробегая мимо. — Вам на второй.

— А... Ясно, спасибо, — промямлил молодой человек и пригладил светлые вихры.

— А вы кто? — остановившись перед дверью, спросил Дубинский.

— Я... Я Майлз. Стажер. Хочу быть следователем. Меня прислали...

— Следователь Дубинский, — представился Крис и со вздохом сжалился над юношей: — Я вас провожу.

— Спасибо, рейян Дубинский, — обрадовался молодой человек. — Я тут совсем никого не знаю.

— Ничего, привыкнете, — успокоил его Кристэр, чуть понизив голос. — У вас общее направление на стажировку?

— Да, — тоже вполголоса ответил Майлз.

— Тогда вам не о чем переживать, — хлопнул его по плечу Дубинский. — У нас здесь не так много тех, с кем нужно быть осторожным.

— А с кем нужно? — тут же осведомился молодой человек, спускаясь вслед за следователем по лестнице.

— Ну, с рейяной Белчер встреча вам не грозит, если не надумаете самовольно отправиться на четвертый этаж, — ответил Кристэр. — Так что старайтесь, Майлз, и тогда вам не грозит быть съеденным нашими местными крокодилами.

— Кем? — опешил стажер.

— Следователем Белянским и его секретарем, — подавшись к уху юноши, сообщил Дубинский. Майлз нахмурился и взглянул на следователя, надеясь увидеть усмешку на лице следователя, но Кристэр был совершенно серьезен. Внезапно позади них раздался приближающийся дробный стук каблучков. Дубинский оглянулся, напрягся, но при виде появившейся на лестнице очень красивой девушки с ярко-розовыми волосами расплылся в улыбке.

— Рейночка Бонс, — приветствовал появившуюся особу Дубинский. — Вы, как всегда, прекрасны!

Девушка смерила следователя выразительным взглядом, широко и обворожительно улыбнулась и пронеслась мимо, обдав мужчин шлейфом ненавязчивых свежих духов.

— Какая красивая, — прошептал Майлз, когда девушка исчезла из виду.

— Да, — печально согласился Дубинский. — Это и есть секретарь Белянского.

— Неужели? — опешил стажер.

— И у них роман, — еще более печально добавил Крис. — Это не официально, но все в управлении знают. Идемте.

Следователь вошел в коридор второго этажа и рывком открыл дверь в общий зал, где, несмотря на раннее утро, все были заняты какой-то работой.

— Эй! — крикнул Дубинский. — Бонс покинула здание!

Майлз недоуменно нахмурился, а потом его брови поползли вверх, когда он услышал общий вздох облегчения.

— А что не так с рейной Бонс? — спросил молодой человек.

— Она почти легенда, — отозвался Дубинский. — Наша новая легенда. Ей лучше не перечить.

А уж за своего шефа она и демона растерзает! Ее даже теневой мир столицы опасается.

— Этой красивой девушки? — изумился Майлз. — Правда?

— Чистая правда.

Молодой человек удивленно икнул, хотел было расспросить подробнее, но потом стушевался и поскорее отошел от Дубинского. Следователь понимающе усмехнулся, кивнул парочке спецов и решительным шагом направился прочь.

— Что на этот раз? — недовольно спросила Фекла, стоило рейяну открыть дверь в ее владения.

— Фекла, выдай уже...

— Старший следователь Дубинский, — строго произнесла хозяйственница, — все, что вам положено, вы получили третьего дня. И не надо мне туточки заявлять, что я чего-то недодала! — Девушка привстала из-за стола, всем своим видом показывая, что в случае чего готова лично выпроводить рейяна из своих владений. — Хватит ходить!

Мужчина вздохнул, помялся на пороге, но настаивать не стал. Лишь шепнул, закрывая дверь:

— Я Марьяну нажалуюсь.

— Жалуйтесь, — разрешила рейна, умудрившись расслышать шепот. — Я на это посмотрю. Эллу видели?

— Она куда-то ушла, — ответил Крис и со вздохом закрыл дверь. — Дурацкий день.

Вернувшись на третий этаж, следователь зашел к себе, на ходу расстегивая пиджак, и вновь взялся за принесенные вечером отчеты из жандармерии.

— Нет, не похоже, — убежденно проговорил он, перебирая бумажные листы. — Да и не мое это дело. Может, вообще не по магическому профилю!

Немного походив по кабинету, следователь решил, взял бумаги и быстрым шагом направился к соседу. В приемной Белянского царил беспорядок: на полках стеллажа рядами выстроились пронумерованные папки с делами, а на рабочем столе секретаря монументом деловой хватке Бонс возвышалась гномская печатная машинка.

— И что она в нем нашла? — вздохнул Кристэр, толкая дверь в кабинет Марьяны. — Занят?

Белянский оторвался от чтения бумаг, вопросительно глянул на приятеля и сунул коротко сточенный карандаш за лямку подтяжек. В его кабинете порядок тоже присутствовал, хотя никакие усилия помощницы не могли разгрузить стол начальника от многочисленных папок, справочников и стопок разрозненных листков, которые создавали для старшего следователя по магическим убийствам необходимую рабочую атмосферу.

— Что случилось? — спросил Марьян и покосился в сторону окна, где в пятне солнечного света кверху брюхом спало пыльно-черное лохматое создание, совершенно не похожее на собаку.

— Это еще кто? — опешил Дубинский.

— Мой пес, — отозвался рейян и перевел задумчивый взгляд на стол. — Сестру... Мою сестру увезли на несколько месяцев нахальные Бонсы, а Туман воеет целыми днями, привлекая внимание соседей. Уже три раза жандармов вызывали. Пришлось забрать его сегодня с собой и вызвать бытовых магов, чтобы установили глушилку звуков.

— Слушай, Марьян, мне передали дело, — кашлянув, начал Крис. — Изначально все заявления поступали жандармам, но потом они передали их нам, заявив, что история пахнет магией. Белянский с сомнением воззрился на папку в руках приятеля и откинулся в кресле, сложив руки на груди.

— И при чем здесь я? — спросил он таким тоном, что Дубинскому расхотелось говорить. — Дело передали тебе? Тебе. Ты и разбирайся. Вечно пытаешься на других перевесить.

— Ты мне хоть совет дай, а то я не представляю, что делать, — взмолился Кристэр и шагнул к столу старшего следователя, протягивая папку.

— Нет, — решительно отозвался рейян, переводя взгляд на разложенные перед ним бумаги. — Не буду я читать твои дела. Если нужен совет — дам, но вникать в детали не хочу.

Кашлянув и глянув на помятую папку, Дубинский неуверенно начал:

— За последние несколько недель поступило четыре заявления о пропавших без вести.

— Мы в Гаруче. Тут постоянно кто-то исчезает, — с тоской напомнил Белянский.

— Жандармы сразу не связали истории, — добавил Крис. — Но четвертое исчезновение их насторожило.

— Все люди пропали в одном и том же месте? — понял Марьян.

— Да, все они отправились по адресам, расположенным на одной улице, и не вернулись, — воодушевленно подтвердил Дубинский.

— Точные адреса разнятся? — предположил старший следователь.

— Да, но пропавшие посетили практически соседние здания, — раскрыв папку, ответил Дубинский.

— И что за улица?

— Малая Рвынка.

— Близ Городского Вала? — припомнив карту города, определил Белянский.

— Тихая узкая улочка, появившаяся после перепланировки. Раньше часть улицы была в Верхнем городе, а другая — в Нижнем. Но с тех пор, как от Вала осталось только название, — глухое местечко, — сказал Кристэр и поморщился.

Историю города оба знали много лучше тех управленцев, кто переехал в столицу после завершения обучения. И оба знали, что Гаруч — не просто старый и неуклюжий город, ставший столицей волею случая, а самобытный и удивительный, когда-то взявший свое начало из поселения там, где встречались две реки. Лучшее место для торговли не было на всем обширном континенте. Поселение процветало, город то и дело входил в состав того или иного государства — за более чем три сотни лет жители так приноровились к постоянной смене власти, что никто не пытался защищать город. И населяли Гаруч всю его историю выходцы из трех королевств, на стыке которых он появился. Никого это не смущало, никто не стремился ссориться с соседями. Лишь разнообразие фамилий могло впечатлить приезжего. Как и говор. Здесь он был особый, с толикой южной тягучести, западной мягкости и с неискоренимой привычкой северян глотать окончания слов.

— И что за здания стоят на этой улице? — уточнил Марьян, глядя на приятеля с прищуром.

— Да ничего особенного. Полдюжины лавочек, — прочел Дубинский, — пара магазинчиков... Место не самое плохое, но дома старые, улица узкая, извивается, точно змея.

— И пропавшие отправились туда по делам? Их что-то связывало?

— В том-то и дело, что я не вижу связи, — признался Дубинский. — Ни у кого не было долгов, никто их не шантажировал. Все разного возраста и социального положения. Три женщины и мужчина. Не знаю даже, что предпринять.

— А свидетели? — спросил Марьян.

— Жандармы опросили лавочников, но никто ничего не видел.

— А сам ты ездил на место? — хмуро спросил старший следователь.

— Нет, но...

— Так сначала сам посмотри! — велел Белянский, начав раздражаться. — Своими глазами.

Отчеты отчетами, а на месте всегда лучше все видно.

Дубинский недовольно застонал, но рейян его быстро одернул:

— Ты хотел совет? Я дал тебе совет. Отправляйся на Малую Рвынку. Не удивлюсь, если на месте ты быстро во всем разберешься.

— Да не хочу я... — застонал Крис, сжимая в руках документы. Огромный пес, потревоженный возгласом, приподнял здоровенную башку и вопросительно глянул на следователя.

— Да, ты его не понимаешь, — усмехнулся Марьян, когда пес повернул к нему голову и уставился на хозяина, — я знаю.

Без слов открыв и закрыв рот, Кристэр развернулся и нервной походкой направился прочь.

Туман вздохнул, когда стихли шаги в приемной, и уложил морду поверх скрещенных лап.

— Ничего с тобой не станется, — отозвался Марьян, когда пес едва слышно заворчал. —

Потерпи еще немного. Скоро Леську вернут домой.

Туман, будто все поняв, заворчал чуть громче.

— Кто б тебя пустил в поезд, о чем ты? — отмахнулся Белянский и вытащил карандаш. — Ты не карманная собачонка. Леська с тобой намучилась бы. Да и Бонсы...

Марьян постучал по стопке описных листов карандашом и глухо вздохнул, сразу пожалев, что вспомнил родителей помощницы. За ту неделю, что рейяна и рейян Бонс пробыли в Гаруче, Марьян успел дважды с ними поужинать и даже один раз позавтракать, хотя никак не мог взять в толк, как подобное произошло. Зато теперь он точно знал, от кого Элла Бонс унаследовала свой характер.

Марьян прекрасно знал, что за глаза его в управлении называли крокодилом, но Бонсам ни о чем был взгляд Белянского и его особый тон. К концу недели рейян ясно понял, что рейяна Бонс вознамерилась женить нового знакомого на своей дочери, и мнение самого Белянского женщину интересовало в последнюю очередь. Не то чтобы Марьян сопротивлялся, просто под внезапным напором он не мог собрать мысли воедино и разобраться в собственных чувствах.

— Что вообще происходит? — спросил следователь, глянув на пса.

Туман поднял голову и задумчиво воззрился на хозяина, словно говоря, что разбираться в хитросплетениях человеческой души совершенно не собачье дело.

— Вот и первое твое дело, — развеселился спец, поглядывая на Майлза. — Мало кто в первый же день выезжает. Гордись!

Молодой человек нервно кивнул и уставился в окно, наблюдая за тем, как мимо проплывают залитые летним солнцем улицы столицы. Радости рейяна Оболонского Майлз не разделял. Он бы предпочел посидеть за отведенным ему столом, разглядывая подставку для ручек и множество царапин на столешнице.

— Дело явно плевое, — радовался управленец. — Дубинский ведет, а он у нас по кражам, мошенничеству и всякой другой мелочовке. Надо осмотреться на месте, расспросить лавочников. Проще простого.

В городе стажер ориентировался плохо, ему еще только предстояло изучить расположение улиц столицы, но он все же сразу понял, что они прибыли на место, когда самоход остановился у поворота на узкую тихую улочку, полукольцом огибавшую небольшой пригорок.

— Тут тихо, — заметил Оболонский, когда гном-водитель, высадив их, заглушил мотор самохода.

— Вы знаете эту улицу? — спросил Майлз.

— Кто же знает все улицы в Гаруче? — хмыкнул спец. — Город у нас большой, старый. Когда-то застройка шла стихийно, и большая часть улочек — запутанный лабиринт. Ни один жандарм не обошел их все.

Молодой человек понятиливо кивнул и вслед за управленцем начал спускаться по пригорку, откуда брала свое начало Малая Рвынка.

Улочка изгибалась, как уж на сковородке, дома то жались друг к другу, то поворачивались к прохожему углами, то вырастали на четыре этажа, то пригибались к земле тяжеловесными двумя этажами под почерневшей черепичной крышей. Свет сюда едва проникал, узкими клиньями выхватывая из полумрака то облупившиеся ставни, то стену с обвалившейся желтой штукатуркой, то резные перильца балкона. То вспыхивало ослепительно стекло в витрине, то привлекала внимание надпись, сделанная темно-зеленой масляной краской.

— Хоть место и не слишком удачное, но тут в основном лавочники обретаются, — сообщил стажеру Оболонский. — Вот только я не знаю, как они выживают. Кто здесь что покупает? Майлз кивнул. За несколько минут они с управленцем встретили всего пару человек и они не походили на людей, готовых расстаться с деньгами в ближайшей лавчонке.

— Ты давай тут начни, — велел спец. — Блокнот, карандаш — и за дело. Расспрашивай о пропавших. Узнай, может, кто-то что-то видел. А я с того края улицы пойду. Данные по делу ты выписал?

Молодой человек нервно кивнул и поспешил вытащить из нагрудного кармана формы небольшой блокнотик в кожаной обложке. Его Майлзу купил отец, и стажер очень гордился этим подарком.

— Вот и отлично, — кивнул Оболонский и хлопнул парня по плечу. — Работай, малец!

— А это самая полная энциклопедия? — дотошно уточнила я, тыча в Харта выбранным томом — огромным, толстым и растрепанным. Обложка пестрела пятнами неизвестного происхождения, а на половине страниц имелись заломы, но я так и не решила, что с книгой делали больше — читали или все же использовали в качестве подставки под жирные сковородки.

— Полная-полная, — закатив глаза, прошипел судмедэксперт.

— Точно? — не столько из-за собственной дотошности, сколько из желания позлить Вирсена Харта, спросила я.

Метаморф сдернул очки, глянул на меня, его волосы за секунду стали ярко-красными, а потом глухо повторил:

— Да полная она!

— Отлично, — с улыбкой произнесла я. — Я возьму на время? Верну через пару недель, наверное.

— Оставьте себе, рейна Бонс, — с холодной любезностью ответил судмедэксперт. — У нас есть более краткие и более полезные справочники. А если будет нужно, я знаю, где искать этот кирпич.

— Спасибо вам, рейян Харт, — вновь улыбнувшись, сладко пропела я, чем вынудила мужчину еще больше скривиться, и направилась к выходу, зажав книгу под мышкой. — Хорошего вам дня.

Ответа не последовало, но я этого и не ждала. Что взять с метаморфов. Хотя я и не из их числа, но для Харта это вряд ли имеет значение, а себе подобных метаморфы терпят с огромным трудом. Родственники — дело другое, но даже мои тетушки порой могут шелкать зубами.

Мурлыча себе под нос популярный мотивчик, я неторопливо поднялась на третий этаж.

Последние две недели прошли спокойно. Никакими срочными расследованиями мой начальник не занимался, так что у меня нашлось время закончить разбор дел и составить подробный их каталог. Когда и после этого ничего срочного не возникло, я решила посвятить свободное время самообразованию, тем более что дело Раскеля-Каранского, как я его про себя называла, обнаружило мои весьма поверхностные знания в магии.

Да, колдовать я не могу, а если не буду себя контролировать, то способна запросто на время или совсем уничтожить чужие чары, но это не повод игнорировать простую истину: мне нужны хотя бы теоретические знания, чтобы не чувствовать себя глупо, задавая вопросы старшему следователю.

Таким образом вот уже неделю я почитывала всевозможную литературу, стараясь не столько разобраться в магии, сколько по верхам изучить моменты, знание которых избавит меня от дальнейших конфузов. Вчера я решила, что мне стоит ознакомиться и с многочисленными демоническими созданиями, которые то и дело просачивались в наш мир.

— Бонс, где тебя носит? — с раздражением спросил шеф, выскочив в коридор.

— Я заглянула к рейяну Харту за книгой, — спокойно произнесла я. — Что-то случилось, шеф?

— Я на четвертый этаж, — предупредил Белянский. — Если Туман опять начнет скакать по кабинету так, что на втором с потолка начнет отваливаться штукатурка, выдай всем жалобщикам точные указания направления, которым им стоит уйти в закат, — велел шеф.

— Всенепременно, — ответила я с улыбкой.

Шеф обошел меня, но потом остановился и, обернувшись, спросил:

— Что за книга?

— Я пыталась найти подробную классификацию по всевозможным потусторонним сущностям, но в книжных лавках не нашла. А Фекла послала меня к судмедэкспертам. У них и обнаружился этот внушительный труд.

— Бонс, тебе зачем? — удивился старший следователь. — Ты ведь что мелкого хракса, что всех его родичей с одинаковой вероятностью расплющить можешь, как мне кажется.

Я фыркнула и напомнила начальнику:

— И что, разве это повод не знать врага в лицо... в морду? Да и не факт, что с демонами все так однозначно.

Белянский с сомнением на меня глянул, пожал плечами и умчался по своим делам. Я же прошла в приемную и с удовлетворенным вздохом водрузила на стол добытую книгу.

— Расплющить, — повторила я с обидой. — Тьфу! Всех нормальных людей мои способности пугают, а рейян Белянский воспринимает их как какое-то преимущество. Вот же! Если заставит меня опять ему стол передвигать, то обязательно все выскажу! Выскажу! Выскажу!

Посидев пару секунд, хмуро таращась на книгу, я с яростным рыком ее раскрыла на середине и начала читать.

— Да где этот мальчишка? — сердито воскликнул Оболонский, осматриваясь по сторонам. — Отлынивать вздумал?

Управленец ответственно обошел половину зданий Малой Рвынки. Опросы занимали достаточно много времени, и день уже начал клониться к закату. В животе у рейяна отчетливо забурчало, и он тихо выругался. В домах и лавках ему или ничего не предлагали, или поили чаем, и все долгие часы Оболонский мечтал о порции жаркого и кружке доброго темного пива. — Эй, стажер не появлялся? — окликнул спец гнома-водителя, поднявшись к самоходу, но тот лишь отрицательно качнул головой. — И где его носит?

Выждав еще полчаса, управленец зло сплюнул на булыжники и решил вернуться без Майлза.

— Будет ему урок, — пропыхтел рейян, забираясь в салон. — Никто не станет смотреть, что он новичок. Работать надо быстрее.

ГЛАВА 30

Марьян почти успел удрать, но сильные руки выдернули его из спасительной тьмы и подняли над полом.

— Куда же вы, шеф? — с фирменной улыбкой осведомилась Элла Бонс, легонько встряхивая рейяна, отчего старшему следователю тут же расхотелось спастись бегством и злить девицу.

— Бонс, это неприемлемо, — предупредил Белянский, но секретарит, не слушая его, двинулась к лестнице на второй этаж.

Марьян с трудом подавил желание вцепиться в перила. Будто прочитав его мысли, девушка вновь улыбнулась и чуть усилила хватку.

— Между прочим, я твой начальник. — Марьян сделал попытку призвать Бонс к порядку.

— Я знаю, шеф, — кивнула секретарша, легким пинком ноги открывая дверь в спальню старшего следователя.

«Они все продумали! — мысленно заголосил Белянский. — Леськи нет, Туман не поможет...»

— Бонс, ты что творишь? — хрипло спросил Марьян, когда девица приблизилась к кровати и с радостным возгласом кинула рейяна на одеяло. — Мало того что это полное нарушение субординации, так и... Вообще! Ты же... Ты меня сломаешь! С твоей-то силой!

— Я осторожно, — с ласковой улыбкой сообщила Бонс, глядя на Марьяна сверху.

Белянскому резко расхотелось спорить, а захотелось отодвинуться и загородиться подушкой.

— Ну что же вы, шеф, — с толикой обиды прошептала помощница, скидывая туфли и присаживаясь на край кровати. Мягкий свет уличных фонарей обрисовал соблазнительные контуры точеной фигуры. В любое другое время это могло бы подействовать на Марьяна, но сейчас он лишь судорожно сглотнул.

— Ше-эф, — позвала Бонс и потянулась к нему.

Замычав, Белянский подался назад и громко застонал, когда под веками заплескали звездочки, а боль в копчике на миг вышибла дух. Лишь несколько секунд спустя старший следователь смог прийти в себя и сообразил, что сидит на полу в собственной спальне в пижаме, а в комнате никого нет.

— Приснилось, — произнес он вслух, посмотрев на задернутые шторы. — Игры подсознания, хракс бы все побрал!

Кое-как поднявшись, Марьян доковылял до ванной комнаты и при свете лампы изучил свое заспанное помятое лицо.

— Высыпаться надо, — сообщил он себе, открывая кран и медленно обмывая под струей руки, прежде чем с усилием потереть лицо и шею. — Высыпаться и поменьше работать. Бонс права. Уставившись на бегущую воду, Марьян вспомнил тот день, когда вместе с секретаршей пришел забрать Алеску из дома Бонсов, но все закончилось совсем не так, как думал рейян. Тот поцелуй в темноте и тишине маленькой ниши стал первым и пока единственным, хотя старший следователь знал о бродивших по управлению слухах. Прошло две недели, Бонс не вспоминала об этом, не строила из себя невинную овечку или обиженную невниманием девицу. Несколько томительных жарких минут в темноте будто остались достоянием той темноты, того предраассветного часа. И все это время Марьян пытался понять, как ему поступить. Как быть дальше.

— Это Бонс, чтоб ее, — с искренней злостью прошептал Белянский.

С ней было просто в работе. Девица оставалась спокойна даже в те моменты, когда начальник выходил из себя и начинал щелкать челюстями на окружающих. Она понимала его, кажется, с полуслова. Обладала, по заверениям Криса, тем же отвратительным характером, что и у старшего следователя. Она все делала легко, почти играючи, и порой казалось, что в рамках своей должности способна на все. Она варила неизменно отличный кофе и накрепчайший чай. И Марьян внезапно понял, что любит очень сладкий чай и кофе с лимоном. Бонс навела порядок в делах и умудрилась вытереть пыль на столе Марьяна, не перепутав ни одной бумажки. Она подружилась с Алесей, а ее родители где-то нашли парочку веселых учительниц, согласившихся поехать с ученицей и четой Бонсов на раскопки. Теперь Леська писала заляпанные шоколадом восторженные письма, сопровождая их дюжиной зарисовок мелкими и углем. Бонс вызывала панику у спецов управления и те задерживали дыхание, стоило секретарше выйти из приемной. Поток посетителей к Марьяну после происшествия с прорывом демонов в разы сократился.

Если бы кто-нибудь спросил, рейян честно бы признался, что Бонс — секретарь, о котором можно лишь мечтать. Но вот о девице Элле Бонс Марьян ничего не знал и не представлял, что ему с этим делать. Она определенно ему нравилась. Интриговала своей необычностью. Несмотря на сны, сила девушки Марьяна не пугала. В этом была даже какая-то пикантность. Но все это никак не помогало. И сама Элла Бонс не пыталась ему помочь, оставаясь удивительно спокойной и рассудительной особой.

— Лучше б уже что-нибудь сделала, — прошептал Белянский. — Хотя что-то. Закатила истерику. Потребовала объяснений. А так... Непрошибаемая! Работает, улыбается, варит кофе. И что? Что мне делать?

Замерев перед гардеробом, я с сомнением провела рукой по вешалкам. Этим утром ни один из костюмов мне не нравился, а ведь всего несколько дней назад я забрала чудную юбочную пару, сшитую для меня на заказ.

Вытащив один из костюмов, я с сомнением приложила к жакету шелковую блузу, цвет которой идеально подходил к моим глазам, и уставилась в зеркало.

— Высыпаться тебе надо, высыпаться, — сообщила я девице в отражении.

Если не присматриваться, то и не заметно, но я себя знала как никто. По утрам теперь приходилось тратить чуть больше времени перед зеркалом, пытаясь скрыть едва заметные, но портившие облик темные круги под глазами.

— Высыпаться, — повторила я и приложила к костюму блузу цвета освещенного солнцем мха. На фоне этой ткани стала еще больше заметна моя бледность.

Плюнув на все, я облачилась в старый костюм, с которым носила безотказную блузку цвета яичной скорлупы.

— Может, надо юбку укоротить? — задумалась и подвернула ткань на пару пальцев. Ноги стали казаться еще длиннее, но вот вид стал менее профессиональным. — Нет, надо просто прибить шефа. Прибить и сказать, что так и было! Это мигом решит все проблемы, — проворчала я, натягивая вещи.

— Бонс, кофе! — рявкнул Белянский, шагнув в приемную сквозь портал. — И...

— И есть бутерброды с поджаренным беконом, — предложила я, опуская на край стола принесенный из кафе бумажный пакет с едой.

Шеф кивнул, глянул на пакет и стремительно прошел к себе. Я со вздохом улыбнулась и на миг присела в кресло, чувствуя себя опустошенной.

— Бонс! — позвал старший следователь, снова возникая на пороге.

— Да, шеф, — вскинулась я и растянула губы в вежливой улыбке.

— Найди... те мне дела по зачарованному оружию.

— Хорошо, — отозвалась я, отметив легкую запинку в речи Белянского. Он теперь часто так делал, а я делала вид, что ничего не замечаю.

За свою вольность в родительском доме я не стыдилась, но потом все пошло как-то не так. Обдумав этот случай, я просто оставила ситуацию на усмотрение рейяна. И теперь мне не хотелось подталкивать его в том или ином направлении, хотя из-за переживаний и неопределенности я плохо спала по ночам. Утешало лишь то, что шеф и сам пока не определился. В минуты отчаяния я напоминала себе о том, кем являюсь. В конце концов, со мной все куда сложнее, чем с кем-либо. И Белянскому придется это учитывать. Да, моя сила его не пугает, и это удивительно. Но роман, даже короткий, может быть опасен для старшего следователя. И если смотреть на это все под таким углом, я бы тоже медлила на месте шефа. «А может, он не знает, как мне вежливо отказать?» — в который раз спросила я себя и нервно сглотнула.

— Нет, нет, нет, — простонала вслух и, спохватившись, ушла вместе с пакетом в подсобку. — Не может такого быть.

— Марьян! — крикнул Дубинский, влетая в приемную. — Марьян!

— Рейян Дубин... — поморщившись, начала было я, но следователь меня перебил:

— У себя?

— Естественно, — сказала я и пожала плечами. — Мне казалось, что все в управлении знают, если мой шеф выходит из здания.

— Потому что в вашем сопровождении, — с какой-то кривой улыбкой произнес Крис, распахивая дверь в кабинет Белянского: — Марьян!

Мужчина не удосужился закрыть дверь, так что дальнейший разговор я слышала так отчетливо, словно находилась в кабинете.

— Что на этот раз? — недовольно спросил мой начальник.

— У меня человек пропал, — сообщил Дубинский и протяжно вздохнул.

— Какой еще человек? — не понял старший следователь. — Ты можешь внятно объяснить?

Я усмехнулась, радуясь тому, что мне Белянский никогда подобного не говорил.

— Вчера я... — Кристофер запнулся. — Ты посоветовал побывать на месте, но я...

— Ты никуда не поехал, — догадался Белянский. — И это меня не удивляет.

Дубинский недовольно зашипел, ругаясь, а потом заговорил снова:

— В общем, я отправил на место наших жандармов. Точнее, я передал задание на второй этаж. Назначили Оболонского.

— Он мужик ответственный, — согласился старший следователь.

— И ему в пару дали нового стажера, который только-только прибыл, — добавил Крис. — На втором решили, что задание простое, а парню надо осваиваться.

Я на миг оторвалась от изучения толстого тома классификации и мысленно отметила, что видела вчера какого-то перепуганного светловолосого молодого человека. Видимо, это и был тот самый стажер.

— И что? — теряя терпение, спросил мой шеф.
— Ну, Оболонский выехал... Они должны были опросить людей, — пробормотал Дубинский, расхаживая по кабинету. — Потом парень куда-то подевался... А Оболонский искать не стал.
— Они отдельно опрашивали людей? — спросил Белянский с холодной яростью в голосе. — А инструкция у нас существует для подтирания в сортире?! Я был лучшего мнения об Оболонском.

— Да кто же знал? — вскинулся Дубинский. — Короче, вчера Оболонский парня искать не стал, поздно уже было, а сегодня выяснилось, что никто этого Майлза не видел. И на квартире он не появлялся!

Я хмыкнула и отодвинула от себя книгу.

— Какое дело расследует Крис? — едва слышно спросила я себя. — Может, теперь это уже наше дело?

Во мне затеплилась слабая надежда.

— Сколько реально прошло времени с момента исчезновения стажера? — спросил Белянский.

— Около восемнадцати часов, Марьян, — с тоской ответил Дубинский. — И у него нет знакомых в Гаруче.

— Итого... — Шеф на миг задумался. — Итого у тебя три пропавшие женщины и двое мужчин.

— Да не у меня они! — возмутился Кристэр. — Они просто... пропали!

— Но
пропали,
— не дал себя сбить с мысли Белянский.

— Да, и теперь это точно не просто пропажа! — решительно заявил рейян. — Их похищают! И раз так, то дело не мое.

Я услышала, как на ворох бумаг упала еще одна панка, и мысленно порадовалась. Казалось бы, еще совсем недавно я мечтала, что буду безвылазно сидеть в кабинете, перебирая бумажки, а теперь сама хочу куда-нибудь ехать, осматривать место преступления. Готова едва ли не быстрее шефа бежать вперед.

— Крис, ты ленивый за...

— Ничего не знаю! — перебил Белянского рейян. — Дело я тебе передал. Разбирайся.

Я быстренько вернулась к чтению, хотя вылетевший из кабинета Дубинский на меня даже не взглянул.

— Бонс! — рявкнул мой начальник.

— Да, шеф?

— Собирайся, — велел Белянский раздраженно. — Нас ждут...

— Великие дела? — с надеждой спросила я, перебив старшего следователя.

Он не ответил, но по тому, как зашуршали бумаги, я поняла, что такие дела ждут, а уж об их величии мы будем судить по ходу расследования.

Несмотря на ясную погоду, узкая кривая улочка была темной, а от неприятного запаха стоячей воды меня непроизвольно передернуло.

— Неприятное место, — согласился шеф, осматриваясь по сторонам. — Тут явно что-то недоброе произошло.

— Вы так уверены, старший следователь, — пробормотала я. — Чувствую лишь неприятный холодок.

— Дело не в каких-то интуитивных ощущениях, — пояснил Белянский. — Я вижу магический фон местности, и он мне совершенно не нравится.

— Вы видите... — начала было я, но запнулась, пытаясь воспроизвести точную фразу из пособия по магии.

— Нет, — отмахнулся рейян. — Фон здесь как раз ровный, без искажений, которые возникают после колдовства. Но это как раз и странно.

— О чем вы? — нахмурилась я и поспешила за начальником вниз с пригорка.

— Не бывает совершенно чистых от магии мест, — ответил старший следователь, до раздражения напоминая преподавателя в учебке. — Всегда есть какие-то остаточные проявления. Они видны даже через полгода или год после того, как какой-нибудь маг открывал

портал. Все это не мешает чаровать другим. Обычные люди подобные проявления даже заметить не способны.

— Хотите сказать, что в данный момент мы находимся на самой чистой улочке столицы? — сообразила я.

— Верно, — подтвердил начальник. — Это самое магически чистое место, какое я когда-либо видел в Гаруче.

— И такого быть не может? — удивилась я. Шеф тем временем шагал мимо зданий и задумчиво их осматривал. — Мы хоть и в Гаруче, но на очень маленькой и тихой улочке. Может, она просто не популярна у магов.

Марьян Белянский криво усмехнулся и замер перед лавкой, торгующей тканями.

— Может, — согласился он, — но я в такое не верю. Тем более теперь у нас пять пропавших людей на одной улице. Я видел магически чистые места — в горах, вдали от поселений, в храмах, — и там, где кто-то очень постарался подчистить следы своего пребывания.

От слов шефа по спине прошелся легкий холодок, хотя по очевидным причинам бояться мне было нечего. Но как же пугает что-то непонятное! Осматриваясь, я увидела вывеску книжной лавки и нахмурилась. Магазины выглядели крошечным и неприметным, но мне против воли хотелось в него зайти.

— Бонс, ты куда? — окликнул меня Белянский, когда я уже подошла к лавке и потянула на себя дверь.

Очень хотелось объяснить, что нечто в этом местечке привлекло мое внимание, но я не могла найти слов, которыми бы сумела точно описать собственные ощущения. Но это и не понадобилось — шеф вслед за мной вошел в крошечный торговый зал.

— Здравствуйте! — радостно приветствовал нас высокий поджарый мужчина в аккуратном темно-сером костюме. — Добро пожаловать. Ищете что-то конкретное?

Старший следователь быстро представился, а я не стала задерживаться у прилавка и прошла дальше, осматривая помещение.

— Такое несчастье, — сообщил хозяин лавки. — И такая тень на нашу спокойную улочку!

Я прислушивалась к его голосу и не чувствовала фальши, но это казалось более подозрительным, чем откровенное вранье.

Лавка представляла собой небольшой зал, по периметру уставленный высокими книжными шкафами. Слишком массивная для помещения вычурная лестница вела на галерею, протянувшуюся вдоль стен, где, как и на первом этаже, теснились шкафы. Уличный свет едва пробивался сквозь грязноватые витрины, но стеклянные лампы давали достаточно света, чтобы видеть корешок каждой книги. Лишь панно в дальней части зала оставалось в тени. Мне пришлось обогнуть лестницу, чтобы рассмотреть рисунок как следует — живописную улочку, изображенную с высоты птичьего полета. Дома украшали гирлянды и фонарики весеннего праздника, по умытой дождем брусчатке гуляли разодетые в лучшие наряды люди, торговки предлагали всем булочки и конфеты, дети играли в камешки и скакали через лужи. Были здесь и более мрачные фигуры, вроде мужчины в черном или темно-синем, но я даже лица его не могла разглядеть, был лишь намек на форму жандарма и виднелись светлые волосы — фигурки на картине были очень мелкими.

— Вы заметили что-то странное в последнее время? — допытывался Белянский.

— Все как всегда, — заверил владелец книжной лавки. — Я бы сам сообщил, если бы что-то случилось. Я человек маленький и не люблю происшествий.

Шеф еще о чем-то спросил, но я не вслушивалась, поняв, что никаких ценных сведений владелец не сообщит. Проходя вдоль полок, я попыталась угадать, какая книга привлекла бы мое внимание, будь я не сотрудником магконтроля, а обычным прохожим, которого что-то тоже вынудило зайти в книжную лавку.

Изучая собственные способности, а папа всегда называл мою нейтральность к магии именно способностью, я давно выяснила, что на меня магия в любых ее проявлениях действовать не может, если только я не пытаюсь контролировать происходящее. Но на улице что-то словно затянуло меня в этот магазинчик. Очень странно и очень подозрительно.

— Да, не поверите, но все эти люди сюда заходили, — подтвердил тем временем владелец. —

Но у нас вообще особое место, видите ли. На улочке расположены лишь магазинчики, но улочка короткая. Люди даже против своей воли заглядывают в каждую лавочку, когда проходят здесь.

— Ясно, — ответил мой начальник.

Я заметила небольшую пухлую книжку с золотыми буквами на обложке. Она так и просилась в руки. На миг почудилось, что под обложкой я найду интересный приключенческий романчик о пустыне с ее жаркими песками. Я даже протянула руку, представляя себя в легких бежевых шелках с подвешенными по краю одежды бусинками, чтобы утяжелить ткань и не давать ей вздуться от каждого порыва ветра, но отдернула руку и нахмурилась.

— Старший следователь, — решительно позвала я, вновь чувствуя неприятный холодок, пролетевший по шее, — можно вас на минутку?

Белянский подошел через мгновение и сухо проговорил:

— В чем дело, Бонс? Нам пора. Здесь нет ничего интересного.

— Я хотела побольше узнать о столице, и, раз уж мы в книжной лавке, вы не посоветуете мне что-нибудь? — с милой улыбкой попросила я. — Я не могу назвать себя столичным жителем, ведь большую часть времени провела вне Гаруча. Помогите мне, пожалуйста.

Шеф задумчиво на меня уставился, а потом медленно осмотрелся. Книга, которая понравилась мне, его не привлекла, зато заинтересовал какой-то другой томик, явно по истории города, но прежде чем старший следователь его взял, я отдернула его руку, наплевав на собственное новое правило не форсировать отношения между нами, и решительно сказала:

— Шеф, что же вы! Вы должны призвать собственного секретаря к порядку и напомнить, что сейчас у нас рабочее время. Идемте, у нас полно работы.

Белянский удивился, но безропотно позволил увести себя от полок.

— Заходите еще, — с широкой улыбкой предложил владелец лавки.

— Непременно, — с такой же улыбкой ответила я, немного задержавшись в дверях, словно меня заинтересовали повешенные на стекла изнутри объявления.

— В чем дело? — хмуро спросил старший следователь, когда мы оказались на улице.

— Сейчас, — не переставая улыбаться, ответила я и повела шефа прочь от лавки. Через несколько секунд мой слух уловил легкий скрип открываемой двери. Шеф явно тоже его услышал, но среагировал правильно и очень спокойно сказал:

— Здесь нет ничего. Идем дальше?

— Да, рейян Белянский, — подхватила я, увлекая шефа прочь от подозрительной лавочки.

— Там на самом деле нет ничего странного, — сообщил мне старший следователь, когда мы оказались достаточно далеко. — В чем дело, Бонс? Ты ведешь себя так, словно тебя что-то напугало.

Я приостановилась, закусив губу и попыталась сформулировать свои ощущения.

— Сначала это место привлекло меня против воли. А ведь у лавочки даже вывеска вытертая и старая, ни одного яркого пятна.

— И что в этом такого?

— Ничего, кроме странного ощущения, — согласилась я. — Но это-то и странно. На меня совершенно не действуют чары, как вы знаете. Но и разрушить их на расстоянии я не могу. Поэтому полог невидимости остается непроницаем для меня, очищающие артефакты работают, если я не трогаю их руками, и все тому подобное. Но при этом никакие чары и артефакты не способны на меня воздействовать!

Шеф чуть прищурился, глядя на меня, а потом потребовал:

— Продолжай.

— В лавке меня привлекла какая-то книга. Я ее даже не касалась, но чувствовала, что она мне очень нужна. Она будто манила меня!

— Магическое воздействие? — удивился начальник.

— Но на меня такое не действует, — помотала я головой. — И это еще более странно. И вы явно не попали под воздействие, раз решили показать мне книгу именно по нужной теме, а не какую-то случайную.

Белянский задумчиво дернул себя за прядь волос и ответил:

— Я ничего не почувствовал.

— Ну и последнее... Что еще более странно, чем все остальное.

— Что же именно?

— Я высказала свою просьбу достаточно громко, но владелец даже не сделал попытку мне что-то предложить, — ответила я. — Он остался на месте, хотя должен был первым попытаться мне что-то продать.

Белянский немного подумал над моими словами, а потом кивнул.

— Это странно, — сказал он, и я облегченно вздохнула, перестав чувствовать себя глупо, — но этого недостаточно. Это не доказательство чего-либо.

— Да, — кивнула я, а про себя добавила: «Но для меня это огромный повод изучить это место повнимательнее. И без свидетелей».

Вернув трубку на рычаг, я повернулась к своему столу и задумчиво оперлась подбородком на сложенные домиком пальцы. Шеф в такой позе казался невероятно умным и проницательным, так, может, и на меня часть этого светлого образа снизойдет?

— Хозяин бульдогов ничего не знает, — проговорила я, вспоминая то небольшое, чего удалось добиться лестью и угрозами. — Очень и очень странно. Но хоть что-то определенное. Если король не врет, к этой истории теневой мир столицы не причастен. И какие выводы можно сделать?

Я вновь задумалась, даже взяла карандаш и стала постукивать им по стопке чистых листов, но никаких идей в голову не приходило.

Вместе со старшим следователем мы потратили несколько часов, опрашивая обитателей самой тихой и, похоже, самой опасной улицы в столице, игнорируя уже имеющиеся опросные листы. И чего добились? А ничего!

Многие видели пропавших, но ничего внятного рассказать не могли. Неизвестно было даже точное время, когда кто-то из них заходил в ту или иную лавочку. В итоге невозможным оказалось даже маршрут людей составить, не то что выяснить момент исчезновения и какие-либо детали.

— И владелец книжной лавки остается самым странным, — не без раздражения признала я. Тревожило, что я никак не могла понять причины собственной реакции при посещении лавочки. С одной стороны, место и впрямь немного странное, но с другой, кроме этих самых странностей, к делу пришить было нечего. Будь я обычной жительницей королевства, мне хватило бы и этого, но я не просто жительница, а работник управления магконтроля, пусть только секретарь. Мне в любом случае не положено строить обвинение на основе лишь собственных ощущений.

Повздыхав, я открыла толстый том и снова принялась за изучение расхлябанного пособия.

ГЛАВА 31

— Бонс... — произнес Марьян, выглянув в приемную, и запнулся — девушки за столом не оказалось.

Белянский прислушался, но из подсобки не доносилось ни звука. Нахмурившись, старший следователь глянул на настенные часы и раздраженно пробормотал:

— Ну да, конец рабочего дня.

Выйдя в приемную, рейан без всякой необходимости осмотрел стол помощницы, подспудно надеясь обнаружить там что-то интересное, но перед уходом Бонс все убрала, оставив лишь толстенный том подробной классификации демонов и прижатую этим талмудом фотокарточку какого-то невзрачного юноши с испуганными глазами в форменном кителе жандармской академии.

Вздохнув и пролистав классификацию, Марьян вернулся к себе и с раздражением осмотрел кабинет. У старшего следователя всегда были дела, требовавшие его внимания. Как бы Белянскому ни хотелось, приходилось заниматься не только расследованиями, но и целым ворохом бумажек по менее важным делам управления. Ежедневно ему на стол ложились отчеты о случаях магических убийств и ранений при помощи магии, доклады выездов всех подчиненных, заявления и просьбы. Часть этих дел он мог бы спокойно переложить на плечи Бонс, но бумаги требовали его подписи, а Марьян ненавидел что-либо подписывать вслепую.

— Ладно, — пробормотал он. — Конец рабочего дня.

Полдня он настраивал себя на разговор с Эллой Бонс, но теперь тот вынужденно переносился на утро. Марьян поморщился и открыл портал в собственный дом.

— Добрый вечер, — глянув на Тумана, сказал рейян и не спеша прошел в гостиную. Пес проводил его задумчивым взглядом и раскатисто гавкнул. — Не начинай, — взмолился Марьян. — Я потратился и поставил звукопоглощающие артефакты, но это не значит, что теперь ты можешь гавкать, когда вздумается.

Туман тяжеломерно прошел вслед за хозяином в гостиную и сел так, чтобы Белянский его видел.

— Что? — раздраженно спросил старший следователь, падая на диван. — Что ты хочешь мне сказать?

Туман раскрыл пасть и, высунув язык, шумно задышал, глядя на хозяина. Марьян пару секунд смотрел на это, а потом со стоном растер лицо ладонями и взъерошил волосы на затылке.

— Хракс...

Вставать не хотелось, но он все-таки поднялся и открыл еще один портал, выведший его в тихий Лиловый переулок.

— Трижды хракс, — проворчал себе под нос Белянский, подходя к нужному дому и заходя в здание. — Кажется, я об этом пожалею.

Он немного постоял перед дверью секретарши, впервые в жизни испытывая нерешительность, а потом со вздохом нажал кнопку дверного звонка. Несколько секунд ничего не происходило. Марьян слышал лишь стук собственного сердца, раздававшийся в ушах. Ничего не произошло и минуту спустя. Рейян нахмурился и отступил от двери, убеждаясь, что не ошибся адресом.

— Где ее носит? — хмуро спросил он и отправился вниз, чтобы взглянуть на окна квартиры с улицы.

В сгущавшихся сумерках окна квартиры Эллы Бонс темнели черными провалами. Марьян постоял несколько секунд, пытаясь найти разумное объяснение.

— Время еще не позднее, и ей вовсе не обязательно сразу идти домой после работы.

Это прозвучало неубедительно, и Белянский сам не поверил своим словам. Интуиция ему подсказывала, что Бонс не просто отсутствует дома, а куда-то отправилась.

— И куда? — спросил себя старший следователь.

На ум пришло только одно место, а талмуд классификации навел Марьяна на нехорошее подозрение, что он прав в своих догадках.

— Что она задумала? — прошипел рейян, открывая следующий портал, и мысленно выругался, заметив что-то розовое, мелькнувшее в сгустившихся сумерках приближающейся ночи.

Продолжая мысленно ругаться, Белянский дошел до узкой щели между домами, где приметил секретаршу, и строго спросил:

— Бонс, что ты тут делаешь?

Девушка издала возмущенный возглас и бесцеремонно втянула старшего следователя в темноту.

— Бонс... — начал было рейян, но помощница прихлопнула его рот ладонью и велела:

— Не мешайте, шеф, иначе я все пропущу.

— Что пропустишь?

— Я жду, когда владелец книжной лавки отправится домой, — объяснила Элла Бонс. — Он живет не здесь, а в паре кварталов отсюда, так что не мешает.

— Не мешает чему? — возмутился Белянский.

— Он не мешает внимательно осмотреть лавку, — объяснила девушка, заправляя под кепку выбившиеся ярко-розовые локоны.

— Бонс, ты в курсе, что это противозаконно? — спросил Марьян и повернул голову — из укрытия лавка и правда отлично просматривалась.

— Да, но прежде чем ловить на живца, я хочу убедиться в собственной догадке, — пояснила девушка.

— Какой догадке? — спросил шеф.

— Все дело в этой лавке. Когда мы приходили сюда днем, то считали, что имеем дело с похитителем, который зачем-то украл всех этих людей.

— Но это не так? — догадался Белянский.

— Нет, — ответила девушка.

— И что же на самом деле произошло?

— Ну, шеф! — усмехнулась Элла Бонс. — Будет интересно, если я вам все расскажу.

Марьян едва не зашипел от злости, но помощницу было не пронять ни сердитым взглядом, ни недовольно сжатыми губами. Проигнорировав раздражение начальника, она лишь еще шире улыбнулась.

— Он уходит, — сообщил Белянский. — Но, Бонс, ты понимаешь, что собираешься вломиться в лавку без ордера?

— Вообще-то, — понизив голос до шепота, сказала девушка, — вы все еще здесь, так что вломиться собираемся мы.

— Мне совсем необязательно туда идти, — фыркнул Марьян.

— Но вы же не донесете на меня?

— Чтобы тебя уволили, а я остался без приличного кофе? — искренне вознегодовал рейян. — Вот еще!

— Тогда вы точно становитесь соучастником, — констатировала Элла Бонс.

— Ты невозможная зараза, — выдохнул Марьян и внезапно притянул девушку к себе, в помутнении рассудка накрыв ее губы своими.

Я едва не застонала от секундного разочарования. Ну как же так? Чем шефу не нравилось любое другое место? Почему именно сейчас и именно в закутке между домами, когда я целиком и полностью настроена на дело?

Но потом злость исчезла. Остался лишь искристый, как лимонад, восторг.

Стараясь не терять голову и контролировать себя, я осторожно обняла Марьяна и подтолкнула его к стене. Но он уперся, и я не стала сопротивляться, позволив ему сделать то, что рейян задумал. И через миг оказалась прижатой к стене. Мои ноги не доставали до брусчатки, и я сделала единственное, чего мне в эту секунду хотелось, — обхватила Белянского ногами, вынуждая его придержать меня под пятую точку.

«Превосходно! — вспыхнула в голове короткая мысль. — И как удачно, что на дело я пошла в брюках!»

— Шеф, — прервав поцелуй, позвала Элла.

Марьян недовольно замычал, тронул губами тонкую нежную кожу под подбородком и прикрыл глаза.

— М-м-м... А давайте перенесем на потом, а? — сдавленно произнесла помощница, и Белянский очнулся. Он отпустил девушку и молча на нее уставился.

— Бонс...

— Шеф, вы ведь уже знаете, что мне нравится, — напомнила Элла.

Марьян недовольно глянул на девушку. Ему хотелось ей напомнить, что заводить этот разговор должен был он.

— И не надо на меня так смотреть, — сказала Элла, немного отодвинувшись.

— Бонс, ты невыносима, — проворчал рейян.

— Знаю, — улыбнулась секретарша. — Так что?

— Что?

— Вы будете сопротивляться, как юная трепетная гимназистка, или внесем ясность во взаимоотношения?

Марьян глянул на девушку так, что ее наконец проняло, но она быстро взяла себя в руки и ответила невозмутимой лучезарной улыбкой.

— Между прочим, все в управлении уверены, что у нас и так роман, — заметил Белянский хмуро.

— Все, кроме вас, — поправила Элла.

— Бонс, я тебя уволю, — предупредил Марьян, но не смог произнести это достаточно решительно.

Девушка скептически на него посмотрела, а потом заявила:

— Хорошо. Увольняйте. Переведусь куда-нибудь, где меня будут ценить.

— Что? — тут же возмутился Белянский. — Куда это ты собралась?

— Вы же хотели меня уволить, — с усмешкой напомнила девушка.

Марьян недовольно взъерошил волосы и строго сказал:

— Все. Хватит. Никуда ты не уйдешь. И...

— И?.. — выжидательно протянула девушка.

— Откуда в тебе столько нахальства? — сокрушенно спросил Марьян.

— Я буду паинькой, — заверила Элла, попытавшись изобразить скромность. — Так что там с «И...»?

— Бонс!

— Вы неотразимы, я неотразима, так чего время терять? — подсказала секретарша.

— Нет, — выдохнул Марьян. — Я тебя не уволю, а прикопаю где-нибудь!

Девушка фыркнула, всем видом давая понять, что эта затея Белянскому не удастся. Он вздохнул, стиснул зубы и на миг прикрыл глаза.

«Она славная, — сказала рейяну Алеська перед отъездом. — И тебе она нравится. Хмарь, ты подумай. Я не против. Она мне нравится!»

Вздыхнув, Марьян дернул Эллу к себе, стащил с нее кепку и от души взлохматил волосы девушки. За что тут же получил удар носком ботинка в лодыжку.

— Бонс!

— Что? — невинно произнесла девушка, с невинным же видом приглаживая волосы и глядя, как шеф подскакивает на одной ноге.

— Ничего, — проворчал Белянский, потирая ногу. — Так что ты хотела выяснить?

Выглянув из закутка и осмотревшись, Элла быстро перебежала улицу и остановилась у двери книжной лавки, изучая замок. Марьян с сомнением на нее глянул, но пошел следом, то и дело поглядывая по сторонам.

— Замок-то ты вскрыешь, но что будешь делать с сигнализацией? — спросил он, глядя на непривычный наряд секретарши — черные узкие брюки, свитерок и тонкую курточку из крашеной черной холстины.

— Магической сигнализацией, — поправила его Элла. — Это несложно. Я уже имела дело с такой.

— Хочешь сказать, что уже вскрывала замки и обезвреживала сигнальные чары? — удивился старший следователь. — Чего еще я не знаю о своем секретаре?

Бонс фыркнула:

— Ничего противозаконного! Замки в пансионе для девушек. И вы же знаете, шеф, что на работу в магконтроль никогда не возьмут того, у кого есть пятно на репутации.

— Ты можешь звать меня по имени, — внезапно как для нее, так и для себя предложил рейян.

Бонс выпрямилась, окинула Белянского скептическим взглядом, а потом ответила:

— В голосе мало уверенности.

— Не ерничай, — велел старший следователь.

Элла усмехнулась и вновь склонилась над замком, орудуя металлическими палочками. Через миг замок с легким щелчком открылся, девушка с победной улыбкой чуть приоткрыла дверь и сунула в образовавшуюся щель ладонь, плотно прижимая пальцы к косяку с той стороны.

— А вот объясни, — попросил Марьян, — как это работает. У всех же по-разному?

— Мне нужен непосредственный контакт с артефактом или магическим контуром, — ответила секретарша. — Поэтому я могу трогать магические предметы — карандашом, например. И с ними ничего не будет. Также я не оборву чары, если они не активированы. Например, как в нагревательной плитке. Я могу ее брать и переносить, ни о чем не беспокоясь, но, чтобы активировать нагрев, мне необходимо сосредоточиться и проконтролировать себя. Иначе я просто оборву срабатывание контура, и все придется начать сначала — размыкать и смыкать половинки плитки заново.

Старший следователь кивнул, сделав про себя мысленную пометку.

— Я так и думал, — заметил он. — Мне не доводилось встречать других нейтралов, но я кое-что читал об этой особенности во время учебы.

— Вот как? — удивилась девушка, неторопливо приоткрывая дверь и прислушиваясь. — Нам о подобном не рассказывали.

— Я все же маг, а маги, работающие в магконтроле, должны хотя бы в общих чертах знать обо всех необычных проявлениях магии, — пояснил Белянский, входя вслед за помощницей в лавочку и внимательно осматриваясь по сторонам. — И что же ты хочешь найти здесь?

— Честно говоря, я и сама не знаю, что именно ишу, — призналась Бонс. — Но еще днем мне стало ясно, что эта книжная лавочка — самое странное место на всей этой улице. И в то же самое время ничего сверхособенного тут нет.

— Но...

— Но меня смутила моя собственная реакция, то, что меня сюда потянуло, — ответила девушка. — Вы помните данные, собранные по делу, шеф?

— Естественно, — отозвался начальник.

— Все пропавшие были обычными людьми, даже тот стажер, что пропал последним, — сказала Бонс. — Хотя у меня и нейтральность к магии, но я скорее обычный человек. И именно меня потянуло зайти в лавочку, не вас, ведь так?

— Верно, — согласился старший следователь, начав улавливать ход мыслей секретарши. — Это что-то, что влияет только на немагов. Или кто-то, кто выбирает только их. Но что или кто? Это не какие-то чары, очевидно, иначе бы мы это ощутили.

— А если это не совсем магия? — спросила девушка, дойдя до панно в дальней части книжной лавки. — Тут темно...

Белянский создал небольшой светящийся шарик и подвесил его в воздухе на уровне глаз. Света было достаточно, чтобы разглядеть панно, но с улицы этот маленький огонек вряд ли бы кто-то заметил.

— Не совсем магия? — переспросил Марьян. — Ты говоришь о потустороннем госте? Демон? Если бы это был демон, о нем бы давно узнали. Демоны не способны погасить возмущение от своего проникновения.

— Да, но есть такие виды, которые появляются очень и очень редко и обычно остаются незамеченными, — сказала секретарша и тронула пальцами темное пятнышко фигурки на панно.

Белянский задумался. Будь на месте Эллы Бонс любой другой человек, старший следователь напомнил бы, что редкие виды демонов на то и редкие, что встречаются очень нечасто, но перед ним была не просто помощница, а дочь своих родителей — знаменитых археологов, исследователей древних культур, в том числе и магического наследия прошлого.

Однажды, проводя вечер с Бонсами, Белянский умудрился не уснуть и даже изображал усиленное внимание целых три часа, пока родители Эллы, как два театральных актера с подмостков, читали лекцию по предмету, который знали лучше чем свои пять пальцев. Хотя Элла и виделась с родителями нечасто, но она, судя по шевелению губ в особенно патетических местах, прекрасно знала, чем занимались ее родственники.

— Я никогда не изучала демонов, — призналась девушка. — Для этого требовался материал для изучения, чтобы проверить, как моя нейтральность реагирует на этих созданий.

— И ты полезла вперед во время событий у отеля? — возмутился начальник. — Совсем рехнулась?

— Хорошо, — недовольно прошипела девушка, — в следующий раз я позволю роялю свалиться на вас, шеф. И потом не возмущайтесь. — Она выдержала театральную паузу. — Ах да, вы ведь уже не сможете возмущаться!

— Бонс, я тебя уволью, — тихо повторил Белянский и покачал головой. — Так что там с демонами?

— Родителям несколько раз доводилось при раскопках извлекать сосуды с запечатанными внутри демонами, — стала рассказывать девушка. — По штату каждой экспедиции положен опытный маг, способный установить содержимое любого сохранившегося цельного предмета или сосуда до вскрытия, хотя сосуды, в которых в древности обезвреживали демонов, имеют особенный вид — на них часто наносили специальные удерживающие знаки, по которым эти сосуды и распознают сейчас. В своих работах родители описывали несколько видов демонов, которых не пытались изгонять в потусторонний мир, а пробовали просто спрятать подальше в нашем.

— И если один из таких древних узников вырвется сейчас, то его никто не заметит, ведь возмущение, которое он спровоцировал, существует уже много лет, — подхватил старший следователь.

— А то и столетий, — согласилась девушка. — Родители описывали самых разных демонов, и среди них были не только те, которые чаще всего встречаются сейчас. Безумные неконтролируемые твари — не все обитатели параллельного мира. Есть и более разумные, более спокойные и более, если так можно выразиться, добрые. Но у демонов в любом случае все иначе, они не люди. И даже демонская доброта — вещь своеобразная.

— Считаешь, что здесь мы имеем дело с таким демоном? — спросил Белянский. — И что же это за демон? Ты нашла его в классификации?

Девушка прошла вдоль книжных полок и с опаской вытащила толстый том с четко пропечатанными золотыми буквами на корешке.

— Да, и это так называемый искажающий демон, — пробормотала она, не спеша открыть книгу.

— Уверена? — прищурился Марьян.

— Обитатели теневого мира не имеют отношения к этим исчезновениям, — с грустью ответила девушка. — Я вообще-то им не доверяю, но вряд ли они стали бы мне врать. Хуже всего то, что они даже о телах ничего не знают.

— Если это дело о демоне и тел не нашли даже крысы в сточных канавах, еще есть шанс вернуть всех пропавших, — сказал Белянский уверенно. — Опытные спецы смогут их вернуть, у них большой опыт. Даже из потустороннего мира вытаскивали, лишь бы демон был пойман здесь.

— Люди не там, а здесь, — с печалью ответила Элла Бонс.

— Здесь? — удивился Марьян. — Где?

— Здесь, — повторила девушка и указала на панно.

Рейян недоверчиво уставился на рисунок, а после подошел ближе, чтобы рассмотреть его как следует.

— Откуда знаешь?

— Это лишь моя догадка, но... Я видела этого нашего стажера, Майлза, — сказала Бонс. — У него растрепанные русые волосы, как у человечка в темной одежде на панно.

Марьян выругался и присмотрелся к рисунку. Хотя прямых доказательств они пока не получили, это было хотя бы что-то на них похожее.

— Совпадений не бывает, — кивнул Белянский и взял книгу, которую его помощница так и не решилась раскрыть. — Что известно о данном демоне?

— Осторожен, умеет внушать, — принялась по памяти перечислять девушка. — Человек может даже не сознавать, что ему нашептывает демон. Так владелец лавки, вероятно, даже не знает о том, что именно он выпустил демона из сосуда, в который того когда-то заточили. Демон же нашел человека пригодным для своих замыслов и просто внушает ему определенное направление мыслей. У демона есть физическая оболочка, но та истончается, если демон не получает подпитку из своего мира или других источников. Если все так, то пропажа людей не случайна. Искажающий демон поймал их и запер в полупространстве, в которое превратил панно, и медленно высасывает жизненные соки, восстанавливая свою оболочку. Чем дольше он пробыл в заточении, тем дольше времени потратит на восстановление и тем больше жертв будет.

— И он не использует более питательных магов, чтобы не привлекать к себе внимание, — добавил рейян. — Да. Очень похоже, что так и есть, Бонс. Хорошая работа. Жаль только, что мы не сумеем натравить на этого демона специальный отряд боевых магов — им нужны более явные доказательства. И наши управленцы не будут копать это дело, не имея на руках хоть сколько-то весомых фактов. Но через магконтроль дело провести проще.

— Это ведь вы у нас шеф, — улыбнулась Элла Бонс. — И секретарь главного подпишет бумаги, если вы попросите. Все же пять человек. И из них один наш сотрудник. Думаю, людей еще можно спасти.

— Что известно по обезвреживанию данного типа демонов? — уточнил Белянский.

— Его нужно обязательно вынудить проявить себя, — не замедлила с ответом девушка. — В тот момент, когда демон активен, он распространяет легкое свечение, видимое и магами и людьми. Если поймать демона, не дав ему снова спрятаться, то можно попытаться освободить его жертв. Если же убить демона, то люди тоже погибнут — их вместе с демоном затянет в мир демонов.

— Значит, ловля на живца? — повертел книгу в руках, лишь для виду спросил Белянский — все и так было решено. — И кстати, Бонс, ты должна была еще в управлении мне обо всем этом рассказать, а не идти сюда в одиночку.

— Знаю, — ответила девушка. — Но сначала мне хотелось хоть немного разобраться в этом деле. Я ведь могла и ошибаться.

— А теперь точно знаешь, что не ошибаешься? — удивился старший следователь.

— Мне все еще хочется открыть эту книгу. — Девушка кивнула на томик, который держал Марьян. — До зуда в пальцах. Видимо, так это и срабатывает. Демон спрятался в книгах. Он не

человек, не умеет мыслить, как мы, не знает языка, но он ощущает эмоциональный фон и способен создавать образы, которые как-то воздействуют на психику. Он отыскивает слабых и подбрасывает им то, чего им хочется. Стоит человеку раскрыть книгу, которая, как ему кажется, принесет немного радости, как демон опутывает свою жертву, как невидимый, но очень опасный паук.

— Ты боишься, — сообразил рейян, видя, как девушка смотрит на книгу. — Но демону еще не удавалось причинить тебе вреда.

— Я не могу знать наверняка, что это одинаково работает со всеми демонами, — призналась Элла. — Пока меня пугает уже то, что на мне сработали привлекающие чары демона.

— Пойдем, — сказал Белянский и, вернув книгу на полку, за руку повел помощницу прочь из лавки.

Он погасил светляк и внимательно проверил все предметы, которых они касались, прежде чем выглянуть на улицу и убедиться, что за ними никто не следит. Улочка спала. Элла закрыла за собой дверь и тщательно проверила замок, после чего двое незамеченными покинули одно из самых странных мест столицы, лишь через десяток кварталов продолжив обсуждать этот странный случай.

ГЛАВА 32

— Нет! — вскрикнула я и проснулась. — Нет!

Дернувшись, я села, тяжело дыша, и вытерла испарину со лба. Сон пропал, растаял в предзвездных сумерках.

— Это всего лишь кошмар, — с облегчением прошептала я, пытаясь забыть проникшее в мой сон странное золотистое свечение, сковавшее меня и не дававшее двинуться. Я могла лишь плакать и слышать голос Алеси, сестры Марьяна, вновь говорившей о чем-то плохом. Пришлось вставать и идти под душ, чтобы вместе с потом смыть странный сон.

— События наложились на рассказ шефа, — нашла я самое вразумительное объяснение. — И только.

Вчера Белянский проводил меня домой до самой двери, по дороге жалуясь на бесконечные письма сестры, в которых она восторги и зарисовки перемежала своими страхами, а он ей строго-настрого запретил что-то предпринимать без его ведома.

— Лишь бы командовать, — недовольно пробормотала я и ожесточенно потерла лицо под обжигающими струями воды, окончательно приходя в себя. — Что ж, раз я встала, значит, уже утро!

Туман задумчиво уставился на содержимое миски, а после перевел на хозяина вопросительный взгляд и чуть недовольно заворчал, дубася по полу толстым хвостом.

— Ешь и не возникай мне! — предупредил Марьян. — У меня нет времени придумывать для тебя особое меню.

Пройдя в кухню, Белянский с раздражением огляделся. Половину ночи старший следователь не мог уснуть, а сейчас меньше всего хотелось варить кофе, который нередко больше напоминал черную смолу, чем бодрящий напиток. Да и к кофе ничего не предполагалось.

Внезапный стук во входную дверь отвлек от невеселых мыслей. Оглядев свою одежду, которую рейян еще не успел переменить, уснув на диване в гостиной, Белянский недовольно поморщился и отправился встречать внезапных утренних гостей.

— Доброе утро! — пропела Элла Бонс, лучась широкой улыбкой.

— Какого хракса, Бонс? — не сдержался Марьян, меньше всего ожидая увидеть за дверью собственную помощницу. — До начала рабочего дня еще два часа!

Девушка перестала улыбаться и с прищуром взглянула на начальника.

— И что это вы собирались делать, раз поднялись так рано и точно знаете, что до начала работы еще два часа? — проницательно спросила она. — Что вы задумали, шеф?

Белянский мысленно выругался, но сумел удержать на лице маску спокойствия.

«Еще никогда знаменитый сыщик Пейрот не был так близок к провалу», — вспомнил он строчку из прочитанного когда-то дебютного романа о похождениях детектива.

Проводив Элла до двери ее квартиры и выждав полчаса недалеко от Лилового переулка, чтобы убедиться, что девушка отправилась спать, а не геройствовать в очередной раз, Марьян вернулся к себе и некоторое время просидел над справочниками из домашнего собрания. Их когда-то подарили коллеги в качестве подарка при переводе в Центральное управление, и Белянский не думал, что найдет им применение.

Чем больше он читал, тем сильнее убеждался в правоте своей секретарши. И тем отчетливее понимал, что ждать — опасно, нужно хоть что-то предпринять как можно скорее, иначе жертвы погибнут.

После полуночи он созвонился с Хартом, еще через четверть часа в стихийно возникший план был посвящен Дубинский. Ближе к рассвету Марьян решился набрать номер помощницы главного, кратко изложив ей ситуацию. Рейяна Белчер, как и ожидал старший следователь, все поняла верно. План был готов, оставалось лишь его осуществить. И привлекать к делу Бонс Белянский не собирался.

На первый взгляд Элла была наиболее удобным управленцем для центральной фигуры в операции, но стоило старшему следователю об этом подумать, как он тут же отбрасывал эту идею: и сама девушка побаивалась своей реакции, и рейян, что уж греха таить, переживал за нее.

— Что тебя привело сюда так рано? — мысленно отмахнувшись от невеселых дум, строго спросил Белянский.

— Судя по всему, интуиция, — ехидно заметила Элла Бонс. — Булочку?

Только теперь Марьян заметил, что кроме сумочки у девушки в руках был объемистый бумажный пакет, из которого упоительно пахло сдобой и вишней.

— Аф-ф-ф, — напомнил о себе Туман и задубасил по полу толстым хвостом.

— А для тебя ничего нет, — печально сообщила девушка чудищу, лишь отдаленно похожему на собаку.

— Бонс, иди домой и поспи еще, — с нажимом предложил старший следователь, преграждая секретарю дорогу. — Я даже больше скажу: у тебя сегодня выходной.

— Не увиливайте, шеф, — усмехнулась девушка. — Я уже поняла, что вы что-то задумали и вознамерились лишить меня удовольствия участвовать в расследовании.

Она приблизилась вплотную, легким движением нажала на руку рейяна, и тот едва не отлетел в сторону, проехав по паркету, как по льду.

— Кофе! — пропела девушка. — Нам определенно нужен кофе.

— Бонс, я тебя выгоню, — хмуро сообщил Белянский.

— Попробуйте, — с хитрой улыбкой предложила Элла.

— И уволю!

— Ну же, шеф, придумайте что-нибудь новое, — картинно расстроилась она. — Выгоню, уволю... Вы повторяетесь. Лучше расскажите, что вы задумали.

Белянский застонал.

К моменту, когда к дому Белянского подкатил казенный самоход, я уже знала все детали плана начальника и успела пресечь попытку выдворить меня домой или в управление.

— Ты мой секретарь, а не полевой работник! — наседал Белянский.

— В деле Каранского это вам не мешало, — напомнила я.

— Там речь шла о маге, и основной удар брал на себя я, — прервал меня старший следователь. — Сейчас все гораздо сложнее. Я уже обсудил вопрос с боевиками. Они не слишком уверены в наших выводах, но готовы оказать поддержку. И я не собираюсь рисковать, отправляя вперед тебя.

Мне хотелось не злиться, а улыбаться, но я стойко держалась и продавила участие в операции.

В конце концов, у меня риск был гораздо меньше, чем у любого другого немага управления, которого бы отправили в качестве наживки.

Подскакивая на горбатом заднем сиденье самохода, мы доехали до нужной улочки —

Белянский решил не рисковать и не открывать туда прямой портал. Малая Рвынка выглядела так же, как и всегда, но я уже знала, что в округе собралось не меньше двух дюжин работников управления, а отряд боевых магов залег на крышах домов еще до того, как полностью рассвело.

— То, что вы просили, — коротко известил гном-водитель, передавая моему шефу небольшой чемоданчик. Внутри, в специальных выемках, помещался металлический разъемный шар-сосуд и какой-то увесистый артефакт.

— Это что? — спросила я.

— Амулет дает полную невидимость, — объяснил Белянский. — Демона мы не опасаемся. Как ты верно заметила, он мыслит не так, как люди, поэтому не может заподозрить охоту, если не подойти вплотную. А это сосуд. Амулет и сосуд будут у каждого участника операции. Изнутри нанесены удерживающие знаки, очень сильные. Демон их чувствует, поэтому тебе такую сферу нельзя.

— Да и испорчу я ее, — напомнила я начальнику. — Хорошо. Так я иду?

— Помнишь, что нужно делать? — спросил Белянский, с тревогой глядя мне в глаза.

— Конечно, — улыбнулась я и решительно распахнула дверцу.

По улочке я шагала не торопясь, пытаюсь почувствовать следящие за мной взгляды, но артефакты, отводящие глаза, работали отлично даже на меня. Вот если бы я столкнулась с кем-то с амулетом, то быстро бы дезактивировала действие сложного сочетания заклинаний и накопителей.

Прогулявшись до конца улицы, я заглянула в пару магазинчиков и лишь после этого направилась в книжную лавочку.

— Здравствуйте, — лучезарно улыбнулась я продавцу. — Отличный сегодня день, не правда ли?

Сегодня хозяин был облачен в угольно-черный костюм и бледно-желтый мягкий свитер поверх белой рубашки, хотя лето уже вступило в свои права и даже здесь это чувствовалось.

— Здравствуйте, — улыбнулся мне хозяин. — Вам что-то подсказать?

— Нет-нет, я осматрюсь, — захлопала я глазами. — Мне у вас очень понравилось. Присмотрела вчера одну книгу...

Хозяин лавки тут же потерял ко мне всякий интерес. Я неспешно прошла к полкам, делая вид, что меня интересуют исключительно книги, но на самом деле я была напряжена как струна, боясь даже дышать и прозевать нужный момент.

С улицы донесся звон стекла и громкий крик, за которым последовали другие. Я с самым естественным видом оглянулась и, выражая тревогу, спросила:

— Что случилось?

Лавочник недовольно заворчал и двинулся к выходу. Я прикусила губу, мысленно молясь, чтобы он сделал то, что от него ожидают, — отошел от двери и прошел несколько шагов в сторону от лавочки, чтобы его могли схватить и усыпить виталисты и управленцы. Прямо сейчас владелец мог помешать проведению операции. Никто не мог гарантировать, что он не станет чудить. И ладно если просто попытается противостоять мне, но он мог попытаться запереть нас обоих в лавке, а никто не мог предугадать последствия промедления. Боевики классифицировали изменяющего демона как одного из самых опасных, в то время как те, кто прорвался в наш мир у отеля «Ирдания», в их личном списке значились скорее котятками, а не опасными созданиями.

Лавочник попытался что-то увидеть сквозь витринное стекло, но выругался и обернулся ко мне. Я спешно сосредоточилась на книгах, делая вид, что всецело ими увлечена. Тогда хозяин решил выйти наружу и с опаской спустился вниз, выйдя на середину улочки. Не успела я и глазом моргнуть, как мужчина исчез — его затащили под полог невидимости.

Если наша операция пройдет неудачно, то лавочника вернут в здание и сделают все, чтобы он даже не понял, что с ним случилось. Решил, что у него на миг помутился разум. Если же все пройдет успешно, то виталисты и жандармы управления проверят рейяна на следы воздействия. Если их обнаружат, человека будут лечить, а если нет — ему предъявят сокрытие сведений и никого не будет волновать, что именно им двигало.

Выждав несколько секунд, я развернулась и внимательно уставилась на полку, ища самую привлекательную книгу. Сегодня ею оказалась тоненькая монография на верхней полке.

— Ну ты и спрятался, — с долей сочувствия пробормотала я, придвигая лесенку. — Сейчас-сейчас.

Мне хотелось поскорее разобраться с делом, но шеф предупредил меня, призвав не поддаваться спешке и панике, и приказал действовать медленно и аккуратно. Поэтому даже по лесенке я поднималась осторожно, ступенька за ступенькой, присматриваясь и прислушиваясь. Если что-

то пойдет не так и демон выйдет из-под контроля, мы не сможем вернуть пострадавших, а это живые люди.

Сделав глубокий вдох и выдох перед самым ответственным делом, я осторожно вытащила книжку из ряда и, держа ее двумя пальцами, спустилась вниз. Тянуло раскрыть книгу, но я как могла сопротивлялась.

«Дыши, — повторяла я про себя. — Дыши. Действуй по плану».

Продолжая держать книгу в вытянутой руке на отлете, я вышла в переднюю часть лавки, где через витрину меня худо-бедно могли видеть и боевые маги и управленцы. Уложенная на конторку, монография казалась безобидной книжицей. Лишь буквы на ней ярко посверкивали, хотя я по какой-то причине не могла их разобрать.

«Если верить тому, что мне сказали боевые маги, — вспомнились слова Белянского, — у тебя, вероятно, полная невосприимчивость к магии нашего мира и высокая степень сопротивления магии иного мира. С демонами у „Ирдании“ свою роль сыграла сила. Здесь же все может пойти... Мы не знаем, как все может пойти, Бонс. Как видишь, твоя устойчивость к воздействию этого демона барахлит».

— Не трусь, — приказала я себе. — И не теряй концентрацию.

Сделав глубокий вдох, я раскрыла книгу, тут же почувствовав острое желание прижать к страницам ладони. Перед глазами замелькали образы известных мне, но виденных лишь на фотокарточках архитектурных шедевров. Казалось, достаточно лишь прикоснуться — и я смогу там побывать, увидеть все своими глазами.

Вот, значит, как демон завлекал других жертв! Он показывал им нечто такое, что могло им понравиться. Я читала дело; судя по всему, пропавшие люди были не слишком прихотливыми, немного подавленными, их не составило труда завлечь самыми простыми вещами.

— Очень интересно, — широко улыбнулась я, зная, что в этот момент моя хищная улыбка тоже отдает чем-то демоническим, и опустила ладони на страницы. — Вот только ты ошибаешься.

Да, мне нравятся приключения, архитектура и тому подобное, но это совсем не то, чего я желаю всем сердцем, чтобы потерять из-за этого голову.

Миг спустя я ощутила невероятное давление на плечи, в спину будто ударил ветер, вжимая меня в тоненькую брошюру по архитектуре западной части королевства. На миг показалось, что мои пальцы немного погрузились в бумагу. Я охнула и попыталась отдернуть руки. Книга осталась лежать на конторке, а меня словно приклеило к месту.

— Ого! — восхитилась я и потянула книгу на себя.

Вокруг пальцев появилось золотистое свечение, начавшее подниматься к запястьям тонкими усиками-веточками. Я напряглась, уперлась ногой в конторку и продолжила тянуть.

— Давай! — раздалось откуда-то, но я ничего не видела, кроме свечения. Даже не могла понять, кому принадлежит голос.

Моя туфля проломила стенку конторки, и пришлось отвлечься, чтобы высвободить ногу. За это время свечение утащило меня в книгу на добрых полсантиметра, пальцы почти полностью поглотило свечение. Это так меня разозлило, что, может, впервые в жизни я не стала сдерживаться и рванула изо всех сил.

— Отлично, рейна, еще немного, — подбадривал кто-то.

Теперь между моими пальцами и бумагой было не меньше десяти отвоєванных мной сантиметров, но свечение с пальцев не исчезло, а щупальцами тянулось за мной от книги.

— Выходит! — ликовал кто-то. — Давайте, рейна Бонс. Вы справитесь!

Я упиралась и тянула, сантиметр за сантиметром вытягивая из книги золотистое создание, похожее на полупрозрачного осьминога.

— Внимание! — скомандовал кто-то. — Всем готовность!

Стоило свечению отсоединиться от книги, как оно стало скукоживаться, сжимаясь в комок и отлипая от моих пальцев. Я не смотрела по сторонам, едва вообще что-то видела, но успела разглядеть половинки сферы, в которую заключили странное создание, стоило мне развести руки.

— Отличная работа, Бонс, — донесся до меня голос Белянского.

— Марьян... — выдохнула я и против собственной воли начала заваливаться на бок, успев понадеяться, что меня кто-нибудь подхватит.

Белянский дернулся и поймал падающую девушку.

— Бонс! — окликнул он ее, но напрягся, видя, что помощница не притворяется.
— Надо ее к виталистам, — поцокал языком Дубинский.
— К обычным врачам, — не согласился старший следователь. — Что лавочник?
— Его уже щупают, — доложил кто-то из управленцев. — Похоже, что есть воздействие. Еще предстоит выяснить, как появился демон, но кто-то заметил, что ниже по улице есть антикварная лавка.
— Дальше — мы, — предупредил Марьяна шеф боевиков, наблюдая, как сферу аккуратно помещают в специальный ящик. — Отличная работа, коллега. А рейна... Нам бы такого работника!
— Руки прочь от наших спецов! — встрял Дубинский.
Марьян строго на него глянул, хотя сам хотел сказать что-то подобное боевому магу. Маг хмыкнул, кивнул и сосредоточился на книжной лавке. В ближайшие три часа боевики должны были осмотреть и едва ли не по щепкам разобрать помещение, убеждаясь, что в магазинчике все чисто. Лишь после этого самые опытные спецы возьмутся за вызволение пострадавших. Но уже сейчас ясно, что они это сделают, ведь демона удалось поймать, не уничтожив.
— Я — в наш госпиталь, — предупредил Белянский всех кругом. — Вы знаете порядок.
— С еще одним раскрытым делом! — поздравил кто-то. — Вы так скоро и главного подвинете, старший следователь!
Белянский фыркнул и ничего не ответил. Кто-то улыбнулся, глядя, как осторожно рейян выносит Эллу из здания, но и на это Марьян предпочел не обращать внимания.

— Вкусно, — улыбнулась я Фекле и наколола на тонкую вилочку еще один кусочек дыни.
— Ешь, — с умилением велела хозяйственница. — Тебе пользительно. Героиня ведь!
Я улыбнулась и с удовольствием откусила от сочного ломтика.
— И где ты достала дыню? — восхитилась я. — Еще ведь не сезон.
— Да... — отмахнулась девушка. — Магическое общество садоводов — интересное место.
Я улыбнулась, продолжая есть.
— Ты как вообще?
— Отлично, — бодро отрапортовала я. — И зачем меня здесь держат? Мне и пары часов хватило.
— Это ведь демон был! — с чувством напомнила Фекла. — Не говори так. Опасная тварюга.
— А я его одной левой, — довольно усмехнулась я и с нежностью посмотрела на подписанный бланк на получение премии, который Фекла отложила на тумбочку.
— Пациентке нужен покой, — донеслось из коридора.
Я встрепенулась, поставила тарелочку с дыней на тумбочку и строго велела хозяйственнице:
— Запомни, я болею.
В тот миг, когда в палату вошел шеф, я лежала на койке, укрывшись простыней и слабо шептала:
— Ничего, ничего, я скоро встану.
Старший следователь сердито прикрикнул:
— Куда ты там встанешь! Лежи, немочь!
Фекла поднялась и отошла к окну, пытаясь кашлем скрыть смехок.
— Я в порядке, — едва слышно заверила я Марьяна. — Правда.
Старший следователь бросил тревожный взгляд и сунул мне кулек с пирожками.
— С вишней! — обрадовалась я. — Спасибо.
— Мне пора, — сдавленно произнесла хозяйственница и удрала прежде, чем рейян заметил ее странные вздохи и хрипы.
Я с облегчением проводила ее взглядом и слабо улыбнулась начальнику. У меня тут план по доведению Белянского до нужного направления мыслей, он уже на пути, даже вкусоности носит, и никто не должен мне мешать осуществлять задуманное.
— Врач уверен, что тебе стоит побыть здесь еще несколько дней, — сообщил шеф. — А ты требуешь выписки, хотя на здоровую не тянешь.
— Я здорова! — заверила я с чувством, но не слишком громко. — Полностью. Да и работа... Как же работа, шеф?
— Работа подождет, — вздохнул Белянский. — Никуда эти бумажки не денутся.

«Да неужели? — про себя с ехидцей сказала я. — И это говорит наш трудоголик?»

— Но, шеф...

— Бонс!

— Я не могу здесь оставаться, — выдержав паузу, с трагизмом сообщила я. — Здесь я никак не могу полностью поправиться. Мне нужна другая обстановка.

— Кто-то должен за тобой присматривать, — напомнил Марьян.

— Нет необходимости, — едва приподняв руку над койкой, отмахнулась я. — Я прекрасно могу справляться сама.

— За тобой должен кто-то присматривать, — с нажимом повторил Белянский.

— Я совсем одна в столице, — со вздохом напомнила я. — Я не могу просить о такой услуге Уллу. А больше некого...

— Я могу сам за тобой присмотреть, — вымолвил старший следователь раньше, чем, похоже, успел обдумать свои слова.

Я с усилием затолкала поглубже и широкую усмешку, и победный возглас, смиренно и кротко прошептав:

— Я не хочу вас обременять.

— Зови меня уже по имени и на «ты», — вздохнул начальник.

— Да, шеф, — с хитринкой улыбнулась я, села и обняла Белянского.

— Это еще что такое? — насторожился старший следователь при виде моей прыти. — Бонс, да ты... Я тут думаю, что у меня сотрудник едва дышит, а она!..

— Марьян!

— Ты... Я не знаю: ты розовое недоразумение, мое личное зло или мое личное счастье? — вздохнул Белянский, обняв меня в ответ.

— Жизнь покажет, — отозвалась я, жмурясь, как довольная кошка.